

Данный документ
отсканирован, обработан,
отрегуширован
участниками проекта
VGD.RU

Бер-Минка, Black Dolphin

РОМЕНСКАЯ СТАРИНА

Историческія, статистическія и бытовія
записки о городѣ Ромнѣ и его обывателяхъ,
отъ начала города до нашего времени.

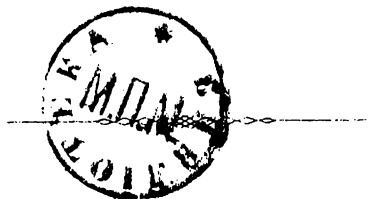
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

съ прибавленіемъ историческаго и статистическаго описанія
всѣхъ городскихъ церквей.

СОСТАВИТЕЛЬ

ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ КУРИЛОВЪ.

г. Ромень 1897 года.

РОМНЫ.

Типографія Б. Цюнсона, Полтавская ул., д. Балтуевича № 29
1898.

Доволено цензурою г. Кіевъ, 2-го Сентября 1897 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣднее время, между всѣми: учеными обществами и частными лицами, обращено особое вниманіе на собираніе и храненіе всякаго рода историческихъ памятниковъ; и многіе интересуются самими, повидимому незначительными предметами старины.

Всякому изъ насъ не только интересно, но въ большинствѣ случаевъ даже необходимо и полезно, знать кто и какъ жилъ, въ старыя времена, на томъ мѣстѣ гдѣ мы живемъ и что дѣлалось здѣсь раньше насъ.

Много пишутъ и издають теперь, разныхъ историческихъ очерковъ о городскихъ поселеніяхъ. А по духовному вѣдомству, давно состоялось распоряженіе Св. Синода, о заведеніи при каждой церквѣ лѣтописей, что быможно было видѣть проплую религіозную жизнь народа.

О нашемъ маленькомъ городѣ, тоже издано уже, въ разныхъ видахъ, нѣсколько историческихъ и статистическихъ записокъ. Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій историческія свѣдѣнія о началѣ и наименованіи нашего города, изложены совсѣмъ не правильно, не сообразно съ новѣйшими изданіями лѣтописныхъ сказаній ¹. а въ другихъ помѣщено только общіе историческіе очерки ². и ничего незначащая статистика о числѣ народонаселенія, оборотахъ торговли и проч. ³.

Интересуясь, какъ природный житель и любитель старины, всѣми малѣйшими подробностями, относящимися къ исторіи родного города, я много лѣтъ собиралъ: изъ архивныхъ дѣлъ изъ разсказовъ старожитовъ, разныя записки, о жизни нашихъ предковъ, и пеня въ возможности по своимъ занятіямъ, составить настоящую исторію, рѣшился издать эти правдивыя записки, чтобы не уничтожились они въ рукописи, такъ какъ уничтожились уже многіе архивные дѣла и чтобы когда нибудь, болѣе меня образованный историкъ, могъ извлечь изъ нихъ вѣрныя свѣдѣнія, для мѣстной исторіи г. Ромна.

И. в. Куриловъ.

¹. Арапдаренко описаніе городовъ Полтавск. губерніи изд. 1852 г.

². Рыдницъ военно-историческіе очерки изд. 1892 г.

³. Вучевичъ—адресъ-календарь на 1886 г.

При составленіи сихъ записокъ источниками служили:

Лѣтописи: 1-я Препод. Нестора по Ипатіевскому списку.

2. Самовидца, изд. Кіевской времен. комис. для разбора древн. акт. 1878 г.

3. По Лаврентіевскому списку изд. Археографич. комис. 1872 г.

4. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ Гавр. Успенскаго. Харьков. изд. 1818 г.

5. Исторія Малороссіи Н. Бантынь-Каменскаго изд. 1830 г.

6. Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества А. Ф. Шафонскаго 1786 г. изд. М. О. Судіенко. Кіевъ 1851 г.

7. Записки о Полтавской губерніи Н. И. Арандариенка. Полтава 1852 г.

8. Архивныя дѣла бывшаго правленія Роменской протопопіи, съ 1730 г.

9. Архивныя дѣла Роменскихъ: городской думы, Магистрата и сиротскаго суда, съ 1782 года.

10. Преданія записанныя отъ мѣстныхъ старожиловъ.

ЧАСТЬ 1-я.

Отъ древнихъ временъ до учрежденія наместничествъ.

I.

Когда и кѣмъ основанъ городъ Ромень, устроены ли онъ Славянами-язычниками раньше X вѣка, или же св. Владиміромъ, когда онъ для отраженія набѣговъ Половцевъ и Печенѣговъ на Кіевское княжество, началъ строить города по Деснѣ, Остру, Сулѣ и Стугнѣ? остается до сего времени неизвѣстнымъ. Хотя произведенныя въ окрестностяхъ Ромна, новѣйшія раскопки доказываютъ, что здѣсь были жилища скифовъ, еще раньше X вѣка, *) но найденныя въ могилахъ ихъ вещи, ничего не могутъ свидѣтельствовать о времени основанія и уничтоженія бывшихъ здѣсь людскихъ поселеній.

Извѣстно только, что Ромень очень древній городъ, что онъ существовалъ уже въ домонгольскій періодъ Руси, даже въ XI вѣкѣ; но какой онъ былъ въ эту эпоху и что въ немъ происходило за восемь или за девять вѣковъ назадъ, никому неизвѣстно.

Нѣкоторые новѣйшіе писатели, **) желавшіе по разнымъ лѣтописнымъ источникамъ, опредѣлить хотя приблизительно время основанія нашего города, повѣствуютъ что онъ въ древности именовался „Римомъ“ „Римовымъ“ и затѣмъ переименованъ въ „Римны“ „Ромны“ и что онъ былъ разоряемъ половцами въ 1094

*) Члены Кіевского археологическаго общества Гр. Самовасовъ и Кп. Бальчичъ, производили раскопки въ 1878—79 г. на лѣвомъ берегу Сулы за селомъ Аксютинцами нашли много золотыхъ, бронзовыхъ и каменныхъ вещей скифскаго періода. А. Г. Мазаракій производилъ раскопки на правомъ геристомъ берегу, около Поновки, въ 3 верстахъ отъ Ромна и собралъ много каменныхъ орудій разныхъ украшеній и домашнихъ вещей: каменныхъ бронзовыхъ и другихъ, тоже скифскаго періода.

***) Арапдаренко Записки о Полтав. губ. 1852 г. Терещенко городе поселен. въ Россіи. Ияпер. Рядный военно историк. очеркъ и другихъ.

и 1185 годах. Въ этомъ сказаніи они ссылаются на Ипатіевскую лѣтопись, о походѣ сѣверскихъ князей на половцевъ, въ лѣто 6693-е (1185) гдѣ между прочимъ говорится такъ: „Святославъ съ Рюрикомъ, и соиѣми „помочьми, влѣгоша во Дѣвирь противу половцемъ, а „Давидъ возвратился оиять со Смольяны. То слышавши „половцы и возвратишася отъ Переяславля; идуще же „мимо, приступиша къ Римови: римовичи же затвори- „шася въ городъ и воздѣше на заборолѣ и тако Вояіемъ „судомъ слѣбѣто двѣ городницы, съ людьми, тако къ „ратнымъ и на прочая граждана пайде страхъ которые „же граждане выйдоша изъ града и бяхуться ходяще „по римскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто си „осталъ въ городѣ, и тѣ всеъ взяты быша“.

Затѣмъ ссылаются еще на извѣстную поэмѣ „Слово о полку Игоревѣ“ въ которой говорится между прочимъ: „Се у Римѣ кричать подь саблями половецкими“ и проч. А въ новѣйшемъ переводѣ этой поэмѣ Майкова *) прямо сказано: „Кричь въ Ромнахъ подь саблей поло- вецкой“ и т. д.

Но такимъ повѣствованіямъ они выводятъ осно- ваніе Рима въ X вѣкѣ и затѣмъ постепенное перепме- нованіе его: въ Римовъ Ромовъ и проч. **)

II.

Но читая древнюю лѣтопись по Лаврентьевскому списку, нельзя согласиться со всеѣми сказанными выво- дами. Такъ какъ въ поученіи Владиміра-Мономаха своимъ дѣтямъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ расска- зываетъ о своихъ походахъ на половцевъ, мы находимъ слѣдующее изрѣченіе: „исѣдѣхъ въ Переясловлѣ три лѣта и три „зимы и сдружиною своею и многи бѣды пріяхомъ отъ рати и отъ голода;

*) Христоматія Бунакова изд. 1878 г. ст. 194-я.

**) Аравдаренко записки о Полтав. губ. Рундичъ военно-историч. очеркъ.

„и идохъ новии ихъ за Римовъ и Бохъ ны поможе: избыша и, а другія поимаша“... „И к Выреви бяху пришли Апа и Бонякъ, хотѣша взяти и, ко Ромну идохъ со Ольгомъ „и здѣтми на ня и они очистивше бѣжаша. И потомъ к Мѣнску ходихомъ на Глѣба, „оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе и сотворихомъ свое помышленое.“* (

Изъ этого поученія ясно видно, что „Римовъ“ и „Ромень“, совершенно два отдѣльные города, существовали въ одно и тоже время (1096 г.)

Г. Арандаренко въ своемъ описаніи, выводя происхожденіе Ромна отъ Рима—Римова, пишетъ, что въ 20 верстахъ отъ Ромна къ западу, по транспортной дорогѣ на городъ Прилудку, есть урочище, называемое и теперь „Римъ“ оно окружено развалинами древнихъ земляныхъ укрѣпленій, коихъ фигура и расположеніе показываютъ, что они были построены до введенія употребленія пороха въ этихъ мѣстахъ. — Можетъ быть здѣсь то и находился упоминаемый въ поученіи Владиміра-Мономаха городъ Румовъ, который послѣ него, въ 1185 году, былъ разоренъ половцами и не возсталъ болѣе изъ развалинъ? Но только въ Ипатьевской лѣтописи говорится, что нѣкоторые граждане вышли тогда изъ города и ходили по „римскому болоту“ тогда какъ въ настоящее время, нѣтъ здѣсь никакихъ признаковъ болота, или близкой рѣки. Впрочемъ Г. Арандаренко утверждаетъ, что урочище это, съ запада на югъ обогнуто долиной, похожей на ложбину бывшей нѣкогда рѣки, и что долина эта тянется къ р. Сулѣ.**) Можетъ быть въ древности и здѣсь протекала какая нибудь рѣчка, теперь совершенно уничтожившаяся, такъ какъ и всѣ вообще рѣки въ нашей мѣстности, съ каждымъ годомъ постепенно высыхаютъ и уменьшаются.

Собразивъ всѣ вышеприведенныя лѣтописныя повѣствованія, теперь съ достовѣрностію можно сказать,

*) Лѣтопись по списку Лаврентія 6604 года (1096) изд. Археографической комисіи 1872 года стр. 240-241.

**) См. въ описаніи Арандаренка г. Ромень.

цевъ и печенѣговъ: такъ какъ варвары эти, по сказанію летописей, обитая въ шатрахъ, кибиткахъ или юртахъ, искали единственно тучныхъ луговъ для стадъ.*; здѣсь же на лѣвомъ, низменномъ берегу р. Сулы было самое привольное мѣсто для ихъ кочевья; а съ другой стороны, въ Роменской крѣпости, было самое удобное мѣсто для наблюденія за всеми ихъ движеніями: такъ какъ отсюда простирался самый великолѣпный безпрепятственный видъ, на лѣвый берегъ Сулы, во все стороны, до краевъ видимаго горизонта.

IV.

Въ самой отдаленной древности городами назывались, все поселенія, имѣвшія огорожу: т. е. окруженныя землянымъ валомъ и ровомъ, для защиты отъ внезапныхъ набѣговъ неприятелей. Крѣпость Роменская въ этомъ отношеніи была почти природная, такъ какъ съ трехъ сторонъ ее окружали большія рѣки и высокія горы, а съ четвертой-западной стороны былъ прорѣзанъ глубокій ровъ, за которымъ была крѣпкая бревенчатая ограда и чрезъ который въ „баштахъ“ были устроены мосты для выѣзда изъ города на предмѣстья. Каковыя мосты существовали почти до конца прошлаго столѣтія, а ровъ оставался еще замѣтнымъ до 1860-хъ годовъ. Названіе свое Ромень получилъ отъ рѣки на устьѣ которой онъ построенъ, а рѣка названа такъ, вѣроятно еще раньше св. Владиміра, отъ растѣнія водищагося и теперь въ изобиліи, на правомъ берегу ея, подобнаго большой ромашкѣ, которое до сего дня въ простонародьи называється „Романъ“ или „Ромецъ“.**)

V.

Во многихъ мѣстахъ роменской крѣпости: подъ Соборнымъ валомъ въ замкѣ и на горѣ, гдѣ теперь тю-

*) Каравинъ ист. Госуд. Россійск. т. I-й гл. VI.

**) Въ книгѣ большой чертежъ, между прочимъ сказано: а выше Гайска въ 20 верстахъ впаде въ Сулу рѣчка „Романъ“, а на устьѣ градъ „Романъ“.

ремный замокъ, имѣются глубокіе погреба и разныя подземныя ходы. Черезъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ увѣряетъ мѣстное преданіе, бывъ, даже выходъ къ р. Сулѣ, и еще въ недавнее время, лѣтъ за 20—30 назадъ проваливались во многихъ мѣстахъ, при постройкахъ, не только здѣсь, но на Корежкѣ и на Полтавской улицѣ, глубокія ямы, въ подземныя погреба, лежащія аршинъ на четыре на пять отъ нынѣшняго уровня почвы. Но все это засыпалось и застраивалось безъ всякаго изслѣдованія, такъ что ни кому неизвѣстно: какой эпохѣ принадлежатъ эти подземныя жилища, кто ихъ дѣлалъ и для какой надобности? и нѣтъ ли въ нихъ какихъ нибудь остатковъ старины, отъ обитателей сихъ подземелій?

Послѣ краткаго сказанія Владиміра-Мономаха о томъ, когда онъ ходилъ въ 1096 г. къ Ромну со Ольгомъ и съ дѣтьми на ня (т. е. на половцевъ) и они очистивши (Роменъ) бѣжана, нѣтъ нигдѣ: ни въ лѣтописяхъ ни въ исторіи, ни какого поминна о Ромнѣ. Неизвѣстна также участь его во времена нашествія монголовъ (въ XIII вѣкѣ) и во время литовско-польскаго владѣнія этимъ краемъ, по этому изъ древней исторіи ничего достовѣрнаго нельзя сказать о нашемъ городѣ. Нѣкоторые окрестные города, гораздо меньшіе Ромна, даже мѣстечки и села, называвшіеся въ старину тоже городами, упоминаются по нѣсколько разъ въ лѣтописяхъ въ XI и XII вѣкахъ. По завоеваніи этого края литовскимъ княземъ Ольгердомъ и по соединеніи послѣ того Литвы съ Польшею, когда вся территорія нынѣшняго Роменскаго уѣзда находилась во владѣніи удѣльныхъ князей,—городъ Глинскъ, нынѣ заштатный (Роменскаго уѣзда) былъ въ 1446 году резиденціею князя Лексады—родоначальника князей Глинскихъ;*) а о Ромнѣ и въ

*) Истор. Малороссіи Б. Каменскаго изд. 1830 г.

это время (въ XV вѣк.) нигдѣ ничего не упоминается въ исторіи до начала XVII-го вѣка, когда онъ, со всѣми сосѣдними городами и селами, находился во владѣніи князя Корибутъ-Вишневецкаго.

Должно полагать, что послѣ изгнанія отсюда половцевъ и печенѣговъ, Ромень, по своему географическому положенію, не имѣлъ ни какого особаго значенія, по тогдашнимъ политическимъ и стратегическимъ расчетамъ. Можетъ быть: даже и во время нашествія монголовъ и во всѣ кровопролитныя войны литовскаго и польскаго періодовъ онъ оставался въ сторонѣ отъ всѣхъ переворотовъ и опустошительныхъ разореній, которымъ подвергались другіе города, здѣшняго края, и потому имя его ни въ какихъ историческихъ хроникахъ и лѣтописяхъ послѣ XI-го вѣка вовсе не упоминается.

Но въ началѣ XVII-го вѣка Ромень считался уже самымъ многочисленнымъ и богатымъ мѣстомъ во владѣніяхъ Вишневецкаго; такъ напримѣръ въ 1604 году въ немъ показано 6000 господарей, т. е. владѣтелей дворовъ. Хотя можетъ быть такое число дворовъ было не въ одномъ городѣ, а также въ селахъ и хуторахъ къ нему принадлежавшихъ однако такое значительное населеніе, по тогдашнему времени, можетъ служить яснымъ доказательствомъ, что Ромень существовалъ и процвѣталъ въ спокойствіи гораздо раньше XVII-го вѣка. Такъ какъ вообще по естественному ходу событій, ни какія города и мѣстечка не населялись сразу, а постепенно; и если мы примемъ во вниманіе тѣ же мѣстные политическіе перевороты съ XII по XVII вѣкъ, чрезъ которые многія городскія поселенія совершенно упали и невозобновлялись изъ развалинъ, то можно смѣло сказать, что Ромень оставался внѣ сцены всѣхъ этихъ переворотовъ.

VI.

Владѣтель его въ XVII-мъ вѣкѣ, князь Іеремія-Михаилъ Корнѣевъ Вишневецкій, имѣвшій резиденцію въ м. Вишневецѣ на Волыни, и постоянно разъѣзжавшій по своимъ необозримымъ „маенткамъ“ устраивалъ для своего прѣзда замки и дворцы: въ Дубнахъ, Прилукѣ, Лохвицѣ и Ромнѣ; и если вѣрить примѣч. 280-му въ исторіи Бантышъ Каменскаго (изд. 1830 г.) основалъ здѣсь доминиканскій костель. Но гдѣ именно находился этотъ костель и гдѣ былъ дворець Вишневецкаго, достоверно не извѣстно. Одно только названіе „Монастырище“ и Монастырская улица, идущая по надъ берегомъ р. Ромна, особенно оставшіеся на поступившемъ потомъ, въ собственность соборной церкви мѣстѣ.*) большіе рытвины и горбы и находимые во дворѣ Вишневецкаго, на глубинѣ двухъ и болѣе аршинъ, остатки каменныхъ фундаментовъ, наводятъ на мысль: не здѣсь ли былъ дворець Вишневецкаго и костель? Такъ какъ это мѣсто, можно сказать, самое живописное въ городѣ: оно находится на высокой горѣ, подъ которою къ востоку сливались двѣ рѣки, Ромень и Сула, а по склону горы, еще въ недавнее время существовалъ тѣсъ, который простирался по берегу Ромна до с. Процовки и въ которомъ, какъ говорятъ старини водилось въ старину много разныхъ звѣрей.

VII.

Впоследствии по смерти Вишневецкаго въ концѣ XVII-го и въ первые годы XVIII-го вѣка, мѣсто это

*) Мѣсто это казенное по царской описи 1827 года, пустыннымъ глинищемъ, неизвѣстно когда и кѣмъ подареннымъ церквѣ, принадлежало Андрею Маркевичу и вѣроятно еще въ началѣ прошлаго столѣтія подарено имъ для кирпичнаго завода, на повоостроющуюсь церковь. Нѣкоторые старожилы передавали мнѣ, что здѣсь когда то давно, были видны ходы въ погреба, съ желѣзными дверьми. Можетъ быть здѣсь и стоялъ дворець Вишневецкаго и костель, отъ котораго и произошло названіе „Монастырище“.

как и все побережье р. Ромна, считалось собственно-стью Андрея Марковича Маркевича, знатнаго и заслуженнаго военно начальника въ Лубенскомъ полку, бывшаго сейчасъ послѣ изгнанія отсюда шведовъ, уже полковникомъ Лубенскимъ, т. е. главнымъ здѣсь правителемъ; а потомъ при началѣ постройки каменной Соборной церкви уступлено имъ въ церковную собственность. Однако хотя улица, на которой находится это мѣсто, еще съ начала прошлаго столѣтія называлась Монастырскою, но названіе ея все таки произошло отъ особаго урочища „Монастырище“ *) которое находилось въ концѣ этой улицы надъ самымъ берегомъ рѣки Ромна, гдѣ по преданію занесенному въ описаніяхъ Гг. Арендаренка и Терещенка стоялъ когда то монастырь. Но какой монастырь былъ здѣсь: православный или католическій? когда и кѣмъ онъ уничтоженъ, ни какія описанія и преданія ничего не говорятъ.

Могила на образовавшемся теперь луговомъ берегу рѣки, гдѣ приурочиваютъ мѣсто уничтоженнаго монастыря, не очень большая пространствомъ, даже меньше нынѣшняго Соборнаго погоста и насыпи по краямъ этой могилы не выше двухъ—трехъ аршинъ отъ настоящаго уровня воды въ рѣкѣ; такъ что иногда весною и теперь вода подымается въ уровень этой насыпи.

Если же принять въ соображеніе, что рѣка Ромень, за двѣсти лѣтъ была гораздо шире и выше нынѣшняго теченія, что доказывается постепеннымъ уменьшеніемъ ея, уже за наше время, въ теченіи какихъ нибудь 30—40 лѣтъ, то совершенно нельзя вѣрить чтобы здѣсь могъ существовать какой бы то нибыло монастырь. Въ настоящее время на могилѣ этой растетъ только густая и

*) Урочище это такъ же принадлежало Маркевичу, что видно изъ дневника сына его Якова за 1725 годъ, гдѣ между прочимъ упомянуто что онъ забѣжалъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ, на Монастырище къ жившему тамъ своему „Теслѣ“ т. е. плотнику и гдѣ намѣлъ 5 дѣжокъ прошлаго года...

высокая трава, а деревьевъ никакихъ нѣтъ; Роменъ имѣетъ теперь маленькое русло влѣво отъ могилы, мимо селъ Процовки и Плавиницъ, а по правую ея сторону, подь гору къ городу, растутъ уже рожь, а немного дальше пошли большіе вербы, липы и бересты, такъ что гористый правый берегъ рѣки, почти отъ сада Викашевича и до села Процовки представляетъ прекрасный густой лѣсъ.

Мѣстное преданіе старожиловъ, рассказываетъ объ этой могилѣ и вообще объ урочищѣ „Монастырище“ такъ: лѣтъ 60—70 назадъ р. Роменъ окружила могилу со всѣхъ сторонъ, такъ что не только весною въ половодье, но почти во все лѣто сухого перехода на нее небыло, а переправлялись туда лодками, что въ то время росли на ней роскошныя вязаи и бересты и водились журавли и аисты, за которыми бывало молодежь ѣздить охотится и погулять на островѣ, подь тѣнистыми деревьями и говорятъ, что въ то время были еще замѣтны въ землѣ остатки кирпичнаго фундамента и на краю насыпи, по направленію къ городу, замѣтна была въ землѣ развалившаяся „брама“. А раньше этого, лѣтъ за полтора ста и больше, тамъ на могилѣ стоялъ какой то каменный истуканъ (нѣкоторые прямо утверждали, что это была статуя бога Перуна) и что до начала XVIII-го столѣтія, на взгорьѣ противъ могилы происходили языческія игрища, въ день св. прор. Іліи (20 Іюля) что тутъ, въ дремучемъ тогда лѣсу, жили многіе старики и старухи—колдуны, къ которымъ собирались молодежь и вообще всѣ суевѣры, поворожить про свою судьбу и что бывало колдунъ упрошенный къмъ нибудь поворожить о чемъ бы то нибыло, отправлялся предварительно на могилу къ идолу, и только послѣ известнаго ему одному собесѣдованія съ этимъ идоломъ, возвращался и рассказывалъ уже вопрошаю-

щему все для него необходимое. Но когда вся эта мѣстность поступила во владѣніе Андрея Маркевича, то онъ какъ человѣкъ образованный и религіозный, истребилъ все эти остатки язычества: статую Перуна разбилъ и бросилъ въ рѣку, жившихъ здѣсь колдуновъ прогналъ и истребилъ ихъ тайныя жилища; а всемъ людямъ привыкшимъ съ давнихъ лѣтъ, пріѣзжать сюда къ 20 Іюля торговать во время гульбищъ, разными произведеніями своего хозяйства, велѣлъ собираться для этого около Соборной Успенской церкви; отъ чего будто бы и установилась уже въ Ромнѣ Ильинская ярмарка. А одна старуха, здравствующая еще и теперь, недавно передавала, что дѣдъ ея, Трофимъ Придка, жившій на берегу р. Ромна ниже урочища „Монастырище“, когда то давно, лѣтъ 80 тому назадъ, когда уже послѣ Маркевичей могила эта принадлежала ему, вздумалъ было посѣять на ней овесъ, или просо; но когда онъ началъ вспахивать для этого землю, то какой то монахъ явился ему во снѣ и сказалъ: „Трофимъ, не наши и не свѣи ничего на этомъ мѣстѣ, это мѣсто святое! пусть оно остается по прежнему пустыннымъ, а ты лучше пойдѣ ночью, одинъ, подъ такой то берестъ и тамъ найдешь себѣ за свои труды гораздо больше, чѣмъ ты получишь отъ паханія на могилѣ“. Трофимъ такъ и сдѣлалъ: оставилъ пахать могилу и на слѣдующую ночь отправился подъ указанный берестъ и выкопалъ казанъ большихъ червоицевъ (имперіаловъ), которые ходили въ то время по 40 руб. ассигн. и когда онъ везъ этотъ казанъ къ себѣ въ хату, то еще—говорить—выскочила изъ за другаго береста молодая бѣлая лошадь и бѣжала за нимъ (то были по тогдашнему вѣрованію, серебряныя деньги), но онъ закричалъ на нее „лихимъ словомъ“ и лошадь исчезла. А еще говорить—можно было воспользоуаться и серебрянными

деньгами: стоило только ударить хоть слегка чѣмъ ни-
будь, „на отмащъ“, эту дощадъ; и она разсыпалась бы
серебряными рублями. Но съ Трефима достаточно
было и казана большихъ червонцевъ, онъ чрезъ нихъ
сдѣлался „большимъ паномъ“ и всѣхъ своихъ трехъ
сыновей вывелъ въ дворяне и чиновники. Не много
остатковъ этихъ червонцевъ, какъ признавалась мнѣ
старуха—было еще недавно у нея и у другихъ родичей.
Прядки, это имперіалы, чеканки 1768—78 год. Значитъ,
они были закопаны на могилѣ не тогда, какъ стоялъ
здѣсь идолъ Перуна, и даже послѣ изгнанія отсюда
Маркевичемъ, колдуновъ, вѣровавшихъ въ этого идола,
а гораздо позже, должно быть уже въ концѣ семисо-
тыхъ годовъ.

На основаніи другого преданія старожиловъ, можно
догадываться, что червонцы эти закопаны на могилѣ
замѣчательнымъ разбойникомъ конца прошлаго вѣка,—
Гаркушою. Такъ, какъ много еще живые свидѣтели,
передаютъ, что онъ много закапывалъ, повсемѣстно,
денегъ и какъ чрезъ его деньги много сдѣлалось бо-
гачами; какъ и у насъ въ Ромнѣ одинъ десятскій слу-
жившій въ полиціи—мѣщанинъ Степанъ Пушкаръ, за-
богатѣлъ отъ Гаркушениныхъ денегъ. Имя Гаркуши по
настоящее время извѣстно всѣмъ не только въ Ромнѣ,
но кажется во всей Полтавской губерніи, объ немъ еще
недавно пѣли цари и дѣвки разныхъ лѣсенъ, а Котля-
ревскій въ своей запискѣ, удачно внесъ его портретъ
въ парадную горницу царя латина, когда тотъ приби-
рался принимать Энесвихъ пословъ. Объ этомъ Гар-
кушѣ было громадное дѣло въ Ромненскомъ уѣздномъ
судѣ. Самъ онъ былъ родомъ вѣроятно изъ козаковъ
с. Засулья, такъ какъ въ числѣ Засульскихъ жителей—не
прихожанъ, Троицкой церкви, встрѣчается въ церков-
ныхъ дѣлахъ 1766—80 г. нѣсколько Гаркушъ Троицкихъ

прихожанъ. Девизъ его былъ: грабить богатыхъ пановъ и награждать бѣдныхъ; за что онъ нѣсколько разъ судился и былъ наказываемъ, но постоянно убѣгалъ изъ ссылки и остроговъ, говорятъ—по какому то колдовству, въ которое, тогда всѣ, даже и начальствующія лица, очень еще вѣрили. И когда онъ, чуть-ли не въ сотый разъ, былъ пойманъ Роменскимъ городничимъ Сегуновымъ въ 1784 году*) и ночевалъ закованный по рукамъ и ногамъ въ полици; до отправки въ тюрьму, то къ нему былъ приставленъ на ночь служившій тогда по найму десятскимъ при полици, Роменскій мѣщанинъ Степанъ Пушкаръ, которому строго было приказано: не вступать ни въ какіе разговоры съ преступникомъ, но и не сводить съ него гуазъ во всю ночь, такъ какъ онъ нѣсколько уже разъ, не смотря на желѣзныя оковы, уходилъ изъ полици и остроговъ. Но Пушкаръ, хотя и строго слѣдилъ за нимъ, однако обходился очень ласково: подавалъ нѣсколько разъ пить и позволилъ на время сна ослабить оковы; за эту услугу Гаркуша сказалъ ему: „пойди въ Рябуховщину (бывшій мѣсть Подуботка, нынѣ Однева) и тамъ въ такой то долинь, подъ такую то березою, найдешь себѣ благодарность за свою доброту“. Пушкаръ, нимаго не медля, на другой же день, когда посадили Гаркушу въ тюрьму, отправился на указанное ему мѣсто и выкопалъ боченокъ червонцевъ; послѣ чего оставилъ въ скоромъ времени должность десяткаго и началъ заниматься по немногу торговлею, не подавая виду, что нашелъ деньги; а затѣмъ чрезъ два—три года сдѣлался очень богатымъ купцомъ.

*) Преданіе говоритъ, что Гаркуша захватъ переплывать на масляной подлѣ въ Февраль, 1784 года, къ одному Западнскому сапожнику, богатому мѣщанину Максиму Бороданю и подъ вліяніемъ выпивки расхвастался и объявилъ, что онъ такой Бородань, послалъ секретно своего рабочаго къ городничему, и его ночью взяли въ полицию и сковали.

VIII.

Но кромѣ этого, за весь XVII-й и большую половину, XVIII-го вѣка, мало что можно сказать достовернаго и интереснаго изъ мѣстной исторіи нашего города. Известно только, что въ 1632 году бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шейнъ, очистилъ Ромень отъ поляковъ и занялъ его русскимъ войскомъ, забравъ въ плѣнъ многихъ польскихъ начальниковъ. Въ 1649 году были въ Ромнѣ, два дня, царскіе посланники Нионовъ и Богдановъ, которыхъ встрѣчали за версту отъ города: сотникъ Василій Романковъ и городской атаманъ Юрій Михайловъ, съ 50 козаками и знаменемъ. Въ слѣдующемъ 1650 году также проѣзжали чрезъ Ромень царскіе послы: Василій Унковскій и подьячій Яковъ Козловъ, ѣхавшіе изъ Путивля въ Субботово, къ Гетьману Хмельницкому, для переговоровъ, которыхъ встрѣчали за 6 верстъ отъ города: городской атаманъ Василій Щекунъ съ 50 козаками; а въ городѣ роменцы, козаки и посполитые выстроившись по обѣимъ сторонамъ улицы, низко кланялись посламъ. Затѣмъ въ 1653 году посоль русскій Иванъ Ооминъ, ѣдучи къ Богдану Хмельницкому въ Субботово для переговоровъ относительно присоединенія Малороссіи къ Россіи, пріѣхалъ 11-го Августа въ г. Ромень и атаманъ Тимофей Клепаченко, а съ нимъ девять козаковъ, встрѣтили посла за версту отъ города, низко поклонились и извинялись, что выѣхали въ такомъ маломъ числѣ, что всѣ козаки пошли съ полковникомъ Миргородскимъ Григоріемъ Сосновичемъ къ гетьману.*) Въ 1659 году, во время войны Выговскаго противъ Россіи, князь Трубецкій выступилъ 26 Марта изъ Путивля въ Малороссіи, направился въ м. Констан-

*) Во время присоединенія Малороссіи къ Россіи, Ромень принадлежалъ къ Миргородскому полку, а послѣ Богдана Хмельницкаго, съ раздѣленіемъ Малороссіи на новые полки, зачисленъ въ Лубецскій полкъ.

тиновъ, а стоявшему въ Ромнѣ наказному гетьману Ивану Безпалому предложилъ быть въ готовности къ походу. Безпалый выступилъ съ козаками изъ Ромна 24 Марта и воевалъ противъ Выговскаго, слѣдовательно Ромень оставался вѣрнымъ Русскому царю. За то Выговскій „города тиі скоторыхъ козаки были при войску „московскомъ, яко-то: Ромень, Миргородъ, Вецрикъ и „иные, казавъ зганяти за Днѣпръ, а города попалити“ *) Въ 1663 году князь Ромодановскій велѣлъ Брюховецкому тревожить короля. Гетьманъ выступилъ въ походъ съ 14000 козаковъ; воевода Чарнецкій пошелъ къ нему на встрѣчу и взялъ городъ Ромень, бывшее владѣніе Вишневецкихъ, гдѣ нашель значительное количество жизненныхъ припасовъ и другихъ потребностей.

Затѣмъ, при условіяхъ гетьмана Брюховецкаго, 11-го Октября 1665 года, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ утвержденныхъ, между прочимъ было постановлено „городу Ромну съ принадлежностями состоятъ при „войсковой арматѣ.“ **) Въ знакъ чего тогда-же была поставлена въ Ромневской крѣпости козацкая пушка, которая находилась здѣсь до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія ***) и принята уже при засынкѣ рва и распланировкѣ улицы; но не извѣстно, куда она дѣвалась.

Въ 1668 году „по Рождествѣ-Богородичномъ“, князь Ромодановскій на защищеніе воеводамъ пошелъ къ Нѣжину, которому нѣжинцы и уступили; но онъ повелѣлъ своимъ людямъ „г. Ромень разграбятъ и спалити“ ****) неизвѣстно—за что?

*) Лѣтопись самовида изд. Кіевск. врем. комис. для разбора древн. актовъ.

**) Исторія Малороссіи Б. Каменскаго, изд. 1830 г. ч. II-я стр. 86-я.

***) Старожилы помнятъ по настоящее время, что еще въ 1820-хъ годахъ надъ бывшимъ тогда крѣпостнымъ рвомъ, гдѣ теперь 2-й пожарный дворъ, стояла большая мѣдная пушка и при ней мѣдная болка, вѣроятно бывшая съ артиллерійскими снарядами.

****) Изъ книги лѣтопись самовида изд. Кіевск. врем. комис. для разбора древн. актовъ стр. 269-я.

Въ 1669 году Роменъ призналъ гетьманомъ Демьяна Многогрѣшнаго, утвержденнаго въ этомъ званіи царемъ Московскимъ, тогда какъ Глинскъ, Смѣлое, Константиновъ и др. находились во власти Дорошенка, невѣрнаго Россіи.*)

Изъ этого краткаго историческаго очерка видно, что Роменцы всегда были вѣрны русскому правительству не присоединяясь и нигдѣ не содѣйствуя бунтовщикамъ, покушавшимся, послѣ великаго Богдана Хмѣльницкаго, отложиться отъ Россіи.

IX.

Только въ 1708 году, за невольное гостепріимство, оказанное шведскому королю Карлу XII-му и Мазепѣ, Роменъ навлекъ на себя страшное негодованіе и едва не былъ совсѣмъ уничтоженъ Свѣтѣйшимъ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меньшиковымъ!... Преданіе говоритъ, что роменцы повстрѣчали короля и гетьмана безъ всякаго сопротивленія, даже съ почетомъ: съ хлѣбомъ и солью, за что и навлекли на себя справедливый гнѣвъ Меньшикова; но изъ исторіи ничего объ этомъ не извѣстно. Пишется только, что Карлъ вступилъ въ Роменъ 18-го Ноября 1708 года, гдѣ устроилъ свою главную квартиру, а войска его были расположены во всѣхъ ближайшихъ городахъ и селеніяхъ. Но можетъ быть Роменцы и не знали еще ничего объ измѣнѣ Мазепы въ то время, какъ онъ шелъ сюда съ Шведами отъ Десны, что легко можно допустить по тогдашнимъ путямъ сообщенія, и потому они приняли его, какъ законнаго своего повелителя. А если наконецъ и слышали что-нибудь о его зломъ намѣреніи, то и тогда что они могли сдѣлать противъ такой сильной арміи, съ которой вступалъ сюда шведскій король и

*) Истор. Малороссіи Б. Каменскаго, изд. 1830 года.

Мазена? Только напрасно-бы подвергли разрушенію свой городъ, подобно тому, какъ м. Смѣлос, за сопротивленіе было сожжено шведами до основанія. Но когда достигло Ромна официальное извѣстіе объ измѣнѣ Мазены и когда король 16-го Декабря выступилъ было къ Гадячу съ своимъ войскомъ, для защиты его отъ русскихъ; то Роменцы 18-го Декабря приняли любезно посланнаго сюда русскимъ царемъ генерала Аларта, и когда король возвратился опять въ Ромень, то уже роменцы, съ своимъ маленькимъ гарнизономъ, долго сражались и не допускали къ себѣ шведовъ, много ихъ убили въ своей крѣпости; но наконецъ истощенные въ боевыхъ запасахъ и отрѣзанные отъ русской арміи, не могли долго сопротивляться такому сильному и многочисленному неприятелю и на другой день послѣ Крещенія т. е. 7-го Января 1709 года, сдались на капицулюцію.

Въ книгѣ „лѣтопись Самовидца“ между прочимъ сказано „что Карль зимовалъ въ Ромнѣ, съ Мазеною, „до святъ рождественскихъ, а по святкахъ въ Гадячѣ, „и что по. выходѣ ихъ изъ Ромна цѣлцы и великорос- „сіяне Ромень зграбували безуказа“. *)

Карль еще при первоначальномъ вступленіи въ Ромень, т. е. въ Ноябрь мѣсяцѣ, занялъ для своей главной квартиры, домъ владѣльца Михальскаго, находившійся въ крѣпости, надъ самымъ крѣпостнымъ ровомъ, недалеко отъ Соборной Успенской церкви. Домъ этотъ въ сороковыхъ годахъ цынѣшняго столѣтія принадлежалъ подпоручику Ѳеодору Нѣжинцову и по ветхости разобранъ имъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ **) а крѣпостной ровъ и всѣ бывшіе въ прошломъ столѣтіи

---

*) Лѣтопись самовидца стр. 300-я.

**) Домъ этотъ подробно описавъ въ изданіи Г. Арандаренка записки о Полтав. губ.

валы, городская дума сравнивала и засыпала еще съ двадцатыхъ годовъ, для проектировавшихся по плану новыхъ улицъ. Но этотъ ровъ, шедшій отъ „Монастырской башты“ по всей нынѣшней Роменской улицѣ, до оврага Муховца, должно быть былъ очень глубокъ, такъ какъ, не смотря на то, что весь городъ сваливалъ туда нѣсколько лѣтъ навозъ, онъ еще въ пятидесятихъ годахъ былъ глубиною болѣе трехъ сажень, и окончательно засыпанъ и сравненъ только въ шестидесятихъ годахъ. Въ этомъ рвѣ, недалеко отъ бывшей королевской квартиры, въ 1870 году, при расчисткѣ навоза, была найдена пожарными служителями шпеленная изъ стальныхъ колець рубаха (панцырь) въсомъ около пуда, которая долго лежала въ думѣ и потомъ продана, бывшимъ тогда городскимъ головою Семенчиновымъ помѣщику Терновскому въ с. Парафіевку Конотопскаго уѣзда; но переулокъ, идущій съ Духовской на Роменскую улицу, мимо бывшего двора Нѣжинцова, сохранилъ до сего времени названіе „Королевскаго“—И затѣмъ, какъ свидѣтели и остатки бывшего здѣсь нѣкогда упорнаго побоища, въ разныхъ мѣстахъ, на Виноградовщинѣ и подъ Соборнымъ валомъ, откапывали давно и теперь еще откапываютъ при постройкахъ, много человѣческихъ скелетовъ, разбросанныхъ въ совершенномъ безпорядкѣ, на разной глубинѣ въ землѣ, даже нѣкоторые до 2-хъ сажень и больше, закопанныхъ, какъ видно, безъ гробовъ и по нѣсколько труповъ вмѣстѣ. Здѣсь-же подъ соборнымъ валомъ и подъ горою гдѣ была цитадель выкопывали встарину, лѣтъ за сто и больше, много денегъ золотыхъ и серебрянныхъ.*)

---

*) Въ 1863 году нашелъ и я противъ Соборной церкви, въ бывшей въ то время глубокой язвы, одинъ шведскій червонецъ величиною въ 15 к. монету, на которой съ одной стороны шведская надпись, а съ другой солдатъ съ ружьемъ на плечо и арабскими цифрами ясно выбитый 1704 годъ.

Изъ Ромна Мазепа писалъ письмо польскому королю Станиславу Лещинскому отъ 5-го Декабря 1708 г., о скорѣйшемъ прибытіи его, для совмѣстнаго съ шведами дѣйствія противъ русскихъ войскъ; здѣсь-же, какъ говоритъ преданіе, онъ занялъ Карлу два боченка червонцевъ на военные расходы; и отсюда они выступили весною къ Полтавѣ, для окончательной своей гибели. Съ того времени и до нынѣ все наши простолюдины такъ гнушаются именемъ Мазепы, что признають его хуже всякаго „нечистаго“, не дай Богъ сказать на какогонибудь мужичка „Мазепа“; это для него такое ругательство, что онъ согласенъ драться до ножа за такую обиду; наругайте его какимъ угодно сквернымъ словомъ, онъ не такъ разсердится, но за „Мазепу“ никому не уступитъ и не можетъ помириться. А о шведской войнѣ того времени до сихъ поръ сохранились между всеми нашими жителями двѣ пословицы, одна—при неудачномъ какомънибудь дѣлѣ и начинаніи: „такъ тилько дурни въ шведчину робылы!“, а другая—объ окончаніи шведской войны, „погибъ якъ шведъ нидь Полтавою“.

Х.

Въ началѣ XVII-го вѣка владѣтелемъ Ромна, княземъ Вишневецкимъ, была дана правильная организація цеховому братству потвержденная затѣмъ привилегією короля Владислава IV-го отъ 13 Марта 1637 года. Цеховыя братства, какъ видно изъ этой привилегіи, существовали въ городахъ малороссійскихъ гораздо раньше Вишневецкаго и имѣли много общаго съ церковными братствами, что можно заключить изъ того, что уже въ концѣ XVIII-го и даже въ началѣ сего столѣтія цеховые братчики признавали себя обязанными: снабжать свою церковь всемъ необходимымъ, заботиться

о распространении хвалы Божіей между православными, погребать умершихъ, обязательно присутствовать въ церкви при Богослуженіи въ воскресные и праздничные дни,*) а при царскихъ молебняхъ и крестныхъ ходахъ являться младшимъ цеховымъ съ своими хоругвями или значками. Въ ремесленной управѣ сохранилась до нынѣ копія привелегіи Владислава IV-го (хотя и писанная только для Переяславскихъ мѣщанъ;) изъ копіи этой, принятой тогда-же для руководства и исполненія и въ нашей ремесленной управѣ, видно, что она составлена изъ предъявленнаго королю оригинала, бывшихъ уже до того постановленій „цеховыхъ“, къ содержанію добраго порядка въ цехахъ, по обычаю „другихъ цеховъ въ городахъ коронныхъ“. Въ привелегіи этой между прочимъ узаконено: по примѣру и обычаю городовъ нашихъ, гдѣ цехи существуютъ, повинны они имѣть: скрынку братерскую,**) печать, короговъ и бубонъ. Кто хотѣлъ записаться въ цехъ, тотъ долженъ былъ дать до скрынки одинъ золотой, бочку пива и пудъ воску.

У насъ въ Ромнѣ съ незапамятныхъ временъ существовало шесть цеховъ, или отдѣльных по роду ремесла цеховыхъ братствъ, которыя въ XVII-мъ вѣкѣ были подчинены общей ремесленной управѣ, состоявшей подъ управленіемъ избираемаго вольными головами отъ всѣхъ цеховъ ремесленнаго головы; а въ каждомъ цеху былъ начальствующимъ—отдѣльный цех-мейстеръ, именовавшійся въ старину „старшимъ бра-

---

*) Я еще помню: когда отдавали, бывало, мальчиковъ къ хозяину, какомунибудь ремесленнику, для обученія его ремеслу, то первымъ условіемъ возлагалось на хозяина заботиться о нравственности этого мальчика, обучить его хотя первоначальнымъ молитвамъ, соблюденію постовъ, которые обыкновенно строго выполнялись у насъ между простолюдинами, почитанію и безусловному повиновенію старшимъ; и чтобы въ воскресные и праздничные дни онъ обязательно былъ въ церкви.

***) Скрыпка—сундучекъ или шкатулка.

томъ“ а въ послѣднее время переименованный въ „управнаго старшину“. До начала сего столѣтія цехи были: кравецкій, рѣзницкій, ковальскій, шевскій, калашницкій и ткацкій; но затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ были раздѣляемы, а нѣкоторые соединялись въ одинъ цехъ т. е. братство, такъ что въ настоящее время составилось семь цеховъ, съ перемѣною даже старыхъ наименованій.

Теперь состоятъ слѣдующіе цехи: 1-й калашницкій, хоругвь или значекъ его, на полубѣломъ сукнѣ съ серебрянною бахрамою, безъ кистей, изображенъ на одной сторонѣ орелъ, а на другой—св. Николай. Сооружень управнымъ старшиною Андреемъ Шиденкомъ 1866 г. Декабря 21 дня;—2-й мясницкій, значекъ его на зеленомъ сукнѣ, съ бѣлою бахрамою и кистями, съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. В. М. Власія, а на другой поклоненіе веригамъ св. Ап. Петра; сооружень старшиною Петромъ Шипитькою 1888 года Юня 11 дня;—3-й сапожно-нѣмецкій: на желтомъ сукнѣ, съ бѣлою бахрамою и кистями, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Космы и Даміана, а на другой Арх. Михаила и св. Николая, сооружень управнымъ старшиною Михаиломъ Чумаченкомъ 1891 года Декабря 31 дня; 4-й кузнецкій—соединенный; на красномъ сукнѣ съ бѣлою бахрамою и кистями, съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Арх. діак. Стефана и св. В. Паутелеймона, а съ другой—Успѣніе Прес. Богородицы, сооружень управнымъ старшиною Стефаномъ Купкою 1888 года Февраля 19 дня; 5-й португальскій на синемъ сукнѣ, съ желтою бахрамою съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя и Іоанна Крестителя, а на другой неизвѣстнаго святого; сооружень ремесленнымъ головою Иваномъ Зворонцовымъ, старшиною Иваномъ Севериномъ и товарищами его: Иваномъ Будыломъ и Иваномъ Яковенкомъ 1852 г. Юня 30 дня; 6-й просто-шевскій,—на сѣромъ сукнѣ съ

серебрянною бахрамою безъ кистей, съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Космы и Даміана, а на другой св. Романа и многихъ другихъ святыхъ—безъ подписи имени; сооруженъ старшиною Стефаномъ Устименкомъ, его товарищами: Алексѣемъ Шрамкомъ, Лаврентіемъ Боровикомъ, и стараніемъ Павла Шерстюка и Григорія Хоменка 1849 года Сентября 20 дня; 7-й столярный, на шелковой красной матеріи, съ желтою бахрамою, съ изображеніемъ: на одной сторонѣ орелъ, а на другой св. Космы и Даміана. Надпись хотя и есть, но совѣмъ стертая, такъ что нельзя ничего разобрать и потому неизвестно, когда онъ и кѣмъ сооруженъ.

Въ 1858 году, я былъ командированъ городскою думою, съ однимъ ея членомъ для ревизіи счетоводства и дѣлопроизводства ремесленной управы, при чемъ въ старыхъ дѣлахъ мнѣ удалось найти одну книгу резницкаго цеху 1689 года,*) сдѣланную какъ изъ надписи на ней значится „ради уписанія въ ней цеховыхъ обрядковъ „выѣднаннаго цеху“. Въ этой книгѣ обрядъ приѣма въ „вѣчные цеховые записывался такъ: „року 1689 Ноем- „врія 12 числа за вѣдомомъ цехмейстра резницкаго „Семена Григорьевича и всей братіи, Якимъ Довгопо- „ловскаго житель выѣдналъ цехъ резницкій себѣ и дѣ- „тямъ своимъ во вѣчность и за выѣднаніе такова цеху „до скринки братерской положилъ грошей талыри въ „четыре, горѣлки поставилъ братіи кварть дванадцать, „да воску фунтовъ два далъ“.

Книга эта велась исправно до 1823 года, и изъ нея видно перемѣны постановленій, относительно платы въ цеховую казну за записку въ цехъ, такъ напримѣръ: въ 1710—1720-хъ годахъ вносилось до скринки бра-

---

*) Книга эта хранится у меня до настоящаго времени.

терской грошей десять талыривъ, два цебра пива и горѣлки, а въ нѣкоторыхъ статьяхъ незаписывались ни горѣлка ни пиво, а только писалось: „что подмежало братіи цеховой все поставилъ“. Съ 1726 по 1750 годъ брали уже до скринки братерской грошей 14 копѣ и 20 копѣекъ; затѣмъ съ 1750 года, брали по 20 рублей денегъ и по 5 фун. воску; а съ 1784 года по 25, по 40 и по 50 руб. денегъ смотря по состоянію; а горѣлка и пиво уже не записывались вовсе на приходъ. Надо полагать, что подобныя книги были заведены по каждому цеху отдѣльно, а также были книги въ управѣ старѣе 1689 года, но куда они дѣвались—неизвѣстно.

Въ XVII столѣтіи, были у насъ мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, которые могли дѣлать такія вещи, какихъ и теперь въ Ромнѣ никто не сдѣлаетъ, на примѣръ: Евангеліе, отдѣланное въ серебро, для Соборной успенской церкви, въ 1688 году подробно описанное на стр. 50—51-й въ отдѣлѣ III описанія собора, дѣлалось здѣшними мастерами. Можетъ быть въ то время существовалъ отдѣльный цехъ мастеровъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, но въ настоящее время они состоятъ въ соединенномъ кузнецкомъ цеху и подобныхъ мастеровъ изъ христіанъ—теперь совсѣмъ нѣтъ въ Ромнѣ, а изъ евреевъ, хотя и есть ихъ нѣсколько, называющихся мастерами этого дѣла, но они могутъ только починять часы и нѣкоторые серебряныя вещи; а сдѣлать новаго ничего не въ состояніи. Должно полагать, что причиною уничтоженія выдѣлки въ Ромнѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей послужили развившіеся съ начала прошлаго столѣтія ярмарки, во время которыхъ навозили изъ Москвы много готовыхъ издѣлій этого рода; такъ что конкурировать Роменскимъ мастерамъ съ Московскими стало не возможно, и потому они начали заниматься другимъ дѣломъ.

XI.

По нынѣшнему виду города, нельзя имѣть никакого представленія о томъ какой онъ былъ въ старину, не только въ XVII и XVIII вѣкахъ, но даже въ началѣ сего столѣтія. На тѣхъ мѣстахъ гдѣ теперь улицы, были дворы и постройки, и обратно. Первоначальное поселеніе жителей было на горахъ къ востоку, надъ рѣкою Сулою, гдѣ теперь Соборная церковь и бывшая цитадель, именуемая и по настоящее время „Замкомъ“ Городъ, или по польскому названію „*miasto*“, *) съ сѣвера и востока былъ окруженъ р.р. Ромномъ и Сулою, а къ западу отъ этого *miasta*, начиная отъ устья р. Ромна и оврата, названнаго впоследствии „Виноградовщиною“ по всей нынѣшней Роменской улицѣ до оврата Муховца, былъ прорѣзанъ глубокой ровъ, надъ которымъ стояли „Городницы“ т. е. крѣпкія бревенчатыя стѣны; затѣмъ жители селились на особыхъ валахъ ниже Соборной церкви и цитадели, а также на особой горѣ, гдѣ „Могилки“, и по спуску этой горы къ р. Сулѣ—на „Западинцахъ“. Почти до половины XVIII-го вѣка между Соборною и Николаевскою церквями не было еще никакихъ провальевъ, которыя имѣются въ настоящее время, **) слѣдовательно здѣсь, въ крѣпости, было достаточно мѣста для тогдашняго населенія.

---

*) Съ самыхъ древнихъ временъ Ромень назывался градомъ, но во времена польскаго владѣнія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто города шло слово „*miasto*“ такъ напримѣръ на Евангеліи имѣющейся въ соборѣ, написано, что оно отдѣлано въ серебро въ мѣстѣ Ромнѣ, но это названіе по польски означало тоже, что и городъ.

**) Изъ дѣлъ церковнаго архива видно, что старая Николаевская церковь стояла на томъ мѣстѣ гдѣ впоследствии образовалось глубокое провалье. Въ 1748 г. прихожане Николаевскіе подавали прошеніе о разрѣшеніи перенести ихъ церковь на болѣе безопасное мѣсто; такъ какъ къ ней отъ весеннихъ разливовъ и дождевыхъ потоковъ приближается не малое провалье и въ скоромъ времени приблизиться можетъ; слѣдовательно до 1748 г. провальевъ еще ни какихъ не было. Объ этомъ будетъ сказано подробно, ниже, въ описаніи Николаевской церкви.

Впослѣдствіи времени, когда городъ началъ распространяться и опасность отъ набѣговъ и разореній враговъ уменьшилась, жители начали селиться уже за крѣпостнымъ валомъ и ровомъ, къ нынѣшней Полтавской улицѣ и на предмѣстьѣ „Коржевкѣ“; но все таки и здѣсь, позади нынѣшней Вознесенской церкви, (которой до 1700 года совсѣмъ еще не было въ Ромнѣ), былъ прорѣзанъ другой крѣпостной ровъ и насыпанъ валъ; а чрезъ ровы были переложены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мосты.

Такъ напр.: еще въ 1785 году существовать мостъ при Николаевской брамѣ*) длиною въ 10 сажень, былъ также мостъ и въ Житянской брамѣ**) въ 7 сажень длины; мосты эти и нѣкоторыя гати, въ 1786 г. вновь открытая тогда городская дума починяла, по предписанію Кіевского, Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго Генераль Губернатора П. А. Румянцова-Задунайскаго, на счетъ городскихъ суммъ. Изъ дѣла объ исправленіи этихъ мостовъ, между прочимъ, видно, что прежде была мостовая (неизвѣстно, какая) отъ двора кушца Ивана Лаза (гдѣ теперь 2-й пожар. дворъ) промежъ казенныхъ присутственныхъ мѣстъ, до окончанія казенныхъ завокъ и до двора Иосифа Маркевича, мѣрою въ длину 858 саж., а въ ширину 10 аршинъ.***) Затѣмъ нынѣшнія Московская и Аптекарская улицы и площадь гостиннаго двора,

*) Николаевская церковь была тогда позади дворовъ Терешкевича и Вабкина, гдѣ теперь сѣнной базаръ; а брама Николаевская была противъ нынѣшней почтовой конторы.

**) Житянская брама, или выѣздъ на село Житное, т. е. по нынѣшнему на Московскую улицу, находилась тамъ, гдѣ теперь Аптекарская улица, въ углу двора Кочубей. Туда отъ городского вала шла большая «Пробитая улица» чрезъ пивніе дворы: Геллера, Подрѣза и потомъ чрезъ Полтавскую улицу и дворы Золотинковой, Высочина и т. д. до двора Кочубей гдѣ тогда былъ ровъ.

***) Дѣло въ архивѣ городской управы объ исправленіи мостовъ и гатей въ 1786 году. Домъ Иосифа Маркевича достался въ собственность дворянства Ромненскаго уѣзда и въ немъ съ того времени помѣщался уѣздный судъ; а теперь мировой съѣздъ и канцелярія предводителя.

были загородными, совершенно пустынными мѣстами. Съ правой стороны Моековской улицы, до 1771 г. было христіанское кладбище. Такъ-же Большая Монастырская улица, не только въ прошломъ, но даже до пятидесятихъ годовъ сего столѣтія, была почти не обитаема и называлась просто „глухою улицею“ потому что отъ самаго тюремнаго замка и до поворота къ гостинному двору на ней только были: домъ стряпчача Викашевича изъ сыраго кирпича, крытый соломою, и противъ него, на теперешнемъ углу Новопродолженной улицы, ветхая, подпертая съ улицы двумя дубками, изба „стельмаха“ Гальченка; а то хотя и были еще домъ Шолетики и діакона Каневского, но они стояли далеко отъ улицы, въ глубь дворовъ; такъ что не только ночью, но и днемъ страшно было пройти по этой улицѣ. Съ обѣихъ сторонъ, гдѣ теперь большіе постройки духовнаго училища и чистенькіе дворы съ красивыми домами, многихъ владѣльцевъ,—тамъ еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ торчали кой какіе шелевочные и плетневые заборы, мало скрывавшіе отъ прохожаго по улицѣ пустынные, безконечные, на подобіе стени, дворы, заросшіе непроходимыми бурьянами; а церковный дворъ былъ огороженъ съ улицы тростникомъ, обмазаннымъ глиною, и служилъ для свалки навоза и нечистотъ. Такъ точно и Коржевская улица, отъ угла аптекарскаго сада до оврага Муховца, еще въ началѣ шестидесятихъ годовъ, была пустынною и не проходимою; не смотря на то что въ 1859 году дума устроила было на ней мостъ чрезъ оврагъ (немного короче настоящаго) но все таки домовъ тутъ и ни какого жилья совсѣмъ не было, до устройства вокзала въ 1873—74 годахъ.

ХІІ.

Въ 1786 году были еще цѣлы „банты“ т. е. башни, Монастырская и Пригородская; первая находилась не-

далеко от сотничьяго дома, противъ тюремнаго замка, гдѣ теперь домъ приходскаго училища; въ этой башнѣ должно быть тоже была мостъ чрезъ ровъ, проведенный отъ Виноградовщины по нынѣшней Роменской улицѣ; а вторая была около Соборной церкви, немного ниже нынѣ существующей церковной сторожки; отъ этого по настоящее время дорога, идущая съ базара на „Пригородокъ“ мимо ограды и сторожки, называется „баштою“. Въ тоже время, какъ изъ дѣлъ городской думы видно, было въ Ромнѣ семь городскихъ валовъ, служившихъ въ старые годы укрѣпленіемъ города, которые съ 1788 года отдавались думою въ аренду для выварки селитры. Одинъ валъ, на которомъ стоитъ Соборная церковь, второй—замокъ, гдѣ была цитадель, третій—въ концѣ крѣпости отъ Николаевской къ Покровской церкви, четвертый—такъ называемая „Подзолщина“, гдѣ былъ сотничій дворъ, пятый—отъ Вознесенской церкви къ двору Билима, на предметѣхъ Коржевку, а шестой и седмой, должно полагать, были тамъ, гдѣ теперь уѣздное казначейство и дальше къ Покровской церкви. Еще въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, улица, идущая мимо Покровской церкви къ рѣкѣ, начиная отъ нынѣшней Николаевской церкви, была такъ узка, что по ней едва можно было проѣхать рядомъ въ три повозки. По обѣимъ сторонамъ ея справа до Покровской церкви, а съ лѣва до мостка, были высокія горы и на нихъ стояли дворы разныхъ обывателей. Дворы эти, уменьшаясь пространствомъ каждую весну отъ обвала горъ, къ началу сороковыхъ годовъ совсѣмъ исчезли и образовали настоящую ширину Покровской дороги, а опускавшаяся отъ нихъ глина ежегодно отбивала берегъ р. Сулы отъ города къ Засулью и заносила русло рѣки, отчего она теперь совсѣмъ обмѣлѣла.

ХІІІ.

Въ 1793 году взявпій въ откупъ городскіе валы, для выварки селитры, оставной премьеръ-маіоръ Андрей Коноваловъ просилъ Черниговское, намѣстническое правленіе и Черниговскаго Губернатора: такъ какъ онъ не успѣлъ въ теченіи откупнаго времени (съ 1788 по 1792 г.) перемочить на селитру всѣхъ семи валовъ, то отдать ему, для этой надобности и цитадель, гдѣ замокъ, который по его выраженію былъ совершенною пустошью; но дума объясняла Губернатору, что въ замкѣ живутъ многіе купцы, мѣщане, посполитые и разнаго званія люди.*) По контракту, заключенному съ городской думою, Коноваловъ обязался платить въ городской доходъ, за содержаніе въ откупѣ семи валовъ, по 105 руб. 50 коп. въ годъ—сумма по тогдашнему времени довольно значительная и должно быть была невыгодная для откупщика, по этому онъ и жаловался, что не успѣлъ перемочить всѣхъ валовъ.

Изъ прошенія его видно, что одинъ валь, котораго онъ не успѣлъ обработать, заключалъ въ себѣ пространство отъ двора Билима (Билима дворъ былъ на Коржевкѣ за Вознесеніемъ), а другой находился между дворами: маіора Сукова и коллежскаго совѣтника Андрея Полетики. (Полетики дворъ былъ противъ теплой церкви, надъ оврагомъ Виноградовщиною; теперь мимо него идетъ дорожка съ базара къ тюремному замку). Коноваловъ жаловался еще, что ему мѣшали въ выдѣлкѣ селитры и причинили убытки жители, понастроившіе плетней и разныхъ хозяйственныхъ строеній, отъ цвинтаря Соборной церкви и отъ дома Андрея Маркевича. Изъ этого видно, что валь за Соборомъ тоже принадлежалъ городу и отдавался думою въ откупъ; и что на

*) Дѣло въ архивѣ городской управы объ отдачѣ въ откупъ городскихъ валовъ 1787 года.

немъ, кромѣ дома Маркевича, были постройки другихъ жителей. Остатки этихъ построекъ были замѣтны еще въ недавнее время: здѣсь на краю вала, къ дорогѣ, называемой „баштою“ многіе пригородскіе жители выкапывали кирпичъ, бывшій подъ фундаментами старыхъ построекъ.

Въ 1788 году коллежскій протоколистъ Маркъ Васильевичъ Магеровскій держалъ въ оброкѣ, по контракту съ думою, городской „плецъ“ на предмѣстьи противу корпуса сиротскаго суда, черезъ дорогу. На этомъ плецу были постройки, доставшіяся ему по довѣренности отъ секундъ-маіора Григорія Сегунова, *) а самому послѣднему отъ наслѣдниковъ умершаго войсковаго товарища Леонтія Бурлая, покупѣ доставшееся, онымъ-же Бурлаемъ, по дозволенію бывшей малороссійской скарбовой канцеляріи, сооруженное. „Упомянутый плецъ былъ въ арендѣ у Бурлая, съ 1768 года на 40 лѣтъ; онъ взялъ его въ аренду у коронныхъ смотрителей полку Лубенскаго, которые до открытія думъ распорядились городскими имѣніями. Бурлай выстроилъ на немъ жилье и лавки, такъ какъ тутъ недалеко была торговая площадь, на которой въ то время, кромѣ ежедневныхъ базаровъ, помѣщались и ярмарки. Въ другомъ мѣстѣ, (тамъ-же въ дѣлахъ думы); пишется, что плецъ этотъ находился при городѣ Ромнѣ, подлѣ башни Житянской. Слѣдовательно по эту сторону крѣпостнаго рва, къ нынѣшней Полтавской улицѣ, мѣстность не считалась уже городомъ, а какъ бы пригородкомъ. **) Корпусъ сиротскаго суда, въ которомъ также помѣщались впоследствии го-

---

*) Бывшій въ то время городничій, отъ котораго и малая монастырская улица, до сороковыхъ годовъ называлась «Сегуновою».

**) Это подтверждается и грамотою Митрополита Варлаама Яценскаго, отъ 16 Октября 1700 г., дапнаго на сооруженіе Вознесенской церкви, гдѣ сказано: что церковь эта будетъ строиться «подъ мѣстомъ Ромномъ». См. ниже описаніе Вознесенской церкви.

родская дума и магистратъ, находился какъ разъ, на проведенной потомъ въ 1822 году, большой Роменской улицѣ, за крѣпостнымъ рвомъ, противъ нынѣшней женской гимназіи, къ двору священника Діаконенка; при немъ было семь лавокъ, которыя по введеніи городского положенія, поступили также въ собственность города и были нанимаемы думою, для торговли разнымъ лицамъ. Неизвѣстно, когда и кѣмъ былъ построенъ этотъ корпусъ и лавки, но въ 1816 году онъ былъ уже такъ ветхъ, что по удостовѣренію полиціймейстера стряпчачаго и членовъ магистрата и думы, его уже и починить никакъ нельзя было; при томъ-же дума представляла губернскому правленію, что какъ корпусъ этотъ стоитъ на проектированной вновь по плану большой Роменской улицѣ, то если его оставить и починить, то и прочіе жители будутъ починять свои дома, отходящіе подъ улицы и тѣмъ никогда не будетъ исполнено Высочайшее повелѣніе о лучшемъ устройствѣ городовъ. Вслѣдствіи чего рѣшено было: корпусъ тотъ продать на сносъ, что и исполнено въ 1820 году, а думу и магистратъ принять въ свой домъ, ратманъ Афанасій Лесковскій на 5 лѣтъ безплатно съ тѣмъ только, чтобы другой его домъ былъ освобожденъ на это время отъ постоя, что и уважено ему губернскимъ правленіемъ, которое предписало квартирной комисіи не ставить никакихъ военныхъ квартирантовъ въ домъ Лесковского, въ теченіи 5 лѣтъ; о чемъ и выдать ему льготный билетъ. А дума и магистратъ, съ того времени начали помѣщаться въ частныхъ домахъ.

XIV.

Для сравненія нынѣшняго положенія города съ тѣмъ, какое онъ имѣлъ за сто съ лишнимъ лѣтъ, до нашего времени, небезинтересно привести здѣсь нѣкоторыя вы-

борки изъ топографическаго описанія Черниговскаго намѣстничества, составленнаго въ 1786 году, Д. С. С. Афанасіемъ Шафонскимъ, съ необходимыми поясненіями на это описаніе.

Въ 1786 году Ромень находился въ такомъ видѣ: главныхъ въѣздовъ и выѣздовъ было три, а отъ нихъ выходящихъ дорогъ семь: 1-й въѣздъ Черниговскій, Нѣжинскій, Прилужскій, Кіевскій и Московскій, отъ котораго выходятъ три дороги: одна средняя въ Нѣжинъ и Черниговъ, вправо на Процовку, влево на Кіевъ; 2-й въѣздъ—Глинскій онъ былъ отдѣльно, чрезъ могилки; 3-й Лохвицкій чрезъ Сулу. Городъ раздѣлялся на четыре части: 1-я часть составляла собственно самый городъ (*miasto*), который былъ окруженъ земляннымъ валомъ, а при немъ на высокомъ берегу р. Сулы, стоялъ маленькій замокъ, или цитадель; а внизу подъ горою, соблива, тоже земляннымъ валомъ обнесенная часть жилья, называемая Пригородкомъ. Въ этой части находилась тогда:

1-е церковь каменная Сошествія Св. Духа и при ней колокольня каменная, а подъ оною церковь недостроенная во имя Успенія Богородицы.

2-е церковь деревянная Св. Николая.

3-е домовъ обывательскихъ 133.

4-е школъ при церквяхъ деревянныхъ—2.

5-е богадѣльня, или шпиталь при Соборной церкви . . . . . 1.

6-е Лавокъ торговыхъ . . . . . 146.

7-е Шинковъ . . . . . 11.

Здѣсь-же между Соборною и Николаевскою церквами помѣщались до 1804 года всѣ ярмарки, такъ какъ настоящихъ провальсвъ, образовавшихся позади дворовъ Симонова и дворянства Роменскаго уѣзда, тогда совсѣмъ не было и даже старая Николаевская церковь, до 1748 года стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впо-

слѣдствіи образовалось самое глубокое провалые, позади двора Бабкина, гдѣ теперь мясной базаръ.

II-я часть начиналась отъ городского вала и шла по большой улицѣ, „Пробитой“, называемой, до Черниговскаго выѣзда и заключала въ себѣ: предмѣстье Монастырище и ту половину предмѣстья, „Замѣстьемъ“ именуемаго, которое между пробитою улицею и Монастырищемъ лежитъ „Замѣстье“ находилось, какъ выше сказано, тамъ гдѣ теперь деревяннй базаръ и далѣе по нынѣшней Терновцовой улицѣ, и называлось такъ почти до шестидесятихъ годовъ, или лучше сказать до устройства каменнаго гостиннаго двора. Здѣсь производилась торговля разными свѣстными припасами цѣлый день, какъ теперь около харчевой галлерей; здѣсь-же и далѣе къ Собору, по Духовской улицѣ, была вся главная торговля мануфактурными, желѣзными и прочими товарами.

Такъ бывало, если понадобится купить что нибудь днемъ, когда уже базаръ около Соборной церкви окончился, то посылали обыкновенно „За мѣсто“*) А Монастырище находилось: начиная отъ „Подзоловщины“ (гдѣ теперь тюремный замокъ), вдоль до р. Ромна, за гостинною площадью, а въ ширину до нынѣшней Терновцовой улицѣ, поэтому проведенные впоследствии по нему двѣ большія улицы, выходящія на площадь гостиннаго двора, названы—одна Большою, а другая—Малою „Монастырскими“ Въ этой части находилось тогда:

1-е Улица главная, „Пробитая“ называемая.

2-е Домовъ казенныхъ деревянныхъ, гдѣ присутственные мѣста помѣщаются три.

*) Вообще всѣ старые люди, какъ и я помню, лѣтъ за 40 назадъ, рѣдко произносили названіе «базаръ», а большею частію всегда говорили «мѣсто» «иду на мѣсто» торговать; «була на мѣсто» и т. д.

3-е Домовъ обывательскихъ	108.
4-е Лавокъ и амбаровъ торговыхъ	121.
5-е Кузницъ	10.
6-е Кирпичный заводъ	1.

III-я часть начиналась тоже отъ городского вала (противъ нынѣшней почтовой конторы) проходила большою „Пробитою“ улицею до Черниговскаго и Глинскаго выѣзда и заключала въ себѣ ту половину предмѣстья, „Замѣтьемъ“ именуемаго, которое идучи по „Пробитою“ улицѣ, изъ города въ лѣвую сторону, между большимъ яромъ, или ручьемъ Мухавцемъ и между Пробитою улицею лежить.

Въ сей части находилось:

- 1). Церквей деревянныхъ: Покрова Богородицы и св. Великомуч. Варвары . . . . . 2.
- 2). Улицъ главныхъ . . . . . 2.

Затѣмъ „Шаповаловка“—немного выше Покровекой церкви, по горѣ, названная такъ потому, что въ ней въ старину, т. е. еще раньше 1786 г. жили шаповалы или шерстобои и тѣ, которые войлоки дѣлають.

3). Улица Борзевка.

- 4). Школъ деревянныхъ при церквахъ . . . . . 2.
- 5). Богодѣлень при церквахъ . . . . . 2.
- 6). Домовъ обывательскихъ . . . . . 151.
- 7). Лавокъ и амбаровъ купеческихъ . . . . . 79.
- 8). Амбаръ соляной казенный . . . . . 1.
- 9). Шинковъ . . . . . 14.
- 10). Пивоварень . . . . . 2.
- 11). Солодовень . . . . . 2.
- 12). Кирпичный заводъ . . . . . 1.

IV-я часть составляла два предмѣстья: Могилки и Западинцы, которыхъ мѣсто положеніе и границы остались до нашего времени почти безъ всякаго измѣненія.

Въ сей части находилось:

1). Домовъ обывательскихъ	. 125.
2). Шинковъ	. 3.
3). Солодовень	. 3.

Значить, за сто съ лишнимъ лѣтъ до нашего времени было въ Ромнѣ церквей . 4.

При нихъ школь и богодѣлень . 7.

Домовъ: казенныхъ . 3.

„ обывательскихъ . 517.

Лавокъ и амбаровъ торговыхъ . 346.

Шинковъ . 28.

Пивоварень и солодовень, т. е. винокуренныхъ заводовъ . 7.

Кирпичныхъ заводовъ . 2.

Кузницъ . 10.

Г. Шафонскій въ своемъ топографическомъ описаніи, между прочимъ, говоритъ, что рѣка Ромень, „отъ которой и городъ получилъ свое названіе“ впадаетъ въ Сулу подь самымъ городомъ и образуетъ здѣсь широкій разливъ, во время котораго ходить по ней изъ Засулья перевозъ надворнаго совѣтника Іосифа Маркевича. Неизвѣстно, откуда г. Шафонскій заимствовалъ свѣдѣніе, что городъ получилъ названіе отъ рѣки; однако это свѣдѣніе очень справедливо и вполне согласно со всѣми другими преданіями старины, что городъ получилъ названіе отъ рѣки, а рѣка отъ растенія, водящагося по берегамъ ея, называемаго до нынѣ въ простонародьи „Ромень“*).

XV.

Въ XVII и XVIII-мъ столѣтіяхъ; до учрежденія намѣстничества, Ромень числился сотеннымъ городомъ,

*) См. историко-статистическое описаніе Собора изд. 1887 г. стр. 8-я.

сначала Миргородскаго, а потомъ Лубенскаго полка; по этому управленіе въ немъ было чисто военное. Хотя по торговому положенію, здѣсь кромѣ козаковъ, жило много торговыхъ людей: купцовъ, мѣщанъ и посполитыхъ; но и они во всѣхъ почти дѣлахъ подчинялись полковому начальству. Главнымъ начальникомъ былъ полковникъ, безъ вѣдома котораго ни что важное не дѣлалось въ городѣ, и которому подвѣдомы были: не только всѣ торговля, гражданскія и уголовныя дѣла, но даже церковныя имущества и капиталы. Такъ, наприм., избираемые къ церквамъ старосты или по тогдашнему „ктиторы“ утверждались въ этомъ званіи полковникомъ. Если сооружалась церковь, или дѣлалось въ ней какое-либо исправленіе, или даже приобрѣталась какая цѣнная вещь, то все дѣлалось съ вѣдома и дозволенія полковника.

Также и отчеты о всѣхъ доходахъ и расходахъ церковныхъ представлялись ежегодно въ полковую счетную комиссію, состоящую подъ главнымъ предсѣдательствомъ того-же полковника.

Затѣмъ мѣстнымъ, не менѣе важнымъ начальникомъ былъ въ городѣ—сотникъ и при немъ сотенная канцелярія, которая управляла всѣми дѣлами города до 1763 г. Когда-же въ этомъ году, по распоряженію гетмана-графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго, Малороссія сверхъ дѣленія на полки и сотни, получила новое раздѣленіе на повѣты то и Ромень были наименованъ повѣтовымъ городомъ и въ немъ были открыты: земскій и подкоморскій суды и учреждены должности комиссаровъ; а для завѣдыванія городскими недвижимыми имуществами и доходами были опредѣлены коронные смотрители, которые во всѣхъ городскихъ доходахъ и расходахъ, отчитывались предъ полковымъ Лубенскимъ судомъ.

По учрежденіи-же въ 1782 году, намѣстничества, Ромень были причисленъ къ Черниговскому намѣстни-

честву и состоялъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго генераль-губернатора, а также Черниговскаго намѣстническаго правленія и губернскаго Магистрата.

Потомъ при учрежденіи въ 1796 г., новыхъ губерній, остался тоже въ Малороссійской Черниговской губерніи, и наконецъ по открытіи въ 1802 году, еще одной Малороссійской—Полтавской губерніи, зачисленъ съ того года повѣтовымъ городомъ, этой новой губерніи, въ которой и остался на всегда—повѣтовымъ, а потомъ уѣзднымъ городомъ.

XVI.

Во время военнаго управленія, особенно съ начала XVIII-го вѣка, въ Ромнѣ главными владѣтелями имѣній и начальствующими лицами, были помѣщики Маркевичи, родословная которыхъ была помѣщена въ Кіевской старинѣ за Октябрь мѣсяць 1890 г., но о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицахъ, не вполне досказанная. По этому на основаніи имѣющихся у меня старыхъ дѣлъ и бумагъ, я считаю необходимымъ дополнить и пояснить эту родословную и рассказать нѣкоторыя выдающіеся дѣянія отдѣльныхъ лицъ изъ дома Маркевича. Андрей Марковичъ Маркевичъ, родившійся около 1674 года, изъ предковъ былъ богатый человекъ, имѣлъ много наслѣдственныхъ недвижимыхъ имуществъ въ Лубенскомъ, Миргородскомъ и Прилукскомъ полкахъ; а въ г. Ромнахъ: все побережье р. Ромна, до самой усадьбы Полуботка, валы за Соборною и Николаевскою церквами, нѣсколько дворовъ и торговыхъ лавокъ принадлежало ему.

Въ 1709—14 г. онъ былъ уже полковникомъ Лубенскимъ, потомъ съ 1729 года генеральнымъ подскарбіемъ,

получилъ потомственное дворянство и наконецъ служилъ генеральнымъ обознымъ *).

Въ 1716 году, по универсалу гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, отъ 26 Юля данному и жалованю грамотою Государя Петра I-го отъ 7-го Юля 1718 г. утвержденною **) ему было пожаловано во вѣчное и потомственное владѣніе, подгороднее село Засулье, съ мельницами, рыбными ловлями и прочими угодіями. Какое владѣніе подтверждено затѣмъ и грамотою Императрицы Анны Иоанновны въ 1735 году.

Маркевичъ, будучи въ чинѣ генеральнаго обознаго, какъ видно изъ многихъ церковныхъ дѣлъ и изъ дневника сына его—Якова, (печатаемаго по частямъ въ Кіевской старинѣ) проживалъ почти постоянно въ г. Ромнѣ. Здѣсь на высокой горѣ, позади Соборной Успенской церкви, стоялъ большой каменный домъ его, съ желѣзными решетками въ нижнемъ этажѣ, съ большими погребами и крѣпкими желѣзными дверьми въ нихъ. Не смотря на свое высокое званіе, требовавшее по занимаемымъ имъ должностямъ не мало трудовъ и заботъ, онъ, какъ изъ церковныхъ дѣлъ видно, принялъ на себя, съ 1719 года, обязанность фундатора и ктитора Ромненской церкви св. Николая, и впоследствии въ 1745—47 г. находясь уже въ преклонной старости, реставровалъ эту церковь о чемъ будетъ сказано ниже при описаніи Никольской церкви.***)

*) По старымъ Малороссійскимъ постановленіямъ, Генеральный обозный считался первымъ вельможею по Гетманѣ.

**) Въ книгѣ «лѣтопись Самовидца» на стр. 304 подъ 1718 г., между прочимъ сказано: что въ этомъ году, когда Государь Петръ I-й былъ въ Москвѣ, къ нему ѣздилъ Гетманъ Скоропадскій, съ цолковниками: Черниговскимъ Павломъ Полуботкомъ и Лубенскимъ Андреемъ Маркевичемъ; а съ Москвы они-же ѣздили до Петербурга «для повиданія строенія онаго и съ милостию Монаршею отпущены».

***) Кромѣ многосложныхъ дѣлъ, по управленію полкомъ, онъ въ 1721 г. по указу былъ посылаемъ съ Полуботкомъ и Хорунжимъ Ив. Сулимою, съ 12000 козакомъ, въ Лабогу, на работу канала. А въ 1723 г. съ 10000 козакъ ходилъ на Сулакъ для устройства плотины гдѣ «и фортецію укрѣпили» (лѣтопись Самовидца стр. 306—309)

Изъ этого можно заключить, что Маркевичъ былъ не только богатый и знатный свѣтскій вельможа; но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрный сынъ православной церкви, и благочестивый христіанинъ. Въ дневникѣ сына его Якова, подъ 1725 годомъ, между прочимъ записано: что въ страстную Среду 24 Марта родитель его (т. е. Андрей Маркевичъ) ѣздилъ въ Бубны для приготовленія къ причащенію, а 25 числа въ Четвергъ страстный на Благовѣщеніе повернулся въ Ромень съ Бубновъ, гдѣ „коммуникровался“. Это повидимому ничего незначущее путешествіе тоже доказываетъ особую религіозность Маркевича почему-бы ему не говѣть въ Ромнѣ, гдѣ онъ былъ и ктиторомъ Никольской церкви, а ѣхать въ Бубны? Во первыхъ потому, что на Благовѣщеніе тамъ престольный праздникъ, а нами люди особенно чтутъ и уважаютъ престольные праздники, и теперь иногда за очень большое разстояніе идутъ и ѣдутъ на храмы; а во вторыхъ въ с. Бубнахъ есть икона Божіей Матери, почитаемая издавна чудотворною, которая по преданію старинны когда-то давно явилась въ урочищѣ Олава близъ Бубновъ; поэтому и Андрей Маркевичъ ѣздилъ говѣть къ Чудотворной иконѣ. Также и сынъ его Яковъ: въ пяттокъ 26 Марта слагалъ слово о страданіяхъ Христовыхъ*) а въ Субботу великую: „слово вчера компонованное докончилъ и коммуникровался“. Далѣе въ дневникѣ его пишется, что на великъ-день 28 Марта „съ „поздравленіемъ къ родителю и къ нему приходили: „старшина полковая, обѣдали всѣ домашніе и сожители „честнѣйшіе; а на второй день, въ Понедѣльникъ свѣтлый,—Духовенство и старшина здѣшняя и всѣ значковые и мѣщане, кушали у нихъ и подпіяхомъ“. А въ Четвергъ 1 Апрѣля, онъ Яковъ, началъ составлять по-

---

*) Неизвѣстно самъ-ли онъ говорилъ его въ церкви, или-же передалъ священнику.

вѣсть о воскресеніи Христовомъ, отъ Евангелистовъ разныхъ текстовъ. Слѣдовательно какъ отецъ, такъ и сыновья его, не смотря на высокое званіе и большое богатство, были не только благочестивые христіане, но вмѣстѣ простодушные и добрые люди: у нихъ какъ Духовенство и старшина такъ и мѣщане съ цеховыми были принимаемы въ домъ запросто и кушали вмѣстѣ. Должно полагать, что Маркевичи были не малыми благотворителями и для Соборной церкви, такъ какъ супруга Андрея Маркевича—Анна Ивановна, умершая 9 Августа 1743 года, т. е. еще за четыре года до окончанія нынѣшней каменной церкви Сошествія Св. Духа, была похоронена въ этой церкви; затѣмъ и самъ Андрей Маркевичъ по смерти положенъ въ той-же церкви,*) около супруги.

Гробы ихъ и еще какихъ-то покойниковъ, стоятъ подъ чугуннымъ поломъ, въ каменныхъ склепахъ, по направленію отъ праваго клироса, къ намѣстной иконѣ Спасителя, до Царскихъ вратъ.**) Сыновья генеральнаго обознаго Андрея Маркевича были: 1-й Яковъ—бунчуковый товарищъ, потомъ генеральный подскарбій, который послѣ военныхъ походовъ проживалъ большею частію въ Глуховѣ, былъ женатъ на дочери Павла Леонтъевича Полуботка—Еленѣ Павловнѣ, имѣніе котораго было при г. Ромнѣ, надъ Процовкою такъ называ-

---

*) Это записано въ Кіевской старинѣ, за Октябрь мѣсяць 1890 годъ, въ статьѣ о родѣ Маркевичей.

Но тамъ кажется ошибка о времени кончины Андрея Маркевича? Тамъ сказано что онъ умеръ 3 Января 1747 года; тогда какъ изъ имѣющагося въ церковномъ архивѣ дѣла, о почитаніи Никольской церкви, видно что онъ подавалъ Протопопу Павлу Свѣту объясненіе, собственноручно имъ подписанное, 23 Августа 1747 г. слѣдовательно онъ умеръ или въ концѣ этого года, или-же если 3 Января—то 1748 года,

**) Въ 1876 году при побѣлкѣ внутри большой церкви, печально пробили, около праваго клироса, каменный склепъ, подъ снятою тогда одною чугуною плитою и въ это пробитое отверстіе было видно нѣсколько гробовъ, но никто тогда до нихъ не входилъ.

васмая „Рябуховщина“ которое принадлежит теперь наследникамъ Огнева.

2-й Андрей, бунчуковый товарищъ, умеръ молодымъ, въ Ромнѣ, 1728 году.

3-й Марко, тоже бунчуковый товарищъ, умеръ въ Москвѣ, въ 1754 году, былъ женатъ на дочери Стародубскаго Эсаула Марѣ Семеновнѣ Березовской, умершей 1779 года.*) Эта Марѣа Семеновна жила постоянно въ с. Засулѣ подъ Ромномъ, называясь владѣлицею этого села. Она въ 1766 году, по случаю совершеннаго обветшанія старой Троицкой церкви, „постропной въ давніе годы“ подарила подъ устройство новой церкви свое удобное мѣсто, приготовила довольное количество дубоваго и сосноваго лѣса и дала денегъ 300 руб.**)

Однако не смотря на стараніе Марѣы Маркевичевой, церковь эта строилась болѣе десяти лѣтъ. Хотя она и была заложена въ томъ-же 1766 году, а освящалась уже въ 1777 году; такъ что въ Сентябрѣ того-же (1777) года Духовное Правленіе дало указъ о запечатаніи старой церкви, по совершенной ея ветхости, такъ какъ священно-служители и прихожане почти 12 лѣтъ строить новую церковь и не хотятъ ея окончить, а въ старой служить опасно. Велѣдствіе этого указа, прихожане дали 7 Ноября подписку что они въ теченіи трехъ лѣтъ объявляются сдѣлать иконостасъ въ новую церковь, а до того пока сдѣлаютъ новый, просили дозволенія поставить на время иконостасъ и жертвенникъ изъ старой церкви, каковая просьба была уважена и указомъ Преосвященнаго Гавріила Митрополита Кіевскаго, отъ 11 Де-

---

*) Такъ значится въ Кіевской старинѣ за Октябрь 1890 г. Но тамъ тоже ошибка въ годѣ кончины; о чемъ будетъ сказано ниже.

**) Это видно изъ прошенія поданнаго 7 Апрѣля 1766 г. въ Духовное Прав., отъ прихож. Троиц. церк. Эсаула Сотеннаго Роменск. Кирилла Галенка, атамана куреннаго Гавріила Беззальчаго, атамана рядоваго Романа Сердюка и многихъ другихъ о разрѣшеніи постройки въ Засулѣ новой церкви.

кабря 1777 года велѣно было тогда-же освятить новую церковь. Но раньше, за четыре года предъ этимъ (въ 1773 г.) бунчуковъй товарищъ Андрей Марковичъ, ходатайствовалъ въ Духовномъ Правленіи о скорѣйшемъ устройствѣ Засульской Троицкой церкви, на которую умершая мать его Марѳа Маркевичева, пожертвовала свое мѣсто, дерево и деньги? Изъ этого ясно видно, что она умерла не въ 1779 году, какъ сказано въ Кіевской старинѣ, а раньше 1773 года; но погребена она около Троицкой церкви, гдѣ до сего времени сохранился памятникъ надъ ея могилою.

4-й Семень Андреевичъ, былъ сотникомъ Роменскимъ по 1738 годъ.

5-й Иванъ Андреевичъ, былъ тоже сотникомъ Роменскимъ съ 1742 по 1756 годъ, а послѣ того полковымъ Лубенскимъ обознымъ, умеръ въ Декабрѣ 1760 года. У него была второбрачная жена, его пережившая, тоже Марѳа Семеновна, дочь Сумскаго полковника Романова*) Этотъ—Иванъ Андреевичъ состоялъ постоянно въ числѣ Соборныхъ прихожанъ, имѣлъ собственный домъ на горѣ противъ Соборной церкви, чрезъ Виноградовщину, гдѣ теперь казармы уѣздной команды.

Но еще въ началѣ сего столѣтія вся эта гора, до спуска къ рѣкѣ, была совершенно пустынною, заросла большими бурьянами, служила какъ и противу—положенная ей гора—валъ за Соборомъ, для гулянья молодежи и называлась уже „Подзоловщиною“ по фамиліи какого-то пана Подзолова, прибрѣвшаго будто-бы ее отъ Маркевича? а потомъ съ 1817 года поступила въ городскую собственность и на ней по плану (того года) предположено было строить мясные и сапожные ряды, но постройка эта не осуществилась. Посрединѣ

---

*) Такъ сказано въ Кіевской старинѣ см. о родѣ Маркевичей за Октябрь 1890 г.

этой горы, была еще въ пятидесятихъ годахъ, обширная и глубокая яма; должно полагать, тамъ стоялъ „Сотничій домъ“ но никто не помнитъ когда и кѣмъ онъ разобранъ.

Иосифъ Марковичъ Маркевичъ былъ внукомъ генеральнаго обознаго Андрея Маркевича, сынъ сына его Марка Андреевича, онъ былъ бунчуковымъ товарищемъ въ судѣ земскомъ Роменскаго повѣта, съ 1768 г., жилъ постоянно въ своемъ родовомъ селѣ Засульѣ, а въ 1788 г. служилъ уже засѣдателемъ Черниговскаго верхняго земскаго суда и имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника.

Онъ содержалъ постоянный перевозъ черезъ рѣку Сулу, такъ какъ моста и плотины на ней тогда еще не было, а рѣка была очень большая. За этотъ перевозъ, въ 1786 году, Иосифъ Маркевичъ имѣлъ тяжбу, совновь открытою городскою думою, которая въ видахъ извлеченія городскихъ доходовъ приступила съ разрѣшенія Черниговскаго Генераль Губернатора, къ устройству порома и дубовъ, для переезда черезъ рѣку, со взиманіемъ платы въ пользу города. На это Маркевичъ подавалъ жалобу Черниговскому намѣстническому правленію, что онъ совмѣстно съ братомъ своимъ Андреемъ, а по смерти его, съ его наследниками, какъ законные владѣльцы села Засулья, владѣли непрерывно съ 1765 по 1787 годъ, всѣми мельницами, рыбными ловлями и переездомъ черезъ рѣку, безпрепятственно, съ участіемъ только иногда, за позволеніемъ ихъ, Засульской Троицкой церкви. Владѣли они этими угодьями, на основаніи Высочайшихъ грамотъ, дѣду ихъ дарованныхъ; но дума лишаетъ его, какъ законнаго владѣльца, дохода за перевозъ. Дѣло объ этомъ доходило до Сената, рѣшеніе котораго состоялось въ такомъ смыслѣ, что Маркевичъ, какъ владѣлецъ с. Засулья, можетъ содержать перевозъ на своей землѣ—въ Засульѣ, а дума тоже

имѣть право устроить перевозъ на своей землѣ и пользоваться имъ. *) Этотъ Маркевичъ умеръ бездѣтнымъ въ с. Засульѣ, въ 1797 году. Покойный благочинный Засульскій о. Петръ Андріевскій, рассказывалъ мнѣ, что когда онъ поступилъ священникомъ въ Троицкую церковь, въ тридцатыхъ годахъ, то засталъ еще въ живыхъ пономаря, который лично зналъ Іосифа Маркевича; онъ, говорить былъ очень большаго роста, необыкновенно толстъ, любилъ много кушать; и бывало каждое утро выходитъ на берегъ, къ своему перевозу, посылать верховаго въ городъ узнать какія есть новости, а самъ сидитъ на берегу; съ трубкою и ожидаетъ посланнаго. Когда онъ умеръ и пришлось вносить его въ Троицкую церковь, то прорубивали лутки дверей, такъ какъ гробъ не могъ пройти въ двери.

Сынъ Сотника Ивана Андреевича—полковникъ Андрей Маркевичъ, жилъ въ большомъ каменномъ домѣ, позади Соборной церкви и умеръ тоже бездѣтнымъ въ 1797 или 98 году, (говорятъ что онъ не былъ и женатъ) и послѣ него тотъ домъ пришелъ въ запустѣніе и разобранъ бывшимъ, въ сороковыхъ годахъ, стряпчимъ Викашевичемъ и Пригородскими жителями. **)

Изъ вышеизложеннаго излѣдованія о родѣ Маркевичей, оказывается, что въ г. Ромнѣ было дѣйствительно двѣ вдовы Марѣы Семеновны Маркевичевы: одна бывшая за Маркомъ, а другая за роднымъ братомъ его—Иваномъ сотникомъ Роменскимъ, и у обѣихъ были сыновья Андрей. ***)

---

*) Дѣло въ архивѣ городской думы, объ устройствѣ порома и дубовъ, чрезъ р. Сулу 1786 г.

**) Объ этомъ домѣ см. въ истор. статистич. описаніи Собора, изд. 1887 г. мѣстамъ сказано ошибочно что Андрей Маркевичъ былъ сынъ генеральнаго обознаго; по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что онъ былъ ввукъ его.

***) Въ отвѣтъ на изслѣдованіе помѣщенное въ Кіевской старинѣ, за Октябрь 1890 годъ.

Вдова Марка, мать Иосифа и Андрея Марковичей, была владѣлица села Засулья, жила постоянно въ этомъ селѣ и погребена тамъ-же, около церкви стараніемъ и значительнымъ ей пожертвованіемъ—сооруженной. А вдова Ивана Андреевича жила въ городѣ, состояла всегда въ числѣ Соборныхъ прихожанъ, что видно: во первыхъ изъ вѣдомости составленной по указу Кіевской Консисторіи отъ 3-го Іюня 1761 года, гдѣ она показана въ Соборномъ приходѣ уже вдовою, и у нея въ дворѣ было 9 душъ муж. и 8 душъ женск. пола; и во вторыхъ изъ одного дѣла производившагося въ полковомъ Лубенскомъ судѣ, въ 1764 году, по иску войсковаго канцеляриста Григорія Михальскаго, *) „зудовствующею обозною полковою Лубенскою Марѳою Маркевичевою, за бой и брань, „яко-бы отъ нея Маркевичевой, ему Михальскому, за „привывомъ въ домъ свой причиненныхъ.“ Дѣло было такъ, что Марѳа Маркевичева пригласила къ себѣ въ домъ Михальскаго, подъ видомъ угощенія и вѣроятно имѣя къ нему, за что нибудь, давнюю злобу, угостила его хорошенько бранью и побоями чрезъ своихъ дворовыхъ людей. Это тоже доказываетъ, что она жила въ Соборномъ приходѣ, такъ какъ и домъ Михальскаго былъ недалеко отъ Соборной церкви, подлѣ крѣпостнаго рва. Преданіе говоритъ, что эта Марѳа Маркевичева погребена также въ Соборной церкви и про нея до сихъ поръ у многихъ старухъ, тоже вѣроятно изъ преданія суевѣровъ пропала вѣка, сохранилась такая сказка, что будто-бы она мертвая ходила къ своему сыну, жившему вблизи церкви, въ каменномъ домѣ, (это тотъ полковникъ Андрей Маркевичъ, который жилъ тамъ въ 1780—97 г.) и что бывало, когда около церкви не было еще ни какой ограды и церковный сторожъ—Ефимъ

---

*) По всей вѣроятности сына того владѣльца, въ домъ котораго квартировалъ Карлъ XII-й.

Стружъ, тоже не плохой знахарь своего времени, по-жился ночью на порогѣ, при наружныхъ церковныхъ дверяхъ то въ полночь „пани“ проходя сквозь запертыя двери, всегда говорила „посунься пропусты мене Ефиме“ и Ефимъ ни мало не смущаясь, спрашивалъ: „що, идете пани?, идить съ Богомъ, а-бы благополучно!“ Но въ одну ночь мертвая пани возвращается въ церковь отъ сына, несетъ въ „приполѣ“ свою отрубленную голову и говоритъ: „пусты Ефиме мене у гробъ, дохоты дымась до сына! теперь уже до вику не пиду“. По другимъ рассказамъ, тоже прошлаго вѣка старухъ, передають и теперь многіе старожилы, что ночью часто эта пани плакала въ церквѣ. Эти сказки могутъ отчасти утвердить предположеніе, что Марѳа Маркевичева и мужъ ея сотникъ Иванъ Андреевичъ какъ богатые и знатные прихожане Соборные, тоже похоронены въ Соборной церквѣ, около дѣда и бабки ихъ; такъ какъ тамъ, подъ чугуннымъ поломъ, стѣитъ нѣсколько гробовъ, но неизвѣстно ни кому кто въ нихъ поконтся?.

XVII.

Всѣ старыя дѣла, бывшей здѣсь сотенной канцеляріи, переданы въ открытый съ 1763 года, земскій судъ, а нѣкоторыя можетъ быть болѣе важныя, забраны въ полковую Лубенскую канцелярію; затѣмъ въ 1853 г., я самъ видѣлъ какъ всѣ старыя дѣла, бывшаго земскаго суда, по предписанію начальства уничтожены: въ дворѣ которомъ помѣщался тогда земскій судъ (тамъ гдѣ теперь 2-я пожарная часть) былъ пустой разрушившійся колодець, туда свалили болѣе трехъ возовъ старыхъ дѣлъ и безжалостно засыпали ихъ на вѣки отъ любопытнаго взора любителей старины. По этому теперь кромѣ церковныхъ дѣлъ, и то только съ 1730 годовъ,

нѣтъ у насъ ни какихъ письменныхъ памятниковъ, о дѣлахъ, хотя бы XVII и XVIII столѣтій, а при неимѣніи ихъ приходится большею частію ограничиваться однимъ преданіемъ старожилловъ.

ЧАСТЬ II-я

отъ учрежденія намѣстничествъ до преобразованія городского управленія.

I.

Съ учрежденіемъ въ 1782 году намѣстничествъ, Ромень вошелъ въ званіе уѣзднаго города Черниговскаго намѣстничества,*) и въ немъ въ Февралѣ мѣсяцѣ того-же года открытъ магистратъ, а при немъ словесный и сиротскій суды. Первымъ градскимъ главою былъ въ Ромнѣ—бунчуковый товарищъ Иванъ Ѳедоровичъ Безпальчевъ, а членами въ магистратъ по предписанію и приглашенію его сіятельства высокоповелительнаго господина, генераль-фельдмаршала, сенатора, Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго генераль губернатора и разныхъ орденовъ кавалера графа Петра Алѣксандровича Румянцова-Задунайскаго, изъявили согласіе быть выбранными и выбраны тогда, по недостатку грамотныхъ людей въ купеческомъ званіи,—бургомистрами: войсковые товарищи Григорій Гергель и Савва Римаренко, а ратманами: войсковые-же товарищи—Анисимъ Бѣлогрудъ, Климентъ Матвѣевскій, Семень Гайдукъ и полковой хорунжій Петръ Чарный. Но всѣ эти лица, какъ дворяне, не подлежашіе по силѣ Высочайшихъ учрежденій о городахъ, въ дѣлю магистрата, прослуживъ только одно трехлѣтіе, еще въ Октябрѣ 1784 года подали доношенія, что они болѣе нежелаютъ быть въ этихъ должностяхъ и просили болѣе ихъ не выбирать, такъ какъ они и въ купеческомъ званіи не состоятъ.

---

*) Здѣсь необходимо замѣтить, что въ 1782—96 г.г. города назывались уѣздными, а по этому названію и всѣ должности, напр. уѣздный предводитель, уѣздный стряпчій, уѣздное казначейство и т. д., а съ 1797 г. вмѣсто уѣзда, дано наименованіе «повѣтъ» и начали присутственныя мѣста и должностныя лица писаться «повѣтовыми» а предводителю дано названіе «маршалъ» каковое названіе продолжалось до 1831 г. А съ того времени опять стали уѣзды, уѣздныя присутственныя мѣста и вмѣсто маршала—предводитель дворянства.

По этому наслѣдующее съ 1785 года трехлѣтіе были
выбраны: градскимъ головой—купецъ Михаилъ Беръ,
бургомистры и ратманы—тоже изъ купеческаго званія.

Въ 1786 году введено въ г. Ромнѣ Высочайше утвержденное 21 Апрѣля 1785 года городское положеніе, и тогда подъ предсѣдательствомъ головы Бера, составилась, по выбору купеческаго и мѣщанскаго общества, общая городская дума, изъ слѣдующихъ гласныхъ: 1-й части Артемъ Криворученко, 2-й части Петръ Волинскій, 3-й части Тома Гусаковъ, 4-й части Сафронъ Богаенко, 2-й гильдіи гласный Игнатъ Андрусиченко, 3-й гильдіи Діонисій Кислый, гласные отъ цеховъ: кравецкаго—Петръ Вербець, рѣзницкаго—Трофимъ Лютый, ковальскаго—Мойсей Лазоренко, шевскаго—Сидоръ Бугаенко, калашницкаго—Максимъ Бороданъ и ткацкаго—Иванъ Боровиць. По утверженіи этой думы, должности коронныхъ смотрителей, распорядившихся при полковомъ управленіи, городскими имуществами, упразднены и всѣ недвижимыя имущества и доходы съ нихъ перешли въ вѣдѣніе новой думы. Многія мѣста потомковъ Маркевича какъ то: городскіе валы за Соборомъ, на Монастырской улицѣ и Подзоловщина поступили въ городскую собственность; родовое село ихъ Засулье перешло въ концѣ семисотыхъ годовъ, во владѣніе разныхъ лицъ—тамошнихъ жителей, а дворъ Іосифа Маркевича, бывшій въ Никольскомъ приходѣ, надъ горою противъ Покровской церкви, поступилъ въ собственность дворянства Роменскаго уѣзда.

II.

Изъ одного дѣла, заведеннаго въ городской думѣ, въ 1786 году „о шестви Ея Императорскаго Величества для обозрѣнія разныхъ губерній“ между прочимъ видно, что въ томъ году было въ г. Ромнѣ: купцовъ 71 и мѣ-

щанъ 386 душъ, съ которыхъ по предписанію начальства, слѣдовало къ поставкѣ, для Высочайшаго путешествія, полагая съ 40 душъ по 1 лошади, 11 лошадей и четыре челоуѣка проводниковъ съ надлежащимъ обмундированіемъ.

Должно полагать что такое-же число купцовъ было и при первыхъ выборахъ членовъ въ Магистратъ въ 1782 году, но замѣчательно, что грамота въ то время между нашимъ купечествомъ была такою рѣдкостію, что некого было выбрать бургомистрами и ратманами изъ купеческаго званія, такъ что главный начальникъ края, — какъ выше сказано, — принужденъ былъ приглашать для этого дворянъ! Такъ же точно и въ общей городской думѣ, избранной въ 1786 году, большинство гласныхъ были совсѣмъ неграмотными, и всѣми дѣлами города управлялъ думской писарь — войсковой товарищъ Семень Гергель, который въ 1791—92 г. назывался уже письмоводителемъ думы и сиротскаго суда и получалъ, по этимъ двумъ должностямъ, жалованья 80 руб. въ годъ.

Въ 1786—91 годахъ никакой суммы изъ городскихъ доходовъ, на содержаніе городского общественнаго управленія не опредѣлялось; а собиралось съ общества по распологу: на содержаніе думы и магистрата по 192 рубля въ годъ, каковымъ сборомъ облагались всѣ городскіе обыватели, въ томъ числѣ и дворяне, а собиралъ этотъ налогъ особый староста, выбираемый изъ мѣщанъ; а въ 1789 году, сверхъ этого налога былъ еще особый сборъ съ общества на сооруженіе городского знамени (стоявшаго всегда на валу) и на приобрѣтеніе новаго звона для городскихъ часовъ*).

Наконецъ въ 1792 году дума обратилась съ ходатайствомъ въ Черниговское намѣстническое правленіе,

---

*) Дѣло въ городов. магистратѣ 1786 года.

что „содержаніе оной отъ общества очень тягостно для „сего послѣдняго, что часто остается недоимка и что „члены неполучающіе никакого жалованья принужденными находятся употреблять отъ себя на содержаніе писаря и на расходы въ оной, и просили объ ассигнованій изъ городскихъ суммъ 140 руб. въ годъ: 100 руб. на жалованье писарю, 15 руб. сторожу, а 25 р. на канцелярскіе расходы: на бумагу, сургучъ, дрова и свѣчи! При этомъ ходатайствѣ дума представляла намѣстническому правленію, что доходовъ тогда отъ всѣхъ расходовъ оставалось:

въ 1786 году	. 4108 руб. 79 ¹ / ₂ коп.
въ 1787 году	. 4351 руб. 26 коп.
въ 1788 году	. 3035 руб. 62 коп.
въ 1789 году	. 2993 руб. 22 коп.
въ 1790 году	. 3859 руб. 6 коп.
въ 1791 году	. 4923 руб. 69 коп.

и въ 1792 году до Марта мѣсяца осталось 4589 руб. 63 копейки

Разумѣется намѣстническое правленіе безпрекословно разрѣшило думѣ расходовать на содержаніе ея по 140 руб. въ годъ. Но тутъ является сомнѣніе: откуда-бы, изъ какихъ источниковъ дума могла имѣть такіе большіе остатки суммъ, въ 1786—92 годахъ? Тогда какъ ниже увидимъ, изъ окладныхъ книгъ, что въ тѣ годы не получалось даже количества доходовъ, равнаго цифрѣ выведенныхъ остатковъ; и чуть-ли это не канцелярская хитрость писмоводителя Гергея, который, что-бы добиться большаго на 20 руб. въ годъ жалованья, съ умысломъ увеличилъ предъ намѣстническимъ правленіемъ сумму городскихъ доходовъ.

III.

Вообще, какъ всякое новое, невиданное дѣло, особенно для людей простыхъ—неграмотныхъ, каковыми

были тогда выборные отъ купцовъ и мѣщанъ члены думы и магистрата, служба для нихъ была очень тяжела; всякъ не охотно исполнялъ свою обязанность, да врядъ-ли кто и понималъ эту обязанность и управленіе городскимъ хозяйствомъ и имуществомъ, по городовому положенію, котораго онъ самъ не читалъ и ни отъ кого не слышалъ. По этому каждый гласный тогдашней общей думы тяготился своею должностію какъ непосильнымъ бременемъ, налагаемымъ на него въ родѣ повинности, или по тогдашнему выраженію „отбудка“ и старался только какъ-бы благополучно отслужить трехлѣтіе и передать свою обязанность другому, такому-же точно общественному дѣятелю. Тѣмъ болѣе, что должности по выборамъ отъ общества, не приносили никакой выгоды, а иногда еще,—какъ выше упомянуто, члены думы принуждены были тратить изъ своихъ средствъ на жалованье писарю и на другіе расходы.

При такомъ темномъ и не установившемся понятіи, къ своимъ обязанностямъ, новая дума дѣлала на каждомъ шагу ошибки и упущенія въ управленіи дѣлами города и постоянно во всякой малости обращалась за разрѣшеніемъ къ высшему начальству, которое старалось руководить, дѣлать разъясненія и вмѣстѣ съ тѣмъ строго слѣдить за всѣми дѣйствіями вновь открытыхъ думъ и магистратовъ. Впрочемъ и самый законъ (город. полож. 21 Апрѣля 785 г.) поставилъ эти мѣста такъ, что они ничего почти не могли дѣлать безъ предварительнаго разрѣшенія начальства; а чрезъ это выходила одна только бесполезная переписка и вмѣстѣ съ тѣмъ большія упущенія по городскому управленію. Такъ на примѣръ: Высочайше дарованною городамъ грамотою, былъ пожалованъ имъ, доходъ съ винной торговли. До открытія думы винная продажа по г. Ромну, была отдана магистратомъ на откупъ, съ 1-го Января

1785 по 1 Января 1786 года, всѣмъ живущимъ въ городѣ промышленникамъ, за 1420 руб. въ годъ; затѣмъ и новооткрытая дума отдавала этотъ доходъ въ откупъ, — тоже жителямъ города, — съ 1 Мая 1786 г. впредь на четыре года только по 1450 руб. въ годъ, а въ 1789—90 и 91 г. недороже 1500 рублей. Но когда Черниговскій губернаторъ замѣтилъ оплошность думы въ этомъ дѣлѣ и стачку Роменскихъ промышленниковъ, и предписалъ: до назначенія срока торговъ объявлять объ этомъ заблаговременно, по всѣмъ сосѣднимъ городамъ, то съ 1 Июля 1792 года винный откупъ по г. Ромну остался на торгахъ за Черниговскимъ купцомъ Василиемъ Грищенкомъ по 2565 рублей въ годъ; т. е. сразу прибавилось дохода съ этой статьи 1065 рублей.

Затѣмъ въ 1792 году, торгующіе въ г. Ромнѣ, иногородніе купцы и фабриканты, въ числѣ 58 человекъ, подали было въ городскую думу прошеніе: „что ярмарки „Вознесенская и Ильинская производятся въ самое жаркое лѣтнее время, а лавки всѣ въ тѣснотѣ и ветхости, „между многими жилими домами находятся, такъ что „въ случаѣ пожара не только спасать товары, а трудно „и самымъ спастись отъ опасности; почему просили: о „выводѣ этихъ ярмарокъ на городское выгонное мѣсто „и о постройкѣ, за небольшое издвигеніе, деревянныхъ „лавокъ, за соразмѣрную тому въ городской доходъ плату“

Объ этомъ прошеніи дума представила на разрѣшеніе Черниговскому губернатору Андрею Степановичу Милорадовичу, необъяснивъ ни слова: на какой выгонъ можно перевести ярмарки, какъ устроить лавки и на сколько это будетъ полезно для города.

На что Милорадовичъ поотвѣчалъ: „что безъ означенія признаваемаго просителями удобнаго къ выводу ярмарокъ на городской выгонъ, мѣста на планѣ; „узнать не возможно: будетъ-ли въ томъ приличіе, со-

„отвѣтствующее городу, какъ въ далекомъ разстояніи
„отъ него имѣеть свое положеніе, пространно-ли къ
„стеченію народа и удобно-ли для выгодъ онаго? къ
„тому же дума не сдѣлала смѣты во что обойдется по-
„стройка лавокъ и какой доходъ городу, съ отдачи ихъ
„въ наемъ, будетъ? то и дать нынѣ полнаго на пред-
„ставленіе думы предписанія, неудобно; за представ-
„леніемъ-же отъ думы всѣхъ оныхъ, свѣдѣній, резолю-
„ція послѣдуетъ!“ Получивъ такое толковое предписаніе,
дума и тогда не наплась, или не пожелала ничего сдѣ-
лать для пользы города, а только опредѣлила: за явкою
просителей объявить имъ выше прописанное предпи-
саніе, съ тѣмъ что-бы они сами составили планъ и
представили въ думу... и т. д. словомъ все то, что
требовалъ губернаторъ отъ думы—она потребовала отъ
кушцовъ; на томъ и все дѣло это окончилось.—Купцамъ
пріѣзжающимъ сюда, во время ярмарокъ, на нѣскольکو
дней, разумѣется нѣкогда было, по своимъ дѣламъ, раз-
суждать и высчитывать на сколько выгодно будетъ
для города построить лавки, на свободномъ выгонѣ и
получать съ нихъ на всегда плату, можетъ быть за
одну ярмарку, гораздо большую чѣмъ стоили-бы самыя
лавки, по тогдашней цѣнѣ на строительный матеріалъ,
а дума не пожелала принять въ расчетъ всѣ эти вы-
годы и послѣ объявленія торговцамъ, послѣдовавшаго
по ихъ прошенію, предписанія губернатора, послѣшила
дѣло о переводѣ ярмарокъ на свободный выгонъ, какъ
безъ интересное для нея, сдать скорѣе въ архивъ.

Такъ точно дѣлались новою думою, почти всѣ дѣла
по городскому хозяйству.

IV.

Ярмарки Роменскія, не смотря на большіе ихъ
обороты, тоже не приносили городу въ прошломъ сто-

лѣтѣи ни какого дохода. Неизвѣстно получали-ли съ нихъ, что нибудь, коронные смотрители, распорядившіеся городскими имуществами, до изданія городского положенія (1785 г.) но по крайней мѣрѣ, образованная на основаніи этого положенія, съ 1786 года, общая городская дума, какъ изъ дѣлъ ея видно, не имѣла ни какого дохода съ ярмарокъ, почти до перевода ихъ съ Соборной площади на выгонъ. Вообще, какъ изъ приведеннаго выше прошенія торговцевъ, видно, новая дума мало заботилась объ изысканіи какихъ-бы то ни было источниковъ дохода, несмотря на безчисленные предписанія и разъясненія тогдашняго Черниговскаго губернатора г. Милорадовича, постоянно указывавшаго ей на новые статьи дохода, которые подлежали городу, по силѣ Высочайше дарованнаго ему положенія. Изъ одной вѣдомости оброчнымъ городскимъ статьямъ, состоявшимъ, въ распоряженіи коронныхъ смотрителей, присланной еще до открытія думы, въ Роменскій магистратъ, изъ Черниговскаго намѣстническаго правленія, при указѣ отъ 19 Января 1786 года, можно видѣть какіе у насъ были самые первоначальные городскіе доходы. Изъ вѣдомости этой были означены, въ томъ время, „свободныхъ войсковыхъ оброчныхъ имѣній“, долженствовавшихъ со введеніемъ городского положенія поступить въ вѣдомство города, и съ которыхъ впредь до открытія думы, доходъ поступалъ въ магистратъ: 1-е коморъ шинковыхъ, идущихъ съ города, по лѣвую сторону пять, крытыхъ дранью; 2-е шаланей на рынкѣ, близъ бывшаго сотеннаго правленія, два.

3-е мѣсто шинковое, на предмѣстьи города, близъ колоды состоящее. Оныя коморы, шаланши и мѣсто, отданы въ оброкъ купцу Ивану Донцову по 70 руб. въ годъ, на четыре года.

4. Коморъ рыбныхъ пять, крытыхъ драбую. Оныя коморы отданы въ оброкъ купцу Гавріилу Чадину по 70 руб. 25 коп.

5. Пустыхъ „плевцовъ“ дворовыхъ мѣсть, оставшихся по изшедшимъ и измершимъ гражданамъ 45, съ коихъ одинъ только былъ отданъ городничему Сегунову, съ 1785 по 1789 годъ по 30 руб. 50 коп. въ годъ*).

6. Домъ табачной конторы о четырехъ покояхъ, съ разными строеніями. Неизвѣстно гдѣ онъ находился и доходу съ него никакого не получалось.

7. Торговыхъ ярмарочныхъ площадей двѣ: съ коихъ первая за городомъ при присутственныхъ мѣстахъ, а вторая на форштатѣ города, надъ главною дорогою въ города: Кіевъ, Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскъ**). Съ оныхъ получено въ 1784 году, за время ярмарокъ дохода 48 рублей 56 коп. Въ этой вѣдомости показаны только недвижимыя имущества, съ которыхъ магистратъ долженъ былъ получать доходы, въ пользу города, но самаго главнаго дохода—съ винной торговли—намѣстническое правленіе въ эту вѣдомость не вносило. Затѣмъ изъ окладной генеральной книги за 1792 годъ видно, что городская дума получала тогда слѣдующіе доходы:

1. Съ винной продажи, отданной въ откупъ купцу Василю Грищенко 2565 рублей.

2. Съ пяти торговыхъ шинковыхъ лавокъ и двухъ шалашей, съ мѣстомъ шинковымъ, платилъ купецъ Петръ Волинскій 53 руб. въ годъ.

3. За пять рыбныхъ лавокъ и при нихъ одинъ ша-

---

*) Это тотъ «плевць» который находится на предмѣстьи противу корпуса сиротскаго суда и состоялъ въ оброкъ у Бурлая съ 1768 года.

**) Домъ присутственныхъ мѣсть стоялъ за крѣпостнымъ рвомъ, гдѣ теперь дровяной базаръ, по тогдашнему эта площадь лежала уже за городомъ; значить бывшая тогда на форштатѣ, т. е. на предмѣстьи города откуда шла дорога на Кіевъ и Черниговъ вносилась въ гостиную площадью.

лашъ и мѣсто торговое, (которые лавки по причинѣ ихъ ветхости въ откупѣ не состояли), а платилъ за нихъ Роменскій купецъ Степанъ Терновець 58 р. въ годъ.

4. Порожнихъ мѣсть было сорокъ семь, но только одно изъ нихъ, состоящее подъ застройкою лавокъ и палашей, нанималось колдежскому протоколисту Марку Матеровскому*) за 50 руб. въ годъ.

5. Съ порома и дубовъ собрано хозяйственнымъ образомъ, за весну 1792 года 142 руб. 41 коп.

6. За городскіе валы, отданные въ откупъ Андрею Коновалову, получено въ годъ, по контракту 105 р. 50 к.

7. Съ двора Кіево-Печерской лавры, поступившаго съ 1792 года, въ вѣдѣніе города, нанятого въ томъ году, дворянину Корнилію Гужулеву, получено 61 руб. А всего получено городскихъ доходовъ въ 1792 году 3034 руб. 91 коп.

Между тѣмъ какъ дума показывала таковыхъ въ остаткѣ, до Марта мѣсяца 4589 р. 63 к. Откуда выведенъ такой остатокъ, совсѣмъ не понятно? По окладной книгѣ больше ни какихъ доходовъ не значится, даже съ ярмарочныхъ площадей ничего въ этомъ году не получалось.—Магистратъ, до открытія думы, получалъ съ нихъ хоть 48 руб. 56 коп., но по открытіи думы и этого уже дохода, по неизвѣстнымъ причинамъ небыло. Должно полагать, что такъ какъ ярмарки помѣщались внутри города, между постройками частныхъ лицъ и въ ихъ собственныхъ лавкахъ и коморахъ, то весь доходъ съ ярмарокъ и поступалъ въ ихъ пользу. Здѣсь въ крѣпости между Соборною и Никольскою церквами, были въ то время дворы и постройки самыхъ знатныхъ пановъ и богатыхъ купцовъ, имѣвшихъ вѣроятно большое вліяніе на тогдашнюю думу, которые получали

---

*) Онъ былъ тогда секретаремъ магистрата.

весь ярмарочный доходъ: за свои дворы, лавки и коморы, а городу не донускали пользоваться ничѣмъ; такъ что думѣ осталось только семь лавокъ при корпусѣ присутственныхъ мѣсть, да и тѣ были такъ ветхи, что за нихъ, въ 1792 году, платилъ Терновець только 58 рублей.

V.

Изъ имѣющейся въ дѣлѣ городской думы,*) одной вѣдомости, доставленной въ 1806 году, по требованію подкоморія Роменскаго повѣта—маіора Ивана Ласкевича и его товарищей: маіора Гаджіева и прапорщика Сукова, видно что до 1804 года, т. е. до перевода ярмарокъ за городъ—на выгонъ и до устройства тамъ торговыхъ рядовъ, дума имѣла внутри города, принадлежащихъ ей: при казенномъ корпусѣ семь лавокъ (вѣроятно уже исправленныхъ послѣ 1792 года) за наемъ которыхъ получено въ 1803 году 144 р. 50 к. За наемъ въ томъ же году городскихъ 12 мѣсть, состоявшихъ „поузъ оныхъ лавокъ“ для торговли бакалейными и рыбными товарами получено 17 р. За наемъ городскихъ мѣсть близъ избы, въ коей прежде помѣщался словесный судъ, за пять мѣсть, для торговли пряниками, получено 6 р. 50 к. За наемъ въ томъ-же году 37 городскихъ мѣсть, подъ застройкою бывшихъ городскихъ лавокъ, для торговли желѣзомъ и рыбою, получено 95 р. 25 к. За наемъ двухъ мѣсть между городскими лавками, у казеннаго корпуса устроенными и билимовскимъ дворомъ лежащихъ, получено 29 р. 30 к. и за наемъ городского мѣста между дворомъ умершаго купца Ивана Лаза и прежнимъ городничествомъ лежащаго для торгу замками и ружьями получено 6 рублей.

---

*) Дѣло объ устройствѣ большого гостиннаго двора 1804 г. № 298.

Изъ этого свидѣнiя видно, что до 1903 года дума, т. е. городъ имѣлъ въ своемъ владѣнiи 57 лавочныхъ мѣстъ, и семь готовыхъ лавокъ при казенномъ корпусѣ.— Лавки эти и мѣста продолжали приносить думѣ доходъ и послѣ перевода ярмарокъ за городъ на выгонъ; такъ какъ въ безъярмарочное время всякая мѣстная торговля производилась по прежнему внутри стараго города. Но затѣмъ по снятiи казеннаго корпуса присутственныхъ мѣстъ, бывшiе при немъ лавки уничтожены, а также и всѣ прежнiе торговьи мѣста, при измѣненiи въ 1820 годахъ, по новому плану, улицъ города, остались въ частныхъ дворахъ; а городу при устройствѣ новаго гостиннаго двора отведено 16 лавочныхъ башенныхъ мѣстъ, которыми онъ пользуется до сего времени.

VI.

Вскорѣ по открытiи Полтавской губернiи, въ 1802 г., бывшiй тогда главнѣйшiй начальникъ здѣшняго края— Малороссiйскiй генераль губернаторъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, обратилъ особое вниманiе на г. Ромень и въ особенности, какъ видно, на его значительныя ярмарки, которыя не смотря на всѣ просьбы и старанiя иногородняго купечества, о выводѣ этихъ ярмарокъ на болѣе выгодное и просторное мѣсто, все таки тѣснились по дворамъ и по коморамъ, между Соборною и Никольскою церквами, въ старинной крѣпости, и мало приносили выгодъ и удобства для торговцевъ, а для города почти ничего. По его представленiю, въ томъ же 1802 году, послѣдовало Высочайшее повелѣнiе о выводѣ изъ города ярмарокъ, на свободный городской выгонъ, находившiйся тутъ-же не далеко „на форштатѣ города“ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ утвержденъ первый планъ для города, по которому прежнiе, отжившiе свое время, крѣпостные валы и рвы должны быть расчищены и за-

сыпаны, а „пустынный до того выгонъ, долженъ былъ „войти внутрь города и составить современемъ лучшее „его украшеніе*).

Князь Алексѣй Борисовичъ, какъ видно принималъ заботливое—отеческое попеченіе о благоустройствѣ нашего города, объ усиленіи ярмарочной торговли и о равномерномъ распредѣленіи отъ нея выгодъ: какъ гражданамъ, такъ и иногороднему купечеству и самому городу.—Но сдѣлать такой значительный переворотъ, отмѣнить установившійся вѣками порядокъ и обычай ярмарочной торговли, нельзя было въ одинъ годъ.

Надо было устроить сначала хоть какія нибудь помѣщенія для торговцевъ, на новомъ пустынномъ мѣстѣ; нельзя было оставить и жителей, пользовавшихся внутри города выгодами отъ ярмарокъ, безъ должнаго удовлетворенія.

Дѣло это, очень важное по своимъ послѣдствіямъ, не только для одного Ромна, но можно сказать, для всей украины, требовало всесторонняго, правильнаго и безпристрастнаго обсужденія и только благодаря неусыпной заботливости такого просвѣщеннаго и дѣятельнаго начальника, не затянулось на долгое время.

Прибывъ въ г. Ромень, въ 1803 году, въ самый разгаръ Ильинской ярмарки въ Іюль мѣсяцъ—Куракинъ лично увидѣлъ всѣ неудобства отъ тѣсноты помѣщенія этой ярмарки; но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился: что перевести сейчасъ ярмарки за городъ и отнять у жителей тѣ выгоды, которыя они отъ нихъ получали, невозможно безъ всякаго вознагражденія.

Въ виду этого, онъ прежде всего, пригласилъ тогда же въ свою квартиру: повѣтоваго маршала Павла Андре-

---

*) Такъ сказано въ предложеніи Куракина на имя городской думы въ 1802 году послѣдовавшемъ.

евича Полетику, градскаго голову Степана Михайловича Бера и нѣкоторыхъ гражданъ, имѣвшихъ внутри города свои лавки, и по совѣщаніи съ ними, поручилъ Полетикъ разработать проэктъ: какъ уравнить каждаго изъ владѣльцевъ за потери ими выгодъ, чрезъ выводъ ярмарокъ изъ города на выгонъ, и какъ затѣмъ распределить въ предполагаемомъ вновь устроиться гостинномъ дворѣ помѣщенія, сообразно каждаго рода торговлѣ и съ соблюденіемъ также выгодъ самихъ торговцевъ.

Г. Полетика принялъ это дѣло также близко къ сердцу и поспѣшилъ исполнить желаніе начальника края и иногородняго купечества, чтобы въ слѣдующемъ 1804 году Ильинская ярмарка помѣщалась уже на просторномъ выгонѣ за городомъ. По его совѣту и подъ его главнымъ вѣдѣніемъ, тогда-же былъ избранъ для этого особый ярмарочный комитетъ, изъ слѣдующихъ лицъ,—имѣвшихъ внутри города свои лавки: коллежскаго ассесора Θεодора Ласкевича, титулярныхъ совѣтниковъ: Петра Навроцкаго и Ивана Лукьяновича, губернскаго секретаря Степана Андрианопольскаго и купцовъ: Степана Пушкарева и Матвѣя Подгорнаго. Комитетъ этотъ прежде всего занялся разрѣшеніемъ вопроса: какъ вывести изъ города ярмарки, чтобы никто изъ жителей не потерялъ прежнихъ выгодъ, получавшихся каждымъ отъ ярмарочной торговли. Для этого установлено было: раздавать каждому, въ новомъ гостинномъ дворѣ, такое-же самое количество лавочныхъ мѣстъ, какое онъ имѣлъ внутри города до 1802 года.

VII.

Въ архивѣ городской думы, сохранилось дѣло 1845 г., начавшееся по предписанію губернатора Ознобишина, о доставленіи ему свѣдѣній: о ярмарочномъ устройствѣ, о распределеніи рядовъ въ новомъ гостинномъ дворѣ,

учрежденномъ К. Куракинымъ, и кому по какимъ документамъ были отведены лавочныя мѣста.

Изъ этого дѣла отчасти можно видѣть: какъ давно существовали въ Ромнѣ ярмарки и какъ еще съ начала прошлаго столѣтія, всѣ жители интересовались приобретать мѣста „на торговомъ рынку“. Такъ изъ черновой вѣдомости доставленной думою, по этому предписанію, между прочимъ значиться, что изъ числа владѣльцевъ лавочныхъ мѣстъ при распределеніи таковыхъ въ новомъ гостинномъ дворѣ представляли документы: помѣщикъ Андрианонопольскій представилъ 10 крѣпостей:

Первую 1702 года Августа 28 дня, отъ Роменскихъ мѣщанъ Іосифа и Евстафія Солодухъ на продажу войсковому товарищу Михаилу Шкляренку, „коморнаго „плеца лежачаго на базарномъ рынку въ ряду великомъ „крамномъ“. А отъ Шкляревскаго учинена надпись 1739 года Апрѣля 3 дня, на продажу сего плеца, — названнаго уже грунтомъ, — пану Павлу Юрьевичу Андрианонопольскому;

Вторую 1721 года Іюня 25 дня отъ Митрофаны Дмитріевны Андресвой, на продажу ему-же Павлу Юрьевичу, одной коморы въ ряду Грецкомъ.

Третью 1730 года Ноября 15 дни на продажу ему-же Павлу Юрьевичу, Василиемъ Степановымъ — жителемъ Нѣжинскимъ, коморы въ ряду Грецкомъ;

Пятую 1726 года Декабря 27 дня отъ пресвитера Осодора Симеоновича, на продажу Павлу Юрьевичу, коморы называемой „Брижиковой“, въ Грецкомъ ряду.

Девятую 1739 года Іюля 17 дня, отъ товариства г. Ромна мѣщанъ и цехмейстеровъ, съ цеховыми, на продажу оставшагося отъ сгорѣвшей ратуши мѣста, въ длину 3 саж. и пядь, а въ ширину 1 саж. 3¹/₂ пяди, на рынку въ ряду Московскомъ, Павлу Юрьевичу за 600 руб.:

Десятую 1738 года Генваря 19 дня отъ братьевъ цеху шевскаго, на продажу мѣста въ г. Ромнѣ, на рынку, гдѣ „ятка шевская“—Павлу Юрьевичу за 350 золотыхъ и т. д. По этимъ документамъ одного только Андріано-польскаго, ясно видно, что еще въ началѣ семисотыхъ годовъ, при существованіи ярмарокъ внутри города, между Соборною и Никольскою церквями, были торговые ряды распределены, почти также какъ въ послѣдствіи планировались на новомъ выгонѣ, т. е. были уже и тогда ряды: крамный, грецкій, Московскій и проч. есть на примѣръ одна купчая 1737 года, по которой Яковъ Скляга купилъ у Роменскаго жителя Якіма Павленка, комору съ плецомъ, внутри города, въ Московскомъ ряду. Есть также много крѣпостей 1715—1749 годовъ, о переходѣ отъ одного владѣльца къ другому, торговыхъ коморъ на рынку: въ Московскомъ, Суздальскомъ, гончарномъ и другихъ рядахъ.

Неизвѣстно представлены-ли эти документы губернатору или возвращены владѣльцамъ ихъ? Въ дѣлѣ осталась только черновая вѣдомость; по этому достаточно уже для доказательства какъ давно существовала въ Ромнѣ ярмарочная торговля, и какъ еще за двѣстѣ лѣтъ, жители города, въ особенности помѣщики, интересовались пріобрѣтать лавочныя мѣста на торговой площади.

Въ томъ же дѣлѣ есть доставленный коллежскимъ ассесоромъ Василіемъ Маркевичемъ раздѣльный листъ 1810 года, на доставшіеся ему по наслѣдству „еще отъ предка его Андрея Маркевича“ въ числѣ прочаго имѣнія, лавочныя мѣста въ овощномъ, гуртовомъ, суконномъ и панскомъ рядахъ, которые потомъ и отвѣдены ему въ новомъ гостинномъ дворѣ.

О громадности оборотовъ старинныхъ ярмарокъ и о тѣснотѣ помѣщенія для нихъ, можно судить изъ одного

заявленія маіора Гаджіева*), (имѣющагося въ дѣлѣ), что въ 1803 году у него въ дворѣ, занимали кушцы, всѣ комнаты, коморы и погреба. Амбаръ деревянный подъ земляною крышею назывался тогда магазиномъ. Каменный погребъ занимали у него греки, для волосскихъ винъ; а въ пригребецѣ складывались: заполочь, шелковые товары, жемчугъ и брилліантовые вещи.

Такъ были дороги здѣсь мѣста! Не даромъ Андрианопольскій заплатилъ за одну „шевскую ятку“ 350 золотыхъ, или за 1 кв. саж. бывшій подъ ратушею 600 р.

И когда открылся ярмарочный комитетъ, для распредѣленія въ новомъ гостинномъ дворѣ мѣсть, то всѣ старались какъ-бы побольше и по прибыльнѣе занять здѣсь мѣста. Каждый спѣшилъ представлять разные документы, сколько у него было торговыхъ помѣщеній внутри города; даже безъ всякихъ купчихъ крѣпостей стоило только представить въ комитетъ удостовѣреніе отъ жителей города, что у него были какіе нибудь лавки, или коморы, занимавшіяся торговцами, во время ярмарки, и ему отводили, на основаніи такого удостовѣренія,—мѣста въ гостинномъ дворѣ**). За всякую незначительную лавочку, за какую нибудь коморку, или за мѣсто бывшее подъ балаганомъ и тапшовкою, здѣсь на просторномъ выгонѣ, каждый получалъ соотвѣтствующее число удобныхъ и просторныхъ лавочныхъ мѣсть; такъ точно и за дворовыя мѣста, предположенные по плану подъ новыя улицы, отводились на выгонѣ мѣста гораздо въ большемъ размѣрѣ. Напримѣръ: у губернскаго секретаря Андрея Рымарева и корнетши Анны Савицкой было до 1800 года внутри города, при Соборной церкви, у перваго двѣ лавки „крамнія“ въ крас-

---

*) Гаджіева дворъ былъ тотъ самый, который принадлежит теперь на слѣд. Симонова.

***) Дѣло въ архивѣ городской думы 12 Іюня 1845 г. № 1468.

номъ ряду, а у послѣдняго двѣ лавки въ пушномъ ряду, съ двумя при нихъ маленькими хатками, ледникомъ и влазнымъ погребомъ; а въ 1804 году отведено имъ за это, въ новомъ гостинномъ дворѣ, по шести лавочныхъ мѣсть, въ самыхъ прибыльныхъ рядахъ: Московскомъ, Суздальскомъ и Пушномъ, послѣдней даже двѣ угловыя лавки. Соборная церковь за свои 14 лавочекъ, бывшихъ подъ ея стѣнами, получила тоже четырнадцать лавочныхъ мѣсть, въ самыхъ лучшихъ, по тогдашнему времени, оптовыхъ рядахъ: Московскомъ и Суздальскомъ; а за школу занимавшую около церкви 220 кв. саж. отведено, позади Москов. ряда, обширное дворовое мѣсто, мѣрою 2400 кв. саж. Такъ же точно получали всѣ имѣвшіе преяде внутри города какія нибудь торговыя помѣщенія.

VIII.

Въ новомъ гостинномъ дворѣ, по распоряженію генераль-губернатора Куракина, и по распредѣленію ярмарочнаго комитета, предположено устроить въ восьми отдѣленіяхъ 284 лавки, по $7\frac{1}{2}$ аршинъ ширины каждая, а шеснацать угловыхъ-башенныхъ мѣсть, отведены въ собственность города. Лавки должны были строиться такъ, что къ распланированнымъ вокругъ всего гостиннаго двора, обширнымъ дворовымъ мѣстомъ отдаваемымъ подъ застройку разнымъ владѣльцамъ, оставались свободныя улицы въ сорокъ сажень ширины, на которыхъ потомъ, къ нынѣшнему городскому саду, бывшему тогда пустыннымъ мѣстомъ, предполагалось строить, на время ярмарокъ особые балаганы для „азіатовъ“ которые при существованіи ярмарокъ внутри города, неимѣли никогда особыхъ лавокъ, а довольствовались самыми маленькими коморками по дворамъ, за которые платили: по 3, 5 и не болѣе 10 рублей.

Въ 1803, 1804 и 1805 годахъ, городская дума, по распоряженію генераль-губернатора, выдавала каждому хозяину „данные“ на отведенные ему, во вновь открываемомъ гостинномъ дворѣ, лавочныя и позади его дворовыя мѣста; между тѣмъ къ Ильинской ярмаркѣ 1804 г. необходимо было устроить, хоть какія нибудь помѣщенія, для торговли на новомъ гостинномъ дворѣ, такъ какъ построекъ тамъ еще ни какихъ не существовало; по этому сами торговцы изъявили желаніе: строить каждый для себя необходимыя лавки и балаганы „съ прочностію“ съ тѣмъ что таковыя должны оставаться въ собственность владѣльцевъ лавочныхъ мѣстъ; но что бы сіи послѣдніе условились съ ними относительно умѣренной платы за занимаемыя мѣста.

По пріѣздѣ въ Ромень, предъ началомъ Ильинской ярмарки 1804 г., Куракинъ пригласилъ къ себѣ владѣльцевъ лавочныхъ мѣстъ и нѣкоторыхъ торговцевъ, и по совѣщаніи съ ними сдѣлалъ такое постановленіе: что торговцы сейчасъ обязываются устроить сообразныя для каждаго рода торговли помѣщенія, на свой счетъ, а владѣльцы лавокъ будутъ получать съ нихъ: въ заграничномъ, пушномъ, московскомъ, гуртовомъ, овощномъ, москательномъ и еврейскомъ рядахъ по 40 р., въ желѣзномъ, шорномъ, юфтовомъ, шапочномъ и суконномъ рядахъ по 35 рублей, а въ панскомъ, галантерейномъ, серебряномъ и книжномъ рядахъ по 30 рублей; а за башенныя мѣста платить въ думу т. е. въ доходъ города: въ московскомъ ряду по 70 руб., а въ панскомъ по 60 рублей въ годъ, съ тѣмъ что бы плата эта не была ни къмъ возвышена въ теченіи пяти лѣтъ, При чемъ сообразно этой платѣ; было опредѣлено: „на устройство современемъ новаго; каменнаго гостиннаго двора“ вносить ежегодно: торговцамъ по 10% а лавко-владѣльцамъ по 25% съ наемной платы, въ ярмарочный комитетъ, да

сверхъ того торговцы обязаны были платить по 2% въ общіе городскіе доходы.

Препроводить это постановленіе въ думу, Куракинъ отъ 26 Іюля 1804 года между прочимъ предписалъ думѣ: „при распредѣленіи лавокъ въ новомъ гостинномъ дворѣ и въ построеніи временныхъ амбаровъ, для имѣющихъ заграничный торгъ, дума не должна дѣлать ни какихъ пренятствій; посліку строеніе сіе будетъ на землѣ, городу принадлежащей, а за плату за оную дѣлать особое условіе. А при томъ наблюсти, чтобъ по при- мѣру сего ни какой другой рядъ симъ дозволеніемъ непользовался, почитая могущимъ быть тутъ со стороны купцовъ—въ обиду хозяевъ мѣсть,—подлогу въ уменьшеніи найма числа лавокъ.“

„Если всѣ торговцы не помѣстятся въ хозяйскихъ лавкахъ, дума должна имѣть наблюденіе, что бы всѣ хозяева, получившіе мѣста для постройки лавокъ, въ большомъ гостинномъ дворѣ, въ выгодахъ своихъ не могли имѣть ни какого разстройство и наемъ лавокъ имъ принадлежащихъ былъ бы всегда предпочтенъ. Когда-же дѣйствительно, за разборомъ всѣхъ мѣсть, нужно будетъ сдѣлать предопредѣляемое помѣщеніе,—назначеніе новыхъ для балагановъ мѣсть, должно идти рука объ руку и думать и чинить, за чьею обуздитъ рука въ доходъ города. Съ такимъ, съ сего времени назначеніемъ, чтобъ цѣна тѣхъ мѣсть была одинакая противъ цѣны лавокъ гостиннаго двора“

„За сдѣланнымъ съ купечествомъ о размѣщеніи рядовъ положеніемъ, остается къ помѣщенію суздальскій торгъ и торгъ азіатскаго народа. Сіи оба ряда и тѣ, которые не включены для размѣщенія въ большомъ гостинномъ дворѣ, дума должна принять на мѣста для сего: гостиннаго и гуртоваго дворовъ назначенныхъ; въ условіи же о наймѣ сихъ мѣсть, должна она имѣть

„ту осторожность, чтобъ цѣна онимъ была соразмѣрна
„цѣнѣ лавкамъ большаго гостиннаго двора.“

Вообще какъ изъ другихъ параграфовъ сего предписанія видно, Куракинъ заботился, чтобы иногородніе купцы не дѣлали ни какого ущерба владѣльцамъ лавочныхъ мѣстъ, что бы они прежде всего занимали всѣ владѣльческія лавки, а потомъ уже если не помѣстятся въ лавкахъ, то могли строить балаганы; и что бы привозимые предъ началомъ ярмарки товары складывали каждый въ своемъ ряду, и если не станеть лавокъ, то въ такомъ только случаѣ можно было складывать позади ихъ въ балаганахъ.

Въ то же самое время т. е. 26 Іюля 1804 года, для непремѣннаго исполненія означеннаго постановленія своего предписанія, Куракинъ написалъ Павлу Андреевичу Полетикѣ, такое письмо: „Купечество съѣхавшее на Ильинскую ярмарку, съѣлавъ въ присутствіи
„моемъ постановленіе, въ коемъ распредѣливъ, въ гостинномъ дворѣ помѣщенія, сообразно каждаго рода
„торговли, но неимѣнію еще ни какого для торгу строенія, что бы устроить для того балаганы, просили
„моего ходатайства у господъ хозяевъ лавочныхъ мѣстъ
„установить цѣны симъ мѣстомъ, безъ перемѣны на 5
„лѣтъ, обязываясь потребныя строенія произвести отъ
„себя. Уваживъ сіе купчества прошеніе, какъ заключающее существенную пользу торговцевъ, и выгоду
„самыхъ Гг. хозяевъ, и руководствуясь принятіемъ вами,
„Милостивый Государь на себя въ прошломъ году, труда
„уравнить каждаго изъ владѣльцевъ удовлетвореніемъ
„за потерянные ими, чрезъ выводъ ярмарки, выгоды,—
„я и нынѣ прихожу къ вамъ М. Г. съ убѣдительною
„просьбою: о соглашеніи ихъ на выполненіе желанія
„купчества, которое на всегда восчувствуетъ ваше одол-

„женіе, а я прійму оное съ искреннѣйшею благодарностью“ *).

Такимъ образомъ въ 1804 году, на мѣстѣ загороднаго пустыннаго выгона, возникъ красивый гостинный дворъ и вокругъ него начали устраиваться обширные прибыльные дворы, обогатившіе въ скоромъ времени своихъ владѣльцевъ, которымъ они достались, за самую ничтожную цѣну.

При существованіи ярмарокъ внутри города, т. е. въ старой крѣпости жили здѣсь большею частію дворяне и чиновные люди, состоявшіе въ прошломъ и позапрошломъ столѣтіи въ войсковой службѣ которые и были въ большинствѣ владѣльцами лавокъ и всѣхъ торговыхъ помѣщеній; такъ что при распланированіи новаго гостиннаго двора и при устройствѣ въ немъ торговыхъ помѣщеній, въ 1804 г., владѣльцами лавочныхъ мѣстъ оказались только купцы: Степанъ Беръ, Козьма Петровскій, Иванъ Санинъ, Сидоръ Кислый, Иванъ Левченко, Власъ Андрусяченко, Иванъ Бондарцовъ, Степанъ Пушкаръ, Игнатъ Андрусяченко, Михайло Овсѣнко, Іосифъ Можневскій, Яковъ Пушкаръ, Савва Лесковскій и мѣщане: Дейнеко, Леонъ Кашпуровскій и Федоръ Сторчакъ.

Не видно изъ дѣла, по сколько номеровъ досталось имъ лавочныхъ мѣстъ, но должно полагать что самое незначительное число; такъ какъ по нѣсколько (по 6 и болѣе номеровъ) было: у шести братьевъ Маркевичей, у Навроцкаго, Лукьяновича, Полетики, Ласкевича, Водарскаго и многихъ другихъ знатныхъ помѣщиковъ, которыхъ дворы въ старину были вблизи Соборной церкви и которымъ впоследствии, при распланированіи „стараго города“ отводились новыя дворовыя мѣста вокругъ гостиннаго двора и на Московской улицѣ.

---

*) Дѣло объ учрежд. въ Ромнѣ большого гостиннаго двора 1804 г. № 298.

IX.

Съ этого времени, съ переводомъ ярмарокъ за городъ, стараніемъ думы и неусыпнымъ попеченіемъ генераль-губернатора Куракина, городъ нашъ начинаетъ расширяться во всѣ стороны и принимаетъ совершенно другой видъ.

Старые башты: Монастырская, Пригородская, Житянская и другія уничтожаются, нѣкоторые крѣпостные рвы засыпаются, а валы расчищаются, проводится отъ новаго гостиннаго двора, за городъ, широкая улица, названная Московскою, и на этой улицѣ начинаютъ устраиваться обширные дворы, необходимые для ярмарочнаго помѣщенія. На мѣсто бывшихъ, въ прошломъ вѣкѣ, городскихъ „баштъ“ или башень, устроены въ 1805—7 годахъ, на двухъ главныхъ выѣздахъ изъ города: въ концѣ Московской улицы и при рѣкѣ Сулѣ каменные шлахбаумы или заставы, по Высочайше утвержденнымъ для всѣхъ городовъ планамъ.*)

Это были большіе,—во всю ширину улицы—ворота съ каменными со сводами калитками, съ обѣихъ сторонъ, для пѣшеходовъ и при нихъ каменными сторожками для полицейскихъ служителей, отбиравшихъ и записывавшихъ тутъ-же паспорта, отъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ городъ.

Ворота эти, въ случаѣ надобности, затворялись длиннымъ деревяннымъ сволокомъ, раскрашеннымъ черною и бѣлою красками, какъ и теперь красятся будки для военныхъ часовыхъ.

Въ тоже время (въ 1805 г.) устроены, на бывшемъ сотничьемъ дворѣ, тюремный замокъ. Шлахбаумы и тюрьма устраивались изъ суммъ бывшей тогда губер-

---

*) Въ 1864 году шлахбаумы эти, по распоряженію правительства, всѣхъ сняты.

ской строительной экспедиции, под наблюдением повѣтоваго землебра Колобова, который получалъ эти суммы, по мѣрѣ надобности, изъ городской думы.*)

Для конныхъ ярмарокъ, по предшествовавшихъ всегда краснымъ, отведена за Московскимъ плахбау-момъ, другая обширная площадь въ 36 десятинъ, на которой въ Вознесенскую и въ особенности Ильинскую ярмарки, помѣщалось безчисленное множество разныхъ мѣстныхъ торговцевъ (оптовые торговали исключительно въ лавкахъ гостиннаго двора) громадные табуны лошадей и воловъ пригоняемыхъ для продажи со всей Украины и даже татарами изъ Крыма, тысячи чумацкихъ воевъ соли и рыбы, привозимой съ Волги, Дона и Крыма; за тѣмъ по нѣскольکو тысячъ воевъ мѣстныхъ сосѣднихъ поселенъ, вывозившихъ ежедневно: сѣно, овесъ и всѣ сельскія произведенія, которыя тутъ-же распродавались и требовались вновь, каждый день. Такъ что Ильинская ярмарка начиналась въ послѣднихъ числахъ Юня, иногда вскорѣ послѣ Вознесенской, продолжалась „черная“ на конной до 20 Юля, а въ этотъ день поднимался флагъ внутри города и открывалась „красная ярмарка“ на гостинной площади въ лавкахъ и тогда всѣ мѣсткіе торговцы перевозились съ своими балаганами и талиовками, съ конной площади и устраивались на гостинной,—гдѣ продолжалась ярмарочная торговля, иногда до половины Августа.

Среди гостинной площади былъ построенъ думою въ 1807 году, большой домъ, получившій названіе „контрактоваго“ или раутнаго, вѣроятно отъ того что во время ярмарокъ здѣсь была приличная гостинница и производились между продавцами и покупателями всѣ торговыя сдѣлки, особенно крупныя операціи по закупкѣ

*) Дѣла въ архивѣ городской думы 1805—7 годовъ.

у мѣстныхъ помѣщиковъ табаку туземнаго производства, который отправлялся большими партіями: въ Москву, Казань и другіе города, даже на Кавказъ и въ Сибирь Роменскій табакъ, еще съ начала XVIII столѣтія такъ славился по всей Россіи и требованія на него были такъ громадны, что въ 1763 году по Высочайшему повелѣнію, отъ 23 Февраля того года была учреждена въ г. Ромнѣ табачная контора, подъ главною дирекціею Д. С. С. Теплова, для раздачи малороссійскимъ обывателямъ, безденежно, черезъ два года, американскихъ сѣмянъ для разведенія здѣсь американскаго табаку.

Контрактовый домъ, послѣ перевода Ильинской ярмарки въ Полтаву оставался пустымъ и въ 1864 г. разобранъ городскою думою и изъ него былъ построенъ около тюремнаго замка домъ для канцеляріи и сборни мѣстной уѣздной команды; а теперь этотъ домъ передѣланъ и приспособленъ для приходскаго училища.

Вскорѣ по переводѣ ярмарокъ на выгонъ и по устройствѣ тамъ торговыхъ помѣщеній, были устроены торговцами, въ углахъ гостинной площади, вблизи Суздальскаго и Москательнаго рядовъ, часовни въ которыхъ при началѣ и окончаніи каждой ярмарки совершались молебствія Соборнымъ и Вознесенскими причтами, что продолжается до настоящаго времени, въ день святаго пророка Іліи, несмотря на то, что теперь въ этотъ день бываетъ совсѣмъ пусто на площади и въ лавкахъ.

Одна изъ этихъ часовень, около Суздальскаго ряда состоявшая въ вѣдѣніи Вознесенской церкви, 29 Мая 1891 года, сильно повреждена бурей и потому была разобрана и иконы изъ нея и дерево забраны въ церковь.

X.

Въ 1805 году, съ устройствомъ гостиннаго двора, на мѣсто бывшей въ прошломъ столѣтіи, большой „про-

битой,, улицы, начинавшейся отъ городского вала и шедшей къ Житянской баштѣ, по новому плану оказавшейся совсѣмъ не нужною,—начинаетъ проводиться новая „Полтавская улица“, отъ гостиннаго двора до рѣки Сулы. Но для проведенія этой улицы потребовалось такъ много ломки, что она окончательно образовалась,— въ настоящемъ видѣ,—только къ 1828 году.

Для проведенія этой улицы, по утвержденному плану, въ 1805 году, предполагалось снять 23 двора разныхъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ дворъ принадлежавшій думѣ, бывшій нѣкогда Кіево-Печерской лавры, поступившій въ вѣдомство города въ 1792 году и дворъ народнаго училища.

За предложенные къ уничтоженію дворы, дума отводила нѣкоторымъ владѣльцамъ другія дворовыя мѣста, на вновь открывшейся Московской улицѣ, а нѣкоторымъ выплачивала деньгами, на что было ассигновано Кн. Куракинымъ 4350 рублей*).

Народное училище, открытое здѣсь въ 1799 году, помѣщалось среди предложенной къ проведенію въ 1805 году Полтавской улицы, въ деревянномъ домѣ, противъ того мѣста, гдѣ впоследствии, въ 1805 году отведенъ для него большой дворъ, по фасаду на эту улицу и устроенъ каменный двухъ-этажный домъ, съ двумя флигелями и разными службами. Затѣмъ въ 1820 году, устроенъ, рядомъ съ училищнымъ дворомъ каменный тоже двухъ-этажный домъ для почтовой конторы, а дальше, къ нижнему—Засульскому плахбауму, по одной линіи съ училищемъ и почтовою конторою устроенъ тоже каменный домъ и для уѣзднаго казначейства.

Все эти дома строились на счетъ казны, съ уступкою отъ города безвозмездно необходимой подъ помѣщеніе ихъ земли.

*) Дѣло въ архивѣ думы 1804 г. № 298.

Замѣтъ въ 1894 году, по постановленію городской думы, рядомъ съ уѣзднымъ казначействомъ, на свободной городской землѣ, заложенъ и уже состроенъ просторный каменный домъ для городского трехкласснаго училища, которое помѣщалось всегда въ наемныхъ домахъ, на счетъ городскихъ и земскихъ суммъ. Между тѣмъ къ 1810 году Московская улица, устроилась уже на столько, что владѣльцы, построившіе здѣсь дома, ходатайствовали у губернскаго начальства, что-бы съ этого времени конныя ярмарки, хотя зимніе—Маслянская и Михайловская не помѣщались-бы по прежнему внутри гостиннаго двора, а были переведены на конную площадь, за Московскій плахбаумъ, что-бы и ихъ дворы не лишались дохода. И губернское правленіе уваживъ ихъ ходатайство и принявъ въ сооруженіе, что отъ помѣщенія конныхъ ярмарокъ будетъ засорятся гостинный дворъ, составляющій главное украшеніе города, и очистка ихъ будетъ стоить лишнихъ расходовъ,—предписало думѣ немедленно перевести конныя ярмарки—на конную площадь.

XI.

Послѣ Куракина, при его пріемникѣ—новомъ генераль-губернаторѣ—князѣ Рѣпинѣ, въ 1817 году, былъ опять составленъ новый планъ для города, по которому предполагено провести нѣсколько новыхъ улицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя тогда-же и начали проводиться Коржевская отъ Большой-Монастырской до самаго конца города, чрезъ оврагъ Мухавецъ, на конную площадь, Духовская отъ бывшаго предмѣстья „Замѣстьемъ“ именуемаго, къ Соборной церквѣ, потомъ Большая Роменская—отъ Полтавской, противъ почтовой конторы, къ тюремному замку,—Лѣварская отъ Роменской на Никольскую улицу и нѣкоторыя другія; такъ что съ этого

времени началась повальная ломка всего старого и окончательное уничтоженіе крѣпостныхъ рововъ и валовъ. Съ начала двадцатыхъ годовъ, городская дума буквально была завалена дѣлами о вознагражденіи обывателей за отходящія подъ городскую надобность ихъ мѣста, объ отводѣ имъ другихъ дворовыхъ мѣстъ и о расчисткѣ валовъ.

Князь Николай Григорьевичъ Рѣпинъ, по примѣру предшественника своего Кн. Куракина, тоже очень часто бывалъ въ Ромнѣ и много заботился о его благоустройствѣ и украшеніи; такъ что настоящимъ своимъ видомъ и расположеніемъ улицъ и площадей—Ромень прежде всего обязанъ старанію Рѣпина: по его указанію и подъ его наблюденіемъ распланированы и усажены тѣнистыми деревьями тѣ прекрасные бульвары, по Московской и Полтавской улицамъ, которые по настоящее время служатъ пріятнымъ гуляньемъ для публики. При немъ—1822—25 годахъ, было устроено среди Московской улицы, съ лѣвой стороны ея, Богоугодное заведеніе, съ церковью въ немъ во имя Св. Равноапостольной Маріи-Магдалины и разведенъ при немъ большой садъ до самаго оврага—Мухавца. Для постройки Богоугоднаго заведенія, по его распоряженію, дума отвела свободное городское мѣсто, около с. Лозовой, для кирпичнаго завода, а всѣ работы производились подъ главнымъ наблюденіемъ и распоряженіемъ бывшего тогда попечителя Богоугодныхъ заведеній—повѣтоваго маршала статскаго совѣтника Василя Григорьевича Полетики, частію на счетъ суммъ приказа общественнаго призрѣнія, а частію на счетъ добровольныхъ—частныхъ пожертвованій и въ особенности на средства самаго строителя—Полетики; который употреблялъ надѣло: свои подводы, людей и дерево изъ своихъ лѣсовъ, безъ всякой записи всего этого въ приходъ и расходъ: такъ что

большую частью изъ тростника, обмазаннаго толсто глиною и крытые соломой, и такіе-же длинные, вокругъ двора, сараи для лошадей, изъ хворосту подъ соломенною крышею. Однимъ словомъ—это были не городскія постройки, съ какимъ нибудь—хотя бы маленькимъ комфортомъ, а просто постоянные дворы, какіе вообще строились тогда по всѣмъ большимъ проѣзжимъ дорогамъ. Только и были постройки театръ Олчова, въ углу гостинной площади, при въѣздѣ въ его дворъ, да въ дворѣ Михайловскаго: одинъ домъ на улицу, а другой двухъ-этажный (деревянный) внутри двора; и въ началѣ 1860 года, въ дворѣ бывшаго тогда городничаго Яновскаго, противъ желѣзнаго ряда, появилось два порядочныхъ домика, изъ которыхъ одинъ не былъ еще окончательно отдѣланъ, какъ пожаръ истребилъ ихъ, вмѣстѣ со всѣми остатками памятниковъ Ильинской ярмарки.

Пожаръ этотъ, сколько помнили старожилы, былъ единственнымъ въ Ромнѣ, по своему размѣру, и послѣ того въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ, не было уже подобнаго ему. Но тогда были повсемѣстно очень опустошительные пожары по городамъ и селамъ и, какъ носились слухи, поджоги были производимы поляками. Это было въ 1862 году, передъ началомъ польскаго мятежа. Пожаръ тогда начался съ пустыхъ лавокъ, стоявшихъ внутри гостиннаго двора.

Во время Ильинской ярмарки, всѣ торговцы не помѣщались въ 300-хъ номерахъ лавокъ, и потому позади Суздальскаго и еврейскаго рядовъ было выстроено внутрь площади еще 112 лавокъ, съ которыхъ платилось торговцами за каждую ярмарку посаженные деньги въ городской доходъ; но съ переводомъ Ильинской ярмарки въ Полтаву, часть этихъ лавокъ разобрана, а остальные никѣмъ изъ торговцевъ не занимались и въ

теченіи десяти лѣтъ очень обветшали. Это было въ Воскресенье 2 Сентября 1862 года, около 12 часовъ дня; загорѣлись стоявшія позади Суздальскаго ряда семь лавокъ, построенныя изъ сосновыхъ досокъ и крытыя тесомъ, которыя отъ давности лѣтъ и отъ бывшей предъ тѣмъ, болѣе мѣсяца, сильной засухи, такъ сильно горѣли, что прибывшая вскорѣ пожарная команда и сбѣжавшійся народъ не могли ничего сдѣлать, нельзя было не только тушить, но даже приступить близко, сухая сосна такъ сильно горѣла, что на разстояніи 10—15 аршинъ вокругъ горѣла трава. Однимъ словомъ всѣ собравшіеся на пожаръ только стояли въ почтительномъ отдаленіи и разсуждали, что пора строить новыя лавки, (кстати тогда былъ уже составленъ проектъ на устройство нынѣшнихъ каменныхъ лавокъ). Какъ вдругъ большое облако дыма подымается на срединѣ Московской улицы, противъ Богоугоднаго заведенія загорѣлись длинныя соломенные сараи и домъ въ дворѣ Зѣвиченка. Всѣ прибывшіе на пожаръ и пожарная команда, бросивъ лавки, охваченныя уже сверху до низу неприступнымъ пламенемъ, снѣхаться на Московскую улицу тушить новый пожаръ; но тутъ вмѣсто одного двора, пламя мгновенно переносится на другой дворъ, тоже со многими постройками крытыми большею частію соломой и тесомъ; затѣмъ не смотря на обширность здѣшнихъ дворовъ на большіе сады и огороды, почти при каждомъ изъ нихъ, пламя перелетаетъ, черезъ нѣсколько дворовъ, къ концу Московской улицы, потомъ на другую сторону, противъ сильнаго вѣтра, загораются дворы по линіи противъ желѣзнаго ряда, въ томъ числѣ новенькіе домики городничаго Яновскаго и театральное зданіе Огнева, съ своими высокими колоннами. Такъ что не больше какъ въ два часа, вся правая сторона Московской улицы, до самой Процовой горы, была объята бушу-

когда Рѣпинъ потребовать было отчетъ объ устройствѣ Богоугоднаго заведенія, то Полетика только сказалъ ему на это свою постоянную предмову „бигъ-ма“ добродію! „убирайся вонъ съ своими отчетами!“ и Рѣпинъ ничего больше не поспѣлъ возражать такому маршалу и не требовалъ больше никакого отчета.

По совершенномъ окончаніи всѣхъ построекъ въ Богоугодномъ заведеніи, въ 1825 году, Полетика писалъ въ городскую думу, что-бы она—если угодно приняла кирпичный заводъ, въ пользу города, съ уплатою только за имѣющіеся въ немъ постройки по оцѣнкѣ; но такъ какъ постройки тѣ были оцѣнены присяжными оцѣнщиками въ 510 руб., то дума признала не выгоднымъ оставить ихъ за собою и Полетика забралъ ихъ на дворъ Богоугоднаго заведенія, а дума воспользовалась только нѣкоторымъ оставшимся тамъ, совсѣмъ негоднымъ деревомъ, но однако и то употребила на починку мостиковъ и решетовку контрактнаго дома.

Заведеніе состояло въ вѣдомствѣ приказа общественнаго призрѣнія, до самаго упраздненія сихъ приказовъ (1864 г.) а съ того времени поступило въ вѣдѣніе земства Полтавской губерніи.

При Рѣпинѣ окончательно распланирована и открыта въ 1828 г., нынѣшняя Полтавская улица, до самаго Засульскаго (нижняго) шлахтаума; а въ 1827 г. былъ еще на ней, противъ Вознесенской церкви, такъ называемой „верхній шлахтаумъ“ гдѣ дума устраивала въ томъ г. мостокъ и пѣшеходы. Затѣмъ въ 1830 г. былъ устроенъ, первый въ Ромнѣ, деревянный мостъ черезъ рѣку Сулу, простиравшійся отъ самаго нижняго шлахтаума до с. Засульи, а въ послѣдствіи при передѣлкахъ значительно уже укороченный, по случаю ежегоднаго уменьшенія ширины русла рѣки. Въ томъ-же году были устроены

ющимъ пламенемъ. Тушить или спасти что нибудь изъ имущества не было никакой возможности, что было выхвачено изъ домовъ, то горѣло на улицѣ. Отъ пыли взрываемой сильнымъ вѣтромъ, и отъ дыма сдѣлалось совсѣмъ темно, множество людей, собравшихся на пожаръ бѣгало въ страхъ по улицѣ, закрываясь одеждою отъ пламени и дыма. Только и слышны были крики: „на Полтавской пожаръ! на базарѣ пожаръ!“ и народъ толпами валилъ съ мѣста настоящаго пожарища на базаръ и на пригородокъ, но тамъ все было благополучно, горѣла все только одна правая сторона Московской улицы. И не смотря на сильный вѣтеръ, переносившій горящіе снопы соломы и тесу на далекое разстояніе, пожаръ не перешелъ даже на противоположенную сторону Московской улицы, гдѣ все осталось цѣло и невредимо, благодаря большой ширинѣ улицы и широкимъ бульварамъ на ней, засаженнымъ въ два ряда роскошными деревьями.

XIV.

Послѣ этого опустошительнаго пожара, черезъ нѣсколько лѣтъ, начали устраиваться на Московской улицѣ, новые гораздо лучшіе дома; а съ 1864 года началась постройка аменныхъ лавокъ гостиннаго двора, которыя строились на капиталъ собиравшійся съ этою цѣлью съ 1804 года, т. е. со времени перевода ярмарокъ на гостинную площадь и устройства здѣсь торговцами временныхъ деревянныхъ лавокъ. Капиталъ этотъ собиравшійся какъ выше сказано съ торговцевъ и владѣльцевъ по 10 и 25%, во время Ильинской ярмарки, составлялъ къ 1864 году 346 тысячъ рублей, да было около 70 тысячъ собранныхъ особо, въ доходъ города, съ лишнихъ противъ трехъ-сотъ номеровъ лавокъ, устроенныхъ внутри площади, на городской землѣ. Город-

послѣдствіи пожара, для освѣщенія улицъ города, чина 120 руб., которые по тогдашнему освѣщались салными свѣчами.

XII.

Не мало также заботился князь Рѣпинъ объ усиленіи ярмарокъ въ г. Ромнѣ и о лучшемъ полученіи съ нихъ лавковладѣльцами и городомъ выгодъ, а особенно о скорѣйшемъ устройствѣ новаго гостиннаго двора. Проживъ здѣсь въ 1817 году, нѣсколько дней, на Ильинской ярмаркѣ, онъ замѣтилъ между прочимъ, что постановленіе изданное предмѣстникомъ его Куракинымъ, не исполняется торговцами, что въ нѣкоторыхъ рядахъ многія лавочныя мѣста оставались еще не застроенными, а въ нѣкоторыхъ и устроенныя лавки были пустыми, а торговцы на вредъ лавковладѣльцамъ, торговали въ балаганахъ, тогда какъ по числу ихъ, хотя-бы занять и всѣ лавки, то и тогда пришлось бы еще строить много дополнительныхъ торговыхъ помѣщеній. По совѣщаніи объ этомъ съ торговцами и владѣльцами лавокъ, онъ по выѣздѣ изъ города прислалъ, изъ Жидовой долины, на имя городского головы Бера, такое предписаніе: что бы всѣ лавочныя мѣста, отведенныя владѣльцамъ въ 1804 году, были непременно застроены и заняты торговцами, а какъ за такимъ распредѣленіемъ торговыхъ балагановъ должно уменьшиться, слѣдовательно дума можетъ потерять много доходу, то что-бы съ 1817 года торговцы, сверхъ платы хозяевамъ за наемъ лавокъ и 10% съ этой платы, на устройство гостиннаго двора, вносили еще (какъ и раньше было установлено) по 2% въ доходъ города. А такъ какъ при такой—прежней платѣ—нельзя скоро надѣяться построить каменный гостинный дворъ, то что-бы владѣльцы непременно платили ежегодно по 25%, а торговцы по 10% съ наемной платы на устройство гостиннаго двора. И дабы не было

скаго запаснаго капитала, оставшагося за всѣми текущими расходами, было до 120 тысячъ рублей. Словомъ, Роменъ имѣлъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, болѣе полумилліона наличныхъ денегъ, собравшихся благодаря ярмаркамъ, въ теченіи 48 лѣтъ, съ 1804 по 1852 годъ, т. е. до времени перевода главной изъ нихъ—Ильинской въ Полтаву. А сколько собиралось этихъ денегъ до 1804 года и сколько пропало на разныхъ займахъ и расхищено въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, объ этомъ ни кто ничего не знаетъ! Извѣстно только изъ одного дѣла, что въ 1829 году было позайствовано на устройство въ г. Полтавѣ кузницъ 30000 р. ассигнац., которые и остались тамъ безъ возврата; да въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, было утащено въ приказѣ общественнаго призрѣнія, нѣсколько тысячъ, которые взыскивались уже по суду, въ восьми-десятыхъ годахъ, съ бывшихъ членовъ приказа и наслѣд. тогдашняго Губернатора Могилевскаго и какъ случайная находка пожертвованы лавководѣльцами на устройство Александровской церкви.

Вообще въ старые годы, всѣ городскіе доходы, отсылались городской думою, ежемѣсячно, въ губернское правленіе, которое распоряжалось этими доходами по своему усмотрѣнію: часть изъ нихъ возвращало въ думу на удовлетвореніе необходимыхъ назначенныхъ по смѣтѣ расходовъ; а излишніе отсылало на приращеніе процентами, или заимствовало иногда, на какія нибудь нужды, другимъ городамъ, безъ вѣдома и согласія прямого хозяина этихъ денегъ—Роменской думы.

XV.

Не говоря уже объ очень старыхъ временахъ, когда губернаторъ и губернское правленіе распоряжались городскими суммами, по собственному усмотрѣнію, а го-

утайки со стороны тѣхъ и другихъ въ наемной суммѣ, онъ установилъ на 5 лѣтъ новую плату за лавки, ниже которой владѣльцы не должны были брать именно: въ панскомъ ряду 300 руб.; въ суконномъ 250 руб.; башмачномъ 150 руб.; желѣзномъ 250 руб.; шорномъ 150 р.; юхтовомъ 150 руб.; пушномъ 200 руб.; заграничномъ 200 руб.; бумажномъ 150 руб.; еврейскомъ 250 руб.; овощномъ 200 руб.; московскомъ 300 руб.; а за одно мѣсто въ этихъ рядахъ по 75 руб. и по 50 руб.

Такая плата продолжалась затѣмъ, безъ перемѣны, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, а Ильинская ярмарка усиливаясь ежегодно въ своихъ оборотахъ приносила значительные доходы городу, и въ особенности лавковладѣльцамъ.

Одно столь значительное увеличеніе, въ 1817 году, наемной платы за лавки, можетъ служить яснымъ доказательствомъ: какъ быстро возрастали и усиливались, съ каждымъ годомъ ярмарочные обороты на новомъ просторномъ выгонѣ, и сколько они приносили выгоды лавко—и дворо-владѣльцамъ. Судя по назначенной кн. Рѣпнинымъ нормальной платѣ за лавки, можно предположить, что Ильинская ярмарка противъ 1804 года, въ теченіи только 13 лѣтъ, увеличилась почти въ десять разъ. А въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, владѣльцы лавокъ и дворовъ занимавшихся подъ ярмарочныя помѣщенія, наживали громадныя деньги. Между тѣмъ какъ городскіе доходы, сравнительно не очень много увеличивались отъ усиленія ярмарочной торговли. Въ 1818 году собрано въ Ильинскую ярмарку по 2% за мѣста въ большомъ гостинномъ дворѣ 2513 р., въ томъ числѣ съ башенъ за 18 номеровъ по 75 руб. за каждый—1350 рублей; а въ 1819 году поступило изъ лавочныхъ мѣстъ 2% сбора 2175 рублей, да съ Суздальскаго ряда, за 38 лавокъ 1850 рублей.

родская дума не имѣла власти израсходовать безъ разрѣшенія и одного рубля и когда она обязана была о всякомъ малѣйшемъ расходѣ, изъ экстрординарной суммы, разъ уже разрѣшенной по смѣтѣ доносить губернскому правленію, довольно будетъ рассказать какъ въ 1862 году губернское правленіе хотѣло еще отнять отъ Ромна 60000 рублей на устройство лавокъ въ г. Полтавѣ. Весь Роменскій капиталъ, какъ городской остаточный, такъ и собранный на устройство гостиннаго двора, хранился уже тогда въ Харьковской конторѣ Государственнаго банка. Бывшій въ то время городской голова въ Ромнѣ, Л. Д. Остапенко, занимавшійся съ малыхъ лѣтъ торговлею хлѣбнымъ виномъ, при упраздненіи въ 1862 году повсемѣстно прежнихъ откуповъ и при назначеніи казеннаго акцизнаго управленія, вздумалъ взять значительный подрядъ поставки для Полтавской губерніи спирта и отправился съ этою цѣлью въ Полтаву, ходатайствовать о выдачѣ ему изъ казны, на такой подрядъ, задатка. Назначенный въ то время управляющимъ акцизными сборами въ Полтавской губерніи Д. С. С. Борзенко, по совѣту Полтавскаго губернатора А. П. Волкова, знавшаго хорошо Остапенка, какъ богатаго и практичнаго въ этомъ дѣлѣ челоуѣка, пообѣщавъ оставить за нимъ этотъ подрядъ и выдать изъ казны задатокъ сто тысячъ рублей серебромъ, разумѣется съ представленіемъ благонадежнаго залога, въ который Остапенко представилъ: четыреста десятинъ собственнаго лѣса, въ Черниговской губерніи, довольно цѣнный дворъ свой въ г. Ромнѣ и дворъ брата своего въ г. Зѣньковѣ, и тогда же получилъ просимые сто тысячъ рублей; но за такое одолженіе себѣ, со стороны губернатора, онъ предварительно пообѣщавъ позаимствовать изъ городскихъ суммъ, на устройство въ Полтавѣ лавокъ 60000 рублей. Согласно этому обѣщанію,

Сборы эти производили тогда особо для сего уполномоченные—гласные думы: въ 1818 году Левъ Трухановъ, а въ 1819 году Иванъ Кузнецовъ; но должно быть кромѣ этихъ сборовъ, представленныхъ гласными, были еще другія поступленія въ думу, во время ярмарокъ, такъ какъ цифра доходовъ не сходится съ однимъ свѣдѣніемъ имѣющимся въ дѣлахъ думы. Въ 1837 году 28 Апрѣля по требованію губернатора, дума доставляла ему вѣдомость о количествѣ суммы, собранной во время Ильинской ярмарки, въ городской доходъ съ владѣльческихъ лавокъ и городскихъ мѣстъ занемасныхъ, торговцами, въ боольшомъ и маломъ гостинномъ дворѣ, съ 1804 по 1837 годъ, изъ которой значитъ что въ 1804 г. поступило всего сбора 1623 руб. въ 1805 году—1670 р.; въ 1810 году—1616 р.; въ 1818 году—4695 р.; въ 1819 г.—4432 р.; въ 1825 году—3718 р.; въ 1830 году—4592 р. 50 к., въ 1835 году—4664 р.; и въ 1836 году—4670 р. 60 к., а всего съ 1804 по 1837 годъ поступило въ городской доходъ 109885 рублей 75 копѣекъ.

Представляя эту вѣдомость, дума между прочимъ объясняла губернатору, что показанная въ оной сумма 109885 р. 75 к. употреблена въ расходъ, по распоряженію губернскаго правленія, на разныя городскія надобности, и „высылку въ оное правленіе“ и что изъ этой суммы на лицо при думѣ ничего не имѣется. А лавочный комитетъ, учрежденный для сбора денегъ, на устройство гостиннаго двора, завѣдываетъ своими дѣлами и собираетъ во время Ильинской ярмарки для того сумму, самъ, безъ участія думы, и сколько комитетомъ собрано для устройства гостиннаго двора суммы и гдѣ она находится, при думѣ свѣдѣнія не имѣется, и для городскихъ доходовъ съ онаго комитета, суммы получаемо не было. Изъ этого видно, что лавочный или ярмарочный комитетъ, въ прежніе годы, состоялъ совсѣмъ от-

Полтавская городская дума сейчас-же обратилась въ Роменскую съ такимъ предложеніемъ какъ запасный капиталъ г. Ромна хранится въ приказѣ общественнаго призрѣнія на $1\frac{1}{2}$ ‰ вкладѣ, а имъ необходимы деньги на устройство лавокъ, то что-бы Роменская дума позаимствовала для этого, на 10 лѣтъ; 60000 рублей за $2\frac{1}{2}$ ‰ годовыхъ, каковой заемъ будетъ выгоденъ для Ромна. Но тутъ Остапенко, по возвращеніи изъ Полтавы въ Ромень, встрѣтилъ сильную оппозицію своему намѣренію со стороны общества. Многіе Роменскіе граждане, конечно помнили еще тѣ времена, когда по милости губернскихъ властей, много проадало Роменскихъ денегъ за Полтавою, и рѣшительно воспротивились обѣщанію Остапенка сдѣлать еще новый заемъ на вѣрное безвозвратный; очемъ сей часъ-же было подано отъ дворянъ, купцовъ и мѣщанъ заявленіе, что-бы дума не давала ни за что денегъ въ Полтаву и что они посылаютъ объ этомъ жалобу Г. Министру.

Что-бы выгородить себя, какъ нибудь, изъ такого несприятнаго положенія, Остапенко велѣлъ секретарю написать въ Полтавскую думу увѣдомленіе, что предлагаемые ей $2\frac{1}{2}$ ‰ Роменская дума находитъ для себя не выгоднымъ, такъ какъ въ Ромнѣ предполагается къ открытію, въ скоромъ времени, городской общественный банкъ и предстоятъ другія, болѣе выгодныя предпріятія; а если Полтавской думѣ угодно сдѣлать заемъ, то что бы она платила не менѣе 6 ‰ годовыхъ и долгъ возвратила бы не черезъ десять, а черезъ пять лѣтъ; а самъ между тѣмъ уволился въ отпускъ отъ должности и уѣхалъ изъ города, что бы не участвовать въ такихъ переговорахъ думъ. Но послѣ этого отвѣта, вмѣсто думы, вступило въ дѣло займа денегъ Полтавское губернское правленіе и начало закидывать Роменскую думу строгими указами по „эстафетѣ“ замѣчаніями, выговорами

дѣльно отъ думы и занимался только распредѣленіемъ мѣстъ на ярмарочныхъ площадяхъ и полученіемъ сборовъ, установленныхъ высшимъ начальствомъ, съ торговцевъ и лавко-владѣльцевъ, собственно на устройство каменнаго гостиннаго двора. Изъ дѣла объ устройствѣ большаго гостиннаго двора, видно что въ 1818 году членами комитета для уравнианія лавочныхъ мѣстъ были: подполковникъ и кавалеръ Водарскій, капитанъ Иванъ Лукьяновичъ и титулярный совѣтникъ Петръ Навроцкій; эти лица самостоятельно распорядились наймомъ лавокъ, получали установленный съ нихъ сборъ, на устройство современемъ гостиннаго двора и отсылали таковой по своему усмотрѣнію, въ разныя кредитныя учрежденія, на приращеніе процентами. Такой независимый отъ думы—комитетъ, существовалъ до 1845 г.; а въ этомъ году, онъ присоединенъ къ думѣ и состоялъ подъ предѣдательствомъ городского головы.

ХІІІ.

Съ переводомъ ярмарокъ отъ Собора на выгонъ, вокругъ образовавшагося гостиннаго двора; а также по всей Московской улицѣ и дальше за шлахбаумомъ по надъ Процовкою горою, повыстраивались обширные дворы, но порядочныхъ построекъ въ нихъ не было. Всѣ жители, позанимавшіе тутъ большія дворовыя мѣста, не думали вовсе о благоустройствѣ и украшеніи города, а старались какъ-бы побольше извлечь дохода съ своихъ дворовъ, такъ какъ они жили единственно съ однихъ ярмарокъ то и строили каждый у себя кое какіе деревянные домики, на подобіе длинныхъ казармъ, для помѣщенія квартирантовъ—торговцевъ и пріѣзжающихъ на ярмарки покупателей. На Московской улицѣ и надъ процовскою горою, всѣ дворы были застроены необыкновенно длинными подѣленными на номера казармами,

и прочими начальничьими угрозами, что бы непременно позаимствовала городу Полтавѣ шестьдесятъ тысячъ руб., такъ какъ предлагаемые Полтавскою думою 2½ % оно (губернское правленіе) находить съ своей стороны очень выгоднымъ для Ромна, и что вслучаѣ, къ такому-то сроку, Роменская дума не вышлетъ требуемой суммы, то на нее будутъ обращены всѣ убытки понесенные Полтавскою думою на заготовленіе матеріаловъ для назначенныхъ къ постройкѣ лавокъ, которыхъ не за что будетъ выкупить черезъ упорство Роменской думы и проч. и проч.

Въ указахъ своихъ, губернское правленіе дѣлало даже такіе запросы: гдѣ-же это городской голова Остапенко, почему онъ уклоняется отъ подписи отпусковъ по настоящему дѣлу? дискать почему онъ пообѣщавъ самъ сдѣлать заемъ, теперь отказывается отъ своего обѣщанія, все равно онъ не укроется отъ наказанія и губернское правленіе будетъ взыскивать убытки съ него перваго, какъ главнаго виновника не выдачи обѣщаннаго займа. Остапенко конечно зналъ обо всѣхъ этихъ угрозахъ и трусилъ таки не на шутку; но болѣе всего онъ боялся что потеряетъ всякое довѣріе и расположенность губернатора Волкова и черезъ то потерпитъ въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, что и случилось таки надъ нимъ, въ скоромъ времени, по взятому имъ подряду поставки спирта. Между тѣмъ Роменское городское общество, послало въ правительствующій сенатъ жалобу на такое незаконное и насильственное требованіе губернскихъ властей въ займъ для г. Полтавы денегъ, и сенатъ сдѣлалъ выговоръ губернатору и губернскому правленію, предписавъ имъ не вмѣшиваться въ это дѣло и заемъ предоставить обоюдному и добровольному соглашенію городскихъ думъ*).

*) Дѣло въ архивѣ городской думы, о займѣ г. Полтавѣ 60000 р. на устройство городскихъ лавокъ. Началось 24 Февраля 1862 года, кончилось въ 1863 году.

Но разумѣется такого соимащенія не могло быть со стороны Роменской думы, хотя бы Полтавская предложила и 6⁰/₀ и этимъ г. Ромень и избавился отъ потери шестидесяти тысячъ рублей.

XVI.

Со времени введенія въ дѣйствіе городского положенія Императрицы Екатерины II-й, порядокъ выбора въ городскія общественныя должности былъ у насъ въ Ромнѣ установленъ такой: въ городскіе головы выбирались всегда самые богатые купцы; а въ гласные думы, въ члены магистрата, сиротскаго и словеснаго судовъ тоже купцы и знатные зажиточные мѣщане, такъ какъ по тогдашнимъ законамъ голова и члены думы и магистрата не получали ни какого жалованья, а еще иногда, по скудости штатовъ для канцелярій сихъ мѣстъ, принуждены были жертвовать изъ своей собственности— на наемъ писцовъ, на разные канцелярскіе расходы, на пріемъ и угощеніе губернскихъ властей, наѣзжавшихъ по временамъ для ревизіи дѣлопроизводства. А члены магистрата сверхъ того, часто и очень дорого расплачивались за чужія судебныя дѣла, когда ихъ по не опытности, или-же по злему умыслу, какогонибудь секретаря самыхъ отдавали подъ судъ. Самые выборы должностныхъ лицъ, съ 1784 года, въ силу Высочайшихъ учрежденій ст. 277—282 и по основанію департаментскаго выбора 1766 года производились по выслушаніи явившимися на выборы купцами и мѣщанами, въ Соборной церквѣ, Божественной литургіи, молебствія и по окропленіи всѣхъ св. водою. Такой точно порядокъ выборовъ производился и въ позднѣйшее время, почти до изданія новаго городского положенія 1871 г.

Такъ бывало, въ назначенный для выборовъ день собирались въ домъ, занимаемый думою, живущіе въ

городѣ купцы и мѣщане, имѣющіе по закону право участвовать въ выборахъ, первые по повѣсткѣ отъ думы, а послѣдніе черезъ мѣщанскаго старосту по приказу посланнаго отъ него „ходака“. Здѣсь въ присутствіи городничаго и стряпчаго, составлялся списокъ явившимся на выборы лицамъ, и всѣ избиратели въ предшествіи прежняго головы, городничаго и стряпчаго, съ хоругвями и цеховыми значками по сторонамъ, шли торжественно въ Соборъ, отправляли молебствіе и выполняли присягу о производствѣ безпристрастно выборовъ и потомъ съ тою-же процессіею возвращались въ думу и приступали къ выбору. При чемъ еще на основаніи законовъ, всѣ избиратели подраздѣлялись тогда на четыре нравственныя категоріи, дававшія преимущества на выборахъ и больше шансовъ быть избранными на должность. Къ 1-й категоріи принадлежали: женатые—имѣющіе дѣтей; ко 2-й—женатые бездѣтныя; къ 3-й—вдовцы и къ 4-й—холостые.

Не смотря на то, что всѣ выборные лица, служили въ городскихъ должностяхъ безъ всякаго вознагражденія; желающихъ занять должность головы, гласныхъ думы, или членовъ магистрата, было и тогда очень довольно. Многіе претенденты на эти должности, еще за долго до выборовъ составляли въ свою пользу партіи и тратили не мало денегъ на „могорычи“. Впрочемъ „могорычи“ всегда были обязательны, послѣ выборовъ, для каждаго избраннаго на какую-бы то ни было должность, хотя онъ въ сущности и не желалъ занимать этой должности. Особенно участвовавшіе въ выборахъ мѣщане—цеховые, изъ Западинецъ, имѣли большое вліяніе на ходъ выборовъ, и иногда такъ умогоричивались предъ выборами, что не рѣдко прибѣгали къ брани и кулачной расправѣ съ противниками своей партіи. Такъ бывало, что если кто желалъ занять намѣченную имъ

должность, то заблаговременно долженъ былъ отправиться на Западнцы: попросить объ этомъ извѣстныхъ домохозяевъ—вожаковъ партій, и пообщать на предводимыхъ ими „хлопцевъ“ извѣстную сумму на могорычъ, и тогда уже былъ увѣренъ, что желаемое мѣсто останется за нимъ.

Должно полагать, что этотъ порядокъ городскихъ выборовъ ведетъ начало съ незапамятныхъ временъ, и можетъ быть существовать еще до введенія городского положенія. Я помню выборы, только съ конца пятидесятыхъ годовъ, но видѣлъ дѣла въ думѣ еще и болѣе раннихъ лѣтъ, производившіеся собственно: о неправильныхъ, пристрастныхъ и т. п. выборахъ, въ городскія должности, и Боже мой—какія жадныя стремленія были занять ту или другую должность, въ думѣ или магистратѣ! Какія жалобы и насмѣшки сыпались отъ одной партіи на другую! И почему подумашь, добывались такъ чина: бургомистра, ратмана или гласнаго думы, когда эти должности не давали, по видимому ни какой выгоды, а чаще всего служили во вредъ каждому, какъ отъ оставленія на три года своего домашняго промысла, или торговли, такъ и отъ разныхъ сопряженныхъ съ должностію лишнихъ расходовъ; а иногда съ значительною отвѣтственностію, въ случаѣ преданія суду за свои или за чужіе грѣхи! Но не смотря на все это, были люди, которые очень стремились занять ту или другую должность и не жалѣли на это ни какихъ расходовъ, лишь-бы добиться чести начальствовать въ городѣ. Должно быть и въ то время общественный пирогъ былъ очень лакомый и жирный, потому что вкусившіе его однажды, употребляли потомъ всѣ усилія, что-бы еще присосаться къ нему. Одинъ старикъ, служившій бургомистромъ въ магистратѣ, въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, передавалъ

мнѣ что ему приносилъ въ подарокъ 10 полуимперіаловъ избранный на должность ремесленного головы, — нѣкто Зворонцовъ (извѣстный тогда сапожникъ), за то только, что-бы магистратъ аттестовалъ его, къ утверженію въ этой должности (такъ какъ онъ былъ предъ тѣмъ подъ судомъ, но остался оправданъ.) А сколько же еще онъ принесъ за это секретарю магистрата, стряпчему и прочимъ чинамъ? и сколько потратилъ на мотыги, пока его выбрали въ эту должность?? Есть много преданій и живыхъ разсказовъ стариковъ, о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда не получавшіе ни какого жалованья члены: думы, магистрата, словеснаго суда и проч. наживали отъ занимаемыхъ ими должностей гораздо больше всякаго жалованья и дѣлались богачами; или когда чиновники, служившіе по опредѣленію отъ правительства, напримѣръ: секретари, письмоводители и квартальные надзиратели, получавшіе 120 рублей ассигнац. въ годъ; т. е. не больше какъ 2 руб. 85 коп. сереб. въ мѣсяцъ, жили изъ этого жалованья по барски: развѣзжали на собственныхъ лошадяхъ, наживали не только дома въ городѣ, но земли и хутора съ крестьянами!

XVII.

Въ Ромнѣ, время наживы, самое золотое время, было въ концѣ прошлаго и въ началѣ сего столѣтія, почти до сороковыхъ и до пятидесятихъ годовъ; или лучше сказать до перевода въ Полтаву Ильинской ярмарки. Тогда не наживалъ только тотъ, кто самъ не хотѣлъ наживать, или-же кто легко, нажитое, любилъ сейчасъ пропускать.

Всякая торговля, ремесленные занятія, или служба въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, приносили хорошую пользу всякому мало-мальски обра-

зованному и трудолюбивому человѣку. Но, надо сказать правду, что и самый вѣкъ, самое воспитаніе, необыкновенная дешевизна на всѣ вообще жизненные потребности; а также простой до скупости образъ жизни нашихъ отцовъ и дѣдовъ, простота ихъ нравовъ и обычаевъ, и вообще вся не взыскательная обстановка во всемъ ихъ домашнемъ и общественномъ обиходѣ, не мало способствовали каждому въ наживѣ. Тогда никто не думалъ жить, какъ теперь, выше своихъ средствъ: хоть займи да сдѣлай себѣ что нужно, или что хочется! Тогда напротивъ, всякій домохозяинъ старался отъ своихъ трудовъ и заработковъ, какія Богъ посылалъ ему, въ его хозяйствѣ, оставлять всегда запасъ „про черный день.“ А дешевизна тогда была такая наиримѣрь моя мать рассказывала, что она служила дѣвушкой лѣтъ 15-ти первый годъ по „копѣ“ а на второй и третій годъ по 1 р. ассигнац. въ г., (Это было въ 1810—1815 г.) и что бывало пойдетъ на базаръ, возьметъ полъ копы денегъ (по нынѣшнему счету 7½ коп. сер.,) и на эти деньги купить: четвертку (10 фун. баранины, хлѣбъ, кувшинъ молока и разной зелени на борщъ и еще иногда останется копѣйки двѣ сдачи!

Оно и не удивительно, если тогда корова съ теленкомъ продавалась по 5—6 руб., а старый баранъ стоилъ не болѣе 50—60 коп. ассигнац., простые рабочіе служили по 5—6 руб. въ годъ и проч. (Одежда и обувь были тоже неимовѣрно дешевы, тѣмъ не менѣе какъ ее тщательно берегли и соблюдали что-бы на dalje хватило. Впрочемъ, въ лѣтнее время, тогда изъ простолюдиновъ рѣдко кто ходилъ въ обуви, простые парни и дѣвушки почти всѣ ходили босые, только на зиму справлялись сапоги и то чаще всего по одной парѣ на всю семью, на 5 на 6 душъ иногда). Тогда бывало, если ктонибудь изъ кушцовъ, или изъ зажиточныхъ мѣщанъ

справить съ хорошаго сукна: жупанъ, или „чекмень“ (очень длинное съ большимъ стоячимъ воротникомъ пальто) то надѣваетъ его только въ большіе праздники и бережетъ такъ, что не только самъ пользуется имъ, лѣтъ 20—30, а еще оставитъ и дѣтямъ. По будничному же одѣвались очень просто, не только купцы и мѣщане, но даже знатныя паны, носили дома пестровыя, или синіе китайчатые халаты и шаравары изъ выбойки,*) а парни и дѣвушки, иногда до 15 до 18 лѣтъ, ходили въ однѣхъ рубахахъ, подпоясавшись самодѣлковыми поясами шерстяными или изъ пеньки; многіе сельскіе и городскіе, изъ простаго званія, „хлопцы“ тогда только пріучались надѣвать шаравары, когда собирались уже свататься! а панскіе и богатыхъ горожанъ сынки, надѣвали ихъ обыкновенно при поступленіи въ школу; учиться-же тогда отдавали въ 12—15 лѣтъ.

Одинъ старикъ изъ потомственныхъ дворянъ, служившій много лѣтъ застѣдателемъ земскаго суда, любилъ рассказывать при веселой компаніи, про свою молодость: когда по окончаніи имъ уѣзднаго училища, отецъ отвезъ его въ Полтаву и опредѣлилъ на службу, въ губернское правленіе, то справилъ ему сѣрый нанковый сюртукъ и такіе-же брюки и купилъ за три копы „шкаповые“ сапоги и строго приказалъ беречь это обмундированіе, что-бы его стало не на одинъ годъ. Такъ онъ бывало, когда идетъ дождь, или осенью когда уже настанетъ большая грязь, отпрапляясь на службу, сюртукъ вывернетъ, а сапоги возьметъ подъ руку, и подкачавъ по выше брюки, шествуетъ до губернскаго правленія, болѣе версты изъ квартиры—босикомъ; а въ передней уже

---

*) Выбойка дѣлалась у насъ прежде на каждой ярмаркѣ особыми ходившими специально съ этою цѣлью, мастерами русскими, которые такъ и назывались «выбойщиками» Выносить бывало сельская женщина своего домашняго издѣлія холстъ на ярмарку, къ выбойщику и онъ по 1 или по 2 коп. за аршинъ окрашиваетъ его посредствомъ рѣзныхъ досточекъ, намазываемыхъ краскою въ разныя цвѣта по желанію заказчицы.

вывернетъ сюртукъ, обмоетъ ноги и обуется въ сапоги, чтобъ они были чистенькіе и на дальше ихъ стало.

И это не единственный примѣръ аккуратности и бережливости, тогда многіе чиновники губернскаго правленія ходили также; тогда галошъ не было еще въ модѣ, а экзекуторъ взыскивалъ, чтобы въ грязныхъ сапогахъ не смѣли ходить въ канцелярію. при томъ-же и ноги тогда ни у кого изъ молодыхъ людей не боялись,—какъ теперь,—осенней грязи и не знали никакой простуды, а сапоги все таки стоили деньги (хоть три коны) по этому надо было ихъ беречь, чтобы стало не на одинъ годъ. Вообще тогда, не только бѣдные, но очень зажиточные: мѣщане, богатые купцы и паны жили очень просто, по нынѣшнему можно сказать, даже скупю; но тогда это не называлось скупостію, напротивъ тогда всякую роскошь и излишество считали за грѣхъ. И Боже сохрани чтобы тогда кто нибудь вздумалъ занимать деньги, или брать въ долгъ по лавкѣ, чтобы справить себѣ какое нибудь одѣяніе, или же чтобы улучшить помѣщеніе для своего жилья. Это дѣлалось только при избыткѣ доходовъ, когда оставались лишніе деньги.

О простотѣ и патриархальности нравовъ и обычаяхъ, старыхъ пановъ, не безъ интересно привести здѣсь одинъ изъ разсказовъ моего отца, бывшаго до поступленія въ 1806 году, въ военную службу крестьянникомъ помѣщика Василия Григорьевича Полетика.

Онъ разсказывалъ бывало, что родители этого Полетика жили такъ просто что не во многомъ отличались отъ своихъ крестьянъ, и при томъ были такіе добрые и снисходительные для своихъ крѣпостныхъ людей, ни кого ни чѣмъ не обижали, со всѣми обходились очень ласково, по старинной простотѣ, многихъ хозяевъ отпускали на „чиншъ“ поселяя на своей землѣ и предоставляя всѣ

способы къ безбѣдному ихъ существованію. Были очень набожны, благочестивы и просты во всѣхъ обращеніяхъ съ людьми. Бывало говорить, при наступленіи уборки хлѣба, или по здѣшнему названію при началѣ „жнивѣ“ старыя: панъ и пани выѣзжаютъ всегда сами на поле и, помолившись Богу, со всѣми своими жницами, прежде всего сами берутъ серпы и начинаютъ жать, „благословять зажинки“—а за ними уже приступаютъ къ этому дѣлу настоящіе рабочіе—жницы. Затѣмъ: панъ и пани, нажавши по три снопа, начинаютъ сами готовить обѣдъ для людей; за панею вывозятъ изъ дому большую подводу разной провизіи, хлѣба, пшена, рыбы, водки и проч., и въ часъ обѣда пани созываетъ рабочихъ, подчуетъ всѣхъ водкою и всѣ садятся обѣдать, вмѣстѣ съ панами.

Такъ точно и сынъ ихъ Василій Григорьевичъ, не смотря на свое богатство и знатное происхожденіе велъ самый простой образъ жизни и не любилъ ни какой роскоши и излишества. Онъ жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи въ с. Коровинцахъ, но когда служилъ Маршаломъ, то разумѣется часто находился въ городѣ. У него былъ здѣсь собственный домъ, для пріѣзда по дѣламъ службы, который уцѣлѣлъ до сего времени, въ первобитномъ видѣ, безъ всякаго измѣненія, только очень обветшалъ и вошелъ въ землю. Домъ этотъ стоитъ по большой Монастырской улицѣ въ глубь обширнаго двора, на краю горы спускающейся къ р. Ромну, на которой еще недавно росъ густой лѣсъ, и имѣетъ всего двѣ комнаты и кухню черезъ сѣни, покрытъ соломою и теперь, какъ тогда. Я помню этотъ домъ еще съ сороковыхъ годовъ, онъ не измѣнился ни въ чемъ до сихъ поръ, только сдѣлался гораздо ниже, и бывший вокругъ него, нѣкогда хорошій садъ, опустѣлъ и заросъ бурьяномъ, а впереди дома къ улицѣ, уже вмѣсто сада раз-

веденъ огородъ и недавно построенъ, новымъ владѣльцемъ этого двора, на улицу другой домъ.

Когда я былъ маленькимъ, то помню, что въ этомъ домѣ жила тогда баба Хоменчиха, бывшая крестьянка Полетики, служившая у него много лѣтъ кухаркою. Эта баба готовила всегда панамъ обѣдъ, не очень затѣйливый, изъ двухъ—трехъ блюдъ, не больше, но послѣднее изъ нихъ непременно была „кваша“ которой Василий Григорьевичъ былъ большой любитель; она замѣняла у него всѣ десерты выдуманнные впоследствии искусными поварами, и была постояннымъ лакомствомъ какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни. Даже, если случалось Василию Григорьевичу обѣдать у кого-бы то ни было въ гостяхъ, то Хоменчиха обязана была и въ гости, на парадный обѣдъ приносить горшечекъ кваша, на закуску своему пану. За то только эта Хоменчиха служила у него пожизненною кухаркою и пользовалась большимъ благоволеніемъ что умѣла дѣлать очень вкусную квашу.

Купцы и мѣщане въ городѣ жили еще проще: рѣдко у кого изъ самыхъ богатыхъ купцовъ былъ домъ въ три или четыре комнаты; если и строились большіе дома въ шесть—семь комнатъ (это назывались самые большіе), то они сдавались въ наемъ; а хозяинъ обыкновенно довольствовался одною комнатою и кухнею черезъ сѣни; у многихъ комната была съ перегородкою или ширмою для спальни. Дома почти ни когда не строились на улицы, а непременно въ глубь двора, въ саду или въ огородъ, а отъ улицы становились всегда высокіе плетни съ „острѣшками“ набитыми колючими вѣтвями, что бы неудобно было зло намѣреннымъ людямъ пробраться въ дворъ.

Ворота въ богатыхъ дворахъ дѣлались изъ шелевки, очень высокіе съ крышкою и запирались деревяннымъ

засовомъ, а отъ воротъ до дому, или у нѣкоторыхъ до коморы (амбаръ, въ которомъ хранились наилучшіе пожитки) всегда была проведена веревка, по которой на блоку, вѣрная цѣнная собака, могла свободно бѣгать отъ коморы до воротъ и дома и не допускать вора въ дворъ.

XVIII.

Первымъ и главнымъ пособникомъ наживы для старожилонъ г. Ромна, была существовавшая здѣсь съ древнихъ временъ мѣстная—ежедневная и ярмарочная торговля, и особенно развившіеся въ началѣ сего столѣтія до большихъ миллионовъ обороты Ильинской ярмарки.

Дворовыя мѣста около вновь отведенныхъ ярмарочныхъ площадей, раздавались въ 1803—6 годахъ за самую ничтожную плату, чуть-ли не даромъ, и захватывали эти мѣста преимущественно находившіеся въ какихъ нибудь общественныхъ должностяхъ, или вообще имѣвшіе власть граждане. Строительный матеріалъ: дерево, кирпичъ и проч. былъ неимоვნю дешевъ; а между тѣмъ построенные здѣсь кое какъ, большею частью изъ очерета подъ глину и подъ соломенные крыши, дома и сараи, а также и устроенные на площади, владѣльцами лавочныхъ мѣстъ, или-же самими торговцами, въ пользу владѣльцевъ, лавки изъ тесу, лубка и крытые тесомъ или соломой, приносили владѣльцу ихъ доходы, за одну Ильинскую ярмарку, гораздо больше всей суммы употребленной на устройство ихъ.

Должности: по судебной, полицейской и городской службамъ, какъ по опредѣленію отъ правительства, такъ и по выбору отъ общества, приносили также очень значительные доходы, какъ собственно по уряду отъправляемой должности, такъ и по вліянію извѣстнаго

должностнаго лица на торговыя и общественныя дѣла въ городѣ.

Не заходя въ отдаленную старину, когда были городскими головами: Михайль и Стефанъ Беры и проч. по наживавшіе хорошее состояніе и подѣлавшіеся богачами, можно для примѣра привести рассказы стариковъ, о головѣ Киріякѣ Нестеренкѣ, котораго я еще засталъ въ живыхъ и помню, какъ онъ ежедневно сидѣлъ на лавочкѣ у воротъ, со своею старухой, которая всегда пугала меня своимъ старомоднымъ кунтушемъ и черною (изъ соболей) очень высокою шапкою.

Этотъ Кирьякъ, какъ говорятъ не имѣлъ ни чего, жилъ въ своей отцовской хаткѣ, стоявшей далеко въ огородѣ, на углу Полтавской и Коржевской улицъ и торговалъ при отцѣ веревками и рептухами для сѣна, черезъ что его прозвали „веревникомъ“ такъ что рѣдко кто зналъ даже его настоящую фамилію. Однако отецъ его Тимофей Нестеренко, служилъ въ 1787 году словеснымъ судьей, хотя и былъ неграмотный, а съ 1800 г. состоялъ уже въ купеческомъ званіи 3 гильдіи; по этому, сынъ его Кирьякъ обучился кое какъ грамотѣ, и съ 1804 года былъ избранъ въ думу на должность гласнаго отъ гильдіи; затѣмъ въ 1808 году былъ тоже словеснымъ судьей, съ 1812 года рагманомъ въ магистратѣ и на конецъ съ начала 1821 года удостоился быть избраннымъ въ городскіе головы, и отправлялъ эту должность сряду 7 трехлѣтій т. е. 21 годъ. Прослуживъ такимъ образомъ въ разныхъ общественныхъ должностяхъ безъ малаго сорокъ лѣтъ, онъ сдѣлался очень богатымъ человекомъ; еще до двадцатыхъ годовъ завелъ обширную торговлю желѣзными и шорными товарами, купилъ у помѣщика Редькина, среди Полтавской улицы, при пересѣченіи ея Коржевскою, дворъ съ большимъ на улицу домомъ, младшаго сына своего Серапіона, черезъ за-

нятія въ полиціи, по протекціи городничаго и стряпчаго, имѣвшихъ обыкновенно въ то время большое уваженіе къ городскому гоцоу, вывелъ даже въ губернскіе секретари, а старшій—Ѳеодосій занимался торговыми дѣлами. И когда въ 1856 году, этотъ маститый общественный дѣятель, служившій такъ много лѣтъ для пользы своего общества, отошелъ въ вѣчность, одновременно со своею старухою, то два сына его, Серапіонъ и Ѳеодосій, дѣлили между собою отцовскія „червонцы и карбованцы“ не счетомъ, а мѣркою. Откуда-же и какимъ способомъ нажилъ Кирыякъ такое громадное состояніе, если онъ служилъ честно и добросовѣстно въ общественныхъ должностяхъ? отвѣтъ очень простъ! Тогда каждое должностное лицо пользовалось большимъ почетомъ и уваженіемъ, какъ мѣстныхъ жителей, такъ и всѣхъ пріѣзжавшихъ на ярмарки торговцевъ и покупателей; а пріѣзжихъ, разумѣется было всегда въ десятеро больше чѣмъ мѣстныхъ. Не говоря уже о болѣе важныхъ должностныхъ лицахъ напримѣръ: членахъ судебныхъ мѣстъ, письмоводителяхъ и квартальныхъ, даже писцы нижняго земскаго, повѣтоваго суда, полиціи и прочихъ мѣстъ, не смотря на скудные,—невѣроятные по нынѣшнему времени,—оклады жалованья: 12—20 рублей въ годъ; наживали иногда порядочное состояніе. А наживать тогда всѣмъ служившимъ по письменнымъ дѣламъ, въ какой бы то ни было должности, было такъ легко, что и представить не возможно, потому что теперь со всѣмъ нѣтъ нигдѣ по присутственнымъ мѣстамъ ничего подобнаго, что было за 40—50 лѣтъ назадъ.

Тогда напримѣръ, существовалъ изъ старыхъ лѣтъ такой порядокъ; предъ началомъ каждой ярмарки полиція командировала на оба шлахбаума квартальныхъ надзирателей, или кого нибудь изъ своихъ чиновниковъ,

съ полицейскими служителями и съ книгами для записки предъявляемыхъ паспортовъ. Всякій иногородній торговецъ, или покупатель, ѣхавшій въ городъ, останавливался на шлахбаумѣ и обязанъ былъ предъявить свой письменный видъ, по которому онъ отлучился съ мѣста своего постоянного жительства; этотъ видъ записывался полицейскимъ чиновникомъ въ выданную ему книгу. За эту одну записку, въ двухъ или трехъ строкахъ, сидѣвшій на шлахбаумѣ чиновникъ получалъ, за одну ярмарку, вдвое, иногда втрое болѣе своего годоваго жалованья! И это получение было не насильственное, не съ какимъ нибудь вымогательствомъ, а такъ-таки просто: каждый предъявлявшій паспортъ считалъ своею непремѣнною обязанностію положить на столъ, въ полицейской будкѣ, четвертакъ или полтину, за записку его паспорта; а были и такіе щедряки изъ купцовъ, что и за эту бездѣлицу клали по червонцу. Затѣмъ по пріѣздѣ въ городъ, хозяева большихъ фирмъ и фабриканты, прежде всего отправлялись на домъ къ городничему, городскому головѣ, а иные даже къ приставу и квартальнымъ надзирателямъ, съ визитомъ, какъ говорится по русски съ хлѣбомъ и солью—и каждый приносилъ при этомъ, въ подарокъ, началки своихъ трудовъ: кто чѣмъ торговалъ, то самыя лучшіе куски своихъ товаровъ приносились въ даръ начальствующимъ лицамъ; а нѣкоторые, при этомъ подносили и денежные подарки. И это дѣлали самыя солидные и честные торговцы, не имѣвшіе ни когда ни какихъ дѣлъ даже не предвидѣвшіе по своей торговлѣ ни какой надобности съ посредничествѣ, или помощи кого-бы то ни было изъ начальствующихъ въ городѣ лицъ. У нихъ, этихъ торговцевъ и фабрикантовъ, былъ изъ предковъ заведенъ такой обычай: въ какой городъ пріѣзжаютъ на ярмарку, прежде начатія торговли, отправить моле-

бень въ рядахъ, потомъ явиться къ начальствующимъ въ немъ лицамъ, отрекомендовать себя; а явиться съ пустыми руками, они считали не приличнымъ и одинъ поредъ другимъ старались показать себя какъ можно выше, своими „подношеніями.“

Такъ дѣлали торговцы, не имѣвшіе ни какого дѣла до начальства, которые вели торговля дѣла по чистой совѣсти и ни за какия блага не позволили бы запятнать своей чести. А сколько было при этомъ и такихъ, которые дѣлали дѣлишки не совсѣмъ по чистой совѣсти? Затѣмъ сколько при такой громадной ярмаркѣ, какъ Ильинская, было контрабанды, сколько разныхъ кражъ и обмановъ? Тогда разумѣется, была значительная нажива начальствующимъ, особенно чинамъ полиціи и членамъ словеснаго суда, помѣщавшагося всегда на время ярмарки на площади.

Затѣмъ, по окончаніи ярмарки, голова давалъ банкетъ, въ своемъ домѣ, всѣмъ торговцамъ, собиравшимся къ нему, при выѣздѣ изъ города „благодарить за ярмарку“ при чемъ собирались всѣ начальствующіе лица и угощались, какъ говорится на славу! такъ что иногда многіе не только ночевали у городского головы, но еще и на другой день гуляли „похмелялись“ до ночи. И опять-же такое угощеніе не только не стоило головѣ ни какихъ расходовъ, напротивъ приносило ему большую экономію въ хозяйствѣ; такъ какъ всѣ явившіеся на банкетъ торговцы, привозили столько винъ и закусокъ, что ему оставался всегда запасъ до слѣдующей ярмарки.

Разъ честь и слава—быть въ городѣ какимъ нибудь начальникомъ, а второе—и выгоды получавшіяся отъ должности, невольно заставляли каждаго добываться этихъ должностей, не жалѣя ни какихъ расходовъ.

Но, Кирьякъ Нестеренко, можно сказать нажилъ состояніе не столько отъ подарковъ, сколько отъ торговли, въ которой много содѣйствовали занимаемыя имъ общественныя должности, а также отъ особаго умѣнія обращаться съ людьми и вести толково свои дѣла.

Прежде всего онъ былъ очень простъ и чрезвычайно любезенъ со всѣми, даже самыми бѣдными и простыми людьми, обращавшимися къ нему по какимъ-бы то ни было дѣламъ. А народная любовь и хорошіе отзывы объ немъ всѣхъ гражданъ, имѣли большое вліяніе на его матеріальное возвышеніе. Сдѣлавшись гласнымъ думы, потомъ словеснымъ судьей, ратманомъ и наконецъ городскимъ головою, онъ своею честностію, ласковымъ обращеніемъ со всѣми, своими и пріѣзжими торговцами, заслужилъ большое довѣріе и неограниченный кредитъ иногороднихъ богатыхъ фирмъ, и черезъ то разширилъ свою торговлю до большихъ размѣровъ; а торговля въ безъ ярмарочное время, когда онъ былъ единственнымъ торговцемъ—железными товарами на весь уѣздъ и на другіе сосѣдніе города, разумѣется доставляла значительныя выгоды.

До какой степени Кирьякъ Нестеренко былъ ласковымъ и миролюбивымъ, можно отчасти видѣть изъ формулярнаго списка о службѣ его, составленнаго въ 1823 году и хранящагося въ дѣлахъ думы.

Онъ во время служенія словеснымъ судьей и ратманомъ магистрата старался всѣхъ тяжущихся мирить между собою, и въ 1820 году удостоился получить черезъ малороссійскаго генераль-губернатора Высочайшее благоволеніе Государя Императора, за приращеніе въ 1818 и 1819 г. дѣлъ миромъ; а въ 1822 году пожалованъ за то же самое—золотую медалью, на Анненской лентѣ.

Разсказываютъ, впрочемъ нѣкоторые, что во время бытности его городскимъ головою, назначаемые имъ сборщики поземельныхъ денегъ, во время Ильинской ярмарки, носили ежедневно въ думу деньги и ссыпали, ихъ, въ особомъ чуланѣ, безъ всякаго счета; такъ какъ тогда нѣкогда было ни членамъ думы ни сборщикамъ считать тѣхъ денегъ—всякъ былъ занятъ своею торговлею и ярмарочными дѣлами, а уже послѣ окончанія ярмарки, они считались и записывались на приходъ по книгамъ. Но за то, для вѣрности и устраненія всякаго сомнѣнія, чуланъ запирался двумя замками, изъ которыхъ отъ одного ключъ былъ у головы, а отъ другого у кого нибудь изъ сборщиковъ. Такъ-же точно сборщики и другіе граждане, занимавшіе какую нибудь общественную должность, всегда находили легкое и очень прибыльное занятіе, отъ котораго наживали хорошее состояніе и дѣлались богачами. Но многіе послѣ скорой и легкой наживы также скоро и проживали свое состояніе, если не сами, то по крайней мѣрѣ ихъ дѣти; напримѣръ, сыновья перваго-же Кирьяка, дѣлившіе послѣ отца „червонцы и карбованцы мѣрками“ остались на послѣдокъ бѣдняками. Старшій изъ нихъ—Теодосій, женившійся вскорѣ по смерти отца (не въ молодыхъ уже лѣтахъ) зажилъ было на первыхъ порахъ очень богато, продолжалъ заниматься отцовскою торговлею въ большихъ размѣрахъ, купилъ обширный дворъ противъ лавокъ панскаго ряда, выстроилъ очень красивый домъ, съ такою роскошною обстановкою, что бывало на время пріѣзда губернатора въ Ромень, его всегда помѣщали въ домѣ Теодосія Кирьяковича, отчего тотъ домъ получилъ отъ всѣхъ названіе „губернаторскаго дома“. Но потомъ, съ устройствомъ каменныхъ лавокъ, когда появились другіе торговцы желѣзными товарами, торговля Теодосія Кирьяковича начала упадать, и онъ Богъ зна-

еть отъ чего,—началъ бѣднѣть и бѣднѣть, такъ что на конецъ лавка и дворъ съ „губернаторскимъ домомъ“ были проданы за долги и Θεодосій Кирьяковичъ при старостѣ лѣтъ остался ничего неимущимъ. А Серапіонъ жилъ въ отцовскомъ домѣ, былъ весьма уважаемъ въ замкѣ строгомъ уединеніи, что ворота и тропинка въ дворъ заросли бурьянами, ворота и ставни въ домѣ съ улицы никогда не отворялись. Жилъ онъ вдовцомъ и у него была единственная дочь, которую онъ выдалъ было замужь, за какого-то отставнаго поручика, польстившагося на Кирьяковы червонцы; но его, что-то скоро послѣ женитьбы сослали въ Сибирь, за какой-то грабежь, сдѣланный въ своемъ-же домѣ, во время кутежа съ знакомыми офицерами. И послѣ этого событія, дочь Серапіона затворилась окончателно въ своей комнатѣ и ни куда положительно не выходила, до смерти отца, такъ что дворъ ихъ представлялъ какой-то страшный необитаемый замокъ. Потомъ оставшись послѣ отца, она жила очень бѣдно, продавая на свое содержаніе, домашнія вещи и жили въ преложному въ совершенномъ уединеніи; а по смерти ея, въ 1881 году, ни какихъ уже денегъ и богатства не осталось. Получили только наслѣдники—дѣти Θεодосія, дворъ и кое-что изъ домашняго имущества; но и этотъ дворъ сейчасъ-же продали, а сами живутъ Богъ знаетъ гдѣ и чѣмъ?—Изъ этого только и выводятъ набожные старики заключеніе, что Кирьякъ не вполнѣ честнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ, нажилъ богатство.

XIX.

Вообще у насъ о такихъ наживахъ и разореніяхъ, есть много разныхъ преданій, и живыхъ рассказовъ, о многихъ Роменскихъ дѣятеляхъ, служившихъ и не служившихъ ни въ какихъ должностяхъ, которые если по-

наживали богатое состояніе какимъ нибудь неправильнымъ путемъ, то не долго имъ пользовались, а если сами иногда и богатѣли всю жизнь, то дѣти ихъ за то жили очень худо; но кто наживалъ честнымъ путемъ, то и наслѣдники его благоденствуютъ въ спокойствіи. Такое вѣрованіе, должно быть, сложилось изъ священнаго писанія и передается у насъ отъ пращуровъ, изъ рода въ родъ.

Объ этихъ наживахъ и разореніяхъ, можно-бы составить, изъ преданія старожилловъ, цѣлую повѣсть, но она мало кому будетъ интересна; и я ограничусь разсказомъ о нѣкоторыхъ только не многихъ, но чѣмъ нибудь замѣчательныхъ личностяхъ, конца прошлаго и начала сего столѣтія. 1-й Козьма Леонтьевичъ Петровскій, или какъ его прозывали—по уличному „Мукосѣй“ впрочемъ и по дѣламъ думы, онъ въ 1784—90 годахъ, тоже именовался „Мукосѣй“ а затѣмъ, неизвѣстно какъ и почему, переимѣнилъ эту фамилію на Петровскаго? Въ концѣ семисотыхъ годовъ, онъ служилъ по выборамъ въ разныхъ городскихъ должностяхъ, а въ началѣ восьмисотыхъ годовъ, былъ Соборнымъ старостою. Дворъ его находился на краю крѣпостнаго рва—на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь женская гимназія. Я еще помню, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ тамъ стоялъ большой высокій домъ, бывшій уже тогда по ветхости не обитаемымъ, но въ которомъ, послѣ истребленія пожаромъ Огневскаго театра, иногда заѣзжими какими нибудь актерами давались представленія. Занимался этотъ—Козьма Петровскій винною торговлею, имѣлъ въ своемъ дворѣ погребецъ, въ немъ и свывалъ чай, Карма-вианъ и торговалъ очень прибыльно, такъ что нажилъ большое состояніе и считался первымъ богачемъ въ городѣ. У него говорятъ деньги стояли „засѣками“ т. е. не хранились какъ у другихъ богатыхъ, въ кладовой или въ сундукахъ,

а ссыпались просто въ закрома, бывшіе въ погребѣ и амбарахъ! Оно то не очень и удивительно, что мѣдныя деньги ссыпались въ закрома; денегъ этихъ въ то время было въ обращеніи очень много, и они были очень тяжелы (16 руб. въ пудѣ); слѣдовательно если у Петровскаго собиралось ихъ иногда рублей 300—400 ассигнац, то это составляло болѣе двадцати пудовъ, такъ что не доставало мѣста прятать ихъ, какъ дѣлали другіе—въ сундуки. По этому можетъ быть и завидовали всѣ богатству Петровскаго? Впрочемъ говорятъ старики, что послѣ него осталось наследникамъ около ста тысячъ рублей ассигнаціями. Въ этого Петровскаго многіе граждане занимали деньги, на свои нужды, такъ какъ банковъ тогда еще ни какихъ не знали, и онъ охотно помогалъ многимъ торговцамъ ссудами; но при этомъ была у него такая странность: является къ нему какой нибудь мелкій торговецъ или ремесленникъ изъ западинецъ съ просьбою о ссудѣ не большой суммы,—рублей тридцати—пятидесяти. Приходитъ, разумеется, всегда съ хлѣбомъ и кланяется очень низко: добрыдень Вамъ, панотче, съ какимъ-то днемъ будьте здоровы;—Здоровъ—здоровъ небожке, отвѣчаетъ Петровскій,—спасѣби, а що скажешь? та до Вашои милости, панотче, треба грошенятъ трохи, хочу купить товару: можебъ що заробывъ таки на іому теперь! „Добре, добре, хлопче! а скільки-жъ тобі грошей треба?“ Та якъ-бы милость Ваша хоть пивсотни зарятовалы, я бѣ Вамъ отгорда-то съ благодарностью отдавъ! „Добре! а ты-жъ позычавъ колы у кого нибудь?“ „Ни, панотче, я зроду ще не позычавъ и ни кому ни чога не выновать!“ Э! такъ и я жъ не дамъ тобі ни чога хлопче! Значить ты ще не заслуживъ довѣрія!

А если, бывало, кто скажетъ, что долженъ тому и другому, то и Петровскій охотно выдавалъ такому про-

симую ссуду, безъ всякаго обезпеченія и безъ векселя. Сынъ его, Павелъ Козьмичъ, былъ въ 1840—42 годахъ Роменскимъ нотаріусомъ, а потомъ служилъ бургомистромъ въ магистратѣ и скоро прожилъ отцовскія деньги, такъ какъ дочери его, т. е. внучки Козьмы Леонтьевича, уже теперь дряхлыя старухи живутъ очень бѣдно; дворъ его они продали, почти весь подъ женскую гимназію и земству, а себѣ оставили только не большой домикъ подлѣ гимназіи. Изъ мужескаго поколѣнія этого Петровскаго ни кого не осталось; но память его останется, должно быть, на всегда въ Ромнѣ, черезъ самый, повидимому, ничтожный случай: домъ его выходящій на большую Роменскую улицу, предназначенъ земствомъ подъ помѣщеніе арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судебныхъ учрежденій, и со времени занятія его для этой надобности, всѣ жители города и уѣзда не называютъ его ни когда домомъ ареста, или тюремнымъ заключеніемъ, а просто „Петровскимъ.“

2-й Василій Петровичъ Троянскій, или какъ его старики и теперь называютъ „Мырѣя“ былъ тоже очень богатый человекъ, занимался, въ концѣ семисотыхъ годовъ торговлею, а потомъ овдовѣлъ и оставшись бездѣтнымъ старикомъ, началъ заниматься благотвореніемъ: онъ между прочимъ окончилъ „своимъ коштомъ“ въ 1811 году, теплую церковь, выстроенную подъ колокольнею около Соборной церкви, которая была заложена въ 1751 году, въ честь Успенія Пресвятой Богородицы на мѣстѣ древней Успенской церкви, но по неимѣнію при Соборѣ средствъ стояла не оконченною до 1811 года. При этомъ Троянскій переименовалъ ее въ честь патрона своего Святаго Василія Великаго. Потомъ и при Вознесеніи теплую церковь Святой Велико-мученицы Варвары, онъ также окончилъ и переименовалъ ее въ Трехъ-Святительскую.

Этотъ „Мымря“ жилъ по эту сторону крѣпостнаго рва, по проложенной впоследствии большой Роменской улицѣ, тамъ гдѣ теперь дворъ Бартоша; онъ умеръ въ 1828 году, на 78 году отъ рожденія (по ревизіи 1816 г. ему было показано 65 лѣтъ) и рассказываютъ старики, что онъ не задолго предъ смертію женился, на одной молодой вдовѣ—Бартошевой; такъ какъ у него отъ перваго брака дѣтей не было, то что-бы оставить кому нибудь свое богатство, онъ отписалъ его все, этой женщинѣ, у которой при выходѣ за него замужъ, было двое малолѣтнихъ дѣтей.

3-й Василій Петровичъ Варадиновъ, жившій на нынѣшней Полтавской улицѣ въ концѣ ея, къ гостинной площади, гдѣ онъ выстроилъ большой деревянный домъ, въ два этажа, изъ которыхъ верхній былъ очень низкій, и въ немъ еще въ шестидесятихъ годахъ видны были сѣ улицы, какія-то трацкія приспособленія; говорятъ что онъ имѣлъ въ этомъ домѣ не большую фабрику, для выдѣлки бумажныхъ матерій и платковъ; но со времени смерти его, этотъ верхній этажъ, оставался необитаемымъ и представлялъ изъ себя что-то очень страшное. Этотъ Варадиновъ, потерпѣвъ убытки на своей фабрикѣ и не имѣя средствъ уплатить долги, отъ малодушія-ли, или отъ болѣзни, покончилъ жизнь въ 1822 году, самоубійствомъ (повѣсился въ Рябуховщинѣ), оставивъ молодую жену и двухъ малолѣтнихъ сыновей, которые впоследствии вышли очень знатными людьми. Воспитывались они оба въ Дерптскомъ университетѣ. Старшій изъ нихъ Николай Васильевичъ, по окончаніи курса наукъ, постоянно служилъ въ С.-Петербургѣ, былъ въ послѣднее время членомъ совѣта по дѣламъ печати, тайнымъ совѣтникомъ, докторомъ правъ и философіи, и умеръ тамъ же уже въ преклонныхъ лѣтахъ. О немъ будетъ рассказано еще разъ, подробнѣе, при

описаніи Кладбищенской церкви. А меньшій—Козьма Васильевичъ, то окончаніи университета быть тѣмъ учителемъ и говорятъ, чрезъ неудачную любовь немножко помѣшался. Онъ издавна жилъ всегда въ Ромнѣ не занимался потчи ни чѣмъ, но любилъ ходить по присутственнымъ мѣстамъ, всегда съ портфелемъ, собиралъ много разнородныхъ палокъ и чубокъ и умеръ недавно, тоже пожилымъ старикомъ.

4-й Василій Петровичъ Дерій, бывшій съ 1824 по 1846 годъ, соборнымъ старостою, нажилъ также отъ Ильинской ярмарки, порядочное состояніе и изъ козакъ сдѣлался купцомъ. Памятенъ тѣмъ, что во время бытности его старостою, устроена стараніемъ его, первая при Соборѣ, каменная ограда, возобновленъ иконостасъ, сдѣланъ новый жертвенникъ, балдахинъ надъ престоломъ и многія другія украшенія въ церквѣ; а особенно, тѣмъ, что послѣ его смерти, вдова его Дарія пожертвовала 400 рублей на позолоту ризъ на намѣстныхъ иконахъ въ большой церквѣ, черезъ каковую жертву привлекла еще отъ одного прихожанина 200 р. и такимъ образомъ, по ея почину, сдѣланы теперь новыя серебрянныя позолоченныя ризы, очень украшающія церковь и могущія послужить „вѣчною памятью“ о такихъ „любителяхъ благолѣпія дома Господня.“ Этотъ Дерій умеръ въ глубокой старости (болѣе 80 лѣтъ) бездѣтнымъ, дворъ его былъ на краю Большой-Монастырской улицы, при поворотѣ на гостинную площадь.

XX.

Затѣмъ изъ имѣющагося въ городской управѣ, одного дѣла и свѣжаго преданія, не безъ интересно рассказать еще о двухъ богатыхъ личностяхъ, жившихъ почти въ наше время, разбогатѣвшихъ, все таки, отъ Ильинской ярмарки.

Въ 1823 г.: купецъ Степанъ Михайловичъ Беръ (бывшій до 1821 года головою) и мѣщане: Матвѣй Лесковскій, Иванъ Терновецъ и другіе съ разрѣшенія городской думы, начали заниматься подрядами устройства для азіатскихъ торговцевъ, особыхъ балагановъ, въ гостинномъ дворѣ. Беръ въ это время былъ уже богатымъ человекомъ, но должно быть онъ взялся за это дѣло, что бы приучить къ подрядамъ молодаго Терновца и помогать компаніи своими средствами. Тогда въ рядахъ выстроенныхъ съ 1804 года, трехъ-стахъ номерахъ лавокъ, не могло помѣщаться и половины всѣхъ торговцевъ, прїѣзжавшихъ на Ильинскую ярмарку, такъ что вся мѣстность, занимаемая нынѣ городскимъ садомъ, пожарнымъ дворомъ и дороги позади суздальскаго ряда, застраивались балаганами. „Азіатскіе торговцы“ какъ ихъ тогда называли, т. е. купцы изъ Персіи, изъ Кавказа, татары и армяне, помѣщались съ своими товарами тамъ гдѣ теперъ пожарный дворъ и дальше гдѣ дворы наслѣд. Ярмарковскаго и другихъ. Подрядчики устройства для нихъ балагановъ: Беръ, Лесковскій и Терновецъ (составлявшіе какъ видно одну компанію) дѣйствовали въ этихъ подрядахъ добросовѣстно и безобидно для торговцевъ, довольствуясь не большимъ но честнымъ заработкомъ. Тогда какъ одинъ изъ подрядчиковъ, нѣкто Фалѣевъ, ловкій аферистъ своего времени, бывшій по собственнымъ его рассказамъ, нѣсколько разъ совершеннымъ банкротомъ, потомъ опять дѣлавшійся купцомъ, бывшій 28 разъ подъ судомъ и 14 разъ сидѣвшій въ тюрьмѣ: вздумалъ нажить изъ подряда, устройства балагановъ, гораздо больше другихъ подрядчиковъ. Для этого онъ: въ 1826—28 и въ началѣ 30-хъ годовъ, бралъ изъ думы, отдѣльно отъ всѣхъ, за два и за три мѣсяца до начала Ильинской ярмарки, будто-бы для своей собственной торговли, но два и

по три мѣста для лавокъ, въ армянскомъ ряду и потомъ бралъ съ армянъ, за время ярмарки, въ десятеро дороже уплотченныхъ имъ въ думу посаженныхъ денегъ, за эти лавки. Наконецъ въ 1831 году, Нахичеванскій армянинъ—Берберъ, не вытерпѣвъ, подалъ въ думу прошеніе, а секретарь думы—Яременко съ своей стороны докладъ, что Фалѣевъ нѣсколько лѣтъ занимается такими плутнями, что ему, по его торговлѣ, вовсе не нужно столько мѣста, что онъ во время ярмарки занимаетъ только полъ-номера, а два съ половиною сдаетъ въ наемъ и этимъ приноситъ обиду торговцамъ и вредъ для городской казны; но все таки Фалѣевъ долго еще не хотѣлъ снимать устроенныхъ имъ лавокъ, подавая разные объясненія и возраженія, такъ что пришлось удалять его изъ армянскаго ряда силами полиціи.

Вся жизнь этого Фалѣева, вообще очень романтическая и порочная, такъ что о немъ если и сказать, хоть вкратцѣ чтонибудь, то единственно для предупрежденія другихъ отъ такихъ пороковъ, за которые, какъ сейчасъ увидимъ,—было должное наказаніе. Онъ былъ женатъ на дочери богатаго въ то время купца Павла Тромонина, на родной сестрѣ жены Ивана Степановича Терновца, о которомъ будетъ сказано ниже, получилъ разумѣется, хорошее приданное, но жилъ съ женою очень дурно. Большая часть дѣлъ, по которымъ онъ судился, была о прелюбодѣяніи его; у нихъ не было вовсе дѣтей, онъ пилъ, гулялъ и нѣсколько разъ дѣлался банкротомъ; не извѣстно: въ самомъ-ли дѣлѣ, проживалъ, или-же умышленно скрывалъ деньги, чтобы не платить долговъ. Наконецъ въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ нажилъ таки порядочное состояніе; но жилъ очень скупю и овдовѣвъ, онъ сдѣлался до того раздражительнымъ и несноснымъ что не могъ даже найти порядочной прислуги. Родныхъ своихъ, брата

и сестеръ жены, бывшихъ уже людьми бѣдными, не любить и ни когда не принималъ. Передъ смертію жены, которую онъ, какъ говорили родные, просто замучилъ; онъ велѣлъ ей составить завѣщаніе на все ея собственное имущество (лавки и движимость) въ пользу свою, что-бы не досталось ничего ея родичамъ, и лѣтъ 10 или 15, по смерти жены, почти ни куда не выходилъ изъ своего дома, страдалъ подагрой и заживо гнилъ на своемъ диванѣ, въ которомъ хранились деньги. Разумѣется всѣ знали, что онъ человекъ богатый, при томъ-же старикъ и бездѣтный, нѣкоторые обращались къ нему съ просьбою о ссудѣ подъ векселя или подъ залогъ; а бѣдные родственники тоже иногда просили вспомошествованія, но онъ тѣхъ и другихъ гналъ отъ себя, говоря что у него денегъ нѣтъ. Часто даже, по своему злому характеру и въ припадкахъ подагры, выгонялъ и прислугу, оставаясь одинъ на весь дворъ. Тогда онъ просилъ полицію дать ему какогонибудь сторожа, что-бы его не ограбили и не убили.

Но чего опасался, то ему и случилось: хотъ и напелъ было онъ себѣ мальчика, горничную и кухарку; но въ одну темную Сентябрьскую ночь 1868 г., приплы къ нему незванные гости, перевязали его прислугу, бывшую въ кухнѣ, въ нижнемъ этажѣ, а къ нему вошли и размозжили ему голову—ломомъ, на томъ-же диванѣ, на которомъ онъ лежалъ и берегъ деньги. Но разбойники не догадались, что деньги у него подъ головою въ подушкѣ, а отбивали шкафы, комоды и сундуки, и говорятъ—мало чѣмъ поживились, а сами между тѣмъ; на другой-же день, были пойманы исправникомъ, посажены въ тюрьму и понесли должную кару. Такъ-то окончилъ свою безпутную жизнь богатый Фалѣевъ и близкіе родственники его жены, не получили ничего изъ его богатаго имѣнія!...

Но, Иванъ Степановичъ Терновець, былъ человекъ очень благочестивый, о которомъ слѣдуетъ рассказать подробнѣе.

Фамилія Терновцовъ очень старая. Въ дѣлахъ духовнаго правленія, въ половинѣ прошлаго вѣка, встрѣчается эта фамилія, въ прошеніяхъ прихожанъ по церковнымъ дѣламъ; такъ напримѣръ, какой-то Павелъ Терновець—Покровскій прихожанинъ—былъ городскимъ атаманомъ въ 1755—60 году, а въ 1779 году былъ уже сотеннымъ асауломъ, но не извѣстно: родственникъ-ли онъ или однофамилецъ нашего Терновца. Отецъ Ивана Степановича—Степанъ Ивановичъ, былъ человекъ не очень богатый, занимался въ концѣ прошлаго и въ началѣ сего столѣтія, небольшою рыбною торговлею, за „мистомъ“ въ лавкѣ выстроенной Бурлаемъ. Въ 1784 г. онъ состоялъ въ купеческомъ званіи 3 гильдіи, а въ 1791 году былъ опять мѣщаниномъ и служилъ градскимъ старостою; потомъ въ концѣ семисотыхъ годовъ приобрѣлъ тутъ-же „за мистомъ“*) себѣ дворъ, который по смерти его въ 1821 году, остался единственнымъ наслѣдствомъ на всѣхъ пятирехъ сыновей его. Но, Иванъ Степановичъ съ малыхъ лѣтъ привыкъ къ труду и лишениямъ. Еще при жизни отца онъ служилъ мальчикомъ въ Крыму, у какого-то торговца—грека; затѣмъ возвратясь въ Ромень, былъ приказчикомъ въ погребѣ и въ гостинницѣ, у своего будущаго тестя,—нѣкогда богатаго Роменскаго купца Павла Тромонина, котораго дворъ и гостинница были на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь 2-й пожарный дворъ.

Женившись на дочери Тромонина Маріи Павловнѣ и получивъ приданное 500 рублей ассигнаціями, Иванъ

*) На углу образовавшихся впоследствии улицъ: большой Роменской и Терновцовой, которая проложена Иваномъ Степановъ уже во время бытности его городскимъ головою въ 1847 году, и въ честь его названа «Терновцовой».

Степановичъ сначала въ компаніи съ Беромъ, Лесковскимъ и другими началъ заниматься подрядами устройства балагановъ; затѣмъ, какъ человекъ, по своему времени довольно грамотный и образованный, въ 1828 г. былъ выбранъ отъ купеческаго общества—маклеромъ, и прослуживъ въ этой должности два или три года, началъ уже самостоятельно принимать разные лучшіе подряды: такъ на примѣръ въ 1830 году дѣлалъ городскіе фонарные столбы, потомъ ледорѣзы, у Засульскаго моста и т. д. При тогдашнемъ значительномъ оборотѣ Роменскихъ ярмарокъ, должность маклера приносила большіе доходы, равно и подряды построекъ, чего-бы то ни было изъ дерева, при неизмѣрнѣй дешевизнѣ въ то время лѣсовъ, давали такъ-же не малый заработокъ подрядчику. Однимъ словомъ фортуна начала во всемъ служить Ивану Степановичу: въ тридцатыхъ годахъ онъ приобрѣлъ очень доходный дворъ противъ Московскаго мануфактурнаго ряда, началъ покупать лавки, а въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, былъ уже настоящимъ банкиромъ, имѣлъ громадное состояніе и многимъ давалъ въ ссуду деньги, такъ какъ банковъ тогда еще никакихъ у насъ въ городѣ не было. Отъ этихъ ссудъ перешло въ собственность Иван. Степанов. не мало лавокъ и дворовъ въ городѣ, и даже имѣнія нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ уѣздѣ, бывшихъ у него въ залогъ и не выкупленныхъ. Но говорятъ, что много денегъ пропало у него на должникахъ и безвозвратно: такъ за однимъ только Черновымъ въ Кіевѣ пропало сорокъ тысячъ! Вообще можно сказать, что Иванъ Степановичъ былъ человекъ отъ природы очень добрый и снисходительный къ нуждамъ бѣдняковъ, но разумѣется всѣмъ угодить нельзя, хотя-бы онъ раздалъ даромъ все свое богатство, то всѣхъ-бы не могъ удовлетворить и было-бы еще много недовольныхъ имъ! Я

сталъ знать Ивана Степановича когда поступилъ въ думу, въ 1854—5 г. Онъ въ это время былъ уже старикомъ, росту онъ былъ выше средняго, очень дородный, даже можно сказать толстый, съ выдающимся брюхомъ, очень бѣлый на лицѣ и голова вся бѣлая, съ большою лысиною и съ наростомъ на затылкѣ больше воложскаго орѣха, бороду и усы брилъ, ходилъ немного согнувшись на передъ, какъ вообще всѣ старики, и говорилъ, съ кѣмъ-бы то нибыло самымъ простымъ малороссійскимъ нарѣчіемъ. Онъ былъ очень религіозный и довольно начитанный въ священномъ писаніи, часто ѣздилъ въ Кіевъ и въ другіе монастыри, путешествовалъ въ Крымъ и въ южныя губерніи, дѣлалъ много благодѣяній бѣднымъ людямъ, выкупалъ напримѣръ отъ помѣщиковъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и выдавалъ ихъ замужъ, съ тѣмъ чтобъ она только послужила у него годъ, или два, за тѣ деньги, которыя онъ тратилъ на выкупъ и на замужество, раздавалъ много милостыни и вообще за всякую малѣйшую ему услугу, платилъ всегда щедро. У него было много дѣлъ, особенно долговыхъ, въ магистратѣ, въ уѣздномъ судѣ и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, и куда бы онъ не являлся, иногда за самую пустую справку, онъ всегда обдѣлялъ „рублевыми“ всю канцелярію непремѣнно.

Многія прошенія, возраженія и прочія дѣловыя бумаги, онъ составлялъ самъ, но когда бывало, явится въ думу, или магистратъ подать составленную имъ бумажку и получить просимое, то всякъ писецъ торжествовалъ уже что получить рублевику.

А предъ праздниками Рождества и Воскресенія Христова, у него былъ такой обычай, что всѣмъ начальствующимъ въ городѣ: городничему, стряпчему, квартальнымъ, секретарямъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и всѣмъ, до кого даже не было ему никогда и

надобности,—посылать подарки: какъ чаемъ, сахаромъ, винами и проч. домашними снадобьями, такъ и деньгами, каждому по его рангу. Также и заключенные въ тюрьмѣ получали не только передъ великими праздниками, но и въ нѣкоторые воскресные и поминальные дни хлѣбъ, мясо, чай и разные съѣстные продукты. Каждый праздникъ и воскресный день Иванъ Степановичъ никогда не пропускалъ церковнаго Богослуженія и если, бывало, въ какой церквѣ храмовой праздникъ, то онъ раньше всѣхъ являлся ко всеобщей и къ обѣднѣ, съ большимъ цукомъ свѣчей и стоялъ всю службу въ большомъ благоговѣнн.

У Ивана Степановича дѣтей никогда не было, даже, если вѣрить разсказу родныхъ: брата и сестры его жены, то онъ всю жизнь свою оставался дѣвственникомъ и жену сохранилъ цѣлѣмудренною; о чемъ она сама признавалась, уже предъ смертію, своей сестрѣ. Но не смотря на это, онъ очень любилъ жену и дѣтей меньшаго брата своего Михаила Степановича, который съ молодыхъ лѣтъ проживалъ въ Москвѣ часовыхъ дѣлъ мастеромъ и торговцомъ часами, но часто присылалъ маленькихъ дѣтей гостить къ дядѣ. Для этихъ дорогихъ гостей у Ивана Степановича стоялъ всегда, среди залы, большой столъ на подобіе билліарда, установленный всевозможнаго рода игрушками, и во всѣхъ комнатахъ, на цвѣтахъ, на шкафахъ, зеркалахъ и проч. состояли чучела многихъ рѣдкихъ птицъ и звѣрьковъ.

Иванъ Степановичъ и самъ иногда, въ свободное отъ занятій время, особенно ночью, любилъ забавляться: перечислать куклы и смазывать деревяннымъ масломъ бритвы и перочинные ножки, которыхъ у него было по нѣсколько дюжинъ; а иногда просиживалъ ночи, съ приближенными пріятелями за графиномъ водки, въ чтеніи и разсказахъ о старинѣ и о святыхъ угодникахъ.

Это у него считалось самымъ лучшимъ препровожденіемъ времени, такъ какъ онъ вообще не ложился ни когда раньше 2-- 3 часовъ ночи.

Вставалъ Иванъ Степановичъ обыкновенно въ 9 или 10 часовъ утра, молился нѣбый часъ, обходя по всѣмъ комнатамъ и предъ каждою иконою кладя поклоны; затѣмъ выходилъ въ столовую и помолившись тутъ, садился пить чай. Кто бъ ни пришелъ къ нему, въ это время, за какимъ бы то ни было дѣломъ, приглашался за чайный столъ, а если кто прійдетъ послѣ чаю, часовъ въ 12, то непременно угощался закускою; ужъ безъ угощенія Иванъ Степановичъ ни кого, бывало не выпустить отъ себя. Помню, я еще былъ ничего не значущимъ писцомъ въ думѣ, въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и иногда посылали меня по какому нибудь дѣлу къ Терновцу, то и меня онъ всегда принималъ, какъ гостя: „сидись, душко! выпей чайку!“ А какой онъ былъ аккуратный во всѣхъ мелочахъ:—когда уже начались строиться каменные лавки гостиннаго двора, и онъ, бывало, въ 1864—65 году получалъ часто изъ строительнаго комитета (бывшаго при думѣ) деньги на внутреннее устройство новыхъ лавокъ, то каждый разъ, получивъ отъ кассира известную сумму (выдавалось по 100 руб. на каждый номеръ), онъ выходитъ изъ присутствія, и положивъ на столъ въ канцеляріи полученные деньги, три раза перекрестится на икону, потомъ перекрестить три раза деньги, тогда сядетъ, посчитаетъ ихъ и, завернувъ въ бумагу, положить въ боковой карманъ, а затѣмъ вынувъ свой кошелекъ, начинаетъ обдѣлывать всю канцелярію: Секретарю 5 рублей, бухгалтеру 3 руб., а всѣмъ остальнымъ по 1 рублю.

Въ 1866 году, когда я сталъ бухгалтеромъ, Иванъ Степановичъ платилъ дополнительные пошлины къ сви-

дѣтельству 1 гильдіи за 1866 и 1867-й годы, при ходатайствѣ о возведеніи въ потомственные почетные граждане, и обдѣливъ, по обыкновенію, всю канцелярію уже въ передней одѣвая шубу и расчитываясь съ сторожами, что-то замѣтилъ по своему кошельку, возвращается ко мнѣ и говоритъ: „а подывись душко Иванъ Алексѣвичъ, що я тобі давъ?“ Я вынулъ изъ кармана свороченный небрежно билетъ, на который разумѣется не смотрѣлъ при полученіи, и говорю 3 руб.; „а я говорю, думаю, чи не ошибся чи не давъ и тобі рублевика?“

На сколько онъ былъ богатъ и щедръ въ раздачахъ за малѣйшіе услуги ему, на столько-же аккуратенъ и расчетливъ, можно сказать даже скупъ, въ своемъ хозяйствѣ, до малѣйшей мелочи, у него ни одна копѣйка не шла даромъ, безъ назначенія, и все онъ усматривалъ, соображалъ, выводилъ во всемъ экономію и бережливость отъ самыхъ крупныхъ затратъ: на постройки, подряды и проч. до стараго изношеннаго платья и до окурка сигары. Напримѣръ: въ одно время приходитъ къ нему повѣренный отъ какого-то Московскаго купца, по обыкновенію разряженный франтъ-приказчикъ, нанимать лавки. Иванъ Степановичъ, какъ водится, попросилъ его къ чаю, приглашаетъ покурить (у него всегда для гостей были на столѣ хорошія сигары и папирсы); приказчикъ взялъ спичку, тернулъ, она не загорѣлась, онъ бросилъ ее на полъ, другую и третью—тоже; наконецъ, закуривъ отъ четвертой спички сигару, продолжаетъ разговоръ. Смотритъ Иванъ Степановичъ встаетъ со стула, нагибается и подбираетъ испорченные спички; приказчикъ бы не обратилъ на это вниманія, но смотритъ что Ивану Степановичу съ его большимъ животомъ, нагибаться трудно, что онъ крихтитъ,—соскочилъ и скорѣе помогъ собрать съ полу спички; но при этомъ Иванъ Степановичъ успѣлъ вы-

кинуть ему замѣчаніе: „отъ що значить—не хозяинъ!“ тотъ спрашиваетъ: для чего-же годны испорчен. спички? Э! отвѣчаетъ Иванъ Степановичъ, „у мене ось бачите, воно все собирается въ коробочки: оце окурки изъ сигаръ, оце попылецъ изъ ихъ, а оце надпалени сирнички!“ Для чего-же все это Вы собираете? Э! воно все въ хозяйствѣ здасться: окурки и обрызки сигаръ я отдаю въ богодѣльную и мени мелють тамъ изъ ихъ нюхательный табакъ, дуже гарный; а зола годиться зубы чистить, а надпалени спички здадутся засвѣтитъ, колы треба, свичку изъ лампадки, щобъ не портить даромъ цілою спички.“ „А воно бачете все экономія“ Совершенная правда, соглашается посетитель и проситъ извиненія въ своемъ невѣдѣніи такой экономіи!

Въ одно время прїѣзжаетъ къ Ивану Степановичу одинъ изъ безчисленныхъ должниковъ его,—помѣщикъ Л. который былъ долженъ по заемному письму 2000 р. и съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ велось дѣло по судамъ, о взысканіи этаго долга Иванъ Степановичъ очень радъ, что наконецъ Л. самъ прїѣхалъ рассчитаться; „прошу покорно садиться, одъ такъ-бы и давно прїѣхать, тай рассчитаться, чимъ по судамъ тягаться!“ Приказываетъ подать гостю чаю. Начинается счетъ Вы должны мнѣ 2000 руб. сереб.? такъ! процентовъ съ такого-то года и мѣсяца столько-то, на протестъ, на подачу прошеній въ уѣздный судъ, въ гражданскую палату, на такія-то и такія переписки, на гербовую бумагу, на благодарности писцамъ въ судахъ и проч. и употребивъ отстолько-то! Хорошо, я все заплочу, отвѣчаетъ должникъ. Наконецъ, я самъ сидивъ, писавъ по Вашему дилу ни сколько ночей, треба-жъ и мени щось за трудъ? Извольте считать, что Вамъ угодно, я согласенъ! Ну, положимъ отстолько-то. Передо мною, якъ я писавъ, горило по двѣ свички, сгорило на такую-то

еумму! Хорошо! „На бумагу, на чернило и перья столько-то; на тряпочку що вытеравъ перья, хоть дви копѣйки; итого—всего выходитъ отстолько-то!“ „Харашо, извольте, я согласенъ заплотить все,“ отвѣчаетъ Л. „Та щезъ и на темни расходы треба положить хоть рубливъ десять!“ „На какіе-же темные расходы? спрашиваетъ Л.? Э! то вѣкъ на Ваше дѣло,“ возразжаетъ Иванъ Степановичъ: „Какъ-же не мое дѣло? когда Вы высчитали, до самой малости, и я за все долженъ платить? такъ какъ-же я долженъ знать, что такое за темные расходы?“ „Та, я Вамъ кажу що не спорьте, що треба платить одтилько-то! Може я ще й пропустивъ де!“ „Гуть то Л. не вытергѣлъ! разразился упреками“ „Ужь когда Вы черпила и тряпочку ставите въ счетъ, такъ мнѣ нада знать какіе у Васъ темные расходы!“ И не отдавъ ничего, хлопнуль дверьми и ушелъ, ругая Ивана Степановича. Но тотъ ни мало не смущаясь махнуль рукой, сказавъ только: „та й гарячій! бижы, бижы,—а такы прійдешъ та й рочитаешся!“

Иванъ Степановичъ въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ, служилъ городскимъ головою въ Ромнѣ. Въ это время у него было уже безъ малого не сто номеровъ лавокъ въ гостинномъ дворѣ и нѣсколько дворовъ, съ которыхъ получался значительный доходъ во время ярмарокъ, особенно отъ Ильинской, развившейся въ эти годы до многихъ милліоновъ оборота. Но за эту-то службу, Иванъ Степановичъ нажилъ себѣ много неприятностей и нареканій современныхъ городскихъ дѣятелей. Всѣ тогдашніе граждане взвалили на него обвиненіе въ переводѣ Ильинской ярмарки изъ Ромна въ Полтаву.

Однако Иванъ Степановичъ, какъ умный и дальновидный политикъ, не унывалъ и послѣ перевода ярмарки; и когда другіе лавковладѣльцы въ отчаяніи сбы-

вали свои лавки за безцѣнокъ, онъ смѣло покупалъ у каждаго, зная, что торговля насиженная здѣсь вѣками, не перейдетъ сразу въ Полтаву, за одною Ильинскою ярмаркою. И дѣйствительно, остальные двѣ ярмарки, Вознесенская и Маслянская, усилились въ нѣсколько разъ противъ прежнихъ оборотовъ, и послѣдняя, по ходатайству торговцевъ, изъ семидневной сдѣлана въ 1855 году, мѣсячною, такъ что всѣ положительно лавки были занимаемы торговцами по прежнему и приносили порядочный доходъ. А Иванъ Степановичъ къ началу шестидесятыхъ годовъ успѣлъ пріобрѣсть въ разныхъ рядахъ 102 номера лавокъ.

Между тѣмъ Кокоскинъ успѣвъ въ переводѣ Ильинской ярмарки, вздумалъ было отнять отъ Ромна и весь капиталъ, собиравшійся отъ времени Генераль Губернатора Куракина, на устройство новаго каменнаго гостиннаго двора, который по мнѣнію его Кокоскина оказывался будто-бы совсѣмъ ненужнымъ для Ромна, съ переводомъ главной ярмарки. Но Правительствующій Сенатъ, разобравъ это дѣло, призналъ, что капиталъ, собиравшійся съ торговцевъ на устройство лавокъ въ Ромнѣ, не можетъ принадлежать Полтавѣ и долженъ быть употребленъ согласно первоначальному своему назначенію. Послѣ такого Сенатскаго рѣшенія, Роменцы начали хлопотать объ устройствѣ каменныхъ лавокъ гостиннаго двора и въ 1862 году были уже утверждены планы на устройство сихъ лавокъ, въ такомъ-же видѣ, какъ были расположены старыя деревянные лавки т. е. въ восьми корпусахъ триста номеровъ. Но Иванъ Степановичъ, группируя свои лавки къ наиболѣе выгоднымъ, по его взгляду, мѣстамъ, задумалъ было измѣнить этотъ планъ, а начертилъ какой-то Эллипсисъ, и нѣсколько разъ входилъ съ ходатайствомъ въ строительный комитетъ, объ устройствѣ лавокъ по его плану.

Но комитетъ не уважилъ ходатайства и весною 1864 г. было приступлено къ закладкѣ лавокъ. Подрядъ устройства лавокъ на торгахъ, производившихся въ комитетѣ, остался за Полтавскимъ купцомъ Андреемъ Ивановичемъ Рейхельтомъ, за 270 тысячъ рублей или по 900 р. за номеръ, т. е. съ уступкою противъ смѣтнаго исчисления слишкомъ 30 тысячъ; а всего капитала собраннаго на этотъ предметъ, было къ 1864 году болѣе 346 тысячъ; по этому постановлено было комитетомъ выдавать каждому лавковладѣльцу, на внутреннюю отдѣлку лавокъ по 100 рублей на номеръ и устроить на остающійся капиталъ церковь внутри гостиннаго двора, на которую тогда-же былъ составленъ Губернскимъ инженеромъ Михайловскимъ планъ и смѣта на 30 тысячъ рублей.

Но постройка церкви тогда не осуществилась, потому что Духовное Начальство потребовало особое обезпеченіе на содержаніе причта, на что лавковладѣльцы не сошлись и церковь начала уже строиться, послѣ событія 1-го Марта 1881 года.

Между тѣмъ, огорченный не удачею въ устройствѣ лавокъ по своему „эллипсису“ и утружденный дѣлами и заботами Иванъ Степановичъ началъ хворать, и съ начала 1867 года слегъ въ постель; однако и въ болѣзни все таки заботился о хозяйствѣ, о лучшемъ и крѣпкомъ устройствѣ своихъ лавокъ, не разъ призывалъ къ себѣ кузнеца (Лазоренка), дѣлалъ ему выговоры за то что тотъ подѣлалъ будто-бы не крѣпкіе петли и засовы въ дверяхъ „Яки ты поробивъ тамъ засовы до дверей? куда вони годятся? ихъ и на годъ не стане!“ „Ты мени робы гарни засовы и петли дебели!“, Потомъ въ великій постъ, когда уже болѣзнь его очень усилилась, такъ что и доктора не подавали надежды на выздоровленіе, Иванъ Степановичъ въ одно утро призываетъ къ себѣ,

жившаго у него въ качествѣ повѣреннаго по нѣкоторымъ маленькимъ дѣламъ, или проще сказать прихлебателя Ив. Аф. Л. любившаго хорошій ромъ и сливянку, которыми изобиловали погреба Ивана Степановича и говорить ему: „колыбѣ ты знавъ, якій мени сонъ снился: що будто мы съ тобою поихалы на Могилкы и тамъ такъ гарно, такій десь гарный садокъ, що я тамъ остався!“ „Ты бѣ оце въ самомъ діли поихавъ та узнавъ, чи не можна тамъ купить у кого нибудь дворикъ и съ садкомъ, то колы нибудь бы литомъ хотъ каши наварили!“ Но не суждено уже было Ивану Степановичу пріобрѣтать дворы и сады. На пятой недѣли онъ отговѣлся дома, на страстной его соборовали масломъ, а на четвертый день Свѣтлаго праздника, онъ переселился въ лучшую-беззаботную жизнь. Три дня въ городѣ и по всѣмъ окрестнымъ селамъ звонили за упокой души Ивана Степановича. На погребеніе его собралось 27 однихъ священниковъ (городскіе и изъ многихъ селеній) 10 или 11 діаконовъ и безчисленное множество народа, съ такою торжественною процессією провозжали останки его до кладбища.

Завѣщанія Иванъ Степановичъ по болѣзни не успѣлъ составить и все его богатое имущество было раздѣлено между двумя братьями: Михаиломъ и Леонтіемъ Степановичами, а третій оставшійся тогда въ живыхъ, изъ числа братьевъ его—Андрей Степановичъ, какъ одинокій бездѣтный старикъ, не пожелалъ участвовать въ раздѣлѣ и ему братья выдавали пожизненную пенсію по 100 рублей серебромъ въ мѣсяць.

XXI.

Теперь не лишне было-бы упомянуть хотя въ кратцѣ, о простотѣ, нравовъ и обычаевъ всѣхъ вообще нашихъ жителей 1820—30-хъ годовъ, и служившихъ тогда по

выборамъ въ разн. должностяхъ. Тогда губернаторъ, или генераль-губернаторъ, обходился съ членами присутственныхъ мѣстъ, уѣзднаго суда, магистрата, думы и проч. очень фамиллярно, даже рѣдко на кого говорилъ „Вы“ а просто „ты“. Въ одно время на примѣръ прїѣзжаетъ въ Роменъ вновь назначенный генераль-губернаторъ князь Рѣпнинъ, ему по обыкновенію, представляются съ трепетомъ члены и секретари присутственныхъ мѣстъ. Съ дворянами—судьями и засѣдателями повѣтоваго и нижняго земскаго суда онъ обходится еще кое-какъ—вѣжливо, потомъ представляются члены думы и магистрата и рекомендуются чуть-чуть шевеля губами—отъ страха: градской голова такой-то, бургомистръ такой-то! Наконецъ очередь доходить до бѣдныхъ безграмотныхъ сапожниковъ—членовъ словеснаго и сиротскаго суда; но они на силу держатся на ногахъ со страха и не могутъ ни слова выговорить, такъ какъ языки и губы совсѣмъ застыли при одномъ появленіи: такого „великаго пана“ какъ они обыкновенно называли губернаторовъ. Рѣпнинъ подходитъ къ нимъ, спрашиваетъ: „что же это за люди?“ но они молчатъ и только низко кланяются ему. „Да говорите же скорѣе, кто Вы такіе?“ обращается къ члену сиротскаго суда: „Вы что за звѣрь?“ тотъ тогда едва промолвилъ „Заецъ“ Ваше Пр...во! затѣмъ къ другому „а ты что за птица?“ „Синица“ Ваше Пр...во! „тѣфу ты пропасть!“ удивляется Рѣпнинъ въ самомъ дѣлѣ тутъ звѣри и птицы! Наконецъ къ третьему—члену словеснаго суда—„ну! а ты же кто будешь?“ „Подгорный Ваше Пр...во! слуга покорный!“ чуть не съ земнымъ поклономъ произноситъ, дрожащій всѣмъ тѣломъ, членъ суда; прекрасно! сказалъ тогда Рѣпнинъ*).

---

*) Можетъ быть это анекдотъ выдуманный современными юмористами, на тогдашнихъ членовъ; но дѣйствительно: Заецъ, Синица и Подгорный служили членами при магистратѣ и представленіе ихъ начальнику съ такими объясненіями, подтверждается до сего времени, между многими жителями, за истинную правду.

Но говорить о какихъ бы то ни было дѣлахъ съ этими членами, начальникъ не находилъ нужнымъ, зная разумѣется, самъ что не ихъ дѣло вмѣшиваться въ письменность, или вѣдать чтонибудь о дѣлахъ, производящихся подъ ихъ начальствомъ. Когда уже и очень письменные „паны“ судьи напримѣръ и члены повѣтоваго и земскаго судовъ, мало что знаютъ о томъ, что дѣлается въ канцеляріяхъ сихъ мѣсть до того имъ нѣтъ надобности, про то должны знать секретари и столоначальники; а съ нихъ и такъ довольно каждый день работы: подписывать, что подадутъ и писать подъ диктовку, когонибудь изъ писцовъ, резолюціи въ настольныхъ реэстрахъ. Ну, а эти-же, большею частію совсѣмъ неграмотные члены сиротскаго и словеснаго суда, которые только прикладывали „печатки“ (штемпель съ его именемъ и фамиліею) на журналахъ и исходящихъ бумагахъ, что-же они могли знать о дѣлахъ, которые имъ приходилось рѣшать?... А между тѣмъ дѣла въ этихъ мѣстахъ, были иногда очень важныя и на большія суммы. Но, простота и твердое выполненіе данной предъ вступленіемъ въ должность присяги, дѣлали все очень добросовѣстно; такіе люди, не знавшіе юридическихъ правъ, а руководствовавшіеся чистою совѣстію рѣшали дѣла, подобно Кирьяку Тимофѣвичу,—правдиво и большею частію миромъ. Разумѣется всѣ дѣла: въ магистратѣ, сиротскомъ и словесномъ судѣ зависѣли производствомъ отъ секретаря, и когда секретарь былъ не совсѣмъ знакомъ членамъ, какойнибудь присланный не надолго, изъ губернскаго или другаго города, то избираемые на должности бургомистровъ, ратмановъ и судей, всѣми силами старались уклоняться отъ этихъ должностей; боясь чтобы неблагонадежный секретарь не подвелъ ихъ самихъ подъ судъ. Но, у насъ въ 20—30-хъ годахъ и въ началѣ 40 годовъ, былъ секретаремъ въ магистратѣ,

свой—мѣстный житель, нѣкто Семѣо-Савойскій, который служилъ въ этой должности болѣе 40 лѣтъ, и на котораго всѣ выборные лица надѣялись какъ сами на себя, что онъ не сдѣлаетъ уже ни какого зла ни кому. А канцелярскіе хотя и подшучивали иногда надъ такими членами, посылая отъ нихъ записки въ погреба и лавки объ отпускѣ выпивки, закусокъ, табаку и проч. но это принималось за шалости, такъ какъ на принесенную выпивку, всегда приглашались и члены и такая посылка почти никогда не превышала одного рубля. Разъ только одному бургомистру Іосифу Ивановичу Литвиненку (который и самъ любилъ порядочно выпивать) поднесъ писецъ записку въ лавку и погребъ купца Пинькова, объ отпускѣ къ празднику на всю канцелярію, водки, вина, закусокъ и проч. Подпишитъ, дядюшка это отношеніе! Дядюшка разумѣется, ни когда не читаетъ, что онъ подписываетъ, но все таки спрашиваетъ, о чемъ такое отношеніе? Та это въ казначейство объ отпускѣ сундука, отвѣчаетъ, лукаво улыбаясь, проказникъ—писецъ.“ Потомъ черезъ мѣсяць что-ли, присылаютъ Литвиненку счетъ изъ лавки и погреба Пинькова, рублей на пятнадцать съ лишнимъ, тотъ удивляется, что ни когда не бралъ ни чего въ долгъ у Пинькова а тутъ вдругъ счетъ на такую сумму, гонить приказчика, „що ты здуривъ съ своимъ хозяиномъ?! я ни колы ни чего не беру въ долгъ!“ Но приказчикъ показываетъ ему собственно-ручно подписанную записку.—Тутъ Іосифъ Ивановичъ только почесалъ затылокъ и сказалъ: „се мабутъ, канцальски панычи, такъ мене пиддурилы!“ и заплатилъ по счету.

Надо сказать, что въ то время, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, жалованье писцамъ было самое ничтожное, а ежедневная выпивка къ обѣду, была такъ

обязательна, что безъ нея нельзя было выходить изъ присутствія; но выпивку эту доставляли большею частію „челомбитчики“ являвшіеся ежедневно по разнымъ дѣламъ, или же она покупалась за счетъ „хабарчиковъ“ получаемыхъ отъ тѣхъ-же „челомбитчиковъ.“ Тогда хабари вообще составляли гораздо большій доходъ чѣмъ жалованье, и приносились не только деньгами, но и разными вещами, выпивкою и съѣстными продуктами. Въ одно время даже была такая смѣшная комедія: одинъ бѣдный мѣщанинъ, имѣвшій какое-то дѣло въ словесномъ судѣ, не имѣя вѣроятно денегъ что бы дать хабаря, притащилъ изъ дому индюка, въ подарокъ словесному судѣ. Словесный судъ, вмѣстѣ съ сиротскимъ помѣщался всегда при магистратѣ въ одномъ домѣ, и дѣла производились магистратскою канцеляріею. Словеснымъ судьей быть на тотъ часъ нѣкто Як. Иван. Биркуть, не богатый Роменскій мѣщанинъ и пожилой уже человекъ, онъ былъ очень большаго роста и носилъ, по обычаю того времени, длинный синій халатъ и очень широкіе шаравары „до очкура“ которые разумѣется, прятались въ громадные голенища сапогъ. Такъ какъ въ присутствіи еще ни кого не было и принесеннаго въ подарокъ индюка можно было принять свободно, ни кто бы и не зналъ объ этомъ, то Як. Ивановичъ не погнушался и такимъ подарочкомъ; но такая бѣда, что спрятать индюка не куда было, что-бы не подглядѣли шалуны—писцы, анести его домой очень далеко;—не хотѣлось идти старостью. Такъ Як. Иван. и придумалъ: спрятать его въ шаровары. Развязать „очкуръ“ и посадить туда индюка—дѣло одной минуты, а помѣщеніе то въ шароварахъ, такое что туда можно запереть и десятокъ индюковъ. И вотъ пристроивши индюка въ такое прекрасное сѣдалище, Як. Иван. подтянулъ покрѣпче „очкуръ“ и опоясавши кушакомъ ха-

латъ усѣлся преспокойно на своемъ судейскомъ креслѣ. Собрались и другіе члены, вошелъ секретарь магистрата, начали рѣшать дѣла, и только что Як. Иван. хочетъ подать голосъ за своего кліента, принесшаго ему подарокъ, какъ индюкъ изъ шароваръ подастъ свой голосъ „курлю“ разъ, другой, что такое? спрашиваютъ другъ друга ото-ропѣвшіе члены суда, „гдѣ это курлюкае индюкъ?“— Но Як. Иван. чтобы скорѣе рѣшить начатое дѣло и не дать вслушаться, откуда подаетъ голосъ индюкъ, ска-заль торжественно „та! годи съ симъ диломъ возитъся, цуръ йому!“ „давайте лучше выпьемъ бо вже пора!“ и сей часъ снялъ гербъ съ зерцала и положилъ на столъ. Это означало, что судъ закрывается, и тутъ-же на при-сутственномъ столѣ—можно пить и закусывать*). Во-обще въ словесномъ судѣ дѣла большею частію рѣша-лись миромъ, а всякая мировая сдѣлка,—между тяжу-щимися,—по тогдашнему понятію и обычаю, не могла состоятся безъ „могорича“.

Въ болѣе отдаленную старину т. е. раньше 20 и 30-хъ годовъ, могоричъ при всякомъ общественномъ дѣлѣ—напримѣръ въ собраніи общества по какимъ-бы то ни было дѣламъ, при вызовѣ свидѣтелей въ судъ, или при какой нибудь торговой сдѣлкѣ—считался закон-нымъ обязательствомъ; такъ что если бы, храни Богъ, нашелся тогда такой беззаконникъ, по дѣлу котораго было собраніе общества, или вызовъ свидѣтелей и онъ не удовлетворилъ бы ихъ могоричемъ, то и дѣло его счи-талось не оконченнымъ, и всѣ называли его безчестнымъ. Да что и говорить о давней старинѣ, когда и въ наше время, при всякихъ собраніяхъ (исключая развѣ собра-ній думы) происходитъ всегда выпивка, только въ бо-лѣе деликатномъ видѣ. А тогда, въ 20-ти 30-хъ годахъ,

---

*) За справедливость этого анекдота я не ручаюсь. Это подлинный рассказъ служившаго въ магистратѣ столоначальника П. С. Радченка.

при простотѣ старыхъ обычевъ, не рѣдко случалось и такъ, что члены магистрата и словеснаго суда рѣшали какое нибудь дѣло, (разумѣется на счетъ виновнаго) не въ присутствіи, а въ сосѣднихъ съ нимъ храмахъ Бахуса: въ погребѣ Громонина, или въ шинкѣ Копеля Леонтьевича Новицкаго, который былъ очень образованный и толковитый еврей, много помогавшій своими совѣтами членамъ во всѣхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Этотъ Копель былъ замѣчательный феноменъ между современными ему евреями, онъ вопреки тогдашнему, строго-фонатическому обряду, своихъ собратій,—стригъ пейси, брилъ бороду, носилъ короткій сюртукъ, шляпу—цилиндръ и голубаго сукна шинель съ длиннымъ кашшономъ, ѣлъ даже колбасы и сало. Этимъ—цивилизованнымъ обращеніемъ своимъ, онъ имѣлъ значительное вліяніе на всѣхъ членовъ и большею частію сводилъ на миръ тяжущихся своими мудрыми совѣтами и при посредствѣ разныхъ настоекъ, наливокъ и вкусныхъ закусокъ, приготовляемыхъ въ его шинкѣ, такъ что очень часто судившіеся, бывшіе до того не примиримыми врагами,—вмѣстѣ съ членами суда,—успокоивались послѣ рѣшенія дѣла, на мягкихъ пуховикахъ Копеля и расходились на другой день, послѣ „маленькой поправки“ искренними друзьями.

Но разъ, во время такого блаженнаго и дивнаго благопріятнаго производства дѣлъ, въ магистратѣ, сиротскомъ и словесномъ судѣ, какой то—вѣроятно „врагъ не навидяй добра“ странно напугалъ благодушныхъ членовъ и секретаря сихъ мѣсть. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1837 года, былъ украденъ денежный сундукъ изъ магистрата, въ которомъ хоть денегъ на тотъ часъ было только всего три рубля, но было много векселей и разныхъ денежныхъ документовъ по дѣламъ производившимся въ магистратѣ, а также и бланки паспортовъ,

которые еще тогда выдавались кунцамъ и мѣщанамъ, на отлучки ихъ, изъ магистрата. Но эта кража вышла не такъ страшна, какъ смѣшна, и чуть-ли она не была сдѣлана только для однихъ шутокъ, къмъ нибудъ изъ знакомыхъ членамъ гражданъ, желавшихъ вывести не въ мѣру уже укоренившееся вліяніе Бахуса на всѣ вообще судебныя дѣла. Такъ какъ на другой или на третій день, послѣ этой кражи, бытъ подкинуть въ магистратъ довольно пространній пасквиль въ стихахъ, на малорусскомъ нарѣчїи, о всѣхъ вообще слабостяхъ и недостаткахъ тогдашнихъ членовъ и секретаря. Въ этомъ пасквилѣ было подробно описано, какъ на другой день послѣ кражи съобралось полное присутствіе магистрата, сиротскаго и словеснаго суда, какъ бѣдные члены—западнѣскіе сапожники—прощались дома съ своими женами и дѣтьми и собирались ѣхать въ „великіе палаты“ въ Полтаву, гдѣ ихъ, можетъ быть осудятъ уже на вѣчную ссылку; какъ ихъ утѣшалъ одинъ изъ ратмановъ—Андрей Золотаревскій, болѣе всѣхъ умный и бойкій человекъ; какъ секретарь, Алексѣй Семко-Савойскій; горько плакалъ и рыдалъ, сорокалѣтній пенсіонъ свой воспоминалъ; „пропавъ мнѣ пенсіонъ, пропала вся надія, пропала служба бѣднаго Олексія.“ Какъ старшій бургомистръ Іосифъ Ивановичъ Литвиненко сидѣлъ схилившись „аморейскимъ дышетъ!“ „насушивъ брови ни чего не каже и не пише, сидитъ да тильки чмише.“ Какъ потомъ явился „утѣшитель,“—словесный судья Иванъ Николаевичъ Астаховъ, отъ природы косноязыченъ, и на силу промовивъ“ и я и я ту-туть-но-но-чева-ва-лъ, и до по-по-ночи си-си-дѣ-дѣ-лъ и отъ ть-не-не-чего дѣ-дѣ-ла-ла-лъ ню-ню-ха-халъ сво-вой та-ба-бакъ и и ка-ка-къ эт-то слу-лу-чи-чи-ло-лось ни ни-че-че-го не не знаю-ю, въ че-чемъ сво-вою су-су-ддейскую со-со-вѣсь по по-ставля-ляю!“ Какъ

этого самаго словеснаго судью снарядили въ Полтаву съ личнымъ донесеніемъ о постигшемъ магистратъ несчастіи и какъ затѣмъ, на другой же день по выѣздѣ Ивана Николаевича въ Полтаву, нѣкто Ледницкій—портной, жившій, за почтовою конторою, нашель въ своемъ саду сундукъ магистрата и доставиль его въ полицію, гдѣ оказалось что воръ отбилъ дно сундука и взялъ только бывшія въ немъ деньги три рубля, а все бумаги, векселя и проч. оставиль не тронутыми. Какъ послѣ того возрадовались все члены и секретарь, которому вновь открылась дорога къ пенсіону и какъ ратманъ Аврамъ Кричевскій, когда пришелъ въ полицію и увидѣлъ сундукъ, то „снялъ ермолку, якъ каинъ увесъ затрусився, отъ радости чуть-чуть не перехристылся.“ Однимъ словомъ съ большимъ юморомъ была описана полная картина всеѣхъ тогдашнихъ дѣйствій магистрата; при чемъ не маловажнымъ дѣятелемъ былъ выставленъ и Кошель Новицкій, такъ усердно помогавшій рѣшать дѣла.

Объ этомъ пасквилѣ производилось, по предписанію губернскихъ властей, строгое разслѣдованіе, кто его сочиниль? Но виновнаго не нашли и кончилось тѣмъ, что по приговору уголовной палаты, пасквилъ былъ публично сожженъ палачемъ на эшафотѣ и строжайше запрещено списывать и читать его, а члены магистрата остались ни въ чемъ не виновны.*)

Вскорѣ послѣ этого произшествія, послѣдовало распоряженіе начальства, что-бы паспорта на отлучки купцовъ и мѣщанъ изъ города, были выдаваемы впредь

---

*) Я помню, еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, эти стихи охотно переписывались и читались (хотя тоже секретно) между всеми канцелярскими служителями думы и магистрата. И сочиненіе ихъ приписывали (по догадкамъ) Ивану Степан. Терновцу и его другу Иларіону Никитичу Тандѣтникову, знаменитому юристу своего времени.

городскою думою, что и исполнялось уже до преобразования городского управления. Затѣмъ съ начала 1842 г. былъ избранъ на мѣсто Кириака Нестеренка, градскимъ головою Иванъ Степановичъ Терновецъ, который какъ человекъ умный и по своему времени довольно образованный и вліятельный, началъ вводить лучшіе порядки дѣлопроизводства въ думѣ, магистратѣ и сиротскомъ судѣ, такъ что при немъ начала прекращаться прежняя выпивка и рѣшеніе дѣлъ за одни могорычи и подарки. Но Ив. Степан. прослуживъ головою только одно трехлѣтіе, съ 1845 года перечислился, по своимъ коммерческимъ дѣламъ въ Кіевское купечество и въ 1845, 1846 и 1847 годахъ былъ градскимъ головою купецъ Порфирій Демьяновичъ Зѣнченко, человекъ тоже образованный и очень умный и осторожный во всѣхъ дѣйствіяхъ. Затѣмъ въ 1848 году былъ вторично избранъ головою Иванъ Степановичъ Терновецъ и состоялъ въ этой должности до перевода въ Полтаву Ильинской ярмарки въ 1852 году, когда его мѣсто занялъ бывший до того времени отъ гильдіи гласнымъ купеческой братъ Константинъ Ивановичъ Писниковъ.

XXII.

Послѣ перевода Ильинской ярмарки въ Полтаву, въ томъ-же 1852 году былъ назначенъ Высочайшій проѣздъ черезъ г. Роменъ.

Государь Императоръ Николай Павловичъ, съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ и много численною свитою, изволили ѣхать на маневры подъ Бѣлую-Церковь, и въ Сентябрѣ 1852 года Роменъ удостоился видѣть своего Государя и Его Наслѣдника. Можетъ быть Государь нарочно хотѣлъ взглянуть на Роменъ совсѣмъ обезславленный Кокошкинымъ и обиженный переводомъ ярмарки, даже можетъ быть

хотѣлъ явить ему какую особую милость, или же возвратить опять Ильинскую ярмарку. Но встрѣча и пріемъ Его въ Ромнѣ вышли такъ не удачны, что Государь послѣ своего проѣзда не обратилъ на Роменцевъ ни какого вниманія.

Помню какъ сей часъ все это событіе. Я тогда былъ ученикомъ II-го класса уѣзднаго училища; это было 11 Сентября, день былъ очень теплый и ясный. Насъ всѣхъ учениковъ, смотритель училища, старенькій полякъ Викентій Юрьевичъ Клопотовскій, съ самаго ранняго утра началъ готовить для встрѣчи Государя: по нѣскольку разъ мы въ училищномъ дворѣ мылись, подстригались, причесывались, чистили свои мундиры, сапоги и проч. и проч. Потомъ учитель русскаго языка, собравши всѣхъ въ залъ училища, какъ привѣтствовать Его Величество при входѣ въ залъ, какую гѣть молитву и проч. Наконецъ разочаровавшись ожиданіемъ насъ часовъ въ 4 или 5, передъ вечеромъ распустили изъ училища, съ строгимъ приказаніемъ не бѣгать по городу въ форменной одеждѣ. Но мы, вырвавшись изъ училища, сейчасъ побѣжали на Процовку, гдѣ всѣ жители города съ самаго утра дожидались пріѣзда Государя, и въ ожиданіи такъ напились „вольной“ что когда карета Его Величества переѣхала Процовскій мостъ, то они хватили ее за колеса и начали кричать „ура“, такъ, что лошади становились на дыбы, но не могли дальше потянуть кареты, отъ сотни рукъ ухватившихся за нее. Государь сначала раскланивался на обѣ стороны и нѣсколько разъ вставалъ и поднималъ фуражку, но видя, что пьяная толпа не пускаетъ Его ѣхать дальше, а изъ начальствующихъ и полиціи никто не является, началъ сердиться и кричать: „разступитесь,“ „пошли прочь!“ и т. п. наконецъ, выѣхавъ на гору, остановился для перемѣны лошадей противъ двора Кусонскаго, гдѣ Ему

адъютантъ доложилъ, что граждане желаютъ поднести хлѣбъ-соль. Между тѣмъ бывшій тогда городской голова К. Ив. Посниковъ и Иванъ Степановичъ Терновець, заспорили: кто долженъ поднести хлѣбъ? Терновець кричалъ на Посникова, что „тыжъ голова! ты долженъ подносить!“ а Посниковъ просилъ Терновца принять на себя эту честь, по праву старѣйшенства, потому что самъ дрожалъ весь, какъ въ лихорадкѣ, и не могъ удержать блюда (онъ таки любилъ здорово выпивать), а тутъ еще на ту бѣду, полиціймейстеръ Полетика и частный приставъ Дуброва, долженствовавшіе тоже представиться Государю, такъ струсили, что потеряли ключъ отъ комнаты, въ которой былъ приготовленъ хлѣбъ, а сами запутались межъ толпою людей и экипажей. И пока они пробились къ дому гдѣ былъ хлѣбъ,—пока Терновець съ Посниковымъ спорили кому подносить его, прошло болѣе четверти часа,—лошадей перемѣнили и Государь, не дождавшись никакого представленія начальствующихъ, уѣхалъ черезъ городъ, предъ заходомъ, солнца, и уже на Гудовичевской станціи, куда Его Величество провожали отъ Ромна предводитель дворянства и многіе помѣщики, изволили остановиться и кушать вечерній чай. А у насъ по выѣздѣ уже Государя въ Засулье собрались звонить въ колокола по церквамъ и зажгли иллюминацію.

На другой день послѣ этого изволили проѣзжать черезъ городъ Наслѣдникъ Цесаревичъ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, съ Паскевичемъ и другими генералами; они останавливались для перемѣны лошадей около почтовой станціи, противъ бывшаго земскаго суда, (гдѣ нынѣ 2-я каланча) и кушали чай въ станціонномъ домѣ Рапортта. Домъ этотъ принадлежитъ теперь Михаилу Илларионовичу Сварикѣ и остался въ томъ-же самомъ видѣ какъ былъ и въ 1852, хотя и ремонтировался по-

томъ, но въ наружномъ видѣ оставленъ безъ всякаго измѣненія.

XXIII.

Въ 1854—55 годахъ, когда началась турецкая война, вся Полтавская губернія была объявлена на военномъ положеніи; и у насъ въ Ромнѣ, по распоряженію губернатора, было назначено размѣстить три тысячи раненныхъ и тысячу военно-плѣнныхъ турокъ. Тогда городской думѣ была значительная работа: нанимать и приспособлять дома для госпиталей. Много частныхъ домовъ было занято ранеными, а плѣнные турки были помещаемы въ контрактномъ домѣ. Въ прежніе времена у насъ наборы рекрутъ производились очередные, то въ восточной то въ западной полосѣ Имперіи, и не больше бывало, какъ по пять или по шесть человѣкъ съ тысячами; а въ 1854—55 годахъ, было по два въ годъ общихъ чрезвычайныхъ набора съ обѣихъ полосъ Имперіи, по 10 и даже по 12 человѣкъ съ тысячами, затѣмъ набиралось Государственное ополченіе и формировались Малороссійскіе казачьи полки.

Сколько тогда было военныхъ въ городѣ! На го-
стинной площади ежедневно производилось ученье, то вновь набираемыхъ рекрутъ, то ратниковъ ополченія, въ которыхъ попадались иногда люди уже пожилые, едва способные поднять ногу, по командѣ офицера или фельдфебеля; а сколько было ежедневно переходныхъ войскъ, отправлявшихся въ Севастополь! Бывало по три и по четыре раза въ сутки вступаютъ въ городъ отряды разныхъ полковъ, такъ что въ каждую хату на пригородѣ или на западинцахъ ставили на квартиру по 10—15 человѣкъ, которые иногда еще и дневали, черезъ что самымъ хозяевамъ приходилось хоть бѣжать изъ своихъ домовъ. Помню, какъ, разъ намъ въ темную осеннюю

ночь втаскалаь ходакъ, въ нашу хатку, 15 человекъ солдатъ, да еще Оренбургскихъ калмыковъ, такихъ здоровенныхъ ростомъ и страшныхъ на видъ что мы принуждены были прятаться отъ нихъ на чердакъ и въ сарай, тѣмъ болѣе, что мы не понимаемъ ихъ разговора, а они нашего. Сколько тогда всѣ жители терпѣли бѣды отъ этихъ необыкновенныхъ постоевъ! сколько было расходовъ мѣщанскому обществу по отбытію рекрутской повинности. Тогда рекруты набирались только изъ мѣщанъ и крестьянъ, и каждый наборъ стоилъ обществу большихъ расходовъ, такъ какъ, сейчасъ же по полученіи на мѣстѣ Манифеста о производствѣ набора, мѣщанскій староста забиралъ къ себѣ, изъ подлежащихъ очереди семействъ, всѣхъ годныхъ по лѣтамъ и здоровью молодыхъ людей, если требовалось на примѣръ изъ общества 8 человекъ рекрутъ, то ихъ набиралось не менѣе 24-хъ т. е. на два подставныхъ вслучаѣ забракочванія ~~каждъ рекрутскимъ чужужутствѣмъ, да ссорожайтъ~~ нимъ назначалось человекъ десять, потому что тогда назначаемые въ рекруты часто убѣгали и укрывались отъ рекрутства; и эта вся ватага содержалась иногда по мѣсяцу въ общественномъ домѣ, на счетъ общества; ~~бли, шили~~ и буянили сколько угодно, (имъ предоставлялось полное раздолье). Затѣмъ рекрутскія присутствія были не въ каждомъ городѣ, какъ впоследствии по Манифесту 1863 года опредѣлено, а назначались по одному на три и на четыре уѣзда, такъ что часто приходилось возить рекрутъ и ихъ сторожей въ Гадячъ, а иногда и въ Полтаву, кормить и поить ихъ тамъ по нѣсколько дней, пока удасться сдать рекрутъ. Сколько все это стоило для общества? мѣщанское общество совсѣмъ обиднѣло, многіе не въ состояніи были платить податей, накопилась большая недоимка и губернаторъ часто присылалъ чиновниковъ особыхъ порученій побуждать

думу и мѣщанскихъ старость къ распологу недоимки на болѣе зажиточныхъ и объ изысканіи разныхъ способовъ къ пополненію ея въ казну. Наконецъ лѣтомъ 1855 года появилась повсемѣстно холера и начались опустошительные пожары, у насъ полиція распредѣлила городъ на сторожевые участки, въ каждомъ дворѣ и около каждой хатки—на Пригородкѣ обязательно долженъ былъ ходить какой нибудь сторожъ съ колотушкою, цѣлую ночь, и на каждой хатѣ, крытой тесомъ или соломою устраивались пѣшеходы изъ досокъ и на крышѣ около трубы непременно должна была находиться кадка съ водою. И бывало, какъ только зайдетъ солнце, ребятишки съ каждой хаты бѣгаютъ вездѣ по дорожкамъ, по горбамъ за Соборомъ на Выноградовщинѣ, на Пригородкѣ и подъ тонъ военныхъ часовыхъ, стоящихъ около тюрьмы, казначейства, лазоретовъ и проч. выкрикиваютъ безпрестанно протяжное „слушай!“ Бывало часто такъ, что въ маленькихъ дворахъ, или въ бѣздворныхъ избахъ на Пригородкѣ, гдѣ не было ни кого изъ мужскаго пола, какая нибудь дѣвушка, или старая баба, принуждена была сама ходить съ колотушкою и тоже кричать за шалунами мальчиками „слушай“ такъ какъ обходные отъ полиціи заставляли каждого безпрестанно клепать въ колотушку и кричать; и такое прекрасное было развлеченіе мальчикамъ каждую ночь, что они, пожалуй рады были, что бы постоянно продолжалась такая тревога.

Но, благодаря Бога, у насъ въ городѣ большихъ пожаровъ не было и болѣзнь—холера продолжалась не болѣе двухъ мѣсяцевъ: Июль и Августъ; но и за эти два мѣсяца умерло довольно много людей, большею частію жителей Пригородка и Западинецъ, тогда какъ внутри города смертность была почти не примѣтна. Хотя особыхъ санитарныхъ предосторожностей противъ

заразы тогда еще ни какихъ не было и полиція ограничивалась только запрещеніемъ продажи овощей на базарѣ, а доктора не знали почти ни какихъ средствъ отъ этой болѣзни, кромѣ растиранія перчековкою и другими горячительными спеціями, такъ что изъ заболѣвавшихъ холерою кажется ни кто не выздоравливалъ; но достойно замѣчанія то обстоятельство, что тогда умирали большею частію только одни взрослые отъ 20 лѣтъ и старѣе, которые понимали уже хорошо какъ беречься отъ холеры и чего нельзя употреблять въ пищу; между тѣмъ какъ малые отъ 10 до 16 лѣтъ, пользуясь случаемъ, что полиція прогоняла съ базара огурцы, дыни и арбузы и сваливала ихъ въ провалыя, крали эти овощи безпощадно цѣлый день, купались по нѣсколько разъ въ день, не соблюдая ни какой предосторожности, и ни одинъ изъ нихъ не заболѣлъ и не умеръ отъ холеры.

XXIV.

Такъ какъ перчековка въ то время, почиталась единственнымъ извѣстнымъ средствомъ отъ холеры, и предписывалась докторами не только для растиранія, но и для внутренняго употребленія, то по распоряженію начальства, въ каждомъ шинкѣ продавалась эта настойка въ запечатанныхъ шкаликахъ. Тогда существовали еще повсемѣстно еврейскіе откупа по городамъ, и всѣ шинки въ городѣ, разумѣется, были одни только еврейскіе, изъ русскихъ никто не могъ добиться чести „шинковать“, а евреи между тѣмъ дѣлали большія злоупотребленія и обиды, всѣмъ жителямъ. Питейная контора, состоявшая въ распоряженіи какого нибудь Мовши, получавшаго 100 руб. серебр. жалованья въ мѣсяцъ, въ то время когда секретари присутственныхъ мѣстъ получали только 200 руб. въ годъ,—дѣлала такія выгоды для главнаго

своего „акцизнаго управленія,“ что бывало по мѣсячнымъ отчетамъ,*) изъ получаемой въ теченіи мѣсяца водки, не смотря на то, что раздавалось бесплатно всѣмъ начальствующимъ въ городѣ чиновникамъ, ведеръ до тридцати въ мѣсяць, да выпивали такое-же количество, если не больше, служившіе въ питейной конторѣ: кассиры, подвальные, объѣзчики и проч., которыхъ тамъ было человекъ 30—40 постоянно,—оставалось еще въ „экономіи“ ведеръ по 30 и больше. Откуда же бралась такая экономія? тогда какъ при разлитіи въ подвалѣ каждому шинкарю въ осьмушковые, четвертовые и другіе шкалики, ведра или двухъ ведеръ водки, должна-бы, кажется, быть еще потеря; а между тѣмъ тутъ получалась такая громадная „экономія!“ Разумѣется всю эту экономію „подвальные“—вѣрные служители „гашпадина откупщика“ черпали изъ Сулы и колодца, бывшаго въ дворѣ питейной конторы**).

Затѣмъ еще каждый шинкарь, надѣявшійся по своему природному призванію, также когда нибудь втереться распорядителемъ откупа, а можетъ быть и самому сдѣлаться откупщикомъ, въ свою очередь, старался извлекать экономію изъ продаваемыхъ имъ шкаликовъ; для этого онъ ухитрялся подколоть шиломъ запечатанный бумагою и не крѣпкимъ—бочковымъ сургучемъ, шкаликъ, отливаль оттуда сколько хотѣлъ и добавлялъ затѣмъ недостающее крѣпкимъ отваромъ стручковаго перца въ водѣ. И за эти, пропедшіе столько

---

*) Я самъ два мѣсяца служилъ въ питейной конторѣ, видѣлъ всѣ эти дѣйствія питейныхъ распорядителей, отпускалъ въ шинки запечатанные шкалики и составлялъ мѣсячные отчеты въ акцизную контору. Это было въ 1858 году.

***) Разъ кто-то, вѣроятно сами служившіе въ уѣздномъ судѣ канцелярскіе чиновники, устроили такую штуку: поймали большого рака и вложивъ ему въ клемню прошеніе написанное отъ имени рыбъ и раковъ, на откупщика питейныхъ сборовъ, что онъ такъ много беретъ воды изъ Сулы, на разсирокку водки, что скоро имъ просителямъ негдѣ будетъ жить,—пустили его въ присутствіе суда!

безъ искусственныхъ еврейскихъ лабораторій, помои благодушные жители города обязаны были платить по 6 и по 8 руб. за ведро; а содержатели гостинницъ получали такую-же бурду, изъ самой питейной конторы, уже безъ шкаликовъ, по 10 руб. за ведро! Тогда же въ уѣздѣ, въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ города, можно было достать настоящее хлѣбное вино, вышедшее изъ завода безъ всякихъ еврейскихъ удобрений, по 2 руб. за ведро; потому что уѣздъ не подлежалъ вѣдѣнію откупщика и продаваемая во всѣхъ селахъ водка, называлась по этому „вольною“. Сколько-же тогда было бѣдствій черезъ эту „вольную!“ Питейный еврейскій откупъ содержалъ всегда 20—30 чел. самыхъ отчаянныхъ, отпѣтыхъ, силачей „обѣздчиковъ“, которые по перемѣнно находились днемъ и ночью, на обоихъ шлахбаумахъ и на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ въ городъ, и ни кого положительно не пускали безъ обыска: везеть ли селянинъ дрова, сѣно или солому на базаръ, ему переворачивали палками весь возъ, несеть ли женщина для продажи мѣшокъ картофеля, огурцовъ, или чего бы то ни было изъ сельскихъ произведеній, ее останавливали и подвергали самому тщательному обыску, не только въ мѣшкѣ но и во всей ея одеждѣ; однимъ словомъ ни кто не могъ ни въѣхать ни войти въ городъ безъ истязанія со стороны этихъ вѣчно пьяныхъ, дерзкихъ и нахальныхъ еврейскихъ наймитовъ.

Нечего сказать, случалось таки часто, что многіе особенно не богатые жители Западинецъ, Могилокъ и Пригородка, при какихъ нибудь семейныхъ событіяхъ, требовавшихъ особенной попойки, не въ состояніи будучи платить въ питейную контору по 6 руб. за ведро разболтанной водки, ухитрялись иногда тайкомъ доставать для этого „вольную“ которую по большей части, искусные рыболовы, провозили имъ въ лодкѣ изъ с.

Герасимовки. Но чуть только, по особому обонянію, объѣздчиковъ, пало на кого нибудь подозрѣніе, что ему доставлена вольная, какъ они ту-же минуту налетали на домъ заподозрѣннаго хозяина и не взирая ни на какія домашнія обстоятельства, хотя-бы тамъ были крестины, свадьба. или поминки и сколько бы тамъ ни было гостей, принимались обыскивать во всѣхъ вещахъ въ домѣ въ сундукахъ, въ шкафахъ, въ постелѣ, за иконами и проч. и проч. словомъ—перероютъ все въ домѣ, на чердакѣ и во всѣхъ хозяйственныхъ помѣщеніяхъ, а затѣмъ и въ одеждѣ cadaго изъ гостей. И бѣда хозяину; у котораго найдутъ хоть осьмушку вольной водки: его сейчасъ тащутъ за шиворотъ, безжалостные объѣздчики, въ полицію и садятъ подъ арестъ, а за тѣмъ взыскиваютъ штрафъ 48 рублей ассигнаціями за какое бы то ни было количество водки, часто подвергая продажѣ самое необходимое имущество иного бѣдняка, у котораго не было денегъ заплатить штрафъ.

Всѣ чины полиціи, кромѣ прямой законной обязанности-содѣйствовать питейному откупу въ преступленіи корчемства, были щедро одаряемы откупщикамъ и просто таки получали отъ него опредѣленное жалованье, зато что не давали ни кому избыгнуть отъ полиціи объѣздчиковъ. Сколько тогда было, въ земскомъ судѣ, дѣлъ о корчемствѣ, сколько было не выносимыхъ притѣсненій и грабежей бѣднымъ обывателямъ со стороны откупа! И какіе были страшные разбои, если бывало объѣздчики наскakивали на нѣсколькихъ дюжихъ хлопцевъ, порядочно выпившихъ и несшихъ для своей пирушки въ городъ, почти открыто, вольную водку, изъ Герасимовки или Евглашей! Часто бывало, изувѣчивали и прибывали до смерти этихъ ненавистныхъ объѣздчиковъ не смотря на содѣйствіе имъ полиціи.

Но, и въ это лютое откупное время былъ у насъ въ Ромнѣ, одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ, который не служилъ откупу, а благодѣтельствовалъ бѣднымъ людямъ, который самъ не навидѣлъ всѣхъ откупщиковъ и объѣзчиковъ и котораго многіе изъ старожилонъ вспоминаютъ и теперь добрымъ словомъ. Это былъ Иванъ Онисимовичъ Бондарцевъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ квартальныхъ надзирателей служившій въ этой должности чуть-ли не полвѣка, на одномъ мѣстѣ. Очень тихій, простой и добродушный старичекъ, онъ хорошо зналъ матеріальное и нравственное состояніе почти всѣхъ жителей: Пригородка, Западинецъ и Могилковъ; и не смотря на всю тогдашнюю строгость полиціи, приводившую въ трепетъ cadaго изъ сихъ жителей, при одномъ появленіи полицейскаго служителя, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣлъ право взять кого угодно, посадить за решетку, а квартальный могъ, безъ всякаго суда и часто безъ всякой вины высѣчь розгами и послать мечь базарь; одинъ Иванъ Онисимовичъ не употреблялъ ни когда этой строгости и обходился со всѣми такъ кротко и радушно, что ему вездѣ съ радостію отворяли двери и принимали какъ желаннаго гостя.— И вотъ бывало, когда служители откупа пронюхаютъ, что къ кому нибудь изъ жителей принесена вольная водка, сейчасъ бѣжать въ полицію, такъ какъ производить обыскъ въ домахъ, они все таки не имѣли права безъ полицейскаго чиновника,—а полиція всегда командировала для такихъ дѣлъ Бондарцова, какъ старика немощнаго уже для другихъ болѣе важныхъ дѣлъ, да и предмѣстья: Западинцы и Могилки состояли въ его участкѣ. И едва только Иванъ Онисимовичъ съ юрмою объѣзчиковъ, показался въ дворѣ, какъ хозяинъ выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу и, низко кланяясь просить пожаловать въ хату. Объѣзчики видя, что хозяинъ

такъ смѣло просить ихъ въ хату, предполагаютъ, что водка спрятана на дворѣ и начинаютъ бѣгать по сараямъ, въ огородѣ и во всѣхъ надворныхъ службахъ, ищутъ по всѣмъ закоулкамъ, оставляя на послѣдокъ внутренній обыскъ хаты; а Иванъ Онисимовичъ вошедши, между тѣмъ въ хату и поздоровавшись по обыкновенію съ хозяевами, спрашиваетъ потихонько: „а що, есть горилка?“ признавайся по правди! „та есть добродію! отвѣчаетъ совсѣмъ потерявшійся отъ страха хозяинъ.“ „Давай-же и скоріше сюды, педачій сыну!“ и тотъ вынимаетъ изъ сундука, или изъ подъ подушекъ, боченокъ и ставитъ его передъ столомъ подъ табуретъ или подъ скамейку; тогда Иванъ Онисимовичъ садиться на этотъ боченокъ и закрывъ его своею длинною, голубаго сукна шинелью съ длиннымъ капишономъ, которую онъ носилъ постоянно болѣе 50 лѣтъ, вынимаетъ съ портфеля бумагу и собирается писать актъ обыска, протираетъ очки и понюхиваетъ табачекъ, а объѣздчики перешаривъ весь дворъ, бѣжатъ тогда въ хату и принимаются искать тутъ: въ сундукахъ, постели, въ углу за образами, въ печкѣ, словомъ вездѣ, по всѣмъ норкамъ; а Иванъ Онисимовичъ еще и понукиваетъ на нихъ: „шукайте жъ! шукайте получше!“ Тутъ объѣздчики выходятъ изъ себя: знаютъ хорошо, что недавно была принесена сюда водка, а ея нѣтъ нигдѣ, какъ будто кто проглотилъ. „Ну!“ будто выходя изъ терпѣнія, вскрикиваетъ наконецъ Иванъ Онисимовичъ, „щожъ! нашли своего чортового батька?“ Яжъ кажу, гемонски Вы синакы! Вы бъ такички все и напаладысь на людей, щобъ на Васъ лиха година напала, зъ Вашимъ откупомъ! мене тилько старистью тягаєте даромъ!“ Тутъ иногда объѣздчики начнутъ оправдываться: та знаемо добродію достовірно, що сегодня ему принесена горилка! хиба бъ мы даромъ тревожили Васъ!“ „Такъ дебъ же вона дивалась? дявольски Вы напастники? уже жъ усе

перерыли, якъ ти гончи хорты, геть! идить соби къ чортовому батькови, бо уже и мени обридло тутъ сидя!“ и объѣздчики съ посрамленіемъ и съ горестію идуть изъ хаты. Тогда Иванъ Онисимовичъ вставъ съ боченка, говоритъ хозяину: „возьми-жь, та выпивайте ей скорише зъ добрыми людьми, та не носи бильше, хай еи цурь, бачъ скилько сраму!“ И хозяинъ цѣлуя его въ руки, предлагаетъ иногда какой нибудь подарокъ, но Иванъ Онисимовичъ ни когда ни чего не возьметъ съ такого человѣка. Да вообще онъ кажется ни съ кого не бралъ, ни какихъ подарковъ; потому онъ и служилъ такъ долго на одномъ мѣстѣ, и всѣ жители любили его за его добродушіе и безкорыстіе.

XXV.

Въ это самое тяжелое время, во время Севастопольской войны и губительной болѣзни—холеры, (въ 1854—55 и 56 г.) былъ въ Ромнѣ градскимъ головою Антонъ Никитичъ Складяга, очень богатый тогда купецъ, простой и добродушный человѣкъ. На его-то долю выпали всѣ безчисленныя заботы: по отбыванію наборовъ рекрутъ и государственнаго ополченія, по борьбѣ съ холерою, по взысканію значительныхъ недоимокъ съ мѣщанскаго общества, по приспособленію помѣщеній для раненныхъ и военно-плѣнныхъ. И не смотря на всю простоту и малограмотность, Антонъ Никитичъ успѣвалъ дѣйствовать во всѣхъ дѣлахъ, какъ самый ревностный и примѣрный голова. Не получая никакого жалованья по службѣ и никакого вознагражденія за всѣ труды по многочисленнымъ дѣламъ, возложеннымъ на него по должности, онъ такъ сказать, изъ одного усердія къ общегосударственному дѣлу, по строгому благочестію своему служилъ всѣми силами, для блага своего

общества и въ точности исполнялъ принятый на себя, присягою обѣтъ всякаго вѣрно-подданнаго: служить вѣрою и правдою не щадя живота своего. Не говоря о личныхъ заботахъ и трудахъ, Антонъ Никитичъ, тратилъ не мало и своихъ денегъ по службѣ: тогда вѣдь смѣта на всѣ расходы по городу утверждалась губернскимъ правленіемъ, безъ разрѣшенія котораго дума, или городской голова, не имѣли права израсходовать и одного рубля, на предметы по смѣтѣ не назначенные, а между тѣмъ сколько нада было развѣзывать ежедневно для осмотра и найма домовъ подъ госпитали, для договора рабочихъ на передѣлку и приспособленіе сихъ домовъ и проч. Сколько приходилось плотить за эстафеты, часто получившіяся, въ такое тревожное время, то потому то по другому дѣлу; да еще надо было дѣлать поощреніе канцеляріи, что-бы скорѣе исполнялись всѣ безчисленныя предписанія и требованія начальства, получавшіяся ежедневно на имя городского головы. Такъ что эта должность стоила Ант. Никит. очень дорого.

Для характеристики Антоша Никитича, не безъ интереса передать вкратцѣ его біографію и нѣкоторые эпизоды изъ временъ его служенія.

Антонъ Никитичъ происходилъ изъ самыхъ старинныхъ обывателей г. Ромна—городовыхъ козаковъ. Существуетъ до сихъ преданіе, говорятъ даже написанное въ какой то книгѣ, которой впрочемъ мнѣ не приходилось нигдѣ видѣть,—что во время вступленія шведскаго короля Карла XII въ Ромень, въ 1708 году, въ числѣ депутатовъ подносившихъ ему хлѣбъ-соль, были козаки Роменскіе: Скляга и Любаръ. Прадѣдъ или можетъ быть прапрадѣдъ А. Н.—Яковъ Скляга.—какъ изъ церковныхъ дѣлъ видно,—былъ дѣтиторомъ Никольской

церкви въ 1745—50 годах*). А затѣмъ въ 1752 году, ѣздилъ въ качествѣ сборщика, съ сотникомъ Роменскимъ Иваномъ Андреевичемъ Маркевичемъ, по селамъ сотни Роменской, для сбора „показанныхъ денегъ“**).

Дѣдъ и отецъ его, тоже были козаки, а онъ одинъ перечислился въ мѣщане, должно быть при переписи ревизіи въ 1816 году, такъ какъ по ревизскимъ сказкамъ того года, хранящимся въ думѣ,—онъ записанъ самъ безъ всякаго семейства и ему показано тогда одиннадцать лѣтъ, слѣдовательно выходитъ, что онъ родился въ 1805 году; но ревизскимъ сказкамъ нельзя вполнѣ довѣряться,—по нимъ лѣта показывались большею частію приблизительно такъ напримѣръ; въ 1835 г. онъ записанъ по ревизіи тоже въ числѣ мѣщанъ—29 лѣтъ, съ женою Епистимією Даниловною—18 лѣтъ.

Женился онъ на дочери тоже природнаго козака, перечислившася съ 1834 года въ купцы,—очень богатаго тогда рыбнаго торговца Данила Самойловича Павленка, должно быть уже послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ на Доно за рыбою, сколотивши порядочный капиталецъ,—слѣдовательно не въ первой молодости, такъ какъ по рассказамъ жены, онъ считался старше ея на 20 лѣтъ, а ей теперь 77 лѣтъ***).

Не извѣстно какъ Ант. Никитичъ провелъ свою молодость, но должно быть очень весело и беззаботно,

---

*) Въ 1764 году онъ подавалъ просьбу въ духовное правленіе, о возвратѣ ему израсходованныхъ на реставрацію церкви, изъ собственности 300 р. денегъ, во время бытности его ктитормъ, «чему лѣтъ двадцать назадъ будетъ». Значитъ Сягины были и тогда богатые люди. Замѣчательно что и Ант. Ник. тоже былъ старостою въ Никольской церкви, въ 1868—71 годахъ.

**) Съ казаповъ въ которыхъ производилось винокурение. Тогда почти каждый сельскій обыватель выдѣлывалъ у себя дома водку, а сборъ съ казаповъ былъ опредѣленъ въ пользу сотника, который служилъ безъ всякаго жалованья. Но должно быть сборъ этотъ былъ самый незначительный, такъ какъ водка продавалась тогда не дороже 15—20 копѣекъ за ведро.

***) Аптопъ Никитичъ умеръ 23 Мая 1895 г. ча 96 г. жизни, переживъ всѣхъ своихъ сплвоей; хоронили его въ среду пятидесятницы 24 Мая.

какъ вообще жилось въ началѣ сего столѣтїя, особенно промышленникамъ ѣздившимъ на Донъ за рыбою и поживавшимъ отъ этого порядочные деньги. Хорошо проведенные молодые годы и въ особенности его добрый безмятежный характеръ помогли ему прожить чуть не сотню лѣтъ. Въ 1840 году онъ служилъ мѣщанскимъ старостою, а при вступленїи въ должность головы въ 1854 году былъ уже пожилымъ человѣкомъ, имѣлъ пять или шесть душъ дѣтей, и считался въ городѣ очень богатымъ, имѣлъ большой дворъ позади те-перешняго городскаго сада, съ нѣсколькими домами, приносившїй не малый доходъ во время ярмарокъ и занимался очень прибыльною тогда рыбною торговлею. Росту онъ былъ средняго, широкоплечїй, толстеный, съ немного выдающимся брюшкомъ, волосы темно-русые гладенькіе, съ начинавшюся уже просѣдью, лицо всегда красное—полнос, небольшїе веселые глазки и всегдашняя улыбка показывали въ немъ человѣка откровеннаго и незлобиваго; и въ самомъ дѣлѣ за трехлѣтнѣе служенїе его въ думѣ никто не видѣлъ, чтобы Антонъ Никитичъ на кого, за чтонибудь разсердился, кричалъ и выходилъ изъ себя, какъ часто дѣлали прочїе члены и бывшіе головы. Нѣтъ Антонъ Никитичъ никогда даже не возвышалъ голоса въ присутствїи думы, какія бы тамъ ни были ему неспрїятности по службѣ, онъ на все находилъ изреченїя изъ Священнаго писанїя, со всѣми служащими и приходившими въ думу по дѣламъ, онъ обходился такъ скромно и ласково, какъ самый нѣжный отецъ, обходиться со своими дѣтьми.

Разумѣется по тогдашнимъ порядкамъ, всѣ дѣла по присутственнымъ мѣстамъ зависѣли отъ секретарей; особенно въ думѣ и магистратѣ, гдѣ члены большею частїю были люди простые и малограмотные; по этому-то Антонъ Никитичъ очень баловалъ своего секретаря

и канцелярію „поощреніями“ что-бы скоро, аккуратно и честно исполняли всѣ дѣла; такъ что онъ подписывалъ всѣ бумаги не боясь ничего. Но, черезъ его доброту все таки вышло впоследствии много недобраго.

Въ 1854 и 1855 г.г. когда по наѣзжало сюда много раненныхъ офицеровъ и полковниковъ безчисленное множество червонцевъ, у насъ завелась постоянная игра въ карты и постоянное гулянье. Тогда въ городѣ было пять или шесть гостинницъ, много трактировъ и погребовъ съ распивочною продажей, и всѣ торговали очень близко. Имѣвшие много денегъ и чьи чѣмъ не занятые военные—проводили время въ гостинницахъ и въ картежной игрѣ, а познакомившіеся съ ними, гражданскіе чиновники—секретари, письмоводители и проч. служащіе въ уѣздномъ и земскомъ судахъ, въ думѣ, полиціи и другихъ мѣстахъ, изъ подражанія военнымъ, начали и себѣ заниматься кутежемъ и картами. Секретаремъ въ думѣ служилъ тогда молодой и очень добрый человекъ Павелъ Ивановичъ Кондратенко. Меньшій братъ его служилъ столначальникомъ въ уѣздномъ судѣ, а старшій былъ въ военной службѣ и состоялъ во время одинадцати—мѣсячной обороны Севастополя, когда каждому солдату засчитали мѣсяць службы за годъ, полковымъ казначеимъ. Вотъ этотъ то военный братъ Кондратенковъ, много сдѣлалъ вреда своимъ братьямъ: жалованья тогда по должности секретаря думы Павелъ Ивановичъ получалъ всего 200 р. въ годъ, а братъ его, въ уѣздномъ судѣ, получалъ еще гораздо меньше, такъ что на такія деньги, хотя и холостому человеку, не очень то важно пришлось-бы раскутиться. Но военный ихъ братъ, имѣя по своей должности много денегъ на рукахъ, своихъ собственныхъ и отъ умершихъ и убитыхъ офицеровъ и солдатъ, и видя что его жизнь тоже ежеминутно какъ говорится,

висить на волоскѣ, присылалъ очень много денегъ въ Ромень своимъ братьямъ, думая, что они хоть не ему, такъ по крайней мѣрѣ себѣ, составляютъ хорошее обезпеченіе въ будущемъ. А братья, получая даромъ такое множество денегъ, начали скорѣе спускать ихъ, начали пить и играть въ карты. Раненные офицеры вывезли къ намъ изъ Севастополя новую, очень скорую игру „въ трилистикъ“ которую можно каждую минуту начать и окончить и между тѣмъ, при большой ставкѣ, можно было много выиграть или проиграть, въ самое короткое время. И вотъ этотъ „трилистикъ“ вошелъ у насъ въ такую моду, что не только офицера, чиновники и вообще все взрослые и имѣвшіе деньги, играли въ него безпрестанно; но даже послѣдніе писцы: думы, полиціи, уѣзднаго и земскаго суда, получавшіе по 3 и по 2 рубля въ мѣсяцъ жалованья, и тѣ пристрастились къ новой игрѣ такъ, что у каждаго были карты въ карманѣ, и только бывало полицейскіе и думскіе писцы выбѣжали на минутку въ караульню покурить (тогда въ канцеляріи курить никому не дозволялось) и давай „по разу съ нею“ да и поидетъ иногда съ нею, до тѣхъ поръ пока письмоводитель вбѣжитъ въ караульню и всехъ ихъ въ шею оттуда, чтобъ шли заниматься. А иногда, въ зимніе вечера, когда высшіе чиновники: частный приставъ, письмоводитель и секретарь, съ знакомыми офицерами, играютъ у когонибудь въ квартирѣ, или въ гостинницѣ, то меньшіе собираются въ думѣ, и вмѣсто вечернихъ занятій, тоже рѣжутъ въ трилистикъ, при чемъ нерѣдко происходитъ и попойка на счетъ выигравшаго.

Надо сказать правду, что въ то время дѣлопроизводство по думѣ, подѣ правительственнымъ надзоромъ, было гораздо многосложнѣе чѣмъ теперь въ город. упр. Тогда по всемъ вступающимъ самымъ ничтожнымъ бу-

мажкамъ, обязательно составлялись журналы, ежемѣсячно посылались въ губернское правленіе вѣдомости о движеніи дѣлъ и бумагъ, а въ казенную палату ежемѣсячно подробные выписки изъ приходнаго и расходнаго журналовъ и много требовалось разныхъ свѣдѣній, не говоря уже о громадной перепискѣ, по воинскимъ потребностямъ бывшимъ временно въ 1854—56 годахъ; по этому въ канцеляріи думы было постоянно отъ шести до десяти человекъ вольно-наемныхъ писцовъ, кромѣ секретаря и бухгалтера, а на содержаніе всей думы опредѣлялось по смѣтѣ только 1084 руб. въ годъ; такъ что въ 1855 г. самый большій окладъ жалованья былъ и т. д. бухгалтера 12 рублей 50 коп., столоначальнику 10 руб., а писцы получали по 2, 3 и не болѣе 6 руб. въ мѣсяць. При такомъ ничтожномъ вознагражденіи, разумѣется нельзя было найти порядочныхъ людей въ канцелярію и служили все такіе, которымъ не было болѣе нигдѣ пристанища—тотъ бывший кварталный, другой письмоводитель полиціи, исключенные изъ службы по 3 пункту, тотъ высланный изъ Петербурга за дурное поведеніе, тотъ бывший смотритель тюремнаго замка и т. д. Съ такими людьми надо было умѣть обходиться, чтобы дѣлопроизводство шло въ порядкѣ. Не рѣдко бывало, когда встрѣтится какая нибудь срочная отписка, секретарь посылаетъ вечеромъ сторожа до питейнымъ заведеніямъ, искать канцелярскихъ для вечернихъ занятій и когда они не въ состояніи писать, то укладываетъ ихъ спать въ думѣ и на другой день даетъ опохмелиться, лишь бы только занимались и никуда не ходили.

Особенно лѣтомъ 1855 года, подъ страхомъ губительной болѣзни—холеры, наша канцелярія начала сильно дезинфекцировать себя „перчековкою“ и бывало если своихъ средствъ—канцелярскихъ доходовъ за вы-

даваемые паспорта и проч. не достаточно для полной нагрузки къ объѣду, то часто прибѣгали къ такой хитрости, что-бы выпить на счетъ секретаря или головы, для этаго стоило только кому нибудь притвориться больнымъ. Таковую роль чаще всего принималъ на себя бывшій письмоводитель Лубенской полиціи, пожилой уже губернской секретарь Ив. В. Петровскій. Бывало, какъ только секретарь выйдетъ зачѣмъ нибудь изъ присутственной комнаты въ канцелярію, Петровскій возьмется обѣими руками за животъ, упрется подбородкомъ въ стулъ и курчитъ такую рожу, что секретарь невольно обратитъ на него вниманіе: что такое съ Вами Ив. Вас.? Охъ! животъ болить Пав. Ив. чуть ни съ плачемъ процѣживаетъ сквозь зубы Ив. Вас. тутъ секретарь вынимаетъ сейчасъ рубля сторожу—бѣги скорѣй возьми шкаликъ перчечковки и полкварти „трехпробной“ да чего нибудь и закусить, теперь время опасное! Тоже самое дѣлалъ часто и голова; такъ что канцелярія наша всегда была ограждена отъ холеры: въ одной старой шкафѣ—въ корридорѣ безвыходно бывало стоять перчечковка и трехпробная. Наконецъ когда миновало лѣто, прошла холера и настала уже зима, а наши канцелярскіе все таки продолжали выпивать ежедневно и играть по вечерамъ въ трилистикъ, до того, что въ началѣ 1856 года проиграли своего добраго секретаря. Случилось это такъ. По инструкціи М. В. Д. роспись о доходахъ и расходахъ города, на слѣдующій годъ, должна быть представлена въ губернское правленіе къ 1-му Октябрю, а въ Ноябрь, по разсмотрѣніи и исправленіи ея губернскимъ правленіемъ, она представлялась уже въ Министерство. У насъ какъ на грѣхъ въ концѣ 1855 года бухгалтера не было, занималъ эту должность бывшій смотритель тюремнаго замка, совсѣмъ незнакомый съ бухгалтеріею, да и тотъ постоянно занятый

выпивкою и трилистникомъ; а секретарь получая въ это время большія деньги отъ брата изъ Севастополя, со всѣмъ не имѣлъ времени заниматься чѣмъ бы то ни было по думѣ. Сколько не посылало губернское правленіе указовъ и предписаній, срочныхъ и по эстафетѣ о скорѣйшемъ представленіи росписи на 1856 годъ, сколько не писали строгихъ выговоровъ и разныхъ начальничьихъ угрозъ,—росписи ни кто не думалъ составлять, до новаго года, „а секретарь складывалъ эти указы подъ сукно, невозмутимо платилъ за эстафеты и только подписывалъ на всѣхъ указахъ, краткія резолюціи“ „поспѣшить съ доставленіемъ росписи“ Уже губернское правленіе само получило нѣсколько выговоровъ, отъ Министра, за Роменскую рощицу, чѣмъ видѣнъ никакою успѣха въ своихъ эстафетахъ и выговорахъ, командировало наконецъ своего чиновника—Авраменка, что бы онъ помогъ секретарю думы составить роспись и въ семидневный срокъ представить се въ губернское правленіе. Чиновникъ этотъ пріѣхалъ въ Ромень 7 или 8 Января, но тутъ ему не дали и опомниться! едва онъ представился головѣ, городничему и прочимъ начальствующимъ въ городѣ лицамъ, познакомился съ секретаремъ, какъ его хватили и начали „мочить“ ежедневно такъ что онъ совсѣмъ забылъ—зачѣмъ пріѣхалъ сюда. Роспись разумѣется составила уже, общими силами, сама канцелярія, еще до пріѣзда чиновника, переписали ее какъ слѣдуетъ со всѣми приложениями, въ трехъ экземплярахъ, но секретарю какъ нарочно, некогда пересмотрѣть и скрѣпить ее! 15 Января его именины, надо-же готовиться къ нимъ, та еще и не какънибудь въ виду такого знатнаго гостя какъ губернскаго чиновникъ! а 17-го числа именины городского головы; это такіе законные праздники, что не чего уже думать о посылкѣ росписи! До того времени нашъ гу-

бернскій гость развѣзжалъ съ секретаремъ по гостиницамъ и по знакомымъ офицерамъ, провожая время очень весело; а потомъ какъ раскутились на именинахъ 15 и 17 чиселъ да еще-жь и на по праздненствахъ ихъ, то онъ чуть было совсѣмъ не зазимовалъ въ Ромнѣ; такъ что само губернское правленіе ужаснулось, и не вспоминая уже о злополучной росписи на 1856 годъ, присылаетъ съ нарочнымъ, по эстафетѣ, указъ на имя городничаго и уѣзднаго страпчачаго: „выслать немедленно въ Полтаву“, съ посланымъ нарочнымъ, чиновника его—Авраменка и секретаря думы—Кондратенка.

Тогда только имъ бѣдникамъ прекратилось празднованіе! Городничій разумѣется сейчасъ-же схватилъ ихъ и отправилъ въ губернское правленіе, гдѣ ихъ арестовали за это на семь дней, а роспись вслѣдъ за ними была послана отъ думы, тоже по эстафетѣ, съ особымъ объясненіемъ о причинѣ такой медленности въ ея доставленіи. Губернское правленіе въ отместку за эту медленность отняло изъ опредѣленныхъ на содержаніе думы 300 руб. т. е. вмѣсто прежнихъ 1084 руб. опредѣлило на 1856 годъ только 784 рубля.

Послѣ этого—Кондратенко, сейчасъ по возвращеніи изъ Полтавы, увольнился отъ должности секретаря и передался еще большимъ кутежамъ, отъ которыхъ получилъ чехотку и вскорѣ умеръ. А на мѣсто его былъ присланъ изъ сверхштатныхъ канцелярскихъ чиновниковъ губернскаго правленія, нѣкто Андріевичъ, очень дѣльный канцеляристъ своего времени, относительно наживы. Явившись сюда въ старомъ засаленомъ вицъ-мундирѣ, въ дырявомъ цилиндрѣ и полатанныхъ брюкахъ, и узнавъ что на содержаніе думы опредѣлена такая незначительная сумма, та изъ той предшественникъ его успѣлъ израсходовать за 1-ю треть, большую половину, онъ сейчасъ подлизался къ городскому го-

ловъ Ан. Ник., даже успѣлъ покуматься съ нимъ завести знакомство со многими зажиточными кушцами и мѣщанами и подъ разными предлогами началъ доить ихъ по немножко, на свою гольтѣбу. Прержнихъ канцелярскихъ думы—губернскихъ и коллежскихъ секретарей, подъ предлогомъ того что они много пьютъ, а больше изъ того, что самъ былъ только коллежскій регистраторъ и не могъ переносить старшихъ себя по чину,— всѣхъ удалилъ, а набралъ разныхъ хлопцевъ по 2 и не дорожѣ по 3 рубля въ мѣсяць и началъ съ ними орудовать дѣла, такъ чтобы не только всѣ порядочные канцелярскіе доходы, приходились на его долю, но даже вошелъ въ сдѣлку съ ходаками христіанскаго и еврейскаго, общества, чтобы изъ выдаваемыхъ мѣщанамъ на отлучки изъ города билетовъ, плотили ему по гривеннику. И вскорѣ, изъ 16 руб. мѣсячнаго жалованья! сдѣлалъ себѣ и женѣ приличную оккапировку, нанялъ не далеко отъ думы порядочную квартиру, обзавелся хорошимъ хозяйствомъ, больше всего изъ подарковъ Антона Никитича, а года черезъ два-три, сдѣлался уже зажиточнымъ паномъ и имѣлъ денежонки.

XXVI.

Послѣ Антона Никитича Складяги, былъ избранъ, на трехлѣтіе съ 1857 г., городскимъ головою, вторично, П. Д. Зѣнченко; но послуживъ только одинъ годъ, по случаю возникшихъ съ городничемъ пререканій, уволился и на мѣсто его вступилъ въ 1858 году, кандидатъ по немъ, купецъ Лука Давидовичъ Остапенко, человекъ образованный (окончившій курсъ Сумской гимназіи) и въ то время очень богатый; при немъ производилась 10-я народная перепись ревизіи, надѣлавшая ему, на первыхъ порахъ службы, черезъ непомѣрную алчность секретаря Андріевича много непріятностей.

По правиламъ о производствѣ этой ревизіи, каждый обыватель обязанъ былъ подать о своемъ семействѣ, ревизскія сказки, въ трехъ экземплярахъ, въ свое сословное учрежденіе, т. е. купцы, цеховые и мѣщане должны были подавать ревизскія сказки, въ городскую думу. Андріевичъ, разумѣется предвидѣлъ, что каждый купецъ и мѣщанинъ будетъ писать ревизскія сказки, исключительно въ думѣ, и что отъ такого писанья, какъ и въ Декабрѣ при объявленіи купцами капиталовъ, долженъ быть порядочный доходъ канцеляріи; но ему и при секретарской совѣсти, все таки совѣстно было входить въ сдѣлку съ канцелярією, что-бы и ему удѣлили часть доходовъ,—и вотъ онъ придумалъ такую комбинацію: попросилъ у городского головы позволеніе „что-бы не отвлекать канцелярію отъ занятій“ поручить мѣщанскому старостѣ принимать ревизскія сказки отъ мѣщанъ, цеховыхъ, въ его собственномъ домѣ, а съ писаремъ староста условился въ раздѣлѣ доходовъ имѣющихъ подучиться отъ составленія ревизскихъ сказокъ. Остапенко, какъ человекъ коммерческій, не свѣдущій ни о чемъ въ канцелярскихъ тайнахъ, согласился на такое благовидное представленіе секретаря думы, но за это самъ чуть было не пошелъ подъ судъ. Писарь мѣщанскаго старосты — страшнѣйшій пьяница, принималъ отъ каждаго мѣщанина гербовую бумагу, для ревизскихъ сказокъ, и бралъ при этомъ съ каждаго, по приказанію Андріевича по 1 рублю за написаніе, и сверхъ того, еще собственно себѣ, на полкварти водки 30 коп. или же (по большей части) прямо наличную водку; и три мѣсяца ни какъ не могъ отрезвиться и написать хоть за одного, когонибудь, ревизскія сказки; да какъ ему было писать когда онъ три мѣсяца не видѣлъ и свѣта Божьяго. Каждый день, по нѣсколько человекъ, являлись къ писарю въ обще-

ственный домъ, съ гербовою бумагою, которая продавалась собственно для этого, въ казначействѣ, по 2 к. за листъ, и разумѣется прежде всего каждый обязанъ былъ посылать полкварты и затѣмъ отдавать рубль за написаніе, а писарь складывалъ бумагу въ сундучекъ и дѣлалъ только замѣтки о семейномъ положеніи явившагося, да и то не каждого, потому что и этого не въ состояніи былъ сдѣлать.

Между тѣмъ окончательный срокъ, на представленіе ревизскихъ сказокъ, отъ думъ и волостныхъ управленій, въ податное присутствіе, назначень 3-го Іюня 1858 г.; но Андріевичъ до послѣднихъ чиселъ Мая, не освѣдомлялся лично у мѣщанскаго писаря: готовы ли ревизскія сказки; и уже, по настоянію городского головы 30 Мая былъ потребованъ въ думу мѣщанскій староста и принесъ цѣлый сундукъ однѣхъ чистыхъ бланковъ для ревизскихъ сказокъ, которые не были написаны ни за одно семейство, а писарь доишлся до бѣлой горячки и его отправили въ богоугодное заведеніе.

Тогда Андріевичъ, оставивъ все занятіе по думѣ, посадилъ всю канцелярію и трое сутокъ день и ночь, не выходя изъ думы, все писали ревизскія сказки, какъ попало: на кого были хоть замѣтки, то писали изъ замѣтокъ, а то просто изъ прежней ревизіи, или же каждый писецъ изъ своей памяти, и едва окончили эту работу 3 Іюня къ 2 час. дня, такъ что письмоводитель уѣзднаго предводителя дворянства, гдѣ находилось податное присутствіе, не смотря на большую дружбу съ секретаремъ Андріевичемъ, съ которымъ очень часто „мочили носы“ не хотѣлъ было совѣмъ принимать ревизскихъ сказокъ за купцовъ и мѣщанъ г. Ромна, и только по убѣдительной просьбѣ городского головы, предводитель дворянства согласился принять ихъ.

Но когда прѣѣхалъ чиновникъ казенной палаты, для повѣрки ревизіи, то сколько оказалось неправильностей и пропущенныхъ душъ, за которыхъ въ теченіи двухмѣсячнаго срока, назначеннаго для повѣрки, платилось въ казну штрафа по 20 коп. съ души, и подавались дополнительныя ревизскія сказки, уже на гербовой бумагѣ 15 коп. достоинства. За это Остапенко сильно разсердился было на Андріевича, грозилъ удалить его отъ должности и предать суду; но Андріевичъ какъ-то счастливо увернулся отъ этой бѣды и ловкими канцелярскими продѣлками успѣлъ взвалить всю вину на одного мѣщанскаго писаря, который кстати успѣшилъ убраться на тотъ свѣтъ, что-бы не судиться здѣсь за чужой грѣхъ. И только одному мѣщанскому старостѣ дорого стоило дѣло о производствѣ 10-й народной переписи, такъ какъ онъ и самъ съ своимъ семействомъ, тоже оказался пропущеннымъ по ревизіи, и за многихъ бѣдняковъ, которые подали въ срокъ ревизскія сказки, но были пропущены ему пришлось платить штрафы и терпѣть все непріятности и замѣчанія отъ головы и чиновника казенной палаты. Да и сама перепись оказалась никуда не годною: по 9-й ревизіи въ 1850 году у насъ было много цеховыхъ, которые записывались отдѣльно отъ мѣщанъ, а по 10-й ревизіи совсѣмъ нѣтъ уже ни одного цеховаго, все смѣшалось въ одну грушу, дѣла каждому поставлены не правильно, а многіе таки остались совсѣмъ никуда не записаны и причислялись уже казенною палатою въ 1859—60 годахъ.

Ему-же Остапенку принадлежитъ честь учрежденія въ Ромнѣ общественнаго банка. Онъ первый возбудилъ ходатайство объ этомъ, и самъ составилъ въ 1859 г., уставъ общественнаго банка, хотя самъ не дождался плода отъ своихъ трудовъ, такъ какъ банкъ былъ от-

крыть въ 1865 году, уже послѣ удаленія Остапенка съ общественной дѣятельности, вслѣдствіе неудачнаго принятія имъ, въ 1863 году обязательства съ казною, по поставкѣ спирта, о чемъ сказано было выше. При немъ же Остапенкѣ, былъ утверждёнъ планъ на устройство новаго каменнаго гостиннаго двора и учреждёнъ придумъ особый для этого строительный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства Петра Алексѣевича Лукьяновича; но когда производились торги на отдачу въ подрядъ постройки каменныхъ лавокъ, то уже на мѣсто Остапенка былъ избранъ и утверждёнъ городскимъ головою Ив. Лук. Семенчиновъ. По смѣтѣ на устройство трехъ сотъ номеровъ каменныхъ лавокъ, было исчислено 340,000 руб.; но на торгахъ производившихся въ строительномъ комитетѣ, подрядъ устройства такихъ остался за Полтавскимъ купцомъ Анд. Ив. Рейхельтомъ, за 270,000 руб., т. е. по 900 руб. за номеръ. А изъ оставшейся отъ смѣтнаго исчисленія суммы, опредѣлено было комитетомъ, выдавать каждому лавковладѣльцу, на внутреннюю отдыжку лавокъ, по сто рублей на каждый номеръ.

Торжественная закладка каменнаго гостиннаго двора, была 5-го Мая 1864 года, Все городское духовенство, всѣ начальствующія лица, многіе лавковладѣльцы и жители города по совершеніи въ Соборной церквѣ Божественной литургіи, шли съ большою процессіею, отъ Собора на гостинную площадь, къ Московской гуртовой линіи, отъ которой начиналось устройство каменныхъ лавокъ.

Здѣсь, у московскихъ воротъ, противъ нынѣшняго городского сада, по совершеніи молебствія и водосвятія, положенъ первый камень основанія и мѣдная доска подъ нимъ, съ надписью о времени закладки и лицъ,

при которыхъ она производилась. Затѣмъ въ устроенной тутъ-же палаткѣ, былъ предложенъ отъ подрядчика завтракъ для всѣхъ начальствующихъ лицъ, и бывшихъ при этомъ лавковладѣльцевъ.

Прежніе деревянные лавки, расположенные такимъ-же порядкомъ, какъ и теперешніе—каменные, стояли дальше отъ дворовъ на площадь и потому ихъ не разбирали и торговля въ нихъ производилась, во время ярмарокъ, безъ препятственно до окончательной отдѣлки новыхъ каменныхъ лавокъ.

XXVII.

Когда уже строились каменные лавки, въ 1864 и 1865 году, то вынѣшній панскій рядъ; считающійся теперь самымъ лучшимъ и цѣннымъ, тогда ни чего не стоилъ. Бывшія въ немъ деревянные лавки, квартировавшими въ Ромнѣ, въ 1859 году, артилерійскими солдатами, совсѣмъ были разнесены и передѣланы на разные столики, скамейки и проч. такъ что на нѣкоторыхъ тесовые крыши едва держались на столбахъ, а стѣны, дверей и половъ совсѣмъ не было, все было забрато. И кто бы тогда могъ подумать, что черезъ десять—пятнадцать лѣтъ здѣсь будетъ такая торговля и что лавки въ этомъ ряду будутъ стоять современнымъ въ десятеро дороже! Тогда каждый лавковладѣлецъ, согласенъ былъ продать свою разоренную и ни къмъ не занимаемую лавку, за 300—400 рублей. Даже во время ярмарокъ въ этомъ ряду почти ни кого не бывало и просто черезъ эти лавки ходили всѣ въ желѣзный и суздальскій ряды, какъ черезъ пустое мѣсто. Тогда еще вся главная торговля мануфактурными, бакалейными и другими товарами, производилась въ безъ ярмарочное время, на старомъ базарѣ около Собора, и въ лавкахъ по Духовской улицѣ, да за „местомъ“ по Терновцовой улицѣ.

Постоянныхъ мѣстныхъ торговцевъ до 1860-хъ годовъ, было въ Ромнѣ очень мало, порядочныхъ крупныхъ лавокъ было: мануфактурныхъ четыре или пять, бакалейныхъ три и желѣзныхъ двѣ; а такихъ какъ теперь мѣлочныхъ лавочекъ, бакалейныхъ, желѣзныхъ и т. п. ни въ гостинномъ ряду, ни по улицамъ нигдѣ ни чего не было.

На базарѣ около Собора, торговали по утрамъ, на ташовкахъ, два или три мѣлкіе краснорядцы и десять-пятнадцать крамарокъ съ нитками, иголками, тесемками и т. п. мѣлочью. За то во время ярмарокъ: Маслянской и Вознесенской наѣзжало много разныхъ торговцевъ, такъ что и по устройствѣ новыхъ-каменныхъ лавокъ, всѣ триста номеровъ были занимаемы иногородними торговцами и всѣ были довольны Роменскими ярмарками. И когда въ Полтавѣ Ильинская ярмарка, начала упадать то по ходатайству иногороднихъ торговцевъ и жителей города, была учреждена правительствомъ въ г. Ромнѣ, въ 1871 году, третья: главная ярмарка—Александровская, съ 30 Августа по 8-е Сентября, переименованная потомъ по просьбѣ торговцевъ, въ Рождество-Богородичную и продолжающаяся почти весь Сентябрь мѣсяць. Затѣмъ на мѣсто бывшей, съ давнихъ лѣтъ, черной трехдневной-Михайловской ярмарки (8 Ноября) переведена также по просьбѣ самыхъ торговцевъ изъ г. Кролевца, бывшая тамъ, Введенская ярмарка, которая продолжается съ 8 по 30-е Ноября. Словомъ Ромень сдѣлался маленькимъ отдѣломъ Москвы и Харькова для всѣхъ остальныхъ городовъ и сель Украины. И по мѣрѣ умноженія сѣти желѣзныхъ дорогъ, когда всѣ ярмарки начали повсемѣстно терять прежнее свое значеніе, и многія совсѣмъ уничтожились, въ Ромнѣ между тѣмъ начали открывать постоянную торговлю, многіе фабриканты и значительные оптовые торговцы;

такъ что всѣ мѣлкіе торговцы—Роменскаго и многихъ сосѣднихъ уѣздовъ, могутъ во всякое время покупать здѣсь, всѣ необходимые для себя товары. А во время ярмарокъ все таки пріѣзжаютъ изъ Москвы и Харькова, оптовые торговцы, не имѣющіе здѣсь постоянной торговли, и бываютъ многіе покупатели; но теперешнія ярмарки совсѣмъ не похожи на старыя; теперь нѣтъ уже того многолюдства и множества извозчиковъ, на площадяхъ; теперь все привозится по желѣзной дорогѣ и ярмарки проходятъ очень скоро и тихо. Только на конной площади, черныя ярмарки—Вознесенская и Александровская бываютъ многолюдны и иногда прибыльны для мѣлкихъ торговцевъ.

XXVIII.

Не смотря на значительную издревле, очень прибыльную для жителей, торговлю, Ромень въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, былъ еще не значительнымъ городомъ, въ немъ считалось тогда не болѣе пяти или шести тысячъ мѣстныхъ жителей. Не было вовсе тѣхъ построекъ какія появились съ проведеніемъ желѣзной дороги. Всѣ улицы и въ особенности базарная площадь были такъ грязны, что осенью и весной нельзя было пройти по городу, Улицы проведенныя по послѣднему Высочайше утвержденному въ 1843 г. плану, хотя были тѣ же что и теперь, и на нихъ красовались устроенные еще раньше, по распоряженію князя Рѣпина, широкіе бульвары усаженные въ два ряда, деревьями, но въ дождливое время и самые бульвары были очень грязны, такъ какъ на нихъ не было никакихъ нынѣшнихъ дѣшеходовъ, а переходы отъ бульвара черезъ улицу были иногда до крайности затруднительны грязи было по колѣна. Многіе старики передаютъ что въ сороковыхъ годахъ, во время Ильинской яр-

марки, если случалась на нѣсколько дней дождливая погода, то на Московской улицѣ люди и лошади буквально тонули въ грязи, и перевозка товаровъ черезъ одну эту улицу, до лавокъ, стояла бѣднымъ извозчикамъ дороже и труднѣе цѣлой станціи. Разъ, и я помню,— во время Маслянской ярмарки въ 1855 г., когда началась ранняя росталь и пошли дожди, то сдѣлалась такая грязь, что купцы за переѣздъ только отъ лавокъ на бульваръ Полтавской улицы, платили извозчикамъ по рублю съ человекѣ, такъ какъ перейти это не большое растояніе положительно не было ни какой возможности.

Прочія улицы и проулки были еще грязнѣе и не проходимѣе, жители каждую весну и осень старались замощивать ихъ навозомъ и кое гдѣ, на переходахъ, клали на время пластины и доски. Исправленіе улицъ въ тѣ времена, (въ 40 и 50 годахъ) городская дума производила еще, такимъ оригинальнымъ способомъ: тогда при пожарной части было двѣ пары городскихъ воловъ, земледѣльческій плугъ и котокъ, сдѣланный изъ толстаго дуба, кажется болѣе аршина въ діаметрѣ и аршина три длины. Весною и осенью, а иногда и чаще, послѣ проливныхъ дождей, оставлявшихъ большія рытвины, улицы орали плугомъ, а потомъ запрягали пару воловъ въ котокъ и тяжестію его углаживали пооранную землю и трамбовали всѣ неровности. Дороги послѣ укачиванія коткомъ выходили ровные и гладенькіе но за то послѣ перваго хорошаго дожда, они представляли цѣлое море грязи. Свѣже разрыхленный черноземъ напичтанный водою, втягивалъ бѣдныхъ прохожанъ по колѣни, а лошади съ повозками, торчали на каждомъ шагу по улицамъ, въ ожиданіи „бичеванія“

Терновцовская улица, на которой, при соединеніи ея съ Роменскою, съ давнихъ временъ помѣщался дровяной базаръ и производилась цѣлый день торговля

разными съѣстными припасами, не имѣла со стороны Полтавской улицы почти ни какого проѣзда; тамъ былъ только узенькій проулокъ, такой какъ существуетъ и теперь противъ Вознесенской церкви, для прохода съ Полтавской на Роменскую и на базаръ. Уже въ 1847 году, когда городская дума помѣщалась въ домѣ бывшаго тогда городского головы Ив. Степановича Терновца, существующемъ по нынѣ въ первобытномъ своемъ видѣ, противъ 2-й пожарной части, онъ Терновецъ расширилъ эту улицу, приобрѣтеніемъ на свой счетъ, у нѣкоторыхъ жителей, ихъ дворовыхъ мѣстъ, и сдѣлалъ ее въ настоящемъ размѣрѣ: въ память этого она и названа „Терновцовскою“

Домовъ выходящихъ на улицы было тогда еще очень мало, всѣ они строились, по старинному обычаю, внутри дворовъ и крылись въ рѣдкихъ случаяхъ желѣзомъ, или тесомъ, а больше всего—соломою. Только послѣ истребленія пожаромъ всей правой стороны Московской улицы, къ концу шестидесятихъ и въ началѣ семидесятихъ годовъ начали появляться порядочныя постройки, и всѣ вновь возводимые дома строились уже на улицы и покрывались желѣзомъ; такъ какъ къ этому времени вышло постановленіе, которымъ запрещалось, въ извѣстныхъ частяхъ города, крыть постройки соломою.

Но на предмѣстьяхъ: Коржовки, Могилкахъ и Пригородкѣ, не было до семидесятихъ годовъ, ни одного порядочнаго дома; въ особенности Могилки и Западницы, показывали своимъ устройствомъ, такую бѣдность и не опрятность, что сторонній наблюдатель, не бывавшій никогда въ Ромнѣ, могъ подумать, что въ этихъ крытыхъ соломою и поддерживаемыхъ одною глиною маленькихъ лачужкахъ, ютится самая жалкая нищета; а между тѣмъ, здѣсь-въ этихъ предмѣстьяхъ, съ давнихъ дѣтъ жили простые ремесленники-сапожники, куш-

нири и шаповалы, гораздо богаче многихъ купцовъ и пановъ имѣвшихъ въ городѣ хорошіе дома. Всѣ Западинцы и часть Могилокъ, съ не памятныхъ временъ, были заселены одними сапожниками, преимущественно „простошевскаго цеха“ которые, изъ рода въ родъ, занимались выдѣлкою кожъ и приготовленіемъ, исключительно для крестьянскаго сбыта, сапогъ и башмаковъ, которыхъ теперь нельзя уже видѣть и о которыхъ только не многіе старожилы помнятъ. Это были сапоги съ не обыкновенно длинными и широкими голенищами, и съ закругленными широкими носками, на подобіе лаття. Такіе сапоги были тогда въ употребленіи во всѣхъ вообще сельскихъ жителей. Такъ называемые „нѣмецкіе сапоги“ которые носятъ въ настоящее время селяне, тогда еще употреблялись только нѣкоторыми зажиточными и болѣе образованными горожаннами; по этому нѣмецко-сапожницкій цехъ былъ гораздо бѣднѣе и малочисленнѣе простошевскаго. Такъ бывало на 20 или 25 постоянныхъ торговцевъ-сапожниковъ, на базарѣ, съ нѣмецкими сапогами было не больше 3—4-хъ ташовокъ. Ремесленники простошевскаго цеха, мѣщане и козаки, заславшіе всю западинскую улицу, имѣли каждый отъ 5 до 10, а нѣкоторые, болѣе богатые по 20 и по 25 душъ рабочихъ и каждый занимался выдѣлкою кожъ въ своемъ домѣ и шитьемъ сапогъ, которые продавались, въ большомъ количествѣ, на базарѣ и по всѣмъ сельскимъ ярмаркамъ. Это занятіе по виду такое грязное и заражавшее зловоніемъ всѣ Западинцы, было очень прибыльно и многіе „Западинчане“ слыли издавна богатыми людьми; но при этомъ они жили въ такой обстановкѣ, что ни кто не могъ назвать ихъ богатыми, и въ настоящее время самые бѣднѣйшіе изъ нихъ живутъ гораздо лучше. Тогда хозяинъ имѣвшій 10—15 человекъ рабочихъ, жилъ и работалъ вмѣстѣ съ

ними въ одной хатѣ, рѣдко у кого была отдѣльная чистая комната, черезъ сѣни, для гостей, но, и въ этой комнатѣ, отъ находящагося обязательно въ сѣняхъ дубильнаго чана, вонь была не выносимая. Всю толченую дубовую кору, остававшуюся послѣ выдѣлки кожъ, сваливалъ каждый передъ своимъ дворомъ на улицу, что бы меньше было грязи, отчего не привычному городскому жителю, трудно было пройти Западинскою улицую, особенно въ жаркое время. Одѣвались эти богатые хозяева, такъ просто и бѣдно, что теперь самый послѣдній рабочій постыдился бы такъ одѣваться. Они не столько отъ скупости, сколько для того что бы подавать своимъ мальчикамъ и подмастерьямъ добрый примѣръ бережливости, отъ которой главнымъ образомъ зависить благосостояніе каждаго хозяйства, носили по нѣсколько лѣтъ отцовскіе и дѣдовскіе „чумарки“ „и чекмени“ и до того донашивали, что по нѣсколько разъ вставляли изъ другаго сукна спинки и рукава, и не кидали ихъ до самой послѣдней невозможности надѣвать. Зимой у нихъ были „нагольные кожухи“ т. е. ни чѣмъ не покрытые— бѣлые барашковые полушубки, которые изготовлялись жившими тутъ-же по сосѣдству— на Могилкахъ „кушнерями“ Только на праздникъ бывало надѣваютъ кожухи съ высокими, изъ черныхъ смуховъ воротниками, крытые сукномъ или черкесиномъ. Такъ-же точно они соблюдали экономію въ продовольствіи себя и рабочихъ, и вообще во всей домашней обстановкѣ, и чѣмъ кто былъ богаче тѣмъ скупѣе. Многіе носили излатанные со всѣхъ сторонъ чумарки и чекмени, потому что въ этихъ латкахъ они зашивали деньги прятая ихъ такимъ способомъ не столько отъ воровъ, сколько отъ собственнаго семейства, что бы ни кто не видѣлъ сколько у него денегъ; а другіе закапывали наслѣдственные и заработанные деньги около своихъ

хатъ, лишая иногда, этимъ скритіемъ—своихъ дѣтей наслѣдства.

Много было за 30—40 лѣтъ назадъ, богатыхъ людей на Западнцахъ, нѣкоторые изъ нихъ вспоминаютъ по нынѣ какъ во время Севастопольской войны въ 1854—55 г. и во время войны Австріи съ Пруссіею въ 1866 г., они возили много сапоговъ своего издѣлія въ Полтаву, на Ильинскую ярмарку, и торговали ими такъ прибыльно, что иные зарабатывали за одну ярмарку по 200—300 червонцевъ! Но въ настоящее время все это прибыльное занятіе почти прекратилось. Теперь выдѣлкою кожъ занимаются очень немногіе хозяева, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Пресжихъ сапожныхъ мастерскихъ совсѣмъ нѣтъ. Теперь большею частію выдѣланныя готовые кожи доставляются сюда изъ Болхова, Юльца и другихъ мѣстъ, а готовая обувь, вытѣснившая совершенно изъ употребленія пресжіе сапоги мѣстнаго издѣлія, получается въ большомъ количествѣ изъ Москвы и Варшавы. Вся значительная кожаная торговля перешла въ руки евреевъ; отъ чего наши Западнскіе сапожники, имѣвшіе раньше большія мастерскія совсѣмъ прекратили свой промыслъ, и многіе изъ нихъ очень обѣднѣли. Нѣкоторые—природные сапожники, хотя и занимаются еще шитьемъ сапогъ и незначительною торговлею на базарѣ, но весь кожаный товаръ они покупаютъ у евреевъ и разумѣется не имѣютъ теперь и десятой доли того заработка какой имѣли ихъ отцы и дѣды, въ доброе старое время

XXIX.

Переводъ изъ Ромна въ Полтаву Ильинской ярмарки, хотя на первыхъ порахъ, тяжело отозвался на Роменскихъ обывателяхъ; но послѣдствія этого перевода еще тяжелѣе оказались для самой Полтавы, а для

общаго хода украинскихъ ярмарокъ совсѣмъ гибельны. Если-бы эта ярмарка оставалась въ Ромнѣ, быть можетъ она существовала бы до сего времени, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, существовали бы также и другіе второстепенные ярмарки: въ Кролевецѣ, Елисаветградѣ и т. п. Тогда какъ въ Полтавѣ она совсѣмъ уничтожилась и надѣлала много убытковъ, какъ иногороднимъ торговцамъ, выстроившимъ тамъ лавки, такъ и самому городу.

Въ первые годы своего существованія въ Полтавѣ, ярмарка будто-бы развилась въ большихъ размѣрахъ, чемъ была въ Ромнѣ, но это кажется были преувеличенные статистическія свѣдѣнія, о торговыхъ оборотахъ, составляемыя по приказанію начальства, что бы не показать сразу ошибки въ неудачномъ переводѣ ярмарки. Правда, на первыхъ порахъ, большая часть населенія г. Ромна, погналась было за своею кормилицею—ярмаркою въ Полтаву: купцы, содержатели гостинницъ и постоялыхъ дворовъ, многіе ремесленники и всѣ евреи выѣзжали на Ильинскую ярмарку и занимались тамъ разными промыслами, даже простые Роменскіе торговки, занимавшіяся печеніемъ хлѣба и приготовленіемъ горячей пищи для простонародья, проживали въ Полтавѣ, на конной, мѣсяца по полтора и зарабатывали иногда рублей по 20 по 30 за время ярмарки. Но это продолжалось не болѣе 6—8 лѣтъ. Уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, всѣ наши торговцы и промышленники убѣдились на опытѣ, что родная ихъ кормилица—ярмарка, не можетъ привиться въ Полтавѣ до такихъ размѣровъ какъ была въ Ромнѣ, не можетъ давать имъ прежняго заработка. И многіе совсѣмъ перестали ѣздить въ Полтаву, а нѣкоторые—болѣе дальновидные—даже предсказывали еще тогда, что ярмарка

эта потеряна на всегда, не только для Ромна, но и для всей Украины, что и сбылось—хотя не скоро.

Иногородніе торговцы, принятые съ особеннымъ вниманіемъ и предупредительностію главнаго начальника края,—тоже на первыхъ порахъ очень хвалили Полтаву, особенно за свои лучшіе тамъ квартиры, и стращали Роменцевъ, что если они не устроятъ имъ такихъ же помѣщеній какъ въ Полтавѣ, то они будутъ ходатайствовать о переводѣ всѣхъ ярмарокъ изъ Ромна въ Полтаву. Это требованіе, а больше всего пожары 1862 года, истребившіе правую сторону Московской улицы и много другихъ, крытыхъ соломою построекъ, побудили нашихъ домовладѣльцевъ возводить на мѣсто сторѣвшихъ, новые—гораздо лучшіе дома, какъ для себя, такъ и для квартирантовъ торговцевъ, чтобы они въ самомъ дѣлѣ не оставили посѣщать Роменскіе ярмарки.

Но однако торговля, установившаяся здѣсь вѣками, не только не перешла вся въ Полтаву за Ильинскою ярмаркою, а напротивъ: въ доказательство выгоды мѣстоположенія Ромна въ торговомъ отношеніи, оставшіеся здѣсь двѣ ярмарки: Маслянская и Вознесенская, сейчасъ начали увеличиваться въ своихъ оборотахъ, не сравнено больше противъ прежнихъ лѣтъ, когда существовала Ильинская ярмарка; такъ что не только въ пятидесятихъ годахъ, но уже и по устройствѣ нынѣшняго каменнаго гостиннаго двора, всѣ триста номеровъ лавокъ были занимаемы торговцами, и кромѣ того въ Вознесенскую ярмарку, устраивались еще позади лавокъ лабазы и балаганы для торговли.

На мѣсто сторѣвшаго въ дворѣ Огнева—театра, былъ устроенъ большой деревянный театръ, среди гостинной площади, и на каждую ярмарку пріѣзжала хорошая труппа артистовъ, устраивалось такое-же множество

балагановъ на конной площади, пригонялись такіе—же табуны лошадей, было такъ-же множество извозчиковъ и чумацкихъ воловыхъ подводъ, привозившихъ рыбу и соль, было по два звѣринца, по пять гостинницъ, цирки и много разныхъ увеселительныхъ заведеній. Однимъ словомъ въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ, почти не ощутительна была потеря Ильинской ярмарки, такъ какъ Вознесенская чуть-ли не вполне замѣняла ее своимъ многолюдствомъ и прибыльною для всѣхъ торговлею.

Домовладѣльцы выстроившіе противъ Суздальскаго и желѣзнаго рядовъ и на Московской улицѣ, новые гораздо лучшіе противъ прежняго дома, ни сколько не жалѣли о произведенной на нихъ затраты; такъ какъ въ Маслянскую и Вознесенскую ярмарки они получали съ квартирантовъ—купеческихъ приказчиковъ и рабочихъ по 1 руб. и 1 руб. 20 коп. въ сутки, съ обѣдомъ и ужиномъ; безъ чая, а такая плата была очень выгодна, если въ одномъ дворѣ квартировало человѣкъ 30—50, и если вспомнить что тогда стоило продовольствіе, когда хлѣбъ былъ 15—20 коп. за пудъ, лучшая наюстная игра 20 коп. за фунтъ, балыкъ 15—20 коп. говядина и баранина 2—3 коп. за фунтъ и т. д.

Потомъ въ 1871 г., по ходатайству жителей и иногороднихъ торговцевъ, была открыта новая Александровская ярмарка, обѣщавшая по предсказанію знатковъ торговли, замѣнить во всемъ собою, Ильинскую ярмарку. Но начавшееся уже тогда повсемѣстное устройство желѣзныхъ дорогъ, воспрепятствовало сбытсѣ этому предсказанію; такъ какъ ярмарочная торговля, по мѣрѣ проведенія сѣти желѣзныхъ дорогъ, начала повсемѣстно уменьшаться сама собою. И съ открытіемъ въ 1874 году линіи Ландварово-Роменской желѣзной

дороги наши ярмарки тоже начали ослабѣвать, съ каждымъ годомъ, хотя не уничтожились до сего времени.

Уменьшеніе ярмарочной торговли произошло потому, что многіе розничные торговцы, здѣшней мѣстности, признали выгоднымъ ѣздить за покупками въ Москву, или же выписывать оттуда товары черезъ желѣзную дорогу и съ того времени фабриканты и крупные оптовые торговцы перестали ѣздить по ярмаркамъ.

XXX.

Тихая патріархальная жизнь, большинства нашихъ обывателей, все таки тянулась въ первобытномъ довольствѣ и спокойствіи, почти до начала шестидесятихъ годовъ, или лучше сказать до крестьянской реформы и введенія гласнаго судопроизводства и земскихъ учрежденій. До этого важнаго переворота въ Государственномъ строѣ, преобразовавшаго сразу нравы и обычаи народные и направившаго теченіе обыденной жизни совершенно на новую колею, мѣстная торговля и промышленность, доставляли каждому домохозяину заработокъ, хотя не изобильный, не въ презкихъ размѣрахъ, но довольный для его существованія съ семействомъ. Но крайней мѣрѣ, до того времени, наши обыватели, какъ простые ремесленники—Западингчане, такъ и всѣ торговцы, жили безбѣдно и безъ долговъ.—Хотя многіе вспоминали еще старину и часто со вздохомъ повторяли отцовскую поговорку „минутыя ты роки, що роспиралы боки.“ Но когда съ новыми реформами введены не бывалые прежде налоги: съ недвижимыхъ имуществъ и за право торговли и промысловъ; когда многіе изъ бывшихъ крестьянъ начали такъ-же заниматься торговлею и промыслами, бывшими прежде исключительно въ рукахъ однѣхъ городскихъ обывателей—мѣщанъ и козаковъ; когда размножилось въ уѣздѣ ев-

ресвь, которые начали открывать въ каждомъ селѣ лавочки, съ предметамъ первой потребности для каждаго крестьянскаго семейства, и когда наконецъ эти евреи какъ самый бойкій и искусный во всѣхъ родахъ торговли и промышленности, народъ, забрали въ свои руки всю рѣшительно торговлю, тогда наши не только мѣлкіе торговцы—мѣщане, но и старинные богатые купцы, славившіеся съ давнихъ лѣтъ, обширною торговлею и богатствомъ, начали замѣтно преупадаты и многіе совсѣмъ обѣднѣли.

Бывшая преяде въ городѣ торговля, въ какихъ нибудь десяти рукахъ, разбилась на сотни рукъ. Вездѣ не только въ городѣ, но по всему уѣзду: въ селахъ и хуторахъ, открылось безчисленное множество разнородныхъ лавочекъ, и каждый по своему рвалъ и разбивалъ всякую торговлю, такъ что въ большинствѣ случаевъ другимъ дѣламъ подрывъ и себѣ ничего не зарабатывалъ. А между тѣмъ, такое раздробленіе торговли на мѣлкія части и расселеніе ея по уѣзду, сдѣлало то, что изъ прежнихъ покупателей—поселянъ начали ѣздить въ городъ, можетъ быть, одинъ изъ сотни, кому настоятъ надобность продать произведенія своего хозяйства; да и тотъ—сотый поселянинъ рѣдко что купить въ городѣ, такъ какъ у него, на мѣстѣ жительства, найдется все потребное въ его хозяйствѣ. Къ тому-же совведеніемъ въ шестидесятыхъ годахъ такихъ важныхъ Государственныхъ реформъ; какъ уничтоженіе крѣпостнаго права, тѣлеснаго наказанія, отмѣны подушныхъ податей и облегченіе рекрутскихъ наборовъ; всѣ наши обыватели, какъ-бы воспріянули отъ вѣковой спячки и почувявъ (въ извращенномъ совершенно смыслѣ) равноправность всѣхъ сословій сразу отбросили отъ себя всѣ заведенныя дѣдовскіе нравы и обычаи. Начали преяде всего гонятся за модами, и во всемъ подражать панамъ и бо-

гатымъ людямъ. Мѣщане и козаки, бывшіе до того почти всѣ безграмотные, начали обучать своихъ дѣтей въ училищахъ, при чемъ сдѣлалось уже тѣсно жить въ одной хатѣ съ рабочими и стыдно стало носить отцовскіе ченарки. Явилась необходимость справлять модные сюртуки и пальто, носить галоши и жить просторнѣе и роскошнѣе прежняго. А дѣти ихъ—получивъ маленькое образованіе, въ городскомъ или земскомъ училищѣ, начали гнушаться занятіемъ своихъ родителей, не хотѣли уже послѣ окончанія училища, шить и продавать сапоги, а искали болѣе легкихъ и чистыхъ занятій; иные же совсѣмъ пренебрегали всякою работою, считая себя образованными, т. е. по ихнему „панями“ которымъ будто-бы не прилично заниматься работою.

Вообще въ шестидесятыхъ годахъ, началась такая скороспѣлая ломка всѣхъ патріархальныхъ обычаевъ, такое пренебреженіе—между молодежью—ко всѣмъ прежнимъ порядкамъ жизни, что не только городскіе парни и дѣвки, но и всѣ поселяне, даже служившіе по найму въ городскихъ обывателей, бывшіе помѣщичьи крестьяне, ходившіе до того въ запасахъ и шерстяныхъ свиткахъ, изъ мѣстныхъ овецъ и собственнаго издѣлія, начали во всемъ подражать модамъ, начали одѣваться подобно бывшимъ ихъ владѣльцамъ, какъ-бы въ посмѣяніе надъ ними, что дескать пусть знаютъ что и я такой-же панъ! И не имѣя средствъ подражать модамъ, впадали въ развратъ и разныя преступленія, лишь-бы добыть денегъ на наряды и излишнюю вредную роскошь. А съ увеличеніемъ всякихъ ненужныхъ потребностей и съ уменьшеніемъ заработковъ, само-собою является вездѣ, во всѣхъ классахъ общества, недостатокъ, а за нимъ и бѣдность.

Открытый въ 1866 году, городской общественный банкъ, нѣкоторымъ болѣе крупнымъ и предприимчи-

вымъ торговцамъ, можетъ быть и послужить скольконибудь въ помощь, да и то не много. Не видно и не слышно было въ городѣ, чтобы послѣ учрежденія банка, ктонибудь сдѣлался богаче прежняго, на противъ всякая мѣстная торговля ни сколько не увеличилась и не принесла ни кому значительной пользы. А многіе изъ мѣстныхъ хозяевъ—промышленниковъ, просто таки разорились со времени открытія банка.

На первыхъ порахъ бухгалтеръ банка Ч.....ко, о которомъ будетъ сказано послѣ, началъ объяснять простодушнымъ мѣщанамъ—Западинчанамъ, что теперь открылся нашъ „собственный“ банкъ, берите деньги сколько кому угодно.

Многіе производившіе до того торговлю по старинному способу безъ кредита, на свои трудовые сбереженія, попытались было счастья разширить ее на счетъ банковыхъ денегъ, а другіе просто таки начали брать изъ банка на постройку и починку домовъ и на разныя хозяйственныя потребности. При этомъ еще первоначальныя правила, установленныя правленіемъ банка, были очень стѣснительны и разорительны для его кліентовъ. Векселя принимались къ учету не менѣе какъ съ четырьмя подписями: векселедатель, бланко-надписатель и два поручителя; при чемъ отъ неграмотныхъ требовались, при подписи за нихъ, довѣренности на двухрублевомъ листѣ бумаги. И вотъ рѣшился какойнибудь мѣсткій промышленникъ, Западинскій сапожникъ, попробовать счастья—улучшить свое состояніе на банковые деньги. Онъ неграмотный. Сосѣдъ—приятель его, изъяснившій согласіе быть предъявителемъ векселя,—неграмотный, упрошенные имъ два поручителя—тоже неграмотные. Идутъ они всѣ четыре къ нотаріусу, векселедатель совершаетъ отъ себя довѣренность на имя когонибудь, чтобы подписать за него

вексель, предъявитель дѣлаетъ тоже, для написанія векселя, а поручители для подписи за нихъ совершаютъ такъ-же довѣренность. Такимъ образомъ на одну гербовую бумагу тратится 6 рублей. На засвидѣтельствованіе трехъ довѣренностей и векселя, хоть два рубля процентовъ со ста рублей, надо заплатить впередъ 8 рублей да на мораричъ поручителямъ и подписывавшимъ вексель и довѣренности, не менѣе 2 рублей итого 18 рублей. Слѣдовательно займодавецъ получаетъ изъ банка за сто рублей, только восемьдесятъ два рубля. Приходитъ срокъ платежа. Денегъ нѣтъ въ наличности. Хорошо еще если они взяты на торговлю, то хотя, можетъ быть имѣются въ товарѣ; но другой бралъ ихъ— на покупку грунта, на починку хаты, или на другія хозяйственныя надобности; въ большинствѣ случаевъ на невозвратныя надобности и затраты. Ему напоминаютъ, что надо „перемѣнить банкъ“ т. е. уплатить долгъ, или хоть часть его и проценты. Онъ проситъ добавитъ ссуды, представляетъ новый вексель на 150 рублей опять разумѣется таже процедура съ довѣренностями, тѣ-же расходы, еще въ большемъ количествѣ и т. д. до не возможности выпутаться изъ долга.

Бывало такъ, что другой—хитрый должникъ, каждаго разъ, при добавкѣ ссуды упрямивалъ другихъ новыхъ поручителей, подписать за него на вексель. Поручители не зная сколько ему выдано раньше изъ банка и сколько онъ всего долженъ, видя по его хозяйству и торговлѣ, подписывали за него поручителями на не большую сумму; но въ послѣдствіи, когда онъ набравшись черезъ мѣру долговъ, не въ состояніи былъ уплатить, то въ такомъ случаѣ поручителямъ приходилось отвѣчать за такого должника, своимъ имуществомъ. Черезъ такіе правила банка многіе хорошіе хозяева, не бравшіе ни когда для себя изъ банка денегъ, и не имѣв-

ніе ни когда долговъ, поплачивались своею собственностью, за чужіе долги, и черезъ это совсѣмъ разорились. Вообще въ послѣдніе времена, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ при возрастающей съ каждымъ годомъ дороговизнѣ, на всѣ жизненные потребности, и при умноженіи между всѣми жителями этихъ,—въ большинствѣ случаевъ,—излишнихъ потребностей, началась всеобщая скудность и недостатки во всѣхъ положительно сословіяхъ города.—Всѣ прежніе богачи совершенно перевились и обиднѣли; многіе хозяева ремесленники, пошли въ служители на желѣзную дорогу и въ разныя мѣста, оставивъ свое ремесло и промыслы какъ не приносящіе никакой пользы.

Мѣстная, прежде прибыльная торговля, съ открытіемъ многихъ оптовыхъ складовъ, торгующихъ такъ же и въ розницу, и съ умноженіемъ числа торговцевъ, тоже не приноситъ никакой пользы и каждый торговецъ перебивается теперь только и за насущнаго куска хлѣба. И только съ открытіемъ желѣзной дороги, нѣкоторые—немногіе счастливицы изъ евреевъ, успѣли нажить порядочное состояніе; да наѣхавшіе сюда новые обыватели, тоже исключительно почти евреи, забрали въ свои руки всякаго рода мѣстную торговлю и закупили очень много городскихъ недвижимыхъ имуществъ, бывшихъ прежде во владѣніи мѣстныхъ старинныхъ обывателей. Такъ, что въ настоящее время, почти весь городъ населенъ новыми обывателями, украсился новыми постройками и всѣ въ немъ живутъ совершенно на новыи ладъ, сообразно съ современными модами и рѣдко кто помнитъ и знаетъ, тѣ добрые старые времена, когда въ тѣсныхъ хаткахъ, жилось гораздо лучше и привольнѣе чѣмъ въ нынѣшнихъ большихъ домахъ. Только не многіе—оканчивающіе свое существованіе—старинки, между разговорами съ собою часто повторя-

вичесномъ числѣ служителей, позиція и дума привлекала всегда къ прекращенію пожаровъ, всѣхъ жителей. Городъ тогда дѣлился на три квартала. У каждаго домохозяина была прибыта на воротахъ жестяная дощочка съ обозначеніемъ: его званія, имени и фамиліи, номера его двора, по полицейскому дѣленію и того инструмента, съ которымъ онъ обязанъ былъ являться на пожаръ. Богатые—большіе дворы обязаны были посылать человека съ лошадыю и бочкою воды, другіе посылали одну лошадь, а остальные являлись съ ведрами, топорами, лѣстницами и т. п. инструментами. За невыку на пожаръ полиція привлекала домохозяевъ къ ответственности. Но при этомъ отъ многолюдства и отъ неумѣнія обращаться съ огнегасительными инструментами, происходили только безпорядки, мало способствовавшіе къ прекращенію пожаровъ.

Въ 1859 году, городская дума послала въ Московское пожарное депо, на счетъ городскихъ суммъ, мальчика изъ мѣщанскаго общества, для обученія дѣланію огнегасительныхъ инструментовъ и тушенію пожаровъ, который возвратился въ 1864 году довольно опытнымъ, по нашему городу, брантмейстеромъ. А въ концѣ шестидесятыхъ годовъ начала увеличивать пожарную команду и для этого расширить помѣщеніе ея, которое предполагала устроить на счетъ города, чтобы не занимать большаго частныхъ построекъ, совершенно не пригодныхъ для этого. Всѣ каменные помѣщенія для пожарной команды, строилъ съ подряда, по торгамъ производившимся въ губернскомъ правленіи, Полтавскій кунецъ Андрей Ивановичъ Рейхельтъ (строитель гостиннаго двора.) За 13300 рублей да добавлено ему еще думою, за нѣкоторыя дополнительные не вошедшіе въ смѣту работы, 220 рублей. Постройка эта была окончена и издана въ вѣдѣніе города въ Октябрѣ 1871 г.

При прежней думѣ началось такъ-же дѣло объ устройствѣ къ Ромну желѣзной дороги, которое рѣшалось уже новою думою. Вообще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, городская дума смотря на земскія учрежденія и опираясь на постановленія всего городского общества, начала дѣйствовать смѣлѣе и самостоятельнѣе во всѣхъ дѣлахъ для пользы города.

ЧАСТЬ III-я

Отъ преобразованія городского управленія, до настоящаго времени.

I.

По прежнимъ законамъ и по городовому положенію 1785 года, городское общество составляли только купцы и мѣщане, занесенные здѣсь по ревизіи, и внесенные въ городскую обывательскую книгу, которая должна была содержаться, въ каждомъ городѣ, городскою думою, въ надлежащемъ порядкѣ, подобно дворянскимъ родословнымъ книгамъ. Но, у насъ въ Ромнѣ, такой книги не существовало. Были только приготовлены думою бланки для нея, и заведено съ 1839 года, большое дѣло, „о составленіи обывательской книги“ которое тянулось болѣе двадцати лѣтъ и ни чемъ не окончилось: такъ какъ не смотря на безчисленные указы губернскаго правленія, дума ни какъ не могла собрать, отъ обывателей, свѣдѣній необходимыхъ для внесенія въ обывательскую книгу.

Но все таки какъ выборы во все городскія должности, такъ и рѣшеніе вопросовъ по городскимъ дѣламъ, превышавшимъ права бывшей думы, рѣшались только купеческимъ и мѣщанскимъ обществомъ.

Наконецъ въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ крестьянской реформы, и послѣ введенія гласнаго судопроизводства и земскихъ учрежденій, въ дѣла по управленію городскимъ хозяйствомъ, были привлечены все обыватели города, имѣвшіе здѣсь недвижимую собст-

венность: дворяне, козаки и проч. И вскорѣ послѣ изданія новаго городского положенія 16 Июня 1870 года, городское общество всѣхъ сословій, собравшись въ думѣ 16 Марта 1871 года, по разнымъ городскимъ дѣламъ, постановило между прочимъ приговоръ, что такъ какъ мѣстные средства позволяютъ ходатайствовать о введеніи новаго городского положенія, то они уполномочиваютъ думу ходатайствовать, чрезъ Губернатора, у г. Министра внутреннихъ дѣлъ о скорѣйшемъ введеніи въ г. Ромнѣ городского положенія.

II.

Городская дума, представляя этотъ приговоръ Губернатору, вмѣстѣ съ тѣмъ доставила свѣдѣніе, что въ г. Ромнѣ числится жителей: временно живущихъ около 2000 душъ, и коренныхъ: дворянъ потомственныхъ мужскаго пола 59, женскаго 78 душъ, личныхъ: мужскаго пола 56, женскаго 52 д. духовенства: мужскаго пола 48, женскаго 50 д. потомств. почетныхъ гражданъ мужк. пола 8, женск. 5 д., купцовъ мужск. пола 237, женск. 254 души. мѣщанъ: мужск. пола 1726 д. женск. 1632 души, государственныхъ крестьянъ мужск. пола 178 д. женск. 163 души, козаковъ: мужск. пола 363 д. женск. 384 д., отставныхъ солдатъ: мужск. пола 239 д. женск. 128 душъ; иностранныхъ подданныхъ: мужск. пола 9 д. женск. 4 д., всего мужскаго пола 2923 д. и женскаго 2746 душъ. Купеческихъ капиталовъ 65, иногороднихъ 20, дворовъ 780 и лавокъ въ гостинномъ дворѣ 300, да въ разныхъ частяхъ города около ста. И городского запаснаго капитала имѣется въ остаткѣ 56551 руб.

Послѣ представленія приговора общества, и такого свѣдѣнія отъ думы, было получено, отъ г. Губернатора, въ Августѣ мѣсяцѣ, постановленіе Полтавскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, которымъ

было опредѣлено: ввести городовое положеніе въ г. Ромнѣ съ 1 Февраля 1872 года. Срокъ избранія гласныхъ, былъ назначенъ губернскимъ присутствіемъ 11, 12 и 13-го Января 1872 года.

III.

Въ каждомъ городѣ, во всякое время, были и есть люди выдающіеся чемъ нибудь надъ своими согражданами; люди которые считаютъ себя, по своему образованію, или поврежденной способности, гораздо выше среды, изъ которой они вышли, къ которымъ ихъ собратія часто обращаются за помощію и наставленіями, во всѣхъ затруднительныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, и которыхъ наружно всѣ почитаютъ и уважаютъ, за ихъ способности, но въ большинствѣ случаевъ, многіе ненавидятъ ихъ, и какъ говорится: держать противъ нихъ постоянно камень за пазухою. Такіе люди вообще называются коноводами общества.

У насъ, съ незапамятныхъ временъ, такіе люди происходили, большою частію, изъ мѣщанскихъ общественныхъ писарей; когда грамота была еще очень рѣдка между нашими гражданами, и когда общественный писарь игралъ большую роль въ обществѣ и верховодилъ надъ всѣми выборными—старостами и членами присутственныхъ мѣстъ.

Замѣчательно только, что кончина этихъ людей, была всегда печальна.

Въ послѣднее время, предъ введеніемъ новаго городского положенія, въ Ромнѣ были такими коноводами, два бывшихъ писаря. Первый Д. В. Чу.....ко, замѣчательный самоучка—юристъ своего времени, онъ происходилъ изъ козачьяго званія, сынъ простаго бѣднаго печника, выучившись грамотѣ у приходскаго дьячка, въ 30-хъ годахъ, Д. В. по обычаю того време-

ни, поступили въ волостное правленіе, гдѣ въ старыя времена, волостные писаря, какъ извѣстно, играли тоже большую роль въ сельскихъ обществахъ, были юристами и обирателями простодушныхъ поселянъ. Подучившись не много у такихъ крючкотворовъ, Ч... какъ одаренный отъ природы необыкновеннымъ умомъ, самъ вскорѣ сдѣлался волостнымъ писаремъ и гораздо лучшимъ своихъ предшественниковъ—юристомъ. Но, бывъ наказанъ окружнымъ начальникомъ, за какія то продѣлки,—розгами, онъ уволился изъ волости и изъ казачьяго званія и перечислился въ мѣщанское общество, гдѣ тоже вскорости сдѣлался писаремъ и главнымъ руководителемъ, не только мѣщанскихъ старостъ и всего общества, но членовъ и секретаря думы, въ которой съ почетомъ предложили ему должность столоначальника; а въ началѣ пятидесятихъ годовъ, купеческое и мѣщанское общество, избрали его публичнымъ нотариусомъ г. Ромна, вслѣдствіе чего онъ обязанъ былъ перечислиться въ купеческое званіе.

Поджившись не много, на счетъ общества, Ч...ко, сдѣлался очень гордымъ и заносчивымъ, до того что считалъ себя, по уму и знанію, выше всѣхъ, не только въ городѣ, но во всей губерніи. И дѣйствительно, не возвышая Ч...ка, по его заносчивости, можно сказать справедливо, что онъ былъ умный человѣкъ, изучилъ хорошо всѣ гражданскіе законы и по тогдашнимъ судебнымъ порядкамъ, не было у насъ подобнаго ему юриста, умѣвшаго съ такимъ искусствомъ составлять разнаго рода дѣловыя бумаги. Къ нему обращались въ разныхъ затруднительныхъ судебныхъ дѣлахъ, не только мѣстные граждане, но многіе помѣщики Ромненскаго и другихъ уѣздовъ, и онъ выигрывалъ многія важныя дѣла.—Но, при этомъ было у него не мало враговъ—завистниковъ, которые не навидѣли его, за его гордость

и старались сколько можно вредить ему. Чрезъ такихъ не друзей, онъ недолго былъ въ должности нотаріуса, остался опять въ мѣщанахъ и жилъ очень скудно, въ наемномъ домѣ, пробиваясь кое какими заработками по юридической части. Наконецъ въ шестидесятыхъ годахъ, онъ приобрѣлъ особое благоволеніе бывшаго городского головы П. Д. Зѣнченка, который чуть-ли не даромъ уступилъ ему часть своего двороваго мѣста, по Кюргевской улицѣ; а строившій каменные лавки—подрядчикъ Рейхельтъ, за какое то тяжёбное дѣло, построилъ ему порядочный домъ, и когда въ 1866 году отърядился городской общественный банкъ, то избранный первый директоръ онаго—Зѣнченко, сдѣлалъ его бухгалтеромъ, и банкъ помѣстилъ въ его новомъ домѣ.

Тогда Ч...ко, зажилъ очень роскошно, по барски. Получая хорошее жалованье, въ своемъ домѣ, можно бы жить прилежно, весь свой вѣкъ, въ удовольствіи; но гордость и честолюбіе не давали ему спокойствія, онъ жаждалъ власти и хотѣлъ сдѣлаться верховодомъ и распорядителемъ всѣхъ дѣлъ города. Онъ то первый возбуждалъ въ обществѣ желаніе о введеніи новаго городского положенія, и когда происходили выборы гласныхъ и должностныхъ лицъ, то чрезъ посредство многихъ кліентовъ банка, хотя не особенно ему преданныхъ, но боявшихся его вліянія по банковымъ дѣламъ, высылалъ первымъ гласнымъ и пожелалъ сдѣлаться членомъ управы и заступающимъ мѣсто головы, чтобы быть повластнымъ распорядителемъ во всѣхъ городскихъ дѣлахъ. Оно пожалуй и было-бы такъ, потому что голова С. и члены управы, во всемъ слушали Ч. и покорялись ему безирекословно, какъ опытному законовѣду, способному вести всѣ дѣла по городскому хозяйству. Но, гордость и насмѣлки надъ каждымъ, а также заведенные съ нѣкоторыми гласными непріятности, возбудили

собщее къ нему негодованіе; и давнѣе—тайные не-
оброжелатели его, успѣли, при слѣдующихъ выборахъ,
удалить его изъ управы; а ватѣмъ постарались удалить
и отъ должности бухгалтера банка, и гнали его до того,
что ему пришлось скитаться писцомъ въ Полтавѣ. На-
дѣлавъ бывши бухгалтеромъ и членомъ управы, много
долговъ, онъ подъ конецъ совѣтъ разорился. Единст-
венный его сынъ, бывший женатымъ на сестрѣ О. ра-
спился и умеръ молодымъ; жена тоже умерла, домъ былъ
проданъ за долги, онъ отъ горя и стыда уѣхалъ въ
Полтаву и тамъ, пока здоровье позволяло, служилъ
писцомъ въ городской управѣ; а на послѣдокъ явился
въ Роменъ, уже не прежнимъ—гордымъ властелиномъ,
а совершенно жалкимъ нищимъ, упросился на призрѣ-
ніе въ Богоугодное заведеніе и тамъ окончилъ свое
существованіе.

Къ этой біографіи Ч...ка, нада еще прибавить, что
при всей непомярной гордости и честолюбіи, онъ былъ
совершеннымъ безбожникомъ, не вѣровалъ ни во что
и не признавалъ никакой религіи, никогда не бывалъ
въ церквѣ и открыто насмѣхался надъ людьми рели-
гіозными. Постоянно при всякомъ разговорѣ, кощунст-
вовалъ надъ всеми уставами церкви, поносилъ духо-
венство и спорилъ съ каждымъ, что все св. писаніе
выдумали самы попы, для своей пользы. Хотя и хо-
дилъ дня два—три въ году, говѣть по и то съ призрѣ-
ніемъ и для того только,—какъ самъ говорилъ,—что-
бы не преслѣдовали по гражданскимъ законамъ. Зато
и кончину Богъ послалъ ему такую прискорбную.

Другой И. И. О...ко, поступившій съ малыхъ лѣтъ
писцомъ въ думу и неуспынными трудами и природ-
нымъ дарованіемъ, дослужившійся до должности сто-
лоначальника, тоже былъ мѣщанскимъ писаремъ, по-
лучалъ порядочное содержаніе, выгодно женился, два

года былъ маклеромъ, не оставляя все таки думы и должности писаря. При помощи тестя приобрѣлъ порядочный дворъ, хорошо обстроился; но въ послѣднее время, не задолго до изданія новаго городского положенія, началъ непомѣрно выпивать и былъ удаленъ изъ думы, лишился также и должности маклера, при введеніи по новымъ судебнымъ уставамъ должностей нотаріусовъ; а остался только писаремъ христіанскаго и еврейскаго общества. Этотъ О...ко, какъ близкій родичъ Ч...ко (сынъ Ч. былъ женатъ на сестрѣ О.) при выборахъ по новому городскому положенію, былъ тоже избранъ гласнымъ и членомъ управы.

IV.

Выборы по новому городскому положенію, новой городской думы, были начаты безъ прежняго религіознаго порядка. Теперь уже не было триумфальнаго шествія, съ знаками, въ Соборъ избирателей, для выполненія соблаговѣніемъ присяги, въ добросовѣстномъ и безкорыстномъ производствѣ выборовъ, какъ это дѣлалось въ прежнее время.

Избиратели раздѣленные по имущественному цензу, на три категоріи, являлись на выборы въ думу, задобренными и подмогориченными отъ лицъ интересовавшихся попасть въ гласные. Особенно избиратели 3 разряда, которыхъ было болѣе 150 человекъ, дѣлали страшнѣйшій шумъ и безпорядокъ, открыто требовали отъ желающихъ быть гласными, подачки на могоричь; и многіе изъ нихъ до того умогоричились, что были совершенно не вѣдущими что творять! Избирали не тѣхъ которые по качествамъ ума и совѣсти были способны къ отправленію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей,— а просто тѣхъ, кто больше далъ на могоричь.

... Всѣхъ гласныхъ, при первыхъ выборахъ, было избрано, въ новую думу, сорокъ восемь человекъ; въ числѣ ихъ: дворянъ 7, купцовъ 14, мѣщанъ 19, почетныхъ гражданъ 3, козаковъ 3, и евреевъ два.

Городскимъ головою и при новомъ составѣ думы, былъ избранъ, состоявшій въ этой должности съ 1864 года Ив. Л. Семенчиновъ, а членами управы, какъ выше сказано: Чумаченко и Омельченко, и еще два: Ал. Тим. Петровъ и Як. Иг. Ильченко. Избраннымъ членамъ и головѣ, городская дума не назначила на первый разъ ни какого жалованья, подъ предлогомъ не имѣнія свободныхъ городскихъ суммъ, изъ которыхъ бы можно было назначить таковое. Но тутъ были совсѣмъ другія—враждебныя намѣренія Ч. и О. противъ головы и остальныхъ двухъ членовъ, Чу.....ко условился съ Ом.....мъ, чтобы не давать имъ жалованья и для того самъ отказался и въ думѣ настроилъ всѣхъ, чтобы первое четырехлѣтне выборы лица служили безъ всякаго вознагражденія. А сами съ О.....мъ, вскорѣ удалили бывшего прежде секретаря думы и управы—Каневского, и Омельченко занялъ сей часъ мѣсто секретаря управы, съ наименованіемъ себя „членъ завѣдывающій дѣлопроизводствомъ“ и началъ получать жалованье определенное секретарю—600 руб. оставаясь все таки мѣщанскимъ писаремъ; а Чу.....ко, сдѣлался городскимъ секретаремъ (т. е. секретаремъ думы) и назначилъ себя жалованья 500 рублей.

Тогда остальные два члена, видя такіе обманныя продѣлки Ч. и О. не захотѣли служить даромъ, и одинъ изъ нихъ—Петровъ, подалъ докладъ объ увольненіи его отъ должности, но когда избранный по немъ кандидатъ, тоже отказался вступить въ должность члена, то зашелъ вопросъ о назначеніи жалованья всѣмъ должностнымъ лицамъ, но Ч... и О... все таки долго тормозили разрѣ-

мони и Рихтера, и постановила: уступить Фонъ-Меку городской земли, изъ концов площади 8 десятинъ, а лавковнадѣльцы продъ эти прислѣдали отъ себя заявление, что такъ какъ отъ меньшаго устройства въ гостинномъ дворѣ каменныхъ лавокъ, осталось капитала 42 тысячи руб. который называется спорнымъ между ними и городомъ, то они изъявляютъ согласие выдать изъ этого капитала—Меку 12500 руб. лишь бы не отдаляли вокзала отъ города. Выдача этихъ денегъ однако была отложена до 1874 г., потому что капиталъ находящійся въ банкѣ, на срочномъ вкладѣ и не могъ быть вытребованъ раньше условленнаго срока, на что Мекъ и согласился.

И въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1872 г. была торжественная закладка вокзала Ландварово-Роменской ж. д. переименованной послѣ въ Либаво-Роменскую. Духовенство всѣхъ городскихъ церквей, съ начальствующими лицами, весь составъ городской думы и множество народа, по окончаніи въ Соборѣ Божественной литургии, пошли процессією, съ крестами, иконами и хоругвями, при пѣніи пасхальныхъ ирмосовъ, отъ Собора по Московской улицѣ, къ бывшимъ загороднымъ дворамъ Симиони и Рихтера, и по отправленіи здѣсь молебствія и водосвятія, произведена закладка всѣхъ зданій вокзала. А чрезъ два года и два мѣсяца, послѣ этого,—4 Юня 1874 г., пришелъ къ Ромну, первый пассажирскій поѣздъ, разукрашенный флагами, и съ большимъ торжествомъ и радостію встрѣченный всѣми гражданами города. Съ этого времени началось правильное движеніе повновь устроенной отъ Ромна до Либавы, желѣзной дорогѣ, продолжающееся по нынѣ благополучно.

Между тѣмъ въ послѣдствіи выяснилось, что Фонъ-Мекъ по концессіи обязанъ былъ строить дорогу до Ромна непременно, безъ всякой приплаты ему за это.

со стороны города. При томъ еще онъ не выполнилъ условія относительно открытiя свободнаго провѣзда на Нѣжинскую и Прилуцкую дороги, а сдѣлалъ только одинъ пореѣздъ и то очень узкій и не удобный для провѣзда во время ярмарокъ. И когда завелось съ нимъ объ этомъ дѣло, доходившее даже до Сената, то ему въ выдачѣ отъ города 12500 руб. денегъ отказано, и разъяснено что городъ не обязанъ былъ уступать безвозмездно городскую землю, подъ линiю ж. д. и можетъ требовать слѣдующую за эту землю плату; но дума не пожелала уже вести дальнѣйшiй процессъ съ Мекомъ, и за уступленную часть конной площади, ничего не требовала.

Съ открытiемъ движенiя по вновь устроенной желѣзной дорогѣ, сей часъ началась не бывшая до того въ Ромнѣ, хлѣбная операцiя. Ежедневно со всѣхъ сторонъ подвозили къ станцiи тысячи возовъ разнаго хлѣба въ зернѣ, такъ что ж. д. не успѣвала отправлять его по назначенiю. Заведены были очереди для грузоотправителей, доставившее многимъ, болѣе расторопнымъ изъ нихъ, большiе заработки. Открылось въ городѣ нѣсколько конторъ, для закупокъ и отправки хлѣба: въ Либаву, Кенигсбергъ и др. порты. Коммисiонеры этихъ конторъ, болѣею частью евреи, ни имѣвшiе до того ни гроша за душою, начали ворочать большими деньгами: они бѣдили по экономiямъ, закупали вездѣ хлѣбъ, давали задатки, а сельскiе хозяева доставляли закупленный хлѣбъ въ городъ, къ ст. ж. д. и получали за него расчетъ въ конторахъ.

Начали быстро устраиваться по Глинской улицѣ, по линiи съ вокзаломъ и противъ него, порядочные дома; такъ что бывшее до того пустынное мѣсто, вскорѣ превратилось въ цвѣтущiй городъ; а хлѣбная тор

вли, въ скоромъ времени, подѣлала не имѣвшихъ ничего евреевъ, значительными богачами.

Съ этого времени, на Московкой и Глинской улицахъ, и по окраинамъ Могилокъ, гдѣ были ничего не стоившіе пустыри, начали устраиваться дома какъ для служащихъ на ж. д. такъ и для помѣщенія наѣзжавшихъ въ городъ новыхъ обывателей. Населеніе Могилокъ значительно увеличилось и прежніе, ничего не стоившіе дворы и пустые огороды, приобрѣли такую же цѣнность какъ внутри города.

VI.

Вскорѣ по открытіи движенія по желѣзной дорогѣ, явилась настоящая потребность сдѣлать свободный проѣздъ къ вокзалу по Коржевской улицѣ, чрезъ оврагъ Мухавецъ.

Дѣло объ этомъ проѣздѣ началось еще въ 1840 году, когда при большомъ стеченіи подводъ, во время Ильинской ярмарки, была сильная тѣснота на Московской улицѣ, и въ дождливое время разбивали глинистый грунтъ этой улицы, до того что лошади тонули въ грязи. Тогда еще бывшій начальникъ края, по ходатайству жителей, желалъ направить часть подводъ, слѣдовавшихъ на конную площадь, по Коржевской улицѣ; такъ какъ конная ярмарка, въ то время, занимала всю площадь, и всю нынѣшнюю Глинскую дорогу, до предмѣстья Могилокъ. Но дѣло объ этомъ проѣздѣ, затянулось на долгое время, такъ какъ по ту сторону оврага Муховца, дорога еще не была проложена по плану и пришлось приобретать у нѣкоторыхъ жителей дворовые мѣста и сносить постройки.

Наконецъ въ 1859 году, былъ устроенъ чрезъ оврагъ, деревянный мостъ, съ подряда, помѣщикомъ Мазаракиемъ за 1665 рублей; но онъ оставался почти

безъ употребленія, потому что былъ устроенъ короче и гораздо ниже нынѣшняго моста, и предъ нимъ съ той и другой стороны были высокіе подъемы, на которые нельзя было проѣхать, да и самый тотъ мостъ, по своей конструкціи, былъ признанъ опаснымъ для проѣзда, вслѣдствіе чего зашла опять переписка о передѣлки моста—и въ 1864 году, былъ составленъ новый проэктъ, по которому мостъ предполагалось сдѣлать гораздо выше и длиннѣе прежняго. И когда по устройствѣ ж. д. началось большое движеніе грузовъ къ вокзалу, городская дума, въ засѣданіи 2 Августа 1874 года, для скорѣйшаго открытія проѣзда по Коржевской улицѣ, рѣшила строить мостъ по проэктору составленному въ 1864 году.

По смѣтѣ на постройку этого новаго моста было исчислено 7075 руб. 55 коп. и подрядъ устройства былъ отданъ съ торговъ купцу Самбуру. А старый мостъ постановлено разобрать и дерево съ него употребить на устройство поперечныхъ мостиковъ, фонарныхъ столбовъ и на другія городскія надобности.

VII.

Черезъ два года, безъ малого, послѣ введенія новаго ~~члѣна въ составъ~~ ~~Росскрестъ~~ 2 Декабря 1873 г., случилось при нашей городской управѣ, ужасное происшествіе, которое хотя и не относится ни въ чемъ до городскихъ дѣлъ, но какъ выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, почти не бывавшее въ нашемъ городѣ, и какъ имѣющее религіозно-нравственную подкладку, не должно быть предано забвенію.

Не далеко отъ дома занимаемаго городской управою, (въ которомъ она и нынѣ помѣщается), не болѣе какъ въ 8 или 10 аршинахъ стоялъ другой домъ наслѣд. Мачинскихъ, въ которомъ до преобразованія полиціи,

помѣщалась квартирная комиссія и архивъ думы; такъ какъ тогда дума, полиція и квартирная комиссія, помѣщались всегда въ одномъ домѣ, нанимасомъ на счетъ городскихъ суммъ.

Въ описываемое время, за упраздненіемъ комиссіи, жило въ этомъ домѣ семейство бывшего бухгалтера думы П. С. Радченка, о характерѣ котораго необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ. Сынъ не богатаго титулярнаго совѣтника, служившаго много лѣтъ въ уѣздномъ судѣ и магистратѣ, а на послѣдокъ при старостѣ лѣтъ писцомъ въ думѣ,—П. С. по окончаніи курса уѣзднаго училища, поступилъ на службу тоже въ магистратъ: гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ получилъ должность столоначальника и чинъ губернскаго секретаря. На содержаніе всего магистрата, съ сиротскимъ и словеснымъ при немъ судами, отпускалось въ то время (въ концѣ 50 годовъ изъ городскихъ суммъ по 380 р. въ годъ; такъ что писцы получали жалованья по 1—2 руб., а столоначальники не болѣе 5—6 руб. въ мѣсяць, да и тѣхъ иногда не выдавали нѣсколько мѣсяцевъ, по не имѣнію суммы; но какъ извѣстно тогда по судебнымъ мѣстамъ никто не могъ существовать изъ жалованья, а большею частію содержались посторонними доходами, на счетъ постоянныхъ челобитчиковъ. Когда же въ послѣднее время и эти доходы стали оскудѣвать, то П. С. въ 1861 г., по протекціи нѣкоторыхъ доброжелателей, получилъ должность бухгалтера въ думѣ, гдѣ все таки окладъ жалованья былъ 200 руб. сер. въ годъ. Между тѣмъ еще до перемѣщенія въ думу онъ женился (17 Апрѣля 1860 г.) на дочери ротмистра Мачинскаго, молодой и очень красивой дѣвушкѣ—Анфисѣ Васильевнѣ,—въ которую былъ влюбленъ до безумія. Супружеская жизнь ихъ могла бы идти тихо и мирно, такъ какъ П. С. обожалъ свою супругу, старался всѣми силами предупредить и вы-

полнять всё её требованія и кромѣ жалованья умѣлъ еще заработать отъ постороннихъ доходовъ, на всё капризы молодой супруги. Но, къ несчастію они не сошлись характерами. П. С. былъ не особеннаго ума и способностей, но за то очень добрый, откровенный, какъ природный малороссъ, и въ обществѣ веселый и замѣчательный юмористъ, до того что его любили и принимали во всѣхъ хорошихъ домахъ, и бывало на праздникахъ, или при какихълибо вечеринкахъ нарочно просили П. С. забавлять и смѣшить гостей разными юмористическими рассказами, и онъ не пренебрегалъ никакою компанією. Тогда какъ А. В. была горда, деликатна, съ большою претензією на свое происхожденіе и воспитаніе, часто называла П. С. мужикомъ, необразованнымъ; но хуже всего то что она требовала съ него расходовъ, на свои капризы непосредствомъ. Тогда П. С. приходилъ въ отчаяніе, рвалъ на себѣ волосы, проклиналъ свою любовь и женитьбу, даже доходилъ до такого изступленія, что не однократно покушался лишнить себя жизни; и мнѣ много стоило трудовъ уговаривать его, тѣмъ болѣе, что чрезъ такія огорченія, онъ какъ потерянный не вѣрилъ ни во что священное и часто спорилъ со мною что лѣтъ ни Бога ни будущей жизни, что человѣкъ все равно какъ животное, пропасть и не будетъ ничего; и я по нѣсколько дней ходилъ за нимъ, какъ нянька, утѣшая и уговаривая его, и не однократно отнималъ у него веревку, на которой онъ хотѣлъ вѣшаться.

Наконецъ посредствомъ одного своего протеже— дальняго родственника Д..... онъ въ 1866 году, перемѣстился въ Борзну, секретаремъ полицейскаго управленія, гдѣ получалъ большее содержаніе и могъ легче исполнять прихоти своей супруги. Но въ Борзнѣ онъ служилъ не долго, пока Д. былъ тамъ исправникомъ, а потомъ уволился совсѣмъ отъ службы и поѣхалъ

въ Харьковъ, гдѣ чрезъ посредство знакомыхъ приказчиковъ, поступилъ на службу въ какую то купеческую контору, а жена его А. В. возвратилась изъ Борзны въ Роменъ и жила въ своемъ домѣ, рядомъ съ домомъ занимаемымъ городской управою, который такъ же принадлежалъ ей.

Не задолго до катастрофы разившейся надъ домомъ Раченковой, П. С. пріѣзжалъ въ Роменъ и жилъ тутъ недѣли двѣ; потомъ за что то такъ сильно поссорился съ женою, что она выбила его въ шею, изъ своего дома выкидала вслѣдъ за нимъ его вещи и только сторожа управы слышали проклятiя произнесенныя П. С. собиравшимъ по снѣгу свои разбросанныя пожитки. „щобъ я неждивавъ Васъ бильше бачить; щобъ ты пишла дымомъ и прахомъ, со всемъ своимъ домомъ и семействомъ!“ и того-же дня выѣхалъ опять въ Харьковъ. Это было въ послѣднихъ числахъ Ноября. Въ то время было у нихъ двое дѣтей: мальчикъ 7 и дѣвочка 8 или 9 лѣтъ. (прежніе дѣти умирали въ младенчествѣ). А. В. занимала половину дома, а другую половину нанймала модисткамъ. Дня за два, или за три предъ тѣмъ, пріѣхалъ къ ней погостить, родной братъ ея Николай Васильевичъ Мачинскій, молодой, красивый юноша, служившій въ военной службѣ, который имѣлъ медаль за спасеніе погибавшихъ на пожарѣ—въ Варшавѣ.

Нада еще сказать, что предъ этимъ, дня за два или за три, въ нашей управѣ было такое предзнаменованіе, у насъ въ углу, надъ распорядительнымъ столомъ, стояла постоянно икона Св. Николая, подаренная для думы еще въ 1842 году, бывшимъ тогда городскимъ головою Ив. Ст. Терновцомъ. Икона эта на простой доскѣ, безъ всякаго кіота, но хорошей живописи, стояла всегда на двухъ гвоздяхъ, прикрѣпленная шворкою къ третьему гвоздю: такъ что никогда не могла свалиться сама

собою*). Вдругъ эта икона, при самой глубокой тишинѣ углубившихся въ дѣло писцовъ, летить отъ потолка и падаетъ на столъ, оборотясь при этомъ ликомъ въ верхъ, чего не должно бы случиться при обыкновенномъ паденіи. Тутъ все сразу вздрогнули и перекрестились, отъ внезапнаго грохота произведеннаго этимъ паденіемъ, а потомъ пошли толки и догадки: отчего бы могла упасть икона? Нѣсколько разъ осматривали гвоздя и шворку но она оказалась на столько прочною что никто не могъ перервать ее, гвоздя тоже оказались вбитыми прочно, ни одинъ изъ нихъ не шатался. Словно какъ будто кто перерѣзалъ шворку и бросилъ икону; но главное почему она не упала лицомъ внизъ, какъ стояла въ углу, а перевернулась вверхъ и головою къ углу?? Тутъ бывшій тогда у насъ архивариусъ—отставной военный кандидатъ Митрофанъ Михайловъ, очень набожный и благочестивый старикъ, который безыпрестанно молился себѣ въ архивѣ, ходилъ почти ежедневно въ церковь и былъ корреспондентомъ Пантелеимонова монастыря на Афонѣ, собиралъ и посылалъ туда пожертвованія и котораго молодые писаря, въ насмѣшку называли „угодникомъ Божиимъ“ Опъ подошелъ къ иконѣ, набожно перекрестился, поцѣловалъ ее и глубокомысленно со вздохомъ произнесъ: „не шутите господа, это знаменіе не къ добру: что то будетъ у насъ необыкновенное!“.

Вечеромъ 1-го Декабря, противъ Воскресенья Ан. В. и ея братъ были въ гостяхъ, у старшей своей сестры С. В. Авраменковой, жившей тутъ же около ихъ дома, въ томъ самомъ домѣ гдѣ теперь живетъ парикмахеръ Майковскій. Идучи съ гостей, въ первомъ часу ночи, они услышали что кто то выстрѣлилъ у нихъ въ корридорѣ и военный братъ А. В. осмотрѣлъ со свѣчю все

*) Она и теперь стоитъ въ той-же комнатѣ.

комнаты и корридоръ, но нигдѣ ничего не оказалось; они возвратились опять къ Авраменковой и рассказали объ этомъ выстрѣлѣ, и тѣ приходили искать, но ничего не нашли и успокоили ихъ тѣмъ, что тутъ не можетъ быть ни какого злоумышленника. Но, то былъ, какъ оказалось, не выстрѣлъ, а трескъ корыта, въ которое горничная высипала золу съ печки, съ угольемъ и поставила его въ чуланѣ, въ концѣ корридора;*) но они не догадались осмотрѣть чулана, гдѣ тлѣло уголье, и успокоенные тѣмъ, что въ нихъ не было никого сторонняго, положились спать.

Въ Воскресенье, въ 4 часа утра, я собираюсь идти въ Вознесенскую церковь къ заутрени,**) вдругъ услышалъ Соборный колоколь, бызней въ набатъ. Въ это время была сильная вьюга. Выхожу на базаръ и слышу крикъ что дума горитъ.***) Я поспѣшилъ на Полтавскую, прибѣгаю къ думѣ и вижу что горитъ домъ Радченковой. У насъ были сторожа начали кое что выносить, но явившіеся векорѣ члены и голова, приказали остановиться выносить, потому что прибыла очень скоро пожарная команда, собралось много людей и хотя вѣтеръ и вьюга сильно бушевали, но для дома занимаемаго думою не представлялось опасности. Пожаръ, какъ оказалось, начался съ чулана въ которомъ съ вечера тлѣли уголья и съ котораго несчастные страдальцы слышали выстрѣлъ! такъ какъ прежде всего загорѣлся корридоръ, досчатый выкрашенный масляною краскою, который при вѣтрѣ горѣлъ съ такою силою, что когда спавшіи ближе всѣхъ къ передней, братъ А. В.—Ник. Вас. выскочилъ и отворилъ дверь, то тутъ же упалъ на порогъ, охваченный сразу дымомъ и пламенемъ, и тогда мгновенно заго-

*) Показаніе прислуги Радченковой.

***) Тогда въ Вознесеніи заутрени отправлялась всегда до сѣта.

***) Я тогда служилъ бухгалтеромъ въ управѣ.

рѣлись двери и вся внутренность комнатъ. Разбуженные трескомъ и дымомъ Ан. В. и ея дѣти, бѣжали еще по комнатамъ, кричали и стучали въ стѣну къ сосѣдямъ—модисткамъ, (дверей къ нимъ не было) но тѣ спросонку думали, что то дѣти балуются и когда уже загорѣлся весь домъ и прибѣжавшіе люди разбудили ихъ и начали выносить ихъ пожитки, они тогда сказали что спасайте семейство хозяйки; но уже было поздно! Хозяйка на половина загорѣлась внутри, и пламя бушевала по мебели, дверямъ и стѣнамъ, съ такою силою, что нельзя было приступить близко; оторвали было ставни отъ улицы чтобы вскочить въ комнаты, или дать возможность спастись въ окна погибающимъ; но они должно быть были уже задушены дымомъ; а выбитые съ негорѣвшей еще стороны, окна, произвели сильный сквознякъ и дали свободу увеличиться пламени. Одинъ смѣльчакъ, рискуя собственною жизнью, ворвался было чрезъ пылавшій корридоръ, въ переднюю и вытащилъ обгорѣвшаго Ник. Вас. но, онъ былъ уже безъ признаковъ жизни, и явившійся тутъ же, по приказанію исправника, докторъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ медицинскихъ мѣръ, объяснилъ что его нельзя ничемъ спасти. А. Анф. Вас. и ея дѣтей нашли уже утромъ, по прекращеніи пожара, совершенно обуглившимися и ни на что не похожими. Все бывшее въ ея половникѣ, сгорѣло безъ остатка, даже полы и подвалины выгорѣли до основанія; тогда какъ бывшіе на другой половникѣ сосѣди—модистики, вышли здоровы и не вредимы и спасли все свое имущество.

Вотъ что значитъ сила проклятія!

На другой день, О. Андріанъ Скибицкій, Вознесенскій протоіерей, въ сопровожденіи не многихъ родныхъ и друзей, проводилъ на кладбище четыре сгорѣвшіе трушна;—и только стоявшій при домѣ, до половины об-

горѣлый ясенъ: долго былъ свидѣтелемъ этой ужасной катастрофы; но теперь и онъ уже срубанъ, мѣсто заросло травой и нѣтъ ни какихъ признаковъ происшедшаго здѣсь мученія четырехъ душъ.

А Пет. Степ. извѣщенный объ этомъ, родными, вскорѣ пріѣхалъ въ Роменъ и поплакавши вдоволь надъ роднымъ пещелищемъ, горько упрекалъ себя за такое не обдуманное проклятіе. Потомъ возвратился опять въ Харьковъ, поступилъ на службу въ интендантское вѣдомство; чрезъ нѣсколько времени женился; на богатой купчихѣ и теперь кажется еще живъ и служить въ интендантствѣ—въ Кіевѣ.

VIII.

До введенія городского положенія (1872 г.) въ г. Ромнѣ не было ни какихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ города, или въ устройствѣ которыхъ городское общество принимало бы какое либо участіе. Существовавшее съ конца прошлаго столѣтія, народное училище, переименованное въ 1828 году—въ уѣздное, а въ 1852 году—въ дворянское; содержалось на казенный счетъ, и въ немъ до 1853 года, воспитывались дѣти всѣхъ сословіій, безъ всякаго платежа за право ученія. При немъ находилось приходское „ландкастерское“ училище, для приготовленія къ поступленію въ 1-й классъ уѣзднаго училища, въ которомъ учились тоже дѣти всѣхъ сословіій, безъ всякаго платежа. Это училище содержалось на счетъ суммъ присылаемыхъ изъ Полтавской дирекціи училищъ и обходилось очень дешево, именно: учителю выдавалось жалованья 7 руб. 7 коп. законоучителю 2 руб. 38 коп. и сторожу 2 руб. 85 коп. въ мѣсяцъ; т. е. всего 147 руб. 60 коп. въ годъ. А потомъ уже, на основаніи предписанія губернскаго правленія, отъ 24 мая 1869 года и приговора городского

общества 12 Августа того года состоявшася, было ассигновано, изъ городскихъ суммъ, на содержаніе приходскаго училища по 411 руб. въ годъ. Кромѣ того было только: духовное училище, исключительно для дѣтей духовнаго званія, которое помѣщалось въ наемныхъ домахъ, въ крайней бѣдности и ученики его квартировали у частныхъ лицъ иногда въ самой жалкой обстановкѣ. Да были при церквахъ, съ прошлаго столѣтія, школы, въ которыхъ преподавали первоначальную церковно-славянскую грамоту—грамматку и псалтырь,—приходскіе дьячки, иногда сами не окончившіе духовнаго училища.

Для женскаго пола не было ни какихъ учебныхъ заведеній.

Впрочемъ у насъ, не только въ старыя времена, но почти до шестидесятыхъ годовъ, было во всѣхъ гражданахъ, такое убѣжденіе, что женскому полу наука вовсе не пригодна, что „дивчаты“ не слѣдуетъ даже учить грамотѣ, чтобы не баловались и чтобы иногда (храни Богъ) не писали до жениховъ писемъ. По этому если и встрѣчались изъ зажиточныхъ купцовъ и мѣщанъ (и то очень рѣдко) такіе прогрессисты, которые желали чтобы дочки ихъ были образованы, то отдавали ихъ въ школу, къ тѣмъ же дьячкамъ, гдѣ они учились вмѣстѣ съ мальчиками, за однимъ столомъ. Выучивали разумѣется только граматку и псалтырь, или часословъ; а иногда и писать мѣломъ на доскѣ, этимъ оканчивалось все образованіе. Такъ что кажется нечего было опасаться чтобы грамотная дѣвушка писала комунибудь письма, потому что выучивши грамматику и псалтырь, по тогдашнимъ методамъ преподаванія, рѣдко кто могъ разбирать гражданскую печать; а о скорописи и говорить нечего,—ни одинъ грамотѣй, окончившій школу, ни могъ читать ничего рукописнаго.

Новая городская дума, вмѣстѣ съ улучшеніемъ всего городского хозяйства, начала заботиться и о народномъ просвѣщеніи. Еще въ засѣданіи 18 Ноября 1872 года, быль поднятъ вопросъ о преобразованіи существующаго въ г. Ромнѣ дворянскаго училища,—въ реальное. Затѣмъ въ 1873 году, дума совмѣстно съ губернскимъ и уѣзднымъ земствомъ, начала ходатайствовать объ учрежденіи 4-хъ класснаго реального училища, высшихъ 4-хъ классовъ, съ основнымъ отдѣленіемъ; и о томъ, чтобы вмѣстѣ съ открытіемъ сего училища, правительство преобразовало дворянское училище—въ городское, на счетъ казны, съ приспособленіемъ предметовъ преподаванія въ ономъ къ 3 классу реального училища.

Вслѣдствіе такого ходатайства, Высочайше утвержденнымъ 7 Декабря 1876 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, повелѣно было: открыть въ г. Ромнѣ реальное училище съ 1 Юля 1877 года, съ отнесеніемъ содержанія онаго на счетъ суммъ ассигнованныхъ городомъ и земствомъ, въ количествѣ 15780 руб. и съ добавленіемъ отъ казны 1500 руб. Губернское земство ассигновало для этаго по 5000 руб. уѣздное по 7780 руб. и городская дума по 3000 руб. *) Сверхъ того отъ города было ассигновано единовременно на приспособленіе зданія дворянскаго училища—въ реальное 10000 руб. И въ засѣданіи думы 15 Февраля 1877 года, была избрана особая комиссія по передѣлкѣ зданія для училища, изъ гласныхъ: Ф. В. Безпальчева, М. И. Кузнецова, А. А. Енкина, В. П. Семенчинова и М. В. Кошмана, и поручено управѣ просить попечителя Кіевскаго учебнаго округа о присылкѣ техника для указанія въ чемъ должно заключаться приспособленіе зданія занимаемаго дворянскимъ училищемъ—въ реальное, объ

---

*) Въ настоящее время отъ города плотится на содержаніе реального училища по 5100 руб. въ годъ.

освобожденіи того зданія, ко времени начатія работъ, съ весны—отъ занятія его учениками и служащими лицами и о преобразованіи дворянскаго училища въ городское 3-хъ классное. При этой передѣлкѣ было добавлено думою, въ 1878 году, изъ городскихъ суммъ еще 3000 руб. на окончаніе работъ. И съ начала 1877—78 учебнаго года, было открыто въ Ромнѣ 4-хъ классное реальное училище, а потомъ въ 1880 году, открыты при немъ I и II-й классы.

Городское же училище, съ того времени, помѣщалось всегда въ наемныхъ домахъ, на счетъ города и земства; пока наконецъ, въ 1895 г., былъ выстроенъ для помѣщенія его, тоже при помощи земства, собственный—каменный домъ, на Полтавской улицѣ, рядомъ съ уѣзднымъ казначействомъ.

Спеціального же женскаго училища ни какого не было, только въ шестидесятыхъ годахъ, былъ содержимъ, нѣкоторыми учеными дамами, частный женскій пансіонъ, въ которомъ учились дочери привилегированнаго сословія безъ всякаго содѣйствія со стороны города и учебнаго вѣдомства.

Въ 1866 году было начато, въ городской думѣ, какое то дѣло, по отношенію предводителя дворянства, объ открытіи въ г. Ромнѣ женской прогимназіи; но и самаго дѣла этаго въ архивѣ думы нѣтъ, и неизвѣстно чѣмъ оно окончилось? Между тѣмъ женская прогимназія была открыта здѣсь въ 1871 году, помѣщалась она въ наемныхъ домахъ, а съ 1872 года выдавалось уже въ пособіе на содержаніе ея, изъ городскихъ суммъ по 500 р.

Наконецъ въ 1877 году, бывшій предводитель дворянства О. В. Безпальчевъ, какъ гласный думы, возбудилъ ходатайство объ оказаніи со стороны города и земства пособія на постройку дома для прогимназіи. По его заявленію, въ засѣданіи думы 11 Юля 1877 г.

было назначено въ пособіе на постройку зданія, изъ суммъ спорнаго капитала, 3000 руб. и тогда же дума поручила управѣ ходатайствовать у попечителя Кіевскаго учебнаго округа о преобразованіи—прогимназіи въ гимназію, съ тѣмъ чтобы 5-й классъ въ оной былъ открытъ, если можно, въ 1877—78 году. И съ того времени дума опредѣлила отпускать ежегодно на содержаніе женской гимназіи, изъ городскихъ суммъ по 1000 р.

Послѣ этого, при пособіи отъ земства, совѣтъ гимназіи нашелъ возможнымъ приобрести у наследницъ Козьмы Петровскаго дворъ, по большой Роменской улицѣ; и въ 1878 году былъ выстроенъ каменный двухъ этажный домъ, для женской гимназіи.

Въ настоящее время она состоитъ изъ 8 классовъ, кромѣ приготовительнаго, помѣщающагося въ отдѣльномъ флигелѣ, и воспитываетъ ежегодно, болѣе 300 дѣвицъ, разнаго сословія, какъ здѣшнихъ такъ и иногороднихъ.

Въ 1883 году было открыто приходское училище, для мальчиковъ и дѣвочекъ, всѣхъ сословія; для помѣщенія котораго былъ приспособленъ думою городской домъ, занимаемый прежде канцеляріею уѣзднаго воинскаго начальника. Въ 1888 году, по случаю исполнившагося девятисотлѣтія крещенія Руси, по ходатайству городской думы, повелѣно было: училище это именовать на будущее время, „Свято-Владимірскимъ приходскимъ училищемъ.“ Оно содержится исключительно на счетъ города, и на содержаніе его отпускается ежегодно по 1218 руб., съ тѣмъ что дѣти не состоятельныхъ родителей, по усмотрѣнію управы, воспитываются здѣсь бесплатно; а съ прочихъ взимается только по 6 руб. въ годъ.

За тѣмъ на основаніи Высочайше утвержденного въ 1884 году, положенія о церковно-приходскихъ шко-

лахъ, начали открываться у насъ, постепенно эти школы при церквахъ. Прежде всего была открыта въ 1888 году, церковно-приходская школа при соборѣ, которая помѣщается въ церковномъ домѣ, хотя тѣсномъ и не удобномъ, тѣмъ не менѣе въ ней обучается ежегодно по 20—26 душъ мальчиковъ и дѣвочекъ, преимущественно бѣдныхъ соборныхъ прихожанъ.

Потомъ при Александровской церквѣ, былъ устроенъ, иждивеніемъ старосты В. В. Панѣвина, отдѣльный, собственнодля училища домъ, гдѣ воспитываются исключительно дѣвочки разныхъ сословіи. Открыты также, разновременно, церковно-приходскіе школы: при Никольской, Покровской и Вознесенской церквахъ. И сверхъ того въ 1895 году, открыты еще двѣ воскресные, безплатные школы, для взрослыхъ—мужчинъ и женщинъ, первая въ домѣ мѣщанской управы, а вторая въ домѣ приходскаго Свято-Владимірскаго училища.

Въ настоящее время городъ расходуетъ на народное образованіе 7243 руб. сер. ежегодно.

IX.

Проведеніе къ г. Ромну, въ 1874 году, желѣзно-дорожнаго пути, очень быстро повліяло какъ на благоустройство города и умноженіе народонаселенія въ немъ, такъ и на развитіе всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Желѣзная дорога, можно сказать, въ короткое время, сдѣлала столько перемѣнъ и улучшеній въ наружномъ видѣ города, сколько не сдѣлали всѣ ярмарочные обороты, въ теченіи цѣлаго вѣка.

До открытія желѣзной дороги не было въ Ромнѣ ни какихъ фабрикъ и заводовъ, исключая нѣкоторыхъ кирпичныхъ, на которыхъ выдѣлка кирпича и простыхъ глиняныхъ кафель производилась первобытнымъ способомъ и только для мѣстнаго употребленія своихъ жи-

телей. Не было ни какихъ оптовыхъ складовъ, даже не было порядочныхъ построекъ и исправныхъ дорогъ.

Все это произошло съ проведеніемъ ж. д. и съ преобразованиемъ городского общественнаго управленія.

Прежде всего желѣзная дорога, посодѣйствовала улучшенію дорогъ въ городѣ, и вскорѣ по устройствѣ, вокзала и открытіи пассажирскаго и товарнаго движенія, начала вымощивать камнемъ нѣкоторые подъѣздные пути около вокзала; затѣмъ по возбужденному уѣзднымъ исправникомъ и городскою управою, ходатайству, изъявила готовность доставлять, по удешевленному тарифу, камень. Тогда губернское земство приступило къ устройству каменной мостовой, по Полтавской улицѣ, отъ Засульскаго моста, до начала гостинной площади; отсюда по линіи панскаго и рыбнаго рядовъ, по Московской улицѣ, до бывшаго шлахбаума, мостовая дѣлалась думою, на счетъ городского запаснаго капитала. Подрядъ устройства этой мостовой, на торгахъ производившихся въ городской управѣ, 27 Марта 1878 года, остался за Харьковскимъ купцомъ Алексѣемъ Гавриловымъ, за 22680 руб. сер., который окончилъ и сдать въ вѣдѣніе города, эту мостовую, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1879 года*).

Земство устраивая мостовую, на Полтавской улицѣ, обусловило между прочимъ, чтобы содержаніе таковой въ исправности и ремонтъ оставался на обязанности города. Вслѣдствіе этого, на составленіе какогонибудь фонда, на содержаніе и ремонтъ въ будущемъ мостовыхъ, въ засѣданіи думы 29 Мая 1879 года была одобрена, составленная управою такса, по которой предпо-

---

*) Мостовая эта передѣлывалась въ 1896 году и сдѣлана шире на 1 саж.; а въ концѣ Московской улицы, сдѣлана битовная труба для стока воды въ Мухавецъ.

давалось установить сборъ за проѣздъ по мостовымъ: съ помовыхъ извозчиковъ по 20 руб., съ легковыхъ и фурокъ по 5 руб. въ годъ съ лошади, съ мѣстныхъ жителей по 1 руб. въ годъ съ лошади. Или же за каждыи проѣздъ, въ томъ числѣ со всѣхъ поселянтъ: съ вѣдущихъ съ кладью по 2 коп. безъ клады по 1 коп. съ биржевыхъ извозчиковъ: съ пассажирами по 2 к. безъ пассажировъ по 1 коп. съ лошади.

Сборъ этотъ, по соглашенію съ земствомъ, былъ отданъ въ аренду, купцу Берку Фридману, съ 1 Января 1880 года, за десять съ чемъ то тысячъ рублей. Но сколько было сразу неприятностей и пререканій за этотъ сборъ, сколько разъ зимою, мужички топили лошадей, объѣзжая въ городъ болотами, лишь-бы не платитъ копѣйки, за проѣздъ по прямой дорогѣ, а служители арендатора притѣсняли и издѣвались надъ проѣзжающими; потомъ вскорѣ и самъ арендаторъ оказался не исправнымъ плательщикомъ, арендной суммы, такъ что пришлось управѣ заводить съ нимъ судебный процессъ. По этому во избѣжаніе всѣхъ споровъ и неприятностей, городская Дума, на слѣдующій годъ, отмѣнила копѣечный сборъ за проѣздъ по мостовымъ, и оставила только налогъ въ общіе городскіе доходы, съ биржевыхъ извозчиковъ и съ жителей имѣющихъ лошадей.

Затѣмъ въ 1881 и 82 год. была вымощена, городскою управою, на счетъ спорнаго капитала остававшагося отъ постройки гостиннаго двора, Духовская улица отъ Соборной церкви, Терновцовская и часть Коржевской, отъ Полтавской до новаго моста; а потомъ и за мостомъ до ст. ж. д. Въ 1883 году вымощена также Покровская улица, отъ угла Духовской (противъ 2-й казанчи) до Никольской и Никольская—отъ базарной площади до Полтавской.—А управление ж. д. съ своей стороны вымостило Глинскую улицу, отъ воротъ товарной

платформы до Московской и потомъ земство вымостило отъ Московской улицы, всю Процовскую гору до р. Ромна.

Такимъ образомъ, благодаря ж. д. доставлявшей по удешевленному тарифу камень, нашъ городъ началъ быстро улучшаться и избавляться отъ прежней грязи.

Въ тоже время, городской думою, дѣлались всевозможныя улучшенія въ городскомъ хозяйствѣ, издавались разные обязательныя для жителей постановленія о благоустройствѣ города: о содержаніи въ чистотѣ улицъ и бульваровъ, о посадкѣ деревьевъ и прсч. и возводились многіе городскіе постройки. Такъ, еще въ 1872 году, въ заботахъ о благоустройствѣ города и безопасности его въ пожарномъ отношеніи, городская дума предположила устроить другой пожарный дворъ, въ центрѣ города, такъ какъ первый находится почти на самомъ краю, въ далекомъ разстояніи отъ Пригородка, Могилокъ и Западинець. вмѣстѣ съ тѣмъ предположено было увеличить штатъ пожарной команды, прибавить лошадей и инструменты.

Для устройства втораго пожарнаго двора, былъ купленъ, на счетъ городского запаснаго капитала, у наследниковъ мѣщанина Бердичевского (бывшій прежде Тромонина) дворъ, выходившій гострымъ угломъ на Духовскую и б. Роменскую улицы, въ которомъ съ давнихъ лѣтъ помѣщался земскій судъ, до упраздненія его въ 1863 году. Дворъ этотъ продавался за долги, въ Полтавскомъ окружномъ судѣ, и для покупки его былъ командированъ на торги, членъ управы Омельченко. Покупка двора обошлась городу 3052 р. да выдано Омельченку, за поѣздку въ Полтаву наградныхъ 300 руб. Затѣмъ по приобрѣтеніи этаго двора, старинный—большой домъ Тромонина, бывшій подъ помѣщеніемъ земскаго суда, построенный въ добрые годы изъ очень прочнаго матеріала, былъ разобранъ и занятое имъ мѣсто (весь

гострый уголъ) оставлено пустопорожнимъ, для разширенія площадки подъ дровяной базаръ и для выровненія Духовской улицы; а изъ разобраннаго дома, съ добавленіемъ новаго матеріала, были выстроены, лицомъ на Покровскую улицу, помѣщеніе для пожарныхъ служителей, съ теплыми сараями для трубъ, деревянная надъ нимъ каланча, и внутри двора (гдѣ былъ архивъ земскаго суда) досчатые сараи для лошадей и инструментовъ.

Устройство этаго 2-го пожарнаго двора, производилось хозяйственнымъ распоряженіемъ членовъ управы и обошлось городу, кромѣ употребленнаго въ дѣло стараго матеріала, въ 5722 руб. 35¹/₂ коп. сер.

Въ 1877 году устроена, противъ рыбнаго ряда, новая харчевая галлерей, на мѣсто прежней, пришедшей въ совершенную ветхость. Устройство этой галлерей обошлось городу 3500 руб. и теперь получается съ нея ежегодно дохода 266 руб.

Въ 1880 году выстроены, позади тюремнаго замка, на счетъ суммъ запаснаго капитала, два большихъ дома, для мѣстной уѣздной команды и для управления воинскаго начальника, длиною по 36 ар. и шириною по 20 ар. Эти дома строились съ подряда и обошлись городу въ 11350 руб. Теперь въ нихъ помѣщается канцелярія воинскаго начальника, принимаемые осенью новобранцы и всѣ переходящіе чрезъ городъ воинскіе команды.

Въ 1883 году былъ купленъ у поручика Савича дворъ съ постройками, на предмѣстьи Могилкахъ, для помѣщенія музыкантовъ и кузницъ, квартировавшаго тогда въ городѣ драгунскаго полка и выстроень, для надобностей того же полка, домъ на городской землѣ, при конной площади.

Въ 1884 году были выстроены на базарной площади и противъ рыбнаго ряда, не большія деревянные

лавочки, для мѣлочной торговли, разными товарами, числомъ 57, которые обошлись городу 6500 руб. и съ нихъ получается теперь дохода 2316 рублей въ годъ.

Въ 1890—92 год. были устроены на конной площади, городскіе скотобойни, которые обошлись 6500 р. и приносятъ дохода городу, ежегодно болѣе 3000 руб. за исключеніемъ расхода на нихъ.

Въ 1896 году устроено, за Соборною церковью, 16 деревянныхъ—мясныхъ лавокъ и 20 ларей при нихъ. Лавки эти выстроены съ подряда за 6253 руб. 72 коп. и приносятъ ежегодно дохода 1775 руб.

Эти послѣдніе сооруженія, какъ и домъ для городского училища, въ 1895 году, строились уже, по не имѣнію ни какихъ городскихъ суммъ на занятые городомъ, деньги, у лавко-владѣльцевъ гостиннаго двора; но зато какую пользу приносятъ они, и будутъ приносить на будущее время, не считая удобства и благовидности для города.

Х.

Послѣ увольненія Семенчинова, въ 1884 году, былъ избранъ городскимъ головою, родной племянникъ Ив. Ст. Терновца, надворный совѣтникъ Николай Михайловичъ Терновецъ, молодой и дѣятельный человекъ, который съ малолѣтства проживалъ съ отцомъ въ Москвѣ, получилъ университетское образованіе и служилъ тамъ мировымъ судьей; и на котораго городъ, при выборѣ его въ должность головы, возлагалъ большіе надежды къ преуспѣянію и благоустройству своего хозяйства. Но, къ общему сожалѣнію—онъ прослуживъ, только два года, уволился и уѣхалъ опять въ Москву, на высшую должность по судебному вѣдомству, подаривъ городу три выигрышныхъ билета, для образованія, вслучаѣ выигрыша, особаго капитала—имени Ивана Сте-

пановича Терновца. Однако и за такое кратковременное служение, въ должности городского головы, Ник. Мих. заслужилъ большую признательность города и оставилъ добрую память тѣмъ, что при его просвѣщенномъ и дѣятельномъ ходатайствѣ, Кременчугская желѣзная дорога была проведена къ нашему городу, какъ сей часъ увидимъ.

Въ 1885 году, послѣдовало распоряженіе Правительства о постройкѣ казенной желѣзной дороги, отъ Кременчуга до Ромна. Предсѣдатель комиссіи по устройству этой дороги—инженеръ Печковскій, долго не сомнѣвался, чтобы дорога была проведена къ Ромну, представляя въ своихъ изысканіяхъ и проѣктахъ такія не преодолимья препятствія: что по случаю окружающихъ Ромень, съ юга и запада горъ, не возможно сдѣлать подхода къ ст. Либаво-Роменской ж. д. что этотъ подходъ, по его исчисленію, будетъ стоить для казны болѣе 300 тысячъ совершенно лишняго расхода, что наконецъ самыя горы предмѣстья Могилокъ и Лозовой, по своему геологическому наслоенію, состоятъ изъ осадка движущихся плауновъ и могутъ со временемъ расползаться. Такъ что не смотря на все просьбы и хлопоты думы и земства, они предполагали соединить Кременчугскую линію ж. д. съ Либаво-Роменскою, на 19-й верстѣ отъ города, близъ станиц. Тамалаевка. Каковой проѣктъ его, былъ уже утверждень г. Министромъ путей сообщенія.

Городская дума уполномочила: городского голову Н. М. Терновца и предводителя дворянства Г. Н. Навроцкаго, ходатайствовать во всѣхъ инстанціяхъ, чтобы проектируемая вновь ж. д. проходила непременно чрезъ Ромень, излагая въ своемъ постановленіи и въ поданныхъ отъ нея просьбахъ тѣ мотивы, что отдаленіе линіи Кременчугской дороги на 19 верстѣ отъ го-

рода, будетъ для него равносильно смертному приговору, что всѣ настоящіе ярмарки, вся значительная торговля, фабричная и заводская промышленность, пропадутъ безвозвратно, и что наконецъ участки ж. д. отъ ст. Талалаевка до Ромна, не будетъ имѣть ни какого значенія, и такъ какъ Либаво-Роменская ж. д. въ скоромъ времени должна поступить въ казну, то всѣ желѣзно-дорожныя сооруженія въ Ромнѣ, стоящія большихъ затратъ, прійдется уничтожить какъ не нужныя, или же перенести къ станц. Талалаевка.

Вслѣдствіе такихъ убѣдительныхъ доводовъ, представленныхъ высшему правительству и благодаря усердію уполномоченныхъ отъ города—г.г. Терновца и Навроцкаго, ѣздившихъ нѣсколько разъ въ С.-Петербургъ, были неоднократно производимы новыя изслѣдованія направленія дороги: какъ предполагаемаго Печковскимъ мимо Ромна, но заселеніемъ Коржами, до Талалаевской станціи, такъ и просимаго городомъ до ст. Ромны Л.-Р. ж. д. Два раза пріѣзжала коммиссія, для изслѣдованія породы горъ, названныхъ Печковскимъ—движущимися шлаунами, свершили эти горы въ нѣсколькихъ мѣстахъ, возили землю съ нихъ въ С.-Петербургъ, для геологическаго изслѣдованія и признали что горы эти первобытнаго наслоенія и не представляютъ въ будущемъ ни какой опасности для ж. дороги.

Послѣдствіемъ такихъ изысканій и ходатайства уполномоченныхъ, было совершенное измѣненіе всѣхъ проектовъ г. Печковскаго, и желѣзную дорогу повелѣно непремѣнно подвести къ Ромну.

По полученіи этого радостнаго извѣстія, городская дума, въ засѣданіи 25-го Мая 1888 года, кромѣ благодарности уполномоченнымъ, постановила: ходатайствовать о возведеніи г. Навроцкаго въ почетные гражда-

не г. Ромны, въ виду того, что сверхъ нынѣшнихъ трудовъ, онъ также ходатайствовалъ и раньше по проведенію къ Ромну ж. д. отъ Либавы и имѣлъ въ томъ успѣхъ и что безъ его содѣйствія можетъ быть и не было бы въ городѣ желѣзной дороги.

Въ томъ же засѣданіи, было прочитано письмо уполномоченныхъ отъ города—г. г. Навроцкаго и Терновца, что если цѣль ходатайства ихъ, по проведенію къ Ромну Кременчугской дороги, достигнута, то благодаря вниманію высшихъ Государственныхъ сановниковъ. Да, и общество Либаво-Роменской ж. д. много помогло въ этомъ дѣлѣ: высказывая готовность на многія облегченія условій, какъ соединенія такъ и общаго пользования вокзаломъ. По прочтеніи этаго письма, дума постановила: выразить признательность за сочувственное содѣйствіе: предсѣдателю правленія Л.-Р. ж. д. Авраму Исааковичу Закъ, и за дѣятельность представителю общества, въ правительственныхъ учрежденіяхъ, управляющему той дорогой Николаю Эдуардовичу Адаурову; стараніемъ котораго, а также инженера Погорѣлки, были выработаны новый проектъ удобнаго соединенія Кременчугской линіи съ Либаво-Роменскою и изысканъ свободный подходъ къ Роменскому вокзалу, отъ послѣдней стціи Вѣловодъ, чрезъ р. Сулу. По этому новому ихъ проекту потребовалось только сдѣлать выемку земли, чрезъ городской выгонъ, отрѣзать небольшой уголь христіанскаго кладбища, и надъ предмѣстьемъ Западницами сдѣлать соотвѣтствующую уклону—насыпь. Затѣмъ устроенъ былъ въ концѣ Западницецъ, около с. Лозовой, желѣзный мостъ чрезъ р. Сулу, и такимъ образомъ всѣ работы, по сооруженію ж. д. были окончены въ Сентябрѣ 1888 года, и вокзалъ остался общій для обѣихъ дорогъ.

Въ Среду 27 Сентября, была получена отъ строителя дороги, г. Печковского, на имя настоятеля Собора, телеграмма, что Епископъ Полтавскій—Иларіонъ прибудетъ въ Ромны, экстреннымъ поѣздомъ, 30 ч. въ 3^{1/2} часа дня, будетъ служить всенощную въ Соборѣ, а утромъ 1-го Октября будетъ освящать желѣзно-дорожный мостъ на Сулѣ. Сейчасъ же послѣ обѣда 30 числа, отправились на вокзалъ, для встрѣчи владыки: настоятель, градскій благочинный, голова, исправникъ и много другихъ лицъ и гласныхъ думы. вмѣстѣ съ владыкою пріѣхали: протоіерей—ключаръ Полтавскаго кафедральнаго Собора—Ураловъ, протоіерей Кременчугскаго Собора—Бѣлявскій, протодіаконъ, два діакона и хоръ пѣвчихъ изъ 25 человекъ. Архіерейское служеніе въ Соборѣ, при участіи прибывшихъ съ нимъ протоіереевъ и нашего мѣстнаго духовенства, при пѣніи двухъ хоровъ—Архіерейскаго и Соборнаго, было самое торжественное и умиленное и продолжалось отъ 5 до 9 час. вечера. Послѣ величанія владыка читалъ, на амвонѣ среди церкви, а кафість Покрову Пресвятой Богородицы самъ мировалъ всѣхъ бывшихъ въ церквѣ; а людей было очень много,

На другой день, въ Субботу 1 Октября, въ 8 часовъ утра, Архіерей со всѣми священнослужителями и начальствующими лицами, отправились на вокзалъ, гдѣ собрались также многіе служащіе: военные и гражданскіе чины и нѣкоторые изъ гражданъ, приглашенные строителемъ, по билетамъ, на обѣдъ—въ Ромоданъ. Всѣ сѣли въ особомъ, снаряженномъ для этого торжества—поѣздѣ, украшенномъ флагами и цвѣтами, и отправились къ мосту, гдѣ поѣздъ остановился на высокой насыпи. Здѣсь всѣ вышли изъ вагоновъ, владыка со всѣми священнослужителями, отправили молебенъ съ водосвятіемъ; затѣмъ губернаторъ разрѣзалъ ленту, кото-

рою былъ перевязанъ въ поперекъ мостъ и вся процессія прошла по мосту, съ пѣніемъ тропаря „Спаси Господи люди твоя“ окропляя его св. водою, на обѣ стороны. Людей на мосту, на насыпи и внизу на берегу рѣки, было безчисленное множество. Сама природа по видимому ликовала при этомъ торжествѣ: не смотря на Октябрь мѣсяць, было тихое, ясное и теплое утро, какъ среди лѣта.—Въ 10^{1/2} часовъ, этотъ первый—нарочный поѣздъ, отбылъ на ст. Ромоданъ и вслѣдъ за нимъ отправилось еще нѣсколько поѣздовъ, гдѣ обѣдъ и балъ продолжались до поздней ночи.

Такимъ образомъ, съ 1 Октября 1888 года открыто постоянное движеніе, по вновь устроенной, Ромны—Кременчугской желѣзной дорогѣ, придавшей Ромну еще большее значеніе между другими городами увеличившей его торговые и промышленные обороты.

При открытіи этого второго рельсового пути, чрезъ городъ, городское общественное управленіе, по инициативѣ нынѣшняго городского головы, Ивана Евгеньевича Червинскаго, возбудило ходатайство, предъ правительствомъ, о разрѣшеніи взиманія, въ пользу города, сбора съ привозимыхъ и отправляемыхъ по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ, для покрытія расхода потребнаго исключительно на замощеніе камнемъ подъѣздныхъ путей, къ вокзалу Либаво-Роменской и Ромны-Кременчугской ж. д., а также для разширенія и ремонта, существующихъ уже, на подъѣздныхъ путяхъ, мостовыхъ.

Послѣ собранія и представленія, куда слѣдуетъ, всѣхъ требовавшихся по этому дѣлу свѣдѣній, и послѣ составленія таксы, на взиманіе сбора, къ этому ходатайству отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ, всѣ купцы и промышленники, производящіе въ г. Ромнѣ торговлю, и подали отъ себя 2 Апрѣля 1893 года, прошеніе Директору Департамента мануфактуръ и торговли, о

скорѣйшемъ удовлетвореніи ходатайства городского общественаго управленія.

Но все таки, дѣло это, долгое время оставалось безъ движенія, не смотря на то, что по требованію г. Министра, была составлена и утверждена думою особая группировка всѣхъ грузовъ, лишь только въ трехъ видахъ и сборъ съ нихъ опредѣленъ не свыше 1 коп. съ пуда. Тогда, по докладу городского головы, городская дума, въ экстренномъ засѣданіи—2 Декабря 1893 года, постановила: просить почетнаго гражданина г. Ромна Григорія Николаевича Навроцкаго, принять на себя трудъ отправиться въ С.-Петербургъ и ходатайствовать гдѣ слѣдуетъ, о скорѣйшемъ разрѣшеніи взиманія сбора съ грузовъ

Послѣдствіемъ такого ходатайства думы и г. Навроцкаго,—Высочайше утвержденнымъ, въ 3-й день Июня 1894 года, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, разрѣшено г. Ромну взимать въ пользу города, временный, въ теченіи десяти лѣтъ, сборъ съ грузовъ привозимыхъ и вывозимыхъ изъ него по желѣзнымъ дорогамъ, согласно таксѣ утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министрами Финансовъ и путей сообщенія.

Разрѣшенный этимъ узаконеніемъ сборъ, по заключеннымъ городскимъ головою г. Червинскимъ, съ начальниками Либаво-Роменской и Ромны-Кременчугской ж. д. договорамъ, началъ взиматься съ Апрѣля мѣсяца 1895 года, и такового поступаетъ, въ городскую управу, свыше 10000 руб. въ годъ; такъ что нашъ городъ, въ недалекомъ будущемъ, можетъ улучшить еще свои дороги, и замостить камнемъ многіе подъѣздные пути къ вокзалу. А на мѣсто пришедшаго въ ветхость Коржевскаго моста, устроить чрезъ оврагъ Мухавецъ насыпь, съ битонною или чугуною трубою, для чего составляются уже проекты.

XI.

Изъ всего вышесказаннаго, мы видимъ, что Роменъ очень древній городъ, что онъ существуетъ болѣе восьмисотъ лѣтъ, и знаемъ отчасти что дѣлалось въ немъ, хотя въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій, такъ какъ о дѣлахъ болѣе древнихъ лѣтъ, не сохранилось ни какихъ свѣдѣній.

Мы видѣли также, что съ начала прошлаго столѣтія, нашъ городъ славился уже торговлею и большими оборотами своихъ ярмарокъ, что благодаря этимъ ярмаркамъ, онъ полъ вѣка тому назадъ, имѣлъ большіе капиталы, и въ немъ жило много богатыхъ обывателей. Но, въ то же время, не смотря на все богатство, городъ по наружности, почти не отличался ни въ чемъ отъ нынѣшнихъ порядочныхъ селеній.

Старосвѣтскіе обыватели вообще не любили роскоши и щегольства ни въ чемъ, мало заботились объ удобствахъ и украшеніи своихъ жилищъ, о возведеніи хорошихъ построекъ для благовидности города, и не имѣли постановленій объ исправномъ содержаніи заборовъ, бульваровъ, улицъ и проч. Тогда не было ни кому до этого надобности. Жили себѣ въ простенькихъ, крытыхъ соломой хатахъ и не стѣснялись вязнуть по улицамъ въ грязи; но зато они жили беззаботно, въ полномъ спокойствіи и только сберегали денежки, „про черный рубль.“ Такъ точно и толдашніе правители города, т. е. дума, находившаяся въ полной зависимости отъ губернскаго начальства, усердно хранила городскіе капиталы, ни когда не думала и не имѣла права сдѣлать изъ нихъ что нибудь полезное для города.

Все видимое въ настоящее время, наружное благоустройство города, разширеніе его и увеличеніе народонаселенія, совершилось не болѣе какъ за послѣдніе

25—30 лѣтъ; или лучше сказать: послѣ преобразованія городского управленія и устройства желѣзныхъ дорогъ.

По этому въ заключеніе всего повѣтствованія, о „Роменской старинѣ“ не безъ интересно вывести, въ краткомъ очеркѣ, за послѣдніе тридцать лѣтъ, свѣдѣнія: о доходахъ и расходахъ города, о ростѣ народонаселенія и о числѣ недвижимыхъ имуществъ:

Въ 1867 году было: городскихъ доходовъ 14976 р. 41³/₄ к. и расходовъ 13186 руб. 8¹/₄ к. Къ 1872 году, наканунѣ введенія новаго городского положенія, оставалось городского запаснаго капитала, въ билетахъ городского банка 58116 руб. 34 коп. Доходовъ, по смѣтѣ на 1872 годъ исчислено 16771 руб. 52¹/₂ коп. и расходовъ столько-же.

Съ этаго времени доходы и расходы города, начинаютъ постепенно увеличиваться, съ каждымъ годомъ; и на 1897 годъ, по смѣтѣ утвержденной думою, определено: доходовъ 55432 руб. и расходовъ 55348 р. 60 коп.

Жителей въ городѣ, въ 1867 году, числилось по статистическимъ свѣдѣніямъ около 5000 душъ, обоюго пола.

Въ 1872 году, при введеніи новаго городского положенія, по представленнымъ городской думою, губернатору, свѣдѣніямъ, показано всего населенія въ городѣ 5669 душъ обоюго пола.

А въ 1897 году, по произведенной по Высочайшему повелѣнію, первой всеобщей переписи, оказывается уже болѣе 15000 душъ. Слѣдовательно въ теченіи тридцати лѣтъ населеніе города возросло въ три раза болѣе, а доходы увеличились почти въ четверо.

Въ 1867 году, по раскладочной вѣдомости о налогахъ съ недвижимыхъ имуществъ, числилось въ городѣ дво-

ровъ разныхъ обывателей 783, въ томъ числѣ христіанъ 748, и евреевъ 35. Кромѣ 300 №№ каменныхъ лавокъ, въ числѣ которыхъ принадлежащихъ евреямъ, не было еще ни одной.

Городскихъ построекъ, собственно принадлежащихъ городу, въ 1867 году, ни какихъ не было, исключая 16 №№ лавокъ въ гостинномъ дворѣ.

По этой же вѣдомости, за 1896 годъ, показано: дворовъ обывательскихъ 1087, въ томъ числѣ христіанъ 993, и евреевъ 94, лавокъ въ гостинномъ дворѣ владѣльческихъ 284, изъ нихъ принадлежащихъ евреямъ 65.

Городскихъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ городу въ настоящее время имѣется: дворъ съ постройками по Глинской дорогѣ на Могилкахъ и домъ по Процовой горѣ, прибрѣтенные и устроенные для воинскихъ надобностей. Два большихъ дома, затюреннымъ замкомъ для военныхъ казармъ и управленія уѣзднаго воинскаго начальника. Домъ для приходскаго училища. Домъ городского училища, каменный на Полтавской улицѣ.

Торговыхъ лавочекъ: около харчевой галлерей 27, на базарной площади 30, и около 2 пожарнаго двора 3.

Два пожарныхъ двора каменный и деревянный, съ каланчами.

Дворъ съ постройками для городскихъ боенъ, на конной площади.

16 мясныхъ лавочекъ и 20 ларей при нихъ, за Соборною церковью.

Всего со времени введенія городского управленія, прибрѣтено и сдѣлано городскихъ построекъ на сумму болѣе 75000 рублей.

Не считая: Коржевскаго моста, фонарныхъ столбовъ, чановъ для воды, витринъ, поперечныхъ мости-

ковъ по разнымъ улицамъ и другихъ улучшеній въ городскомъ хозяйствѣ; а также расходовъ произведенныхъ на передѣлку зданія реального училища и устройство женской гимназiи, какъ равно и ежегоднаго ремонта городскихъ строенiй.

Каменныхъ мостовыхъ, по разнымъ улицамъ и базарной площади, устроено на счетъ города болѣе 2000 погонныхъ сажень на сумму свыше 40000 рублей.

Такъ, что если сосчитать всѣ расходы, произведенныя на наружное благоустройство города, современнаго введенiя городского положенiя, то выйдетъ что новая дума употребила на это дѣло болѣе двухъ сотъ тысячъ руб. И это дѣлалось уже безъ всякихъ прежнихъ—запасныхъ капиталовъ, на счетъ текущихъ доходовъ, и частiю на счетъ заимообразовъ.

Съ 1867 по 1896 годъ прибавилось въ городѣ обывательскихъ дворовъ 304, а домовъ въ нихъ вѣроятно вдвое болѣе. Дома во всѣхъ дворахъ, особенно внутри города, строятся теперь не по старинному обычаю—внутри дворовъ, а всѣ фассадомъ на улицы, и въ числѣ ихъ выстроено много каменныхъ, или обложенныхъ кирпичемъ и довольно красивой архитектуры. На всѣхъ улицахъ, благодаря обязательнымъ постановленiямъ думы, имѣются бульвары, съ барьерами и при нихъ канавки для стока воды, усаженные съ обѣихъ сторонъ деревьями, такъ, что можно сказать,—безъ прикрасъ—въ настоящее время городъ представляетъ изъ себя одинъ сплошной садъ, съ чистыми дорожками—бульварами для пѣшеходовъ.

За тоже самое время, т. е. послѣ преобразованiя городского управленiя и устройства ж. д. открыто въ г. Ромнѣ: двѣ табачныхъ фабрики, съ паровыми двигателями, при 430 рабочихъ, съ годовымъ оборотомъ въ 1450000 руб. три мукомольныхъ мельницы, съ паро-

выми машинами, при 50 рабочихъ, съ оборотомъ въ 100 тысячъ руб. одинъ спиртоочистительный заводъ съ оборотомъ въ 16000 рублей, одинъ чугунно-литейный заводъ при 17 рабочихъ, съ оборотомъ въ 20000 руб. двѣ типографіи съ ручными машинами при 10 рабочихъ, съ оборотомъ въ 7000 руб. двѣ фотографіи съ оборотомъ въ 2000 руб. девять оптовыхъ мануфактурныхъ складовъ, съ оборотомъ въ 1950000 рублей.

Кромѣ того, въ настоящее время имѣется: 52 мануфактурныхъ розничныхъ магазина, съ годовымъ оборотомъ въ 310000 руб., 10 кожевныхъ и шорныхъ лавокъ, съ оборотомъ въ 9100 руб., 25 бакалейныхъ магазиновъ и лавокъ, съ оборотомъ въ 509000 руб., 14 голлантерейныхъ магазиновъ и лавокъ, съ оборотомъ въ 151000 руб. два магазина золотыхъ и серебрянныхъ издѣлій, съ оборотомъ въ 10000 руб., шесть мебельныхъ, посудныхъ и стеклянныхъ магазиновъ, съ оборотомъ въ 68000 руб., девять рыбныхъ лавокъ съ оборотомъ въ 184000 руб. двѣ аптеки и два аптекарскихъ магазина, съ оборотомъ въ 25300 руб., мучныхъ и хлѣбныхъ складовъ и мучныхъ лавокъ—18, съ оборотомъ въ 14000 р., четыре желѣзныхъ магазина, съ оборотомъ въ 106000 р., лѣсныхъ и дровяныхъ складовъ—восемь, съ оборотомъ въ 96800 руб., мѣховыхъ магазиновъ—два, съ оборотомъ въ 38000 руб. одинъ складъ земледѣльческихъ орудій съ оборотомъ въ 30000 руб., одинъ соляной складъ, съ оборотомъ въ 25000 руб., одинъ керосиновый, съ оборотомъ въ 15000 руб., одинъ яичный, съ оборотомъ въ 10000 руб., шесть табачныхъ, съ оборотомъ 162000 руб., одинъ шибайный, съ оборотомъ въ 20000 руб. *) Два комиссіонера съ швейными машинами, два мыльныхъ завода, одна маслобойня, и множество лавочекъ по все-

---

*) Отчетъ городской управы за 1895 г., и пояснительная записка къ нему.

му городу: бакалейныхъ, голантерейныхъ, желѣзныхъ и проч. которые не вошли въ счетъ показаннаго оборота.

Это такъ сказать, постоянная—мѣстная торговля и промышленность. А обороты четырехъ Роменскихъ ярмарокъ, по свѣдѣніямъ имѣющимся въ городской управѣ, доходятъ въ настоящее время до 20 милліоновъ рублей *).

Въ 1896 году было выдано торговыхъ свидѣтельствъ: 1-й гильдіи 8.—2-й гильдіи 197,—на мѣлочной торговь 235,—промысловыхъ для рабочихъ 66, приказчицыхъ 1-го класса 69,—2-го класса 333,—билетовъ: 1-й гильдіи 41,—2-й гильдіи 259,—и на мѣлочный торговь 366.

При такихъ громаднѣхъ, постояннѣхъ и ярмарочнѣхъ оборотахъ,—кромѣ городского банка и общества взаимнаго кредита, дѣлающихъ оборота до 2¹/₂ милліоновъ въ годъ, открыто въ г. Ромнѣ, съ 1883 года, отдѣленіе Государственнаго банка и кромѣ того имѣются двѣ частныхъ банкирскихъ конторы: производящія свыше 350 тысячъ годоваго оборота.

Все это показываетъ, что нашъ городъ процвѣтаетъ, развивается и разпиряетъ съ каждымъ годомъ; коммерческія, заводскія и промышленныя предпріятія,—благодаря во первыхъ: своему издавна выгодному мѣстоположенію, въ торговомъ отношеніи, и проведенному чрезъ него многозначительному рельсовому пути, соединяющему собою: два моря, и многіе важныя торговые пункты;—а во вторыхъ: особенной усердной дѣятельности, на пользу города, нынѣшняго городского общественаго управленія.

---

*) См. тамъ-же, въ пояснительной запискѣ.

ЧАСТЬ IV-я.

Историческія и статистическія записки о го-
родскихъ церквахъ.

ОТДѢЛЪ 1-й

СОБОРНАЯ ЦЕРКОВЬ.

I.

Первоначальное, самое древнее поселеніе города Ромна, находилось на двухъ природныхъ глинистыхъ горахъ къ востоку надъ рѣкою Сулою; гдѣ въ послѣдствіи была построена Успенская церковь и цитадель, для наблюденія за движеніями половцевъ и печенѣговъ, кочевавшихъ за лѣввымъ берегомъ Сулы. Эти горы изрыты въ разныхъ направленіяхъ, очень глубокими погребами которые до сего времени ни кѣмъ не изслѣдованы. Мѣстное преданіе старожиловъ рассказываетъ очень много легендарнаго объ этихъ погребяхъ: есть еще и теперь одинъ старикъ, который лѣтъ около восьмидесяти тому назадъ, когда учился въ школѣ, находившейся въ замку, то часто бывало ходилъ съ своими товарищами—школьниками, въ одинъ изъ этихъ погребовъ находящейся подъ теперешнимъ церковнымъ дворомъ и увѣряетъ, что погребъ этотъ идетъ къ р. Сулѣ; и теперь видно верхнюю часть хода въ этотъ погребъ, съ лѣвой стороны дорожки идущей мимо дома ремесленной утравы къ рѣкѣ; но никто не интересуется открывать этотъ ходъ и пойти въ погребъ. Въ 1889 году, отъ обвала горы весной, открылся тоже ходъ въ другой погребъ, подъ Соборнымъ валомъ, со стороны Виноградовщины, по дорогѣ идущей съ лѣвой стороны теплой церкви, къ рѣкѣ, но и въ этотъ погребъ никто не ходилъ. Затѣмъ около бывшего сотничьяго двора, подъ

дорогою, идущою отъ тюремнаго замка на низъ къ рѣкѣ, открылся случайно тоже въ 1889 г., на глубинѣ 5 арш. отъ настоящей поверхности дороги, изъ двора Концевича очень длинный погребъ, въ который опускались два смѣльчака рабочихъ, но не могли пройти больше 3—4 арш., потому что свѣча и лампа тухли и воздухъ до того былъ удушливый, что изъ отверстія куда они спускались, выходилъ синій паръ.

II.

Еще въ малолѣтствѣ, я слышалъ отъ многихъ стариковъ и старухъ, что подъ Соборною горою и въ замку, гдѣ была цитадель, выкапывали въ старину много денегъ, но нѣкоторые изъ нихъ были будто-бы „заключены“, такъ, что выкопавшій не могъ пользоваться тѣми деньгами! Такъ на примѣръ: въ дворѣ подаренномъ въ 1831 г. Соборной церквѣ, мѣщанкою Феодосіею Майбородиною, жилъ въ двадцатыхъ годахъ, первый мужъ этой Майбородиной—мѣщанинъ Грязь, съ двумя братьями, который случайно выкопалъ въ своемъ дворѣ подъ горою, казанокъ денегъ, и чрезъ то, въ скоромъ времени все мужеское поколѣніе этихъ гряковъ вымерло. Въ 1854 г. одинъ старикъ солдатъ, (отецъ и дѣдъ котораго жили постоянно на пригородкѣ) рассказывалъ между прочимъ, что когда начинали строить каменную Соборную церковь, въ одномъ мѣстѣ, ниже фундамента, открылся такой глубокой погребъ, въ который ни кто изъ рабочихъ не осмѣлился пойти, почему послали туда одного колодника содержащагося въ тюрьмѣ, который долго тамъ ходилъ и по выходѣ рассказывалъ, что видѣлъ тамъ большіе комнаты и въ нихъ много денегъ серебрянныхъ и золотыхъ, и что будто-бы въ одной комнатѣ сидѣлъ за столомъ, очень сѣдой старикъ съ книгою въ рукахъ и сказалъ этому посланцу (колоднику) „тебя послали

„сюда узнать что здѣсь есть“? „Скажи что здѣсь много денегъ, какъ видишь,—что я и самъ деньги! Но только пусть не трудятся копать; этихъ денегъ ни кто не возьметъ, онѣ заклѣтыя.“

Такихъ и подобныхъ сказокъ, много ходило между пригородскими жителями, лѣтъ за сорокъ назадъ, но теперь они уже забыты и ни кто имъ не вѣритъ. Однако и въ наше время, лѣтъ двадцать тому назадъ, одинъ живущій смѣжно съ церковнымъ дворомъ Ф. М. рассказывавъ своемъ дворѣтору, выкопалъ горшокъ денегъ, золотыхъ и серебрянныхъ, изъ которыхъ большую часть укралъ копавшій тогда у него рабочій и не извѣстно куда скрылся; а Ф. М. продалъ остальные, построилъ за нихъ, тамъ-же подъ горою, другой домикъ и до сихъ поръ еще здравствуетъ. Значить деньги тѣ были не заклѣтыя. „Впрочемъ серебрянные деньги онъ выкопалъ не очень старинныя—польскіе злотые XVII-го вѣка, самого низкаго серебра; онъ за нихъ выручилъ что-то не много и ни сколько не заогатѣлъ, а остался прежнимъ Ф. М.

Затѣмъ въ 1856 году, я самъ видѣлъ, когда одинъ изъ жителей города—Андрей Золотаревскій, хотѣлъ было выстроить, на своемъ грунтѣ, въ замку, ниже ремесленной управы домъ; и когда прокопали для фундамента не болѣе аршина глубины, то въ одномъ углѣ, по направленію къ Соборной церквѣ, открылся такой длинный погребъ, что многіе солдаты и рабочіе покушавшіесь пробраться въ него не могли далеко пройти, такъ какъ свѣчи и фонарь тушило и запирало дыханіе. По этому Золотаревскій оставилъ то мѣсто не застроеннымъ, яму засыпали и погреба того ни кто не изслѣдовалъ.

III.

На такихъ подземныхъ ходахъ и погребахъ стояла въ Ромнѣ, съ незапамятныхъ временъ, Успенская де-

ревянная церковь, бывшая уже въ XVII вѣкѣ-- соборною, т. е. главною въ городѣ. Время построенія этой церкви опредѣлить очень трудно, такъ какъ ни какихъ письменныхъ и даже вещественныхъ памятниковъ, старѣе XVII-го вѣка, при ней не осталось. Однѣ только вѣсы и мѣры, принадлежавшіе „издревле“ Соборной церкви, могутъ свидѣтельствовать, что церковь эта существовала едва-ли не отъ самаго крещенія Руси?— Въ журналѣ страницъ, за Ноября 1886 года, помѣщена статья Константина Высоцкого „о церковныхъ старостахъ“ гдѣ между прочимъ сказано: „вѣсы и мѣра, считаеь дѣломъ совѣсти, отданы были, еще въ Римской имперіи, подъ вѣдѣніе церкви гдѣ епископомъ дано „было право участвовать въ выборѣ смотрителей за „вѣсами и повелѣно было сохранять въ церквахъ, подъ надзоромъ епископовъ, мѣры и вѣсы Законод. Мойсея: „III-я книга м. XIX 35—37 V-я книга Мойсея XXV 14—16“

У насъ вѣсы и мѣра были отданы въ вѣдѣніе церкви уставомъ В. К. Владиміра I-го и наблюденіе за ними было поручено тоже епископамъ. Съ того времени, въ каждомъ городѣ, при центральной церкви, хранились образцовые единицы вѣса и мѣры.— А такъ какъ вѣсы существовали при Соборной церкви до 1755 года и принадлежали ей такъ долго, что въ началѣ прошлаго вѣка ни кто даже не зналъ: по какому праву церковь владѣеть ими; то, по этому одному можно предполагать, что они заведены при церкви, современъ В. К. Владиміра. Слѣдовательно и Успенская церковь въ г. Ромнѣ устроена если не въ княженіе Св. Владиміра, то при ближайшихъ его пріемникахъ, когда уставъ о вѣсахъ „по греческимъ номокапонамъ“ соблюдался еще во всей его строгости и не прикосновенности.

IV.

Такъ какъ бывшая Успенская деревянная церковь и вновь выстроенная при ней каменная Сошествія Св. Духа, составляютъ одну приходскую церковь, которая считалась соборною въ городѣ, еще въ XVIII-мъ вѣкѣ, то и описаніе ихъ должно идти не разрывно въ одномъ мѣстѣ.

Не входя въ бесполезныя догадки и предположенія о времени основанія древней Успенской церкви, достаточно сказать, что въ началѣ прошлаго вѣка, она была уже очень старою, и ктитора съ прихожанами собирались реставровать ее, или-же вновь передѣлывать; о чемъ въ 1738 году былъ полученъ какой-то указъ отъ Митрополита Кіевскаго Рафаила Заборовскаго; но потомъ 1740 году, Рафаиль потребовалъ этотъ указъ къ себѣ обратно, и церковь Успенская въ тѣхъ годахъ не почиалась и не передѣлывалась, такъ какъ около нея строилась, или даже была уже вчернѣ окончена новая каменная церковь Сошествія Св. Духа, и пока эта новая церковь отдѣлывалась внутри,—въ 1738—47 г.—Богослуженіе совершалось въ старой Успенской церкви. Затѣмъ когда въ 1747 году, новая церковь была совершенно окончена и освящена, то старая въ 1748 году была продана въ с. Процовку на сносъ, а иконостасъ съ нея остался при Соборѣ; такъ-же всѣ иконы, кресты, Евангелія и прочая церковная утварь поступили въ новую каменную церковь.

V.

Когда именно заложена и на чей счетъ начала созидаться, около древней Успенской церкви, новая каменная во имя Сошествія Св. Духа церковь,—тоже нѣтъ ни какихъ точныхъ свѣдѣній. Хотя въ церковной

описи 1827 года и сказано что „церковь эта заложена „въ 1735 г. коштомъ и пѣдивеніемъ помѣщицы Мавры „Заборовской“, но опись эта не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія, такъ какъ составители ея не только не справлялись ни съ какими церковными дѣлами и бумагами, но помѣнились даже рассмотретьъ церковныя вещи, оставшіяся изъ старой Успенской церкви: а писали опись изъ какого то преданія старожитовъ, что Успенская церковь стояла за 35 саж. къ западу отъ нынѣшней, т. е. на базарѣ гдѣ впоследствии были еврейскіе мѣняльные столики и сгорѣла отъ молнии, а осталось только одно свантелие, „по видимому спасенное отъ пожара“

Такъ вѣрили и утверждали все старыя священнослужители собора, въ томъ числѣ бывшій съ 1830 года, градскимъ благочиннымъ — настоятель собора Протоіерей О. Григорій Діаконенковъ, который по этой же описи повѣрялъ церковное имущество, въ чемъ свидѣлствуютъ многія собственноручныя отмѣтки его въ той описи сдѣланныя въ 1831 и послѣдующихъ годахъ, и который вѣроятно видѣлъ не только Евангеліе, „спасенное отъ пожара,“ а многія книги, ризы, чаши и прочія вещи поступившія въ XVII и въ началѣ XVIII-го вѣка въ старую Успенскую церковь, и потомъ перенесенныя въ новую каменную,—но Богъ знаетъ почему онъ не рѣшился исправить, ни съ чѣмъ не сообразную опись 1827 года. Даже по описи 1843 года, во многихъ мѣстахъ исправленной о. Григоріемъ Діаконенкомъ, записано что „плещь“ гдѣ прежняя существовала церковь, находится нынѣ подъ торговою площадью и чѣмъ за сіе церковь вознаграждена нѣтъ при оной ни какихъ свѣдѣній, а можно думать, что въ замѣнъ сего плеща дано дворовое мѣсто на площади“.—Но почему же хотя мѣсто гдѣ былъ престолъ въ прежней церкви, осталось

ни чемъ не огорожено и святотатственно было занято еврейскими мѣняльными столами, объ этомъ никто изъ священно-служителей Собора ни когда не думали!

Также трудно согласиться относительно устройства, каменной Соборной церкви „коштомъ и издвигеніемъ помѣщицы Мавры Заборовской“. Хотя преданіе объ этомъ старожиловъ, по всей вѣроятности хранилось въ народной памяти, прежде составленія церковной описи 1827 года; но съ чѣмъ и какъ его согласить, когда дѣла и бумаги совсѣмъ противорѣчатъ преданію?? Шокойный о. Стефанъ Терешкевичъ, долго служившій священникомъ въ Соборѣ, рассказывалъ неоднократно такое преданіе, слышанное будто-бы имъ отъ своего отца и дѣда*) что во время шведской войны, когда Петръ I-й былъ провѣдомъ въ Ахтырскомъ монастырѣ, а Карлъ съ Мазепою квартировали тогда въ Ромнѣ, то какой то Игумень, или Архимандритъ Ахтырскаго монастыря, бывшій будто-бы родственникъ помѣщиковъ Заборовскихъ, жившихъ около Ромна, попросилъ ГОСУДАРЯ къ себѣ на завтракъ, во время котораго лакей подавая на подносѣ вино и бокалы, съ испуга-ли, или отъ тяжести упустилъ подносъ и вся бывшая на немъ посуда, разлетѣлась въ дребезги предъ ГОСУДАРЕМЪ; тогда этотъ Игумень не потерявъ присутствія духа,—громко-гласно воскликнулъ: такъ—Великій ГОСУДАРЬ!— да сокрушатся враги Твои, подъ ноги Твоя! Каковымъ предсказаніемъ ПЕТРЪ остался очень доволенъ, былъ во время завтрака въ веселомъ расположеніи, Милостиво разговаривалъ со всѣми; и тутъ-то, Игумень воспользовавшись такимъ удобнымъ случаемъ, началъ просить ГОСУДАРЯ: пощадить Ромень отъ разоренія, ко-

*) Дѣдъ его Трофимъ Терешкевичъ былъ протопопомъ въ Ромнѣ, съ 1780 по 1805 годъ; а прадѣдъ—Стефанъ Терешкевичъ служилъ въ канцеляріи Архіепископа Рафаила повѣтчикомъ въ 1730—40 годахъ.

торое Князь Меньшиковъ готовилъ ему и по выходѣ Карла хотѣлъ привести въ исполненіе т. е. истребить Ромень на всегда. Но по счастливомъ окончаніи войны съ шведами, согласно предсказанію Ахтырскаго Игумена, и по просьбѣ его, ГОСУДАРЬ отмѣнилъ совѣмъ намѣреніе Меньшикова. Въ воспоминаніе этого и въ благодарность Господу Богу, за избавленіе г. Ромна отъ грозившаго ему уничтоженія, Заборовскіе начали будто-бы строить у насъ каменную церковь во имя Соплествія Св. Духа.

IV.

Этому преданію Терешкевичей, въ силу служенія Стефана Терешкевича въ канцеляріи Архіепископа Рафаила, можно бы дать нѣкоторую долю вѣроятія; можно даже допустить, что Архіепископъ Рафаиль, былъ изъ родни помѣщиковъ Заборовскихъ, жившихъ тогда около Ромна—въ селѣ Волковцахъ, хотя въ исторіи, Малороссіи В. Каменскаго и сказано утвердительно что онъ родился въ польской галиціи отъ шляхтича польскаго и матери исповѣдывавшей вѣру греко-россійскую; но можетъ быть и наши Роменскіе Заборовскіе также вышли изъ польской шляхты, это все могло быть. Допустимъ даже, что у Рафаила была сестра Мавра оставшаяся въ дѣвствѣ до старости, посвятившая себя на служеніе Богу и на благія дѣла, которая, какъ гласитъ церковная опись, выстроила „собственнымъ коштомъ“ Соборную церковь, единственно для спасенія свой души. Но здѣсь опять: преданіе Терешкевичей и свидѣтельство церковной описи, очень далеки отъ истины: во первыхъ событіе (уничтоженіе Ромна) и постройка церкви, далеко расходятся годами—шведская война окончилась въ 1709 г., а наша церковь, по завѣренію описи, заложена лишь въ 1735 году; а

во вторыхъ по существовавшимъ въ то время законамъ,*) старосты были только при тѣхъ церквахъ, которыя устраивались обществами: въ городахъ—концами, слободами, улицами и т. п. въ тѣхъ-же приходяхъ, которые образовались около храмовъ построенныхъ на земляхъ частныхъ лицъ, доходами церковными распоряжались, на правахъ частной собственности, строители этихъ храмовъ—помѣщики, вотчинники, или поставляемые ими самими, старосты.

У насъ, при Соборной церкви, какъ изъ церковныхъ дѣлъ видно, было еще съ XVII-го вѣка, по два и по три ктитора, которые выбирались всегда изъ знатныхъ пановъ и утверждались въ этомъ званіи, не духовною а свѣтскою властію—полковникомъ Лубенскимъ Тражъ; въ концѣ шестисотыхъ годовъ, ктиторами при соборѣ были: Янъ Рубанъ, Андрей Мартыновичъ и Григорій Федоровичъ,**) затѣмъ въ началѣ семисотыхъ годовъ, былъ ктиторомъ какой-то атаманъ Федоръ Ласкевичъ, но о другихъ при немъ, изъ дѣлъ ничего не видно. Наконецъ съ 1738 года были уже ктиторами: Роменскій атаманъ Федоръ Лукьяновичъ и бунчуковый товарищъ Андрей Поветика, первый изъ нихъ состоялъ въ этой должности по 1750-й годъ, а послѣдній по 1757-й годъ; такъ что при нихъ строилась, окончена и освящена (въ 1747 г.) каменная Соборная церковь во имя Сочествія Св. Духа.

VII.

Слѣдовательно если бы эта церковь строилась „коптомъ и издивеніемъ помѣщицы Мавры Заборовской,

*) Съ XII-го вѣка и раньше, до изданія въ 1721 г. Духовнаго регламента. См. ст. К. Высоцкаго о церковныхъ старостахъ, въ журналѣ Странникъ, за Ноябрь 1886 годъ.

**) См. надпись на Евангеліи отдѣланномъ въ серебро въ мѣстѣ Ромнѣ въ 1688 году.

то и упомянутых ктиторовъ при ней не было-бы: или по крайней мѣрѣ не было-бы никакой надобности полковнику Лубенскому и счетной комиссiи, требовать отъ ктиторовъ отчета въ расходованiи церковныхъ суммъ. Но тутъ даже было цѣлое дѣло, начатое въ 1762 году по указу Кіевской Духовной Консенсторiи, которымъ требовалось отъ ктиторовъ подробное свѣдѣніе: какъ о доходахъ и расходахъ бывшихъ съ „важницы“ отъ 1738 года, такъ и купчіе крѣпости, или какіе имѣются документы на эту важницу? На что Полетика и за смертію Лукьяновича, сынъ его—войсковый канцеляристъ Петръ Лукьяновичъ, въ доношеніяхъ своихъ посланныхъ въ духовное правленіе, объяснили: „что купчей крѣпости на важницу, ни какой они не имѣли, а сборы съ нея получали по книгамъ выдававшимся имъ изъ войсковой генеральной канцелярiи, и они содержали тѣ сборы по ордеру оной канцелярiи, а выданные имъ книги съ 1738 по 1750 годъ, они представили въ полковную Лубенскую счетную комиссiю, отъ которой имѣютъ и росписки. Весь отчетъ о приходѣ и расходѣ по церквѣ они сдавали ежегодно въ эту комиссiю.“ Этого кажется уже достаточно для доказательства, что Соборная каменная церковь, строилась не на счетъ одной, какой бы то ни было, личности, а на счетъ доходовъ съ важницы существовавшей „издровле“ при главной церквѣ въ городѣ. Можетъ быть, по недостатку сихъ доходовъ церковь эта строилась очень долгое время, можетъ быть она начата постройкою еще въ концѣ ХVІІ-го вѣка, или по крайней мѣрѣ векорѣ по изгнанiи отсюда шведовъ! Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ 1762 году, церковь эта называлась уже старою и требовала большой ремонтировки; что какъ объясняли ктиторовы и прихожане „крыша на ней совсѣмъ обветшала и стропила погнили, отчего и течь въ церквѣ, сквозь

склепъ не малая бываетъ:*) чего ни въ какомъ случаѣ не могло быть въ теченіи какихъ нибудь 15 лѣтъ (она окончена въ 1747 году), а должно быть церковь эта, до 1762 года, существовала по крайней мѣрѣ около пятидесяти лѣтъ (да и то строила врядъ-ли могли погнить) тогда нѣсколько можно согласиться съ преданіемъ Терешкевичей что она начала строиться сей часъ по окончаніи шведской войны и можно допустить, что въ построеніи ея участвовали, чѣмъ нибудь наны Заборовскіе, жившіе въ Волковцахъ и имѣвшіе свой дворъ въ городѣ.

Но все таки это однѣ догадки, основанныя на преданіи, а въ дѣлахъ церковныхъ нѣтъ ни какихъ свѣдѣній о Заборовскихъ, и хотя дворъ ихъ былъ въ городѣ, но онъ находился на самомъ вывѣдѣ изъ города въ с. Прововку, и въ немъ помѣщалось шинное заведеніе,**) а они сами въ городѣ не ждали и въ числѣ Соборныхъ прихожанъ не состояли. По этому: разъяснить ничемъ не доказанное преданіе занесенное въ церковную опись 1827 года, и согласовать его съ выше приведенными доказательствами, или же совсѣмъ отвергнуть можно только посредствомъ вскрытія мѣста закладки церкви, если въ основаніи его положена требуемая церковнымъ уставомъ, доска съ обозначеніемъ года основанія и лицъ участвовавшихъ въ этомъ. Наконецъ подлинный указъ Митрополита Рафаила Заборовскаго посланный изъ Кіевской кафедральной канцеляріи, отъ 19 Іюня 1747 года за № 631 на имя протопopa Роменскаго Павла Свѣта, объ освященіи вновь выстроенной каменной церкви Сошествія Святаго Духа,

---

*) Дѣло въ церковномъ архивѣ о починкѣ старой Соборной церкви Сошествія св. духа, 1762 года.

**) См. книга «Сулимовскій архивъ» изд. А. Лазаревскаго, Кіевъ 1884 г. стр. 273-я.

совершенно отнимаетъ всякую вѣру въ преданіе занесенное въ опись 1827 года, какъ объ устройствѣ церкви „единолично“ Маврою Заборовскою, такъ и освященіи ея „персонально“ Рафанломъ Заборовскимъ. Изъ этого указа видно, что благословеніе Архипастыря на освященіе новой церкви испрашиваютъ: полковникъ Лубенскій Петръ Апостоль какъ главный начальникъ г. Ромна и за тѣмъ протопопъ и ктиторы Соборные—Полетика и Духъиновичъ; но ни въ прошеніяхъ этихъ лицъ, ни въ указѣ Митрополита, нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что церковь эта строилась какимъ нибудь отдѣльнымъ благотворителемъ. Такъ равно и освящалась она не „персонально“ самымъ Митрополитомъ, а по уполномочію его протопопомъ Павломъ Свѣтомъ.

VIII.

По совершенномъ окончаніи и освященіи (въ 1747 г. новой каменной церкви Сочествія Св. Духа, старая—Успенская была разобрана и дерево съ нея продано въ с. Процовку, для постройки тамъ, на мѣсто сгорѣвшей въ началѣ семисотыхъ годовъ, отъ молніи, церкви Св. Апостоль Петра и Павла. А иконостасъ съ бывшими на немъ иконами, согласно ходатайства ктиторовъ и прихожанъ, по разрѣшенію Митрополита Кіевского Тимофея Щербатцаго, пристроенъ на хорахъ, съ правой стороны въ придѣлѣ во имя Св. Великомученицы Варвары, гдѣ былъ сдѣланъ вновь только одинъ престолъ, на который тогда же присланъ отъ Митрополита Священный Алтиминсъ*). Вѣроятно вмѣстѣ съ устройствомъ на хорахъ придѣльнаго престола, былъ

---

*) Въ церковной описи 1843 года написано, что иконостасъ сей не извѣстно когда и кѣмъ устроенъ; въ 1860 году иконостасъ этотъ, по ветхости, былъ разобранъ и сложенъ на сводахъ подъ крышею, выше хоръ, куда есть свободный ходъ внутри стѣны и на мѣсто его устроенъ новый иконостасъ столбчатой работы, безъ всякихъ рѣзныхъ украшеній, который существуетъ по нынѣ.

сооруженъ внизу подъ нимъ кіотъ для иконы Святой Великомученицы Варвары, рѣзныя украшенія котораго по своей старинѣ, имѣють много сходства съ иконоста-сомъ, бывшимъ въ Успенской церквѣ*).

IX.

Деревянная Успенская церковь существовала съ незапамятныхъ временъ, въ древней, уничтоженной только въ концѣ прошлаго вѣка, крѣпости города Ромна, гдѣ сосредоточивалась тогда вся городская дѣятельность и гдѣ съ самаго основанія города производилась всякая мѣстная торговля. Въ самой отдаленной древности еще во времена идолопоклонства, всякія народныя сборища, игры, мѣна и продажа производились въблизи идольскихъ капищъ; а со времени введенія христіанской религіи, съ устройствомъ церквей, при нихъ начала производиться торговля, сначала съѣстными припасами и самыми необходимыми житейскими потребностями, мѣстнаго произведенія; а затѣмъ съ умноженіемъ народонаселенія и съ разширеніемъ круга его потребностей, тутъ-же производилась торговля всякими вообще привозными товарами. И такъ какъ торговые вѣсы и мѣры, во всемъ государствѣ по уставу Великаго Князя Владиміра I-го изданному имъ вскорѣ по принятіи христіанской религіи, были предоставлены въ пользу церкви, то изъ этаго видно, что Успенская церковь считалась, съ самаго давняго времени, главною или центральною въ городѣ; (а вѣроятно всею она была здѣсь единственною чуть-ли не до начала XVII вѣка) и потому при ней „издревле“ находились образцовые вѣсы и мѣры, необходимые при всякой торговлѣ. Кромѣ ежедневныхъ мѣстныхъ базаровъ, производив-

*) Въ церковной описи 1843 года отмѣчено, что кіотъ этотъ обновленъ отъ добрыхотныхъ дателей въ 1838 году.

шихся при Успенской церкви, начали впоследствии собираться, въ определенное время, особые значительные торги, или ярмарки, которые можно полагать установились здѣсь тоже въ давней старинѣ, потому что уже въ шестисотыхъ годахъ, многіе цаны и торговые люди, на перебой старались пріобрѣтать мѣста на рынокѣ около Соборной церкви, гдѣ въ то время были „торговые коморы“ т. е. лавки.*) А въ началѣ прошлаго вѣка, особенно по окончаніи шведской войны, на Роменскіе ярмарки были уже большой съѣздъ иногороднихъ торговцевъ изъ Москвы, Тулы, Казани, Крыма и другихъ мѣстъ, изъ которыхъ многіе, завлекаемые выгодами ярмарокъ, пріобрѣтали здѣсь лавки и дворы и оставались на всегда въ Роменскомъ купечествѣ.

При такой большой ярмарочной торговлѣ, безъ сомнѣнія былъ значительный доходъ для церкви, какъ съ вѣсовъ и мѣръ, такъ и отъ частныхъ пожертвованій.

И потому священнослужители и ктиторы соборные, по продажѣ на сносъ старой деревянной церкви, сейчасъ начали заготовлять матеріалъ для устройства каменной теплой церкви съ колокольною при ней: а 29 Іюня 1751 года, съ разрѣшенія Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго и Галицкаго—Тимофея Щербатцаго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько вѣковъ стояла старая Успенская церковь, „дабы оное не было праздно и попираемо“ они заложили и начали строить новую церковь, въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы, по плану возвыщавшейся надъ нею колокольни, сходному съ среднимъ куполомъ, выстроенной уже церкви Сошествія

*) Въ дѣлѣ объ устройствѣ большого гостиннаго двора, была одна купчая крѣпость 1725 года, въ которой между прочимъ было записано показаніе одного свидѣтеля какъ лѣтъ тридцать тому назадъ панъ Воротелякъ продавалъ свою торговую комору, бывшую въ городѣ на рынокѣ.

Св. Духа*). При этой постройкѣ священнослужители и ктиторы соборные, въ видахъ извлеченія большихъ доходовъ, обратили особое вниманіе на устройство подъ новою церковію, какъ и подъ состроенною уже—большихъ деховъ или кладовыхъ, удобныхъ для храненія купеческихъ товаровъ, отъ этого должно быть постройка замедлилась, а съ отобраниемъ въ 1755 году вѣсовъ и мѣръ, совѣмъ пріостановилась; такъ что едва только въ 1780 году постройка была окончена вчернѣ и церковь съ колокольнею была кое-какъ покрыта деревомъ (гонтомъ) и занималась съ устроенными подъ нею лежами для склада купеческихъ товаровъ.

Х.

Какъ были велики доходы отъ „ваяницы“ въ древніе времена сказать не возможно, потому что при церкви не осталось ни книгъ ни отчетовъ объ этихъ доходахъ; но судя потому что еще въ XVII-мъ вѣкѣ, кромѣ духовенства, уполномоченнаго закономъ имѣть прісмотрѣ за вѣсами и мѣрами—было при Успенской церкви по три ктитора, избираемые изъ почетнѣйшихъ прихожанъ, которые утверждались въ этомъ званіи полковникомъ Дубенскимъ и отчетовались предъ полкового комиссіею въ доходахъ и расходахъ церковныхъ,—можно полагать что доходы эти были по тогдашнему времени, очень значительны. А въ половинѣ XVIII вѣка, доходы эти увеличились на столько, что по указу Правительствующаго Сената отъ 14 Октября 1748 года, велѣно было Глинскому сотнику Антону Крыжановскому:

---

*) Колокольня эта возвышалась по среднѣ вышнней теплой церкви, стѣны которой остались съ 1751 года, безъ измѣненія. Она утверждалась на особой широкой аркѣ, занимавшей собою большую половину церкви, ходъ въ церковь былъ тогда сбоку противъ сѣвернаго притвора большой церкви, а нынѣшній передній притворъ теплой церкви былъ занятъ всегда складомъ товаровъ и открывался только на особый годъ, въ день Храмового праздника Святого Василія Великаго.

изъ числа ваговыхъ денежныхъ сборовъ сколько ихъ въ Ромнѣ, съ 1748 года будетъ собираться отдавать ежегодно половинную часть на устройство Соборной Троицкой церкви въ гор. Глуховѣ. Слѣдовательно сборы эти были уже такъ значительны, что только изъ половинной части ихъ, въ теченіи семи лѣтъ (до времени отобранія отъ церквей) могла построиться въ г. Глуховѣ церковь, и что за отобраніемъ сихъ сборовъ отъ церквей, былъ нанесенъ такой ущербъ доходамъ церковнымъ, что починка старой и окончаніе новой теплой церкви Собора приостановилась на долгое время.

Кромѣ доходовъ съ вѣсовъ и мѣръ, Соборная церковь имѣла много зажиточныхъ прихожанъ, особенно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, когда здѣсь, въ крѣпости, жили всѣ знатные и богатые даны и вмѣстѣ съ тѣмъ производилась всякая—мѣстная и ярмарочная торговля.

Прихожане также заботились объ украшеніи и поддержаніи въ подобающемъ благолѣпін, своей приходской церкви и кромѣ обыкновенныхъ прихожанскихъ подаваній дѣлали по временамъ нѣкоторыя болѣе значительныя пожертвованія. Одно самое старинное изъ такихъ пожертвованій, оставшееся до нашего времени, есть Евангеліе Львовской печати 1614 года, подробно описанное на стр. 49 историко-статистическаго описанія Собора, изданнаго въ 1887 году; но тамъ между прочимъ сказано что надпись по листамъ, на этомъ Евангеліи, сдѣлана такъ не разборчиво и не понятно что нельзя ничего прочесть. Въ настоящее время надпись эта, благодаря усердію учителя исторіи Роменскаго реального училища *Θ. Д. Николайчика*, вся разобрана и переведена, и я считаю необходимымъ, для увѣковѣченія этой надписи, привести ее здѣсь подробно безъ всякаго измѣненія, въ томъ самомъ видѣ, какъ она сдѣлана отъ стр. 15 съ нѣкоторыми промежутками, до 83.

„Сыя книга глаголемая Евангеліе отмѣни раба Бжїя Марья Омельяновна з мужемъ своимъ Демьяномъ Щербыною, козакомъ войска его Кр. млосты запорожскаго и нада на церков пренасвентили Бцы в Ромнѣ в року А Х Л Е. Молю оцѣ і братыя ащебы былъ якій не порядокъ в церквѣ волно будетъ потомкови моему сыну моему луб доцѣ мойей луб зятю моему взят с церкви и отдатъ где ея имъ вподобаеть. И если бы ея що колъ векъ зопсовало повини дѣты мои по смерты моей изъ своей худобы направити а иншый нѣхто не маеть справы до того а нѣ попъ а нѣхто иншый если крєвни мои. Зас если бы хто мѣлъ ей украсты албо безвѣдома отдалитъ от церкви нехай будетъ проклятъ первимъ Соборомъ Ныкейскимъ от святыхъ оцѣ анагема арыя несторія Савелія и проч. і розсудитъ за мною на ономъ свѣты пред не лицемѣрнымъ судыю.“

Но Евангеліе это, по прошествіи двухъ столѣтій, было совершенно „запсовано“ и по описи 1843 года, его уже небыло въ числѣ церковнаго имущества. Оно найдено случайно въ числѣ старыхъ архивныхъ дѣлъ поллуизгнившемъ простомъ перендѣтѣ.

*) Переводъ этой надписи: сыя книга глаголемая Евангеліе. Отмѣни *) раба Божїя Марья Омельяновна, з мужемъ своимъ Демьяномъ Щербыною, козакомъ войска его Кр. млосты Запорожскаго, і нада **) на церков пренасвентил Бцы въ Ромнѣ, в року 1635. Молю отцѣ и братыя, ащебы былъ якій не порядокъ в церквѣ, волно будетъ потомкови моему сыну моему луб †) доцѣ мойей луб зятю моему—взят с церкви і отдатъ, где ся имъ вподобаеть; і если бы ся що-коль век †) зопсовало, повинни дѣты мои по смерты моей изъ свои худобы направити, а иншый нѣхто не маеть справы до того, а нѣ попъ, а нѣхто иншый. Если крєвни и †) мои зас †) еслибы хто нѣмѣлъ ей у красти албо безвѣдома отдалитъ отъ церкви, нехай будетъ проклятъ первини, соборомъ Ныкейскомъ от святыхъ отецъ; анагема-Арыя Несторія, Савелія і проч., і розсудитъ за мною на ономъ свѣтѣ пред не лицемѣрнымъ судыю.

1) Отмѣни*отъ стариннаго маго русскаго глагола «отмѣнати значить завѣщать отказать»

2) «Нада»—«надоти» славян. формъ.

3) «Луб. люб.» албо—польск. слова (lub, also) значить или.

4) «Що-коль-вѣкъ-польск. слово (sokolwiek) значить что ибудь.»

5) «Крєвни» тоже польск. слово (krewny)—родственникъ.

6) «Зас» тоже польск. (Saz) знач.-же»

Въ 1882 году оно отдѣлано на церковный счетъ въ серебро и теперь какъ памятникъ старины хранится на престолѣ въ Успенскомъ придѣлѣ теплой церкви*).

Много такъ же осталось разныхъ Богослужебныхъ принадлежностей—иконъ, ризъ и проч. поступившихъ въ Успенскую церковь въ XVII вѣкѣ, а можетъ быть еще раньше, но особенно драгоценнаго и замѣчательнаго чѣмъ либудь ни чего не имѣется; а главное что на всѣхъ по видимому очень старыхъ вещахъ, нѣтъ ни какихъ надписей о времени ихъ приобрѣтенія или пожертвованія и потому неизвѣстно въ какое время дѣлались эти вещи.

XI.

Въ прошломъ столѣтїи, было при Соборной церквѣ много знатныхъ и богатыхъ жителей и прихожанъ. Вблизи самой церкви на валу, называемомъ до сихъ поръ, „великимъ дворомъ“ въ большомъ каменномъ домѣ жилъ еще въ шестидесятыхъ годахъ ясновельможный генераль-ный обозный Андрей Марковичъ Маркевичъ, который по смерти своей въ 1748 году погребенъ въ этой церквѣ, съ правой стороны по направлению къ алтарю, подлѣ супруги своей Анны Ивановны, умершей раньше его—въ 1743 году. Впослѣдствїи въ этомъ же домѣ жили нѣкоторые сыновья его и потомъ внуки. Вокругъ церкви и по нынѣшнимъ Никольской и Духовской улицамъ; бывшимъ тогда совершенно въ другомъ видѣ; жили самые почетные прихожане Собора. Изъ оставшейся при церковныхъ дѣлахъ одной вѣдомости, доставленной по указу Кїевской консисторїи 3 Июня 1761 года,

*) Достоѣно примѣчанїя, что, потомство козака Щербинны сохранилось до настоящаго времени въ числѣ Соборныхъ прихожанъ. Въ пятидесятыхъ годахъ жилъ еще на Випоградовщинѣ замѣчательный старикъ, слышій между сосѣдами за какаго-то предсказателя Михаилъ Щербина, который долго служилъ ходокомъ въ козацьемъ обществѣ и былъ очень богомольный и усердный въ церквѣ; а теперь также живутъ его внуки, никому не извѣстные какъ бѣдные люди.

видно что въ Соборномъ приходѣ было тогда: настоящихъ дворовъ прихожанъ 56, въ нихъ душъ мужскаго пола 119, женскаго 103, наемныхъ дворовъ 10, въ нихъ мужскаго пола 41 и женскаго 41 д. подсухѣдовъ разныхъ владѣльцевъ 36 дом. въ нихъ душъ мужскаго пола 83,—женскаго 100. бездворныхъ хатъ 7,—въ нихъ мужскаго пола 18 и женскаго 23 души. Въ числѣ прихожанъ значатся за это время (1760-80 г.) полковникъ Андрей Маркевичъ, генералъ—Гевалдигеръ Михаилъ Левандовскій, поручикъ—князь Давидъ Шаликовъ, полковникъ Дубенскій писарь Петръ Лукьяновичъ, бунчуковскій товарищъ Андрей Полетика, Косьма Полетика. Иванъ Бѣлогрудъ, Григорій Михальскій, Григорій Андрианопольскій и много другихъ значковыхъ и войсковыхъ товарищей, а такъ-же вдова сотника Роменскаго Ивана Андреевича Маркевича—Марфа Семеновна, домъ которой былъ на противоположенной отъ валу горѣ, названной послѣ „подзолочиною“ (гдѣ теперь казармы уѣздной команды.) Всѣ эти пань—прихожане, жили здѣсь и имѣли лавки и торговые коморы, до переезда въ 1804 году, Ильинской ярмарки за городъ на выгонъ, и ктиторы Соборные въ шестисотыхъ и семисотыхъ годахъ, всегда были изъ этихъ же знатныхъ пановъ.

По этому то причтъ Соборный, состоявшій изъ протопопа, двухъ іереевъ, діакона и дьячковъ, былъ всегда доволенъ своимъ приходомъ, что можно видѣть изъ прошенія о разрѣшеніи постройки на мѣсто деревянной Успенской церкви—новой каменной съ колокольней подъ нею, въ которомъ священно-служители Собора, между прочимъ объясняли Митрополиту, что опредѣленія руги имъ ни какого не имѣется, а довольны они будутъ обыкновеннымъ прихожанскимъ подаяніемъ. Можетъ быть и теплая Успенская церковь съ

колокольнею, оконченная вчернѣ въ 1780 году, не отдѣльвалась внутри не столько по недостатку средствъ, сколько по расчетамъ, что бы собирать съ нея доходъ за складъ товаровъ, такъ какъ ранніе обѣдни можно было, съ 1751 года, отправлять на хорахъ, то не было особой надобности спѣшить съ окончаніемъ другой церкви, которая между тѣмъ была очень необходима для склада товаровъ и разныхъ домашнихъ пожитковъ, самихъ прихожанъ.

Изъ церковныхъ дѣлъ видно, что въ прошломъ столѣтіи, не только всѣ погреба, подъ обоими церквами и теплая церковь, были заняты подъ складъ товаровъ и вещей, но такъ-же въ притворахъ большой церкви и въ самой ризницѣ—въ алтарѣ складывались иногда чужіе пожитки для храненія.

Въ 1770 году, изъ за такого храненія было одно тяжкое дѣло между Соборнымъ причтомъ и однимъ изъ знатныхъ прихожанъ Собора—Полетиковоу. Сынъ Соборнаго прихожанина—грузинскаго князя Давида Шаликова, поручикъ князь Матвѣй Давидовичъ, отправляясь въ походъ, поставилъ для храненія, въ ризницѣ большой церкви, сундукъ, не извѣстно съ какими вещами, запертый и запечатанный его печатью. А когда этотъ Матвѣй Шаликовъ въ походѣ, вскорѣ послѣ того умеръ, то мать его вдова княгиня Анна Шаликова просила священниковъ Соборной церкви: Даниила Базилевскаго и Павла Яновскаго, отдать ей тотъ сундукъ, но они потребовали за храненіе его боольшую плату, на которую Шаликова не согласилась и подала жалобу въ духовное правленіе, что бы оно предписало Соборнымъ священникамъ возвратитъ ей сундукъ съ имуществомъ умершаго сына ея; но Базилевскій и Яновскій объяснялись духовному правленію, что они ни какого вознагражденія, за храненіе сундука въ церквѣ,

съ княгини не требовали, а говорили только чтобъ она „не обидѣла ихъ“ въ томъ смыслѣ, что какъ сундукъ этотъ принадлежить не ей, а сыну ея, то чтобы послѣ не пришлось имъ отвѣчать за чужія вещи. Это было въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1770 года, а 25 Сентября того-же года, вѣроятно по просьбѣ Шаликовой, жившій недалеко отъ Соборной церкви, — отставной премьеръ—маіоръ Косьма Андреевичъ Полетика, насильно унесъ тотъ сундукъ изъ церкви, къ себѣ домой, употребивъ при этомъ такую хитрость: попросилъ Іерея Яновскаго, совѣмъ бывшимъ въ церквѣ причтомъ, отправить великую панихиду (неизвѣстно покомъ) не внутри церкви, а въ притворѣ съ правой стороны (откуда въ алтарь ничего не видно), и когда начали служить панихиду, Полетика выпустилъ черезъ пономарню въ алтарь, четырехъ человекъ своихъ людей, а стоявшаго тутъ церковнаго сторожа—Грицька Голоту,—схватилъ собственно-ручно за грудь, сказалъ „молчать не пѣснуть“ велѣлъ своимъ людямъ вытащить сундукъ изъ ризницы по за престоломъ на пономарню и отнести его къ себѣ домой. За это „гвалтовное захваченіе“ вещей изъ церкви, Базилевскій и Яновскій, жаловались духовному правленію, но неизвѣстно чѣмъ дѣло кончилось, а сундукъ все шѣмъ попрежнему дѣлался гдѣ-то у Шаликовой.

ХІІ.

Въ прежнее время, весь доходъ за складъ въ лавкахъ подъ церквами, товаровъ и вещей и за существующіе на погостѣ церковномъ лавки и разныя торговыя помѣщенія, поступалъ исключительно въ пользу церкви. Но съ переводомъ Ильинской ярмарки отъ Соборной церкви на лавку въ 1825 году, вокругъ которой каменной оградой, когда вся торговля была отъ церкви и лавки только въ рѣдкихъ случаяхъ

занимаемы подъ складъ купеческихъ товаровъ, то въ тридцатыхъ годахъ, по распоряженію Преосвященнаго Гедеопа Архіепископа Полтавскаго и Переяславскаго, доходъ за наемъ этихъ леховъ, предоставленъ въ пользу Соборнаго причта; и современи перевода Ильинской ярмарки въ Полтаву, лехи нанимаются для склада товаровъ только мѣстными базарными торговцами—граммарами и сапожниками, и дохода съ нихъ получается не болѣе 160—180 рублей въ годъ.

ХІІІ.

Въ прошломъ столѣтіи, при каждой церкви въ городѣ, были обязательно церковныя школы и шпитали для нищихъ. Эти благія учрежденія заведены, по всей вѣроятности, со времени изданія ГОСУДАРЕМЪ ПЕТРОМЪ I-мъ духовнаго регламента и инструкціи церковнымъ старостамъ, въ основаніи которой была первая идея: что имѣнія церковныя—*„имѣнія нищихъ суть“*. И тогда же предписано было: „при каждой церкви устроить богодѣльни для пріюта нищихъ, которыхъ и кормить тамо, сообразно съ доходами каждой церкви“. Потомъ указами Св. Синода: отъ 28 Февраля 1721 года, 14 Декабря 1722 года, и 9 Января 1723 года, вполнѣ разъяснена обязанность церковныхъ старостъ. На нихъ главнымъ образомъ была возложена продажа церковныхъ свѣчъ, устройство богодѣленъ и вообще попеченіе о церковномъ имуществѣ*). Последнимъ изъ этихъ указовъ разъяснено: „что восковыя свѣчи будутъ до „святыхъ церквей, на potreбы имамаы, отъ настоятелей „тѣхъ церквей, черезъ выборныхъ старостъ, и приподо „ждаемое употребляемо будетъ по указу въ построеніи „при церквахъ, для нищихъ—богодѣленъ“.

---

*) Всѣ эти указы хранятся въ церковномъ архивѣ.

XIV.

Но эти указы Св. Синода, начали исполняться не скоро послѣ ихъ изданія и при нѣкоторыхъ церквахъ исполнялись не охотно, или совсѣмъ не исполнялись почти до восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтїя, что видно изъ многихъ дѣлъ духовнаго правленїя; потому что до изданїя этого закона, свѣчи въ церквахъ продавали супруги священниковъ и ихъ вдовы такъ точно какъ и просфоры, съ полученїемъ „приполагаемаго“ въ свою пользу, что дѣлалось, между прочимъ съ разрѣшенїя духовнаго правленїя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самаго Митрополита*). Школы же и шпитали, хотя были открыты, при каждой церкви, но они содержались почти на свои средства. На церковный счетъ были только устроены кой-какія хаты для ихъ помѣщенїя, затѣмъ въ школѣ жилъ дячень, который занимался обученїемъ дѣтей, взимая за право ученїя условленную плату—въ свою пользу; а шпиталь предназначенный для приюта нищихъ жалкихъ и увѣчныхъ, не способныхъ къ работамъ, содержался на счетъ подаенїя нѣкоторыхъ благотворителей и на счетъ милостыни которую по Субботамъ и праздникамъ ходили собирать нищїе, жившіе въ томъ приютѣ, по назначенїю особаго старосты распорядившагося надъ ними и надъ всѣми ихъ сборами. Шпиталь былъ устроенъ въ замку, гдѣ

---

*) Въ архивѣ духовнаго правленїя есть два дѣла 1747 и 1748 года, какъ въ Покровской церкви, изъ за свѣчной продажи, бился двѣ попадьи и есть жалоба Іерея Якова Мулгинскаго, поданная въ духовное правленїе 22 Октября 1748 года, объ обидѣ нанесенной въ церкви его женѣ, вдовствующею попадьею Васильевою. Жалоба эта приложена при описанїи Покровской церкви. Затѣмъ есть дѣло въ 1722 г. о недоущенїи попадьею Ивановою, попадьи Иоаннимоной, къ продажѣ свѣчъ, въ Покровской церкви с. Медвежьяго; и есть грамота Митрополита Кїевского Арсенїя Могилянскаго отъ 9 Марта 1761 года, данная на имя протопопа Роменскаго Константина Крыжановскаго, которою свѣчная продажа въ Велико-Зубовской Благовѣщенской церкви, представлена въ пользу вдовствующей протопопшѣ Феодосїи Свѣтловой.

была цитадель² и существовать тамъ до устройства Богоугоднаго заведенія. Мѣсто это въ прошломъ столѣтїи считалось городскимъ, но вѣроятно по случаю постройки на немъ—церковью, дома, подѣ помѣщеніе шпиталія; оно въ 1826 году, было подарено генералъ-губернаторомъ княземъ Рѣпиннымъ, на всегда въ пользу церкви. Изъ описи 1827 года видно, что въ томъ году, въ строенїи бывшемъ подѣ шпиталемъ, состоявшемъ изъ трехъ ветхихъ избъ, въ одной связи, покрытыхъ дранью, проживалъ уже Соборный діаконъ Герасимъ Григоренковъ съ семействомъ.

XV

А церковная школа при Соборѣ, устроена по всей вѣроятности, въ то время когда Богослуженіе было совершаемо еще въ старой Успенской церкви, т. е. до 1747 года. Это доказывается тѣмъ, что она стояла не далеко отъ этой церкви, къ сѣверу надѣ оврагомъ Виноградовщиною, гдѣ теперь рыбные лавочки. Изъ церковной описи 1827 года видно, что школа была о трехъ избахъ (т. е. три комнаты) и уже въ то время была ветхая; подѣ нею считалось церковной земли 220 квадратныхъ саж., но мѣсто это не было ни чемъ огорожено, а просто она стояла на базарѣ. И еще въ 1804 г., при переводѣ Ильинской ярмарки отъ Собора на выгонъ, по распоряженію князя Куракина, было отведено въ вознагражденіе церкви за это мѣсто, предназначенное къ очисткѣ подѣ базарную площадь, другое, гораздо большее мѣсто, противъ Московскаго гуртоваго ряда; но все таки школа существовала при церквѣ до 1846 г., когда по совершенной ветхости она оказалась не способною для жительства дьячка и когда для этого устроенъ былъ новый домъ, на счетъ церковныхъ суммъ, въ дворѣ подаренномъ въ 1831 году мѣщанкою Феодо-

сією Майбородиною, тоже недалеко отъ церкви подъ горою.

Въ этомъ новомъ домѣ, по заведенному съ прошлаго вѣка порядку, тоже жилъ одинъ изъ дьячковъ Соборныхъ и содержалъ школу, въ которой обучались дѣти Соборныхъ прихожанъ обоего пола—первоначальной славянской грамотѣ. Никакой программы для церковныхъ школъ тогда не существовало, никакого контроля надъ ними не было, развѣ только однажды въ годъ посѣщали школу настоятель Собора, и то изъ одного любопытства, такъ какъ тогда ни какихъ отчетностей о церковныхъ школахъ никому не доставлялось. Предметы преподаванія были: славянская грамматка, псалтырь или часословъ и писанье. Срокъ ученія не опредѣлялся ни какимъ временемъ, учились ежедневно, въ теченіи всего года, кромѣ праздниковъ, съ утра до 12 час. и послѣ обѣда съ 2 час. до вечера. За каждый предметъ науки былъ особый договоръ родителей ученика съ дьячкомъ; такъ напримѣръ: за грамматку назначалась плата 2 руб., за псалтырь, или часословъ 4 руб., за писаніе на одной только доскѣ разведеннымъ мѣломъ 2 руб., а если кто желалъ учиться писать и на бумагѣ, то платилось 4 р. Но эта плата уменьшалась дьячкомъ, если по окончаніи каждаго предмета, науки, давалось родителями „каша“ на которую приглашались всѣ ученики и которая всегда, обходилась гораздо дороже условленной за право ученія. Платы, но для дьячка, была очень выгодна, такъ какъ кромѣ хорошаго угощенія, ему на верхъ каши обязательно полагался подарокъ—хорошій шелковый платокъ на цсю и деньги, кофеекъ 50, а иногда и больше, смотря по состоянію родителей ученика. Были такіе ученики, которые учили одну грамматку болѣе года и учили не на изусть, а что бы только могъ прочитать изъ книжки „по верхамъ“ а выучивши грамматку,

ни одинъ ученикъ не могъ читать какой нибудь другой книги, напимѣрь хоть псалтыря, не смотря на то, что тамъ такія же точно славянскія буквы и титлы. Отговорка была та, что онъ этого еще не училъ и потому не обязанъ читать. А писать или читать скоропись, прежде окончательнаго изученія грамматики и псалтыря, ни кому даже не дозволялось. Такой тогда былъ методъ преподаванія грамоты въ церковныхъ школахъ.

За то—исполненіе религиозныхъ обязанностей и правила нравственности, преподавались тогда несравненно лучше, чѣмъ въ настоящее время преподаются въ свѣтскихъ училищахъ. Тогда каждому вновь поступившему въ школу ученику, учитель дьячекъ, прежде всего дѣлалъ наставленіе, чтобы онъ ежедневно, утромъ и вечеромъ молился Богу, соблюдалъ всѣ посты, среды и пятницы, безприкословно повиновался родителямъ и всѣмъ старшимъ себя оказывалъ бы должное почтеніе. Такъ бывало если на дорогѣ повстрѣчается какой-бы то ни было старикъ, или старуха, то ученикъ долженъ снять шапку и поздравляться, хотя бы они были совершенно ему не знакомы. Передъ священникомъ или учителемъ, не только повстрѣчавшимся дорогою, каждый снималъ шапку, за нѣсколько шаговъ и кланялся; но даже проходя мимо оконъ квартиры ихъ долженъ былъ идти безъ шапки, хотя—бы учитель и не смотрѣлъ въ окно.

Каждое Воскресенье и праздникъ ученики церковной школы и духовнаго училища, обязаны были являться въ церковь, по первому благовѣсту, до начала Богослуженія, не смотря ни на какую погоду. А заутреня тогда, въ Воскресенье и праздничные дни начиналась всегда, лѣтомъ и зимою въ 4 часа утра; и если иногда, кто нибудь особенно изъ учениковъ духовнаго училища, опоздалъ къ заутрени, или стоя въ церквѣ

разговаривалъ съ кѣмъ нибудь, или шалѣлъ, то о такихъ „аудиторъ“ обязанъ былъ подавать инспектору записку и на другой день ихъ не щадно наказывали розгами.

Духовное училище помѣщалось въ частныхъ домахъ,—съ сороковыхъ годовъ въ домѣ ректора того училища Протоіерея Горуновича, а ученики извартировали тожь въ разныхъ домахъ, и бывало противъ праздника, они ложатся спать одѣты и обуты и очень просятъ своихъ хозяевъ, что бы по первому звону ихъ будили, что бы непременно поспѣть въ церковь до начала Богослуженія.

XVI.

Богослуженіе въ Соборной церкви, въ старыя годы, совершалась очень торжественно. Въ большіе праздники служили всегда: Протоіерей и два священника, при двухъ діаконахъ. Дьячки были очень способные въ чтеніи и пѣніи, и на клиросѣ всегда, кромѣ двухъ дьячковъ было человекъ по 6—10, любителей пѣнія—изъ прихожанъ, которые за ученіе ихъ церковному пѣнію и за право пѣть на клиросѣ, часто давали дьячкамъ подарки: въ особенности за право прочитать парамей на утрени, или Апостола на Литургіи, нѣкоторые любители очень щедро платили дьячку. Тогда много было страстныхъ охотниковъ къ церковному чтенію и пѣнію; особенно нѣкоторые купцы любившіе похвастать своимъ басомъ, среди церкви, на перебой одинъ передъ другимъ захватывали и прятали подъ полы книгу Апостоль. Каждое Богослуженіе совершалось не сиѣшно и умиительно: догматикъ Богородичень на утрени и великое славословіе всегда выходили пѣть среди церкви, также шестопсалміе и псалтырь ни когда не читали на клиросѣ, а среди церкви. Въ буденные дни, когда слу-

жить одинъ священникъ,—другіе священники и оба діаконы обязаны были стоять на клиросѣ: пѣть и читать. Бывшій съ 1830 по 1866 годъ настоятель Собора—благочинный о. Григорій Діаконенковъ, не смотря ни на какую погоду и на свои занятія по должности законоучителя уѣзднаго училища, самъ ежедневно посѣщаль церковь и строго наблюдать, что бы каждый день не упустительно отпразднелись: полунощница, утренняя, обѣдня и вечерня, и что бы при каждой службѣ были непременно всѣ причетники на лицо; если который бывало опоздаетъ на полунощницу, или вечеромъ не явится почему либо на вечерню, то подвергался строгому взысканію, и дьячки часто были за сіе поклонны среди церкви. За то и людей тогда, въ праздники и воскресные дни, была всегда полная церковь. И не только въ очень давнее время, но еще лѣтъ за 30—40 назадъ, въ Соборѣ было много религіозныхъ и усердныхъ къ церквѣ прихожанъ, которые въ праздники и воскресные дни почти всѣ не упустительно бывали при каждой службѣ; въ такіе праздники какъ Рождество и Пасха было всегда такъ многолюдно, что послѣ обхожденія, едва съ трудомъ можно протолкнуться въ боковой притворъ, да и тамъ тѣсно было стоять. Тогда какъ теперь, на свѣтлой заутрени, почти половина церкви бываетъ свободна, а боковые притворы ни когда уже и не отворяются.

Тогда въ боковомъ—сѣверномъ притворѣ, любили всегда становиться простенькіе кушчы и мѣшанс., ходившіе по старосвѣтски—въ длинныхъ чекменяхъ, или въ халатахъ (шаны и интеллигентные кушчы становившіеся, обыкновенно ча. тѣломъ «ширсаѣ»), и сидѣль въ притворѣ, предъ старинною иконою Почаевской Божіей Матери, горѣла постоянно, въ висячемъ подсвѣчникѣ, большая свѣча (ставникъ) дѣлаемый мѣстною сукарни-

цею, къ каждому свѣтлому празднику, на счетъ любившихъ молиться здѣсь прихожанъ. А въ началѣ восьми сотыхъ годовъ, Степанъ Ивановичъ Терновець, соорудилъ сюда, на собственный счетъ, двѣ большихъ иконы: Спасителя и Божіей Матери, которые стояли здѣсь въ углу, до передѣлки теплой церкви, на простомъ деревянномъ пьедесталѣ, на которомъ внизу была надпись: первоначально соорудилъ сіи иконы Степанъ Ивановичъ Терновець, а возобновилъ въ 1853 году, Иванъ Степановичъ Терновець. Когда иконы эти были перенесены въ 1867 году, въ теплую церковь, то пьедесталь съ подъ нихъ уничтоженъ, потому что онъ былъ сдѣланъ трехъ угольникомъ и оказался не способенъ къ постановкѣ подъ иконы въ теплой церквѣ—уже на ровномъ простѣнкѣ. Теперь иконы эти въ 1895 году перенесены опять въ большую церковь и поставлены уже въ переднемъ притворѣ, по обѣимъ сторонамъ при входѣ въ церковь, и каждый благочестивый христіанинъ, входя въ церковь, прежде всего прикладывается, съ благоговѣніемъ, къ этимъ иконамъ; для того я и счелъ непременною обязанностію упомянуть здѣсь когда и кѣмъ были сооружены эти иконы.

XVII.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда въ числѣ Соборныхъ прихожанъ состоялъ Иванъ Степановичъ Терновець, то подъ его руководствомъ и при участіи другихъ любителей, въ ночь противъ Свѣтлаго Воскресенья, устраивалась всегда иллюминація, вокругъ церкви: на валу зажигалось нѣсколько смолянныхъ бочекъ, а на оградѣ и колокольнѣ разставлялись лампы; и въ 12 часовъ ночи, когда раздавался первый торжественный благовѣстъ къ заутрени, то нарочно подготовленные для этого цеховые стрѣляли залпомъ изъ нѣсколь-

гихъ мѣдныхъ „мущерей“ (ступокъ) крупко набитыхъ порохомъ и задѣланныхъ въ отверстіяхъ досточками, и гулъ этого выстрѣла раздавался по всему городу такъ сильно, какъ пальба изъ пушекъ; послѣ этого начинался звонъ во всѣхъ церквахъ и затѣмъ обхожденіе, при которомъ обязательно участвовали въ Соборѣ, всѣ цехи съ своими значками. Во время свѣтлой заутрени, настоятель, оба священники и діаконъ, ходили по обыкновенію, при началѣ каждой пѣсни, кадить по всей церкви, поднося каждому крестъ и привѣтствуя радостнымъ возгласомъ: „Христосъ воскресъ“ на каковое привѣтствіе—прикладываясь къ кресту и отвѣчая **Воистину воскресъ** всякій клалъ на блюдо, которое носилъ позади пономарь,—красные яйца или деньги, которые дѣлились между причтомъ, чрезъ каковое хожденіе заутрени продолжалась очень долго и по окончаніи ея всѣ расходились по домамъ и отдыхали часа два, такъ какъ тогда обѣдня начиналась только по восходѣ солнца, часовъ въ пять или шесть не раньше. Такъ дѣлалось во всѣхъ церквахъ, пока о. Григорій былъ градскимъ благочиннымъ. Тогда безъ Соборнаго благовѣста ни въ какой церкви не смѣли начинать Богослуженія; особенно въ большіе праздники, въ торжественные дни, въ навечеріи Богоявленія и въ страстную пятницу всегда ожидали Соборнаго звона; по этому водосвятіе и выносъ плащаницы происходили одновременно по всѣмъ церквамъ. И часто, бывало, если погода благопріятствовала, то обхожденіе съ плащаницею совершалось по всему городу. Изъ каждой церкви плащаницу обносили по другимъ церквамъ, такъ что въ Соборѣ вечерня окончивалась не ранѣе 5 или 6 часовъ вечера. А въ вербную субботу, тоже если была сносная погода, то бывало верба заготовлялась, для всѣхъ церквей, на площади гостиннаго двора, и вечеромъ, когда надлежало служить

малую вечерню, по Соборному благоуѣсту сходялось сюда все городское духовенство и прихожане всѣхъ церквей— съ крестами, иконами, хоругвями и значками, и здѣсь по пропѣтїи стихиры. „Днесь благодать Святого Духа на събра“ и проч. верба разбиралась каждымъ приходомъ и разносилась съ процесїею по церквамъ, гдѣ служилась потомъ малая вечерня, такъ какъ всенощныхъ тогда нигдѣ не было, и верба освящалась и раздавалась на утрени въ недѣлю.

XVIII.

Особенно на храмовой праздникъ, въ недѣлю пятидесятницы, Богослуженіе въ Соборной церквѣ, совершалось съ большою торжественностію, и стеченіе въ этотъ день богомольцевъ было необыкновенное; такъ какъ не только городскіе жители бывали почти всѣ въ Соборѣ „на святу недилю“ но многіе поселяне изъ окрестныхъ селъ и хуторовъ, приходили и прїѣзжали всегда на храмъ. И такъ какъ въ этотъ день, кромѣ литургїи и вечерни съ коѣноприклоненїемъ, отправлялась вселенская панихида, при которой многіе прихожане, по заведенному издревле обычаю, раздавали всегда милостыню нищимъ и странникамъ, на поминовленіе своихъ родныхъ, а нѣкоторые приглашали странниковъ въ дома и угощали ихъ обѣдомъ, то съ теченїемъ времени наплывъ странниковъ сдѣлался не посильнымъ для однихъ прихожанъ Собора, многіе прохожіе въ Кїевѣ богомольцы—русскіе, бывало сотнями, ночуютъ подь церковью, дня за два—за три, до храмоваго праздника, въ надеждѣ собрать что нибудь на дорогу и угоститься у кого нибудь даромъ. По этому Соборные прихожане по совѣту благочиннаго о. Григорія, установили, съ 1852 года, дѣлать общую складчину и собирать добровольныя пожертвованія отъ постороннихъ благотворителей, и торговавшихъ еще въ это время на Вознесенской ярмар-

къ иногороднихъ торговцевъ и на счетъ этого готовить при церквѣ общій поминальный обѣдъ, для всѣхъ приходящихъ. Тогда всѣ, за нѣсколько дней до храмоваго праздника, начинаютъ принимать, въ устрояваніи сѣщадаты, муку, хлѣбъ, мясо и разные съѣстные продукты, а нѣкоторые жертвовали—деньгами: и на эти пожертвованія готовился для нищихъ и странниковъ обѣдъ, варились на вазу, постныя и скоромныя кушанья и иногда, если средства позволяли, давалось по чаркѣ водки. Жители Виноградовщины, какъ ближайшіе къ церквѣ прихожане принимали на себя обязанность: печь хлѣбъ, пироги, варить обѣдъ и раздавать его нищимъ, которыхъ иногда обѣдало по тысячи и болѣе душъ. Для нихъ мостились временные столы изъ достоекъ, вокругъ обѣихъ церквей, а для духовенства и нѣкоторыхъ почетныхъ гостей устраивалась подъ деревьями, позади большой церкви,—палатка, въ которой сервировался чай и холодная закуска. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, когда пріѣзжіе купцы торговали еще хорошо въ Вознесенскую ярмарку, многіе изъ нихъ жертвовали очень щедро на обѣдъ, нѣкоторые, любившіе сами бывать на храму въ Соборѣ,—кромѣ денегъ присылали вино и закуски: икру, балыкъ и проч. такъ что въ палаткѣ бывалъ иногда очень роскошный завтракъ, даже въ одно время—11 Мая 1858 года (такъ отмѣчено въ церковной миней) бывшій губернаторъ Александръ Павловичъ Волковъ, пріѣзжавшій тогда для ревизіи присутственныхъ мѣстъ и слушавшій въ Соборѣ всю обѣдню и вечерню, былъ приглашенъ о. Григоріемъ, въ палатку на чай и закуску и остался очень доволенъ гостепріимствомъ, а больше всего заведеннымъ по примѣру Кіево-Печерской лавры даровымъ угощеніемъ нищихъ и странниковъ.

Но, къ сожалѣнію этотъ лаврскій обычай продол-

жался у насъ не долго. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, ярмарочная торговля начала замѣтно ослабѣвать, многіе иногородніе—крупные торговцы и фабриканты, совсѣмъ оставили Роменскія ярмарки и перестали сюда прїѣзжать, прежніе богатые и усердные къ церквѣ прихожане обидѣли, а нѣкоторые вымерли; пожертвованія на обѣдъ, съ восьмидесятыхъ годовъ, начали значительно сокращаться, такъ что и для прокормленія однихъ нищихъ, хотя самую скудную трапезою, требовалось добавлять изъ церковныхъ суммъ; а между тѣмъ и церковные доходы, къ этому времени сдѣлались гораздо меньше прежняго; по этому съ 1889 года, всякое угощеніе при церквѣ, совсѣмъ отмѣнено, и теперь уже не бываетъ и половины того называ странниковъ и окрестныхъ поселянъ, въ день храма, какое было въ прежніе годы, когда ихъ угощали обѣдомъ.

XIX.

Февраля 22 дня 1866 года, скончался маститый настоятель Собора и градекій благочинный о. Григорій Діаконенковъ и съ подобающею почестію погребенъ за алтарною стѣною большой церкви, противъ жертвенника. На мѣсто его поступилъ въ томъ-же году настоятелемъ въ Соборъ ректоръ духовнаго училища, служившій въ церквѣ Богоугоднаго заведенія—протоіерей о. Василій Горуновичъ, при немъ началась сей часъ передѣлываться теплая церковь и колокольня. Въ томъ же году было избрано приходское попечительство изъ 10 почетнѣйшихъ прихожанъ, и три изъ нихъ были уполномочены завѣдывать работами по передѣлкѣ церкви. По плану и проекту, составленному на эту передѣлку, архитекторомъ Червинскимъ, пришлось всю старинную колокольню, съ неимовѣрно толстыми стѣнами ломать и арку бывшую по срединѣ церкви, на которой

утверждалась вся колокольня—выбрасывать. Работа эта не обошлась безъ человѣческой жертвы. Подрядчикъ принявшій по условію каменные работы, начавъ ломать куполь и верхній ярусъ колокольни, вскорѣ убѣдился, что при такой крѣпости стариннаго кирпича и при той кладкѣ его, которая производилась въ прошломъ столѣтіи, ему пришлось бы очень долго разбирать эту колокольню и потому для избавленія его отъ убытковъ и для ускоренія работъ по постройкѣ, староста и попечители разрѣшили: подрубивать топорами простѣнки колокольни и затѣмъ валить ихъ канатами на землю. Этимъ много повредили наружные старинные стѣны которые потомъ на трещинахъ задѣлывали новымъ кирпичемъ; а когда прорубывали сводъ церкви, то одинъ рабочій полетѣлъ съ ломомъ, въ пробитое имъ отверстіе и такъ сильно ударился объ полъ, что сейчасъ же скончался на мѣстѣ.

Новая колокольня началась строиться на мѣстѣ бывшаго передняго притвора, который всегда былъ занятъ складомъ товаровъ и открывался только одинъ разъ въ годъ, въ храмовой праздникъ Святаго Василія 1-го Января. Для фундамента колокольни были выкопаны глубокіе рвы и закладка производилась всѣмъ Соборнымъ причтомъ во главѣ съ настоятелемъ о. Василиемъ Горуновичемъ, всѣми членами попечительства и почетнѣйшими прихожанами 8 Юня 1866 года.

При этой передѣлкѣ прорублено много новыхъ оконъ въ стѣнахъ, задѣланы прежній боковой ходъ, оставленъ только одинъ парадный и прежній алтарь раздѣленъ такъ что съ правой стороны его устроенъ маленькій предѣлъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. въ память существовавшей на этомъ мѣстѣ, нѣсколько вѣковъ,—Соборной Успенской церкви, и для того что бы въ зимнее время можно было служить здѣсь раннюю и

позднюю обѣдни. Отъ этого теперь, большая церковь бывасть закрыта на всю зиму и рѣдко въ какомъ году бывасть въ ней служеніе только на первый день Рождества Христова, или на Богоявленіе. Прежняя теплая церковь, только считалась теплою, но въ послѣднее время—въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, она вовсе не отапливалась даже и печей въ ней не было. Церковь была темная и очень маленькая, такъ какъ арка занимала большую половину ея. По окончаніи въ 1867 году передѣлкою теплой церкви и колокольни, былъ поднятъ на новую, большой колоколъ, который съ 1848 года, находился совершенно отдѣльно отъ прочихъ колоколовъ, на особыхъ столбахъ между большою и теплою церквами, противъ базарной площади и какъ низко висѣвшій не могъ передавать всего своего достоинства въ звукъ. Объ этомъ колоколѣ не безинтересно передать вкратцѣ историческое его происхожденіе. Первоначально самый большой колоколъ въ Соборѣ,—какъ изъ церковныхъ описей значиться,—былъ въ 133 пуда. Въ 1798 году помѣщикъ Коллежскій Ассессоръ Степанъ Ивановичъ Манджосъ, перелилъ этотъ колоколъ „на собственный коштъ“ на него было добавлено мѣди изъ битыхъ старыхъ колоколовъ, да Манджосъ добавилъ, болѣе 10 пудовъ и заплатилъ за все это Кіевскому Мастеру Павлу Петровичу Романовскому 1000 руб. *) Затѣмъ въ 1834 г. тотъ колоколъ, за поврежденіемъ его, былъ перелитъ въ г. Нѣжинѣ, на заводѣ Артемія Чернова и сдѣланъ въ 153½ пуда; при чемъ за добавленный Черновымъ матеріалъ 20½ пудовъ, деньги были заплачены изъ церковныхъ суммъ, а за работу ничего не заплачено, потому что колоколъ, по контракту не имѣлъ достоинства въ голосѣ, и по заведенному дѣлу, начальство въ платежѣ Чернову де-

*) Церковная опись 1843 года стр. 4-я.

негъ, за работу отказало, а предоставило прихожанамъ на счетъ слѣдуемой Чернову платы перелить тотъ колоколь вновь на другомъ заводѣ. Однако прихожане не переливали его до 1846 года, когда онъ опять былъ разбитъ, тогда священнослужители Собора и бывший въ томъ году староста Дмитрій Могилачь, вздумали сдѣлать новый колоколь тутъ-же у себя на мѣстѣ. Нашли какого то мастера, выкопали на валу, за оградой, горнило и разные рвы и начали переплавлять старую мѣдь. Многіе горожане сносили сюда разные мѣдные и серебряные вещи, нѣкоторые приносили даже старую монету и бросали собственноручно въ горнило „для хвалы Божіей“ такъ что матеріала собралось гораздо болѣе двухъ сотъ пудовъ. Но сколько не трудились усердные прихожане и староста, надъ этою работою; сколько не истребляли дровъ на перешавку мѣди и серебра, колокола все таки не вылили, а вышла какая то безобразная фигура, вродѣ золотого тельца, который древле вылили израильтяне въ Хоривѣ.

Нѣкоторые набожные старики говорятъ, что неудача эта произошла отъ того, что мастеръ пилъ много водки и произносилъ при работѣ бранныя слова; но вѣроятнѣе всего, что онъ былъ не способенъ сдѣлать ни какого колокола.

Тогда староста отправилъ весь этотъ слитокъ въ Москву на заводъ Дмитрія Самгина и тамъ въ 1847 году былъ сдѣланъ настоящій колоколь, вѣсомъ 263 пуда 10 ф., который по тогдашнимъ цѣнамъ, какъ изъ письма Самгина отъ 10-го Ноября 1847-го года видно, стоилъ съ языкомъ къ оному въ 8 пуд. 31 фунтъ и моржевымъ ремнемъ для языка, всего 11744 руб. ассигнаціями.

Новый колоколь былъ доставленъ изъ Москвы въ Февралѣ мѣсяцѣ 1848 года. Везли его, какъ сейчасъ помню на гору изъ Засулья, поузъ нашу школу баштою, на большихъ дровняхъ шестирикомъ лошадей и поставили

подъ оградою къ базару, между теплою и большою церквами, затѣмъ на дубовыхъ пластинахъ подняли его, не больше какъ аршинъ на 15 отъ земли и укрѣпили на четырехъ столбахъ, сдѣлавъ изъ нихъ подобіе маленькой колокольни, съ желѣзною крышею и съ крестомъ на ней, гдѣ онъ висѣлъ и употреблялся до передѣлки теплой церкви, въ 1867 году и тогда былъ поднятъ на новую колокольню.

XX.

Съ того времени, т. е. съ 1867 года, въ теплой церкви, съ Октября мѣсяца до страстнаго Четверга, совершается ежедневное служеніе, а лѣтомъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, отправляются ранніи литургии: такъ что большая церковь, во всю зиму открывалась для Богослуженія, не болѣе двухъ разъ, на Рождество Христово и Богоявленіе и то не всегда; при сильныхъ морозахъ и въ эти праздники служатъ въ теплой церкви.

Такъ какъ въ изданномъ, въ 1887 году, историко-статистическомъ описаніи Собора, подробно сказано о постепенномъ—внутреннемъ украшеніи церкви, объ иконостасѣ, ризницѣ и прочемъ; то въ настоящемъ описаніи, послѣ изложенныхъ выше историч. свѣдѣній (не вошедшихъ въ первоначальное описаніе) предлагается только: „хроника важнѣйшихъ событій и церковныхъ торжествъ, происходивш. въ Соборн. церк. за моей памяти“.

1. 1855 года Февраля 27 дня въ недѣлю 3-го поста (крестопоклонную) насъ разбудилъ въ 3 часа ночи, не обыкновенный звонъ Соборнаго колокола. Цѣлую ночь противъ этого дня была сильная снѣжная мять. У моего отца было постановлено за правило, чтобы въ воскресный и праздничный день, не смотря ни на какую погоду, всѣ отправлялись въ

церковь, къ заутрени, какъ бы рано не звонили. Мнѣ было тогда 15 годъ, я уже служилъ въ думѣ, старшій братъ—Игнатъ, которому было 20 лѣтъ, тоже служилъ въ думѣ; но такъ какъ онъ воспитывался въ духовномъ училищѣ и у насъ съ того времени и послѣ, всегда квартировали ученики этого училища, съ которыхъ тогда строго взыскивали если кто опаздываетъ къ заутрени; то бывало они всегда съ вечера просятъ чтобы ихъ будили какъ можно пораньше, чтобы поспѣть въ церковь до начала утрени. Такъ было и въ этотъ достопамятный день. Встали мы по приказанію старика отца, при первомъ благовѣстѣ, на скоро умились, одѣлись и пошли въ церковь. Вѣтеръ и мятель забываетъ глаза, нельзя идти, особенно у насъ на Виноградовщинѣ, по узенькой тропинкѣ, надъ провальемъ, гдѣ нанесло большіе сугробы снѣгу, того и гляди что ссунимся въ провалье. Но мы кое какъ, поддерживая одинъ другаго добрались до церкви, повытрушивали снѣгъ изъ рукавовъ и голенищъ, и крестясь и страхивая шапки въ притворѣ, вошли поспѣшно въ церковь, чтобы поспѣть къ началу утрени. Но тутъ насъ поразило невиданное прежде нами, никогда, зрѣлище. Въ нашей церкви вдругъ явились: предводитель дворянства, городничій, стряпчій и много разныхъ начальствующихъ лицъ, которые въ такую раннюю пору никогда въ церкви не бывали. Мы удивляемся что такое случилось, тѣмъ болѣе, что утрени не начинается, а все звонять и звонять во всѣ колокола, какъ будто кого-то ожидаютъ. Наконецъ когда собралось очень много людей и всѣ военные и гражданскіе чины,—отворяются Царскіе врата и нашъ благочинный о. Григорій Діаконенко, со всѣмъ духовенствомъ, въ полномъ облаченіи, выходятъ на средину церкви, и ставъ на амвонѣ начинаетъ читать: Божією Милостію Мы АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ

и проч. Манифестъ о смерти ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ I-го и когда произнесъ (рыдая слезами) послѣ непродолжительной но тяжкой болѣзни скончался 18 сего Февраля! всѣ люди начали плакать. Нами овладѣваетъ невольный ужасъ! Оказывается что ночью былъ полученъ изъ Полтавы „по эстафетѣ“ (тогда не было еще и помину про телеграфъ и желѣзныя дороги)—этотъ манифестъ и полиція цѣлую ночь собирала всѣхъ начальствующихъ въ городѣ; а затѣмъ колокольнымъ звономъ и всѣхъ жителей—въ Соборъ, для привода къ присягѣ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ. По прочтеніи манифеста все духовенство, въ черномъ облаченіи отслужили панихиду и затѣмъ о. Григорій снова ставъ на амвонѣ велѣлъ всѣмъ поднять правую руку и началъ читать присягу на вѣрноподанство. А затѣмъ началось уже обыкновенное Богослуженіе утренняя или тургія, послѣ которой отслужено было молебствіе о здравіи и долгоденствіи ГОСУДАРЯ АЛЕКСАНДРА II-го и всего Царствующаго Дома.

2. Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1867, на маслянной недѣли, было необыкновенное небесное явленіе, очень напугавшее всѣхъ жителей города. Около семи часовъ вечера, въ безлунную морозную ночь, вдругъ сдѣлалось такъ свѣтло, что въ комнатѣ можно было обойтись безъ свѣчей. У меня тогда было три постороннихъ человѣка—сосѣди, въ гостяхъ всѣ мы бросились на дворъ, полагая что гдѣ нибудь начался большой пожаръ. Но то былъ не пожаръ, а сіяніе съ неба. Разнаго цвѣта облака неслись съ необыкновенною быстротою съ сѣвера на югъ, такъ низко, какъ осенью или зимою ходятъ дождевые облака. Это были широкіе разноцвѣтные полосы, простиравшіяся съ востока до запада, чрезъ все небо и быстро смѣнявшіе одна другую; отчего снѣгъ и всѣ видимыя предметы ежеминутно дѣлались;

то красные, то голубые, смотря по цвѣту летѣвшей полосы. И это явленіе продолжалось чрезъ всю ночь до расвѣта.—Черезъ нѣсколько, послѣ того времени, писали въ газетахъ что такое явленіе наблюдалось во всѣхъ государствахъ Европы и даже за экваторомъ и что оно продолжалось двое или трое сутокъ, что это будто бы земной шаръ былъ поглощенъ какою-то кометою и летѣлъ сквозь хвостъ ея; и что только жители прибрежныхъ странъ чувствовали въ это время, не большое давленіе атмосферы. Но у насъ, въ эту ночь, было очень тихо, никакого вѣтра, ни какой воздушной перемѣны и ни чего особенного не произошло. И на утро, съ восходомъ солнца, ни какихъ уже сіяющихъ полосъ, какъ ночью,—не было замѣтно на небѣ.

3. Девятнадцатаго Февраля 1880 года было большое торжество въ Соборѣ. Въ этотъ день вся Россія праздновала 25-ти лѣтіе царствованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го Къ утру этого дня,—вечеромъ 18 ч. я устроилъ на площади передъ парадными воротами Собора, большую арку, въ которой былъ поставленъ, украшенный цвѣтами, портретъ ГОСУДАРЯ; а по бокамъ арки, по случаю грустнаго событія, случившагося предъ тѣмъ 5 Февраля, въ зимнемъ дворцѣ, (взрывъ съ преступною цѣлью покушенія на жизнь обожаемаго МОНАРХА) были выписаны на коленкорѣ красками выбраны изъ Св. писанія изреченія: „Ни что же успѣетъ врагъ на него, и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его“ „Мечъ ихъ да увидетъ въ сердца ихъ и луци ихъ да сокрушатся“ „Да обряцется рука Твоя всѣмъ врагомъ Твоимъ, данца Твоя да обряцетъ вся не на видящія Тебе“ и т. п. Въ концѣ площади, около дворовъ, была устроена палатка со столами, такъ какъ городская дума постановила угостить въ этотъ день, всѣхъ солдатъ и простолюдиновъ сельскихъ. Въ 12 часовъ, по окончаніи въ Соборѣ литургій и молебствія, въ кото-

ромъ участвовало все городское духовенство, всѣ военные и гражданскіе чины города и множество народа,—такъ много, что не только въ церкви и на церковномъ погостѣ, была страшная толпа, но даже на базарной площади трудно было пройти,—начался военный парадъ драгунъ и мѣстной команды. По выходѣ командующаго дивизіею—генерала, изъ церкви, музыка заиграла „Коль славенъ“ затѣмъ нѣсколько разъ играли „Боже Царя Храни“ и при громкихъ крикахъ „УРА“ обносили по рядамъ войска и народа портретъ ГОСУДАРЯ. Потомъ старшіе военные и гражданскіе чины, подошли къ палаткѣ, пили по чаркѣ водки, и провозгласили „за здоровье ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА! „УРА!“ И это „УРА!“ громкимъ раскатомъ повторялось много разъ въ несмѣтной толпѣ солдатъ и народа и тысячи шапокъ полетѣли вверхъ! Затѣмъ началось угощеніе солдатъ и поселянъ (преимущественно бывшихъ крестьянъ) которое продолжалось почти до вечера.

4. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1888 года, посѣтилъ г. Ромень, новый Преосвященный Полтавскій и Переяславскій Иларионъ. Долгое время предъ этимъ не былъ у насъ въ городѣ Архіерейскаго служенія; въ это время, новый владыка, прожилъ въ Ромнѣ 5 дней, посѣтилъ всѣ церкви, учебныя заведенія и служилъ въ 3-хъ церквяхъ. Онъ пріѣхалъ сюда, въ Субботу 7 Мая, вечеромъ былъ на всенощной въ церквѣ духовнаго училища, 8 Мая въ Воскресенье служилъ литургію въ Соборѣ, а вечеромъ всенощную въ духовномъ училищѣ, 9 Мая служилъ въ Никольской церквѣ, по случаю храмоваго праздника а 11 числа служилъ въ Вознесенской церквѣ, выѣхалъ отсюда 12 Мая на Лохвицу. Въ томъ же году владыко, вторично былъ въ Ромнѣ, для освященія желѣзно-дорожнаго моста устроеннаго на Сулѣ 30 Сентября въ

4^{1/2} часа пополудни, онъ пріѣхалъ экстреннымъ поѣздомъ, съ ключаремъ каѳедрального Собора Ураловымъ, съ Кременчугскимъ протоіереемъ—Бѣлявскимъ, протодіакономъ двумя діаконами и съ пѣвчею (25 душъ) и служилъ всенощную въ Соборѣ, со всѣми этими лицами и съ мѣстными священниками. Архіерейскіе пѣвчіе пѣли на хорахъ, а наши на правомъ клиросѣ. Послѣ величанія Владыка читалъ на амвонѣ, среди церкви,—акафистъ Покрову Пресвятой Богородицы, а во время канона самъ мировалъ всѣхъ бывшихъ въ церквѣ. Людей было безчисленное множество. Всенощная продолжалась до 9 часовъ вечера. А на другой день 1 Октября, въ 8 часовъ утра Владыка, со всѣми священно-служителями, отправился на вокзалъ, и въ особомъ—разукрашенномъ поѣздѣ, всѣ доѣхали до моста, гдѣ служилъ молебствіе съ водоосвященіемъ; затѣмъ губернаторъ разрѣзалъ ленту, которою былъ перевязанъ въ поперекъ мостъ, и вся процессія прошла по мосту, освящая его водою, а за нею тихонько прошелъ поѣздъ, который затѣмъ отправился на Ромоданъ, со всѣми священно-служителями, начальствующими лицами и многими гражданами, приглашенными туда, строителемъ дороги, на обѣдъ.

5. Пятнадцатаго Іюля 1888 года, праздновалось повсемѣстно девятисотлѣтіе крещенія Руси. Въ Соборѣ на канунъ этого дня была торжественная всенощная. Послѣ чтенія псалтыри настоятель читалъ житіе Великаго Князя Владиміра, а по 6-й пѣсни канона, читали среди церкви, предъ иконою Святаго Владиміра, акафистъ. А утромъ съ 7 часовъ, одинъ священникъ читалъ исторію о крещеніи Руси. Въ приходскихъ церквахъ, литургія началась съ 7^{1/2} часовъ, а затѣмъ въ 9 часовъ, со всѣхъ церквей духовенство, съ иконами, хоругвями и множествомъ народа, прибыли въ Соборъ,

гдѣ на встрѣчу этой процессіи, вышелъ настоятель съ Соборными священниками, и по принятіи Св. иконъ, началась литургія, по окончаніи которой въ 11½ часовъ, вся процессія со множествомъ иконъ, хоругвей и крестовъ, при пѣніи пѣвчей и при хорѣ полковой музыки, направилась къ рѣкѣ, мимо Никольской и Покровской церквей, гдѣ устроенъ былъ мостикъ для водоосвященія, съ красивою впереди аркою, убранною зеленью и цвѣтами.—По Никольской и Покровской улицамъ стояли шпалерами конныя драгуны; а эскадронъ пѣшихъ съ музыкантами шли за церковною процессіею. При освященіи воды три раза выстрѣлили изъ ружей. Народъ покрывалъ весь Засульскій мостъ, всѣ горы: Покровскую, Никольскую, валь за Соборомъ и замокъ. Послѣ водоосвященія, вся процессія съ музыкою и цѣлый полкъ драгунъ, прошли Полтавскою улицею, на гостинную площадь, до новостроющейся Александро-Невской церкви, гдѣ было совершено также молебствіе и войска окроплены Св. водою. Торжество окончилось въ половинѣ второго, а въ 5 часовъ было въ реальномъ училищѣ публичное чтеніе о важности крещенія Русскаго народа, и послѣ того, до самой ночи гулянье на площади и въ саду. Сентября 22 дня 1888 года поставлена въ большой церквѣ, вокругъ солеи и предъ иконостасомъ желѣзная решетка.

6. Въ Среду 29 Мая 1891 года, на канунѣ праздника Вознесенія Господня, было необыкновенное явленіе силъ природы, котораго у насъ съ 1848 года; ни кто не видѣлъ.*) Почти весь Май мѣсяць стояла засуха и дули ежедневно сильныя—холодныя вѣтры; 17-20 чиселъ начали перепадать по мѣстамъ дожди, но все

*) Старожилы передають, что въ 1848 году, во время Ильинской ярмарки, (24 Юля) прошелъ ураганъ, который разрушилъ много лавокъ и домовъ; а въ м. Сибломъ даже нѣкоторые церкви разрушилъ до основанія и колокола позаносилъ въ ирудъ.

таки съ холоднымъ вѣтромъ; 29-го числа съ утра было похоже на дождь—все небо было покрыто черными облаками, но вскорѣ облака разсѣялись и началъ дуть сильный вѣтеръ, наконецъ въ 5 часовъ пополудни начала надвигаться съ юга черная туча, до того черная, что сдѣлалось темно какъ ночью, начала сверкать молнія и гудѣть громъ, но вдругъ изъ этой тучи налѣтъ такой страшный ураганъ, за шумомъ котораго не слышно было ни грому, ни чего, начали трещать деревья и постройки. У насъ въ городѣ со многихъ домовъ и съ лавокъ посрывало крыши, въ одномъ ряду, даже выломало каменный карнизъ и часть стѣны и по сносило громадные строила, поломало много деревьевъ заборовъ и воротъ. На новоустроившейся въ гостинномъ дворѣ, церквѣ, снесло большой средней крестъ. На конной площади, гдѣ въ эту время обрѣлась значительная чирмарка, надѣлало столько опустошенія и убытковъ, что многіе торговцы, отъ страха поболѣли. Всѣ устроенные ими временные балаганы для торговли, поломало въ прахъ, многіе товары позаносило безъ вѣсти, а остальные когда пошелъ дождь, перемочились такъ, что не стоили и половины своей цѣны, а бакалейные и посудные лавки пропали безъ остатка. Ураганъ этотъ, какъ послѣ писанинъ прошелъ отъ чернаго моря, болѣе 2000 верстъ въ длину и верстъ двѣсти въ ширину и надѣлалъ очень много опустошеній, убытковъ и много унесъ человѣческихъ жертвъ.

7. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1892 года, ночью съ 10 на 11 число противъ Воскресенья, случилось надъ Соборною церковью, необъяснимое чудо. Предъ этимъ дня за три выпалъ снѣгъ и были еще съ первыхъ чиселъ, порядочные морозы; затѣмъ вечеромъ 10 числа начался тучный дождь, который при сильномъ восточномъ вѣтрѣ обледенилъ всѣ деревья и постройки; но не смотря на

такой холодъ съ 10 час. вечера, начала сверкать молнія и въ первомъ часу ночи былъ такой оглушительный ударъ грома, что вся земля задрожала. Нѣкоторые сторожа видѣли, какъ надъ Соборною церковью, въ это время, пролетѣлъ огненный снапъ. Молнія ударила въ верхнее окно, въ среднемъ осьмирикѣ и раздробила въ мелкіе щепки древко на одной изъ металлическихъ хоругвей, стоявшихъ впереди амвона, передъ желѣзною решеткою около солеи, не повредивъ ни чего въ церквѣ. Въ Воскресенье утромъ послѣ этого событія настоятель и многаи чадѣи ходили въ большую церковь и удивлялись такому чуду. Въ церквѣ осталось все цѣло и не вредимо, только въ среднемъ осьмирикѣ, самое верхнее стекло, отъ сѣвернаго притвора, какъ будто прорѣзало алмазомъ (не разбито, а сдѣлана круглая дыра) и щепки отъ древка разбросаны предъ иконою святителя Николая и вездѣ до праваго клироса, но самая хоругвь осталась не повреждена, даже не упала долои, не смотря на то что она была привязана къ решеткѣ, ветхимъ шнуркомъ и что среднее древко также расколено. За такое чудо и за избавленіе церкви отъ опасности, — послѣ ранней обѣдни, настоятель и прихожане отслужили благодарственное молебствіе и акафистъ Святителю Хр. Николаю.

8. Съ начала Октября 1894 года, сильное уныніе и печаль овладѣли всею Россіею. Только и разговоръ при встрѣчѣ съ знакомыи и не знакомыи, о телеграммахъ, получающихся ежедневно изъ Ливадіи о состояніи здоровья нашего ГОСУДАРЯ Батюшки. Ежедневно въ церквахъ, училищахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ служатся молебствія объ исцѣленіи болящаго ГОСУДАРЯ, и сколько проливается нелицемѣрныхъ слезъ, при полученіи телеграммъ, съ новыми, все болѣе не утѣшительными бюллетенями. Наконецъ ночью противъ

21 Октября, получена послѣдняя—роковая телеграмма, что вчера въ 2 часа 15 минутъ пополудни ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ тихо въ Бозѣ почилъ въ Ливадіи. Воля Всевышняго совершилась! Ни молитвы, ни слезы вѣрноподанныхъ дѣтей, не могли помочь ничего! Сегодня (21 Октября, какая суета въ городѣ! По вѣвѣщеннымъ съ разсвѣта, печальнымъ флагамъ, всякія житейскія дѣла прекращены, ни какія торговыя заведенія не открываются. Не только всѣ жители города, но и пріѣхавшіе въ это утро—на базарь, поселяне, оставили всѣ свои дѣла и разошлись по церквамъ молиться объ упокоеніи души Усопшаго—Великаго ЦАРЯ. Съ 10 час. утра началась чинимая панихида въ Соборѣ, гдѣ къ этому времени собралось все городское духовенство, всѣ начальствующіе, учащіе и учащіяся во всѣхъ заведеніяхъ, служить панихиду. Въ Соборѣ, не только въ церквѣ, но даже въ оградѣ, нельзя было протолпиться отъ множества народа, и по окончаніи панихиды, когда начали приводить къ присягѣ, то большая половина людей присягали на площади, куда были вынесены Крестъ и Евангеліе. Затѣмъ также приводили къ присягѣ по другимъ церквамъ, и служили панихиды по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, въ думѣ и по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. А въ Соборѣ, по окончаніи первой панихиды, и по приводѣ людей къ присягѣ, были отслужены молебны о воешествіи на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

9. 1896 года Мая 14-го Вторникъ. День Священнаго Коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. Погода самая великолѣпная. Вчера по росписанію была торжественная всенощная во всѣхъ церквахъ въ 6 час. вечера. Сегодня обѣдня въ Соборѣ началась въ 10 ч. утра. Начальствующихъ, учащихъ и учащихя полная церковь, такъ что народу трудно было протолпиться и

больше было въ оградѣ и на площади, чѣмъ въ церквѣ. Не успѣли еще начать обыкновеннаго—по предписанію духовнаго начальства—молебствія, послѣ литургіи, какъ почтовой служитель принесъ въ церковь, исправнику, телеграмму о совершившемся уже Священномъ Коронованіи

Это было въ началѣ 12-того часа. Духовенство Соборное служило молебенъ, а въ прочихъ церквахъ Богослуженіе уже окончилось. Полученная телеграмма произвела необыкновенное торжественно-умилительное дѣйствіе на весь городъ. Сердца всѣхъ собравшихся въ Соборъ и на площади забылись какимъ-то благоговѣйнымъ восторгомъ не смотря на то, что всякій ожидалъ заранѣе этаго великаго извѣстія, у многихъ отъ избытка восторга видны были слезы радости и умиленія, къ торжественному событію. Ту же минуту, полицейскіе служители побѣжали на извозчикахъ, оповѣщать духовенство всѣхъ церквей и печатать телеграмму, для раздачи народу. Не прошло и часа времени, какъ къ Собору начали двигаться, съ иконами, крестами и хоругвями, причты всѣхъ церквей.

По торжественному Соборному благовѣсту, начали прибывать новыя толпы народа, такъ что вся базарная площадь была покрыта несмѣтнымъ множествомъ всѣхъ званій возрастовъ и вѣроисповѣданій, на оградѣ, на колокольнѣ и на всѣхъ базарныхъ лавкахъ не было свободнаго мѣста. Когда собралось въ Соборъ, все городское духовенство, начался по составленному заранѣе церемоніалу, крестный ходъ, по Духовской, Терновцовской и Полтавской улицамъ, на площадь гостиннаго двора, къ Александро-Невской церквѣ, предъ которою былъ устроенъ возвышенный помостъ украшенный зеленью, коврами и парчскою. Но на этомъ помостѣ помѣстилось только духовенство и не многіе изъ начальствующихъ и учащихъ; а всѣ прочіе стояли на площади.

Процессія крестнаго хода, была такъ велика, что духовенство и начальствующіе—шедшіе съ иконами и несшіе хоругви и кресты, занимали всю длину Терновцовской улицы, а народъ тянулся еще по Духовской. Многіе дошли на площадь тогда какъ служилось уже молебствіе и во все время служенія прибывали все новые и новые толпы городскихъ и сельскихъ жителей.

Цѣлая половина площади гостиннаго двора, была покрыта сплошною массою молящихся. Молебствіе окончилось въ два часа, и народъ пошелъ гулять по городу. Колокольный звонъ, во всѣхъ церквахъ, продолжался три дня. По вечерамъ во всѣ эти три дня,—была необыкновенная по нашему городу иллюминація, всѣ улицы и всѣ казенные и частные дома были освѣщены и украшены флагами, разноцвѣтными огнями, вензелями и проч. музыка, пѣніе и гулянье продолжались за полночь. На площади послѣ молебствія раздавали всѣмъ учащимся, портреты ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и гостинцы отъ думы, а простонародью по чаркѣ водки и по пирогу.

ОТДѢЛЪ II-й

НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ,

ОТДѢЛЪ II-й

НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

I.

Мѣсто занимаемое нынѣ Никольскою церковью, какъ равно и то, на которомъ существовала эта церковь, въ прошломъ столѣтїи, извѣстное въ народѣ подъ именемъ стараго Николая, находилось въ древней Роменской крѣпости.

Природные горы возвышавшіеся надъ правымъ берегомъ Сулы на 14 сажень, составлявшіе эту естественную крѣпость, были съ восточной стороны отъ рѣки, покрыты густыми лѣсами. И, пока существовали эти лѣса, пока не было на опушкахъ горъ ни какихъ жилищъ, горы держались въ первобытномъ видѣ, не обваливались и не обмѣляли рѣки наносимою съ нихъ глиною. Когда же начали устриваться здѣсь жители, когда начали расчищать мѣста для дворовъ и для проѣзда къ нимъ, тогда эти горы совсѣмъ измѣнились; во многихъ мѣстахъ начали обваливаться и по нимъ проводились дороги, для въѣзда въ городъ отъ с. Засулья. Въ настоящее время трудно найти и опредѣлить мѣсто бывшихъ прежде дорогъ и существовавшихъ здѣсь, хоть за сто лѣтъ дворовъ; такъ какъ за недавнее еще время, лѣтъ за 30 за 40, вся эта мѣстность: составлявшая древнюю крѣпость и бывшій при ней пригородокъ, измѣнилась до неузнаваемости.

По описанію Г. Шафонскаго, составленному въ 1786 году, городъ раздѣлялся тогда на 4 части 1-я часть

составляла [*miasto*] которое было окружено земляным валомъ, а при немъ, на высокомъ берегу р. Сулы, стоялъ маленькій замокъ или цитадель, а подъ горою особливая часть жилья, тоже обнесенная валомъ и называемая пригородокъ. Въ этой части находились тогда: церковь каменная сошествія Св. Духа и церковь деревянная Св. Николая. Но послѣдняя изъ нихъ,—упоминаемая Г. Шафонскимъ,—стояла тамъ гдѣ впоследствии на мѣстѣ ея устроены каменный столбъ, существующій по нынѣ, а прежняя старая церковь, неизвѣстная уже Шафонскому, стояла гораздо дальше отъ этого мѣста, тамъ гдѣ теперь не проходимое провалье, въ которое сваливаютъ навозъ.

Въ одномъ изъ этихъ провальевъ, самомъ крайнемъ отъ Цокровской горы, идущемъ поузъ дворы Сачавы и Кизимы, отчасти уже засыпанномъ навозомъ отъ Никольской площади не такъ еще давно видно было много человѣческихъ костей, по которымъ можно судить что здѣсь именно стояла церковь; такъ какъ въ старину вообще покойниковъ хоронили вблизи церквей и на церковныхъ погостахъ. Впрочемъ имѣются еще—какъ ниже увидимъ—и письменныя доказательства, что именно на этомъ самомъ провальи стояла церковь Св. Николая.

II.

Когда и кѣмъ была построена первоначально въ г. Ромнѣ, церковь во имя Св. Николая, нѣтъ никакихъ нигдѣ свѣдѣній, но что она существовала уже здѣсь, въ XVII вѣкѣ, это доказываютъ нѣкоторые, оставшіеся при ней книги, печатанные неизвѣстно когда и гдѣ (такъ какъ заглавные листы утеряны) но видно до присоединенія Малороссіи къ Россіи, такъ какъ по нимъ на разныхъ священно-дѣйствіяхъ молились еще „о великомъ королѣ имкѣ“. И на одной такой книгѣ (сбор-

никъ акаѳистовъ) есть старинная надпись по листамъ, что она принадлежитъ до церкви Св. Николая въ Ромнѣ. *) Есть также и два Евангелія XVII-го вѣка: одно печатанное въ Львовѣ, въ 1636 г., а другое въ Вишьнѣ въ 1644 году. **)

Затѣмъ изъ одного дѣла, бывшаго духовнаго правленія, хранящагося въ архивѣ при Соборѣ, видно что въ 1719 году былъ фундаторомъ и ктиторомъ Никольской церкви, ясневельможный добродѣй Андрей Марковичъ Маркевичъ, ***) и что въ 1745 году церковь эта была уже очень ветхая, а въ 1748 году, по донесенію духовнаго правленія, послѣдовало распоряженіе Пресвященнаго Митрополита Кіевскаго—Тимоѳѣя Щербацкаго, запечатать оную, „по совершенной ветхости и опасности служенія.“

Между тѣмъ прежній ктиторъ Маркевичъ, еще до 1745 года желалъ было реставровать эту церковь на свой счетъ, но бывшіе тогда пресвитеръ о. Іоаннъ и ктиторъ—ветхій старикъ Шапошниковъ, затянули дѣло реставраціи до тѣхъ поръ пока запечатали церковь. Изъ объясненія Маркевича, имѣющагося въ дѣлѣ поданнаго имъ протопопу Павлу Свѣту 3 Августа 1747 года между прочимъ видно: „что будучи онъ издавна поугодливости своей, къ угоднику Божию Св. Николаю, „до церкви его въ г. Ромнѣ обрѣтающейся, усмотрѣлъ „что оная церковь весьма къ крайней ветхости приходить, пріобѣщаль еще за живота покойнаго отца Іоанна

---

*) Въ этомъ самомъ сборникѣ, въ молитвѣ послѣ акаѳиста Успенію Пресвятыя Богородицы, между прочимъ читалось: «помялуй благовѣрнаго короля нашего имкѣ и святѣйшаго вселенскаго Архіерея имкѣ, папу Римскаго и пресвященные Митрополиты, Архієпископы, Епископы, Протоархимандриты и Терен».

**) Эти оба Евангелія въ новую опись совсѣмъ не внесены. Но на первомъ изъ нихъ сохранился въ дѣлостіи и заглавный листъ, въ которомъ значится, что оно печаталось при Петрѣ Могилѣ.

***) См. выше во II части, о родѣ Маркевичей.

„Романовича, пресвитера Никольскаго, для реставраціи „оной кромѣ другаго вспомошествованія, дать горѣлки „куховъ десять, изъ коихъ на первый часъ куховъ пять „дать, а пять мѣль дати тогда какъ реставрація зач- „нется. Но, отецъ Іоаннъ и сынъ его О. Андрей Рома- „новичи, ни какого приготовленія къ реставраціи до „сего времени не учинили и гдѣ оную горѣлку подѣли „не извѣстно, и какіе окромѣ того на церковь доходы „были знатно сами корыстуются, а о церквѣ не радятъ“.*)

Это объясненіе, какъ видно, было писано на какое то письменное требованіе, посланное отъ протопопа Свѣта, Маркевичу; но такого требованія въ дѣлѣ нѣтъ, оно должно быть осталось въ домѣ Маркевича. Есть только нѣкоторые отрывки о производимомъ протопопомъ разслѣдованіи о всѣхъ доходахъ поступившихъ въ Никольскую церковь, съ 1720 года, но за смертію о. Іоанна Романовича и этого разслѣдованія не удалось привести къ концу. Допрашивали бывшаго ктитора Шапошника, но онъ, какъ записано въ показаніи: „весьма уже „одряхле памятью и скорѣе къ смерти нежели къ „животу зрѣть.“ Допрашивали какую то вдову „Игнатиху“ о томъ сколько она вышинковала горѣлки изъ данной на церковь Маркевичемъ? допрашивали такъ-же и другихъ прихожанъ о кошельковомъ и кружечномъ доходѣ и о частныхъ пожертвованіяхъ; но это разслѣдованіе ничемъ не окончилось. А избранный на мѣсто старика Шапошника, ктиторомъ Яковъ Скляга, началъ стараться о починкѣ церкви на счетъ добровольныхъ пожертвованій отъ прихожанъ и постороннихъ благотворителей, позаимствовалъ прежде всего изъ собственныхъ денегъ триста рублей, о возвратѣ которыхъ подавалъ прошеніе въ духовное правленіе уже въ 1764 г. Между

---

*) Дѣло бывшаго духовнаго правленія Роменской протопопіи, 1747 года, о реставраціи Никольской церкви хранящееся теперь въ архивѣ при Соборѣ.

тѣмъ, первый главный благотворитель Никольской церкви Марковичъ, умеръ, и пока собирались пожертвованія и приступили къ дѣлу, церковь велѣно было запечатать, по опасности Богослуженія въ оной. Къ тому же этой церкви, начала угрожать другая, болѣе серьезная опасность: бывшій позади нея валъ, спускавшійся крутымъ обрывомъ къ р. Сулѣ, началъ во многихъ мѣстахъ обваливаться и на немъ начали образовываться провалы. Тогда прихожане Никольской церкви, подали въ 1748 году, Митрополиту Кіевскому, такое прошеніе: „что нашей церкви грозитъ не малая опасность, понеже къ оной церкви не малое провалье отъ весеннихъ разливовъ и дождевыхъ несомыхъ потоковъ приближается и въ скоромъ времени приблизится можетъ“. Просили они позволить имъ эту ветхую церковь совсѣмъ разобрать и перенести на другое безопасное мѣсто, что имъ и разрѣшено. Тогда собравшись съ средствами прихожане перенесли церковь на то мѣсто, гдѣ теперь устроены каменный столбъ (на мѣстѣ бывшего алтаря), заново передѣляли ее, и по благословенію того же преосвященнаго Тимофѣя Щербаткаго, вновь перестроенная церковь была освящена въ 1750 году и существовала на этомъ мѣстѣ до 1834 года, до устройства нынѣшней каменной церкви, построенной совсѣмъ уже въ безопасномъ мѣстѣ, далеко отъ провалевъ; а бывшее подъ старою церковью до 1748 года мѣсто, совсѣмъ помощено провальемъ*).

Это самое подтверждается и церковною описью, составленною въ 1827 году, по указу преосвященнаго Георгія Епископа Полтавскаго и Переясловскаго. Въ

---

*) Въ церковной описи 1827 года, между прочимъ значится: что «плецъ» гдѣ существовала прежняя церковь, съ 1773 года выбылъ во владѣніе бывшего настоятеля Тимофѣя Войны, по уступкѣ ему оного прихожанами за деньги, обращенные въ церковную пользу И вынѣ (т. е. въ 1827 г.) тотъ плецъ состоитъ издавна, совмѣстно съ имѣніемъ Войны, по Дворянской онекѣ.

этой описи сказано, что прежняя Никольская церковь, за совершеннымъ обветшаніемъ была въ 1747 году, уничтожена, и на мѣсто оной сооружена, въ 1750 году нынѣшняя деревянная, иждивеніемъ прихожанъ и другихъ благотворителей.

Церковь эта (сооруженная въ 1750 г.) южная и куполахъ покрыта листовымъ желѣзомъ и окрашена зеленою ярью, а при ней отдѣльно на одномъ потѣ была колокольня деревянная, въ три яруса, покрыта деремъ и шелевкою, построенная въ одномъ годъ церковь (т. е. въ 1750 г.). Эта церковь за обветшаніемъ была починена въ 1816 году, съ дозволенія епископа Меодія,—тоже на счетъ прихожанъ. Иконостасъ въ ней, какъ значится изъ описи былъ „дрѣвной, и сено сдѣланный и вызолоченъ, съ хорошою живописью“. Въ числѣ намѣстныхъ иконъ перваго яруса, по лѣвую сторону отъ иконы Богоматери, была икона Св. Андрея Первозваннаго. Это означаетъ, что прихожане при перестройкѣ въ 1750 году церкви, не забыли перваго благотворителя оной Андрея Маркевича, собиравшагося въ 1745 году, реставрировать старую церковь въ память его, поставили въ новоосвоенной церкви икону его патрона.

Теперь, въ нынѣшней каменной церквѣ, на мѣстѣ находится икона Св. Богоотецъ, Іоакима и Анны.

III.

Неизвѣстно изъ церковныхъ описей въ какомъ именно году, но вѣроятно гораздо раньше 1820 года можетъ быть когда еще ремонтировалась старая деревянная церковь, помѣщикъ Коллежскій ассесоръ панъ Ивановичъ Манджосъ,*) по духовному завѣщанію

*) Тотъ самый, который въ 1798 году сдѣлалъ для Собора, большой колоколь. См. выше въ описаніи Соборной церкви.

оставилъ на постройку вмѣсто деревянной каменной церкви Св. Николая десять тысячъ рублей. Деньги эти хранились у жены его Манджоса—Анастасіи, которая между тѣмъ, вступила во второй бракъ съ майоромъ Владиміромъ Киселевскимъ, и должно полагать деньги эти требовались отъ него по суду, такъ какъ изъ обязательства даннаго имъ въ духовномъ правленіи 7 Сентября 1822 года,*) по требованію духовной консисторіи, онъ обовязался деньги эти, съ начисленными на нихъ, по рѣшенію сената, процентами по 1822 годъ 4285 руб. 71 коп. а также и проценты на всю эту сумму, сколько таковыхъ по день возвращенія капитала будетъ причитаться, отдать всѣ на церковь, согласно волѣ завѣщателя.

Постройка нынѣшней каменной церкви, началась по благословенію преосвященнаго Епископа Полтавскаго Наѳанаила, въ 1831 году. Къ этому времени изъ 10 тысячъ, завѣщанныхъ Манджосомъ, составилось съ процентами 25 тысячъ, которые Кисилевскій внесъ полностью, согласно данному имъ обязательству. Затѣмъ начали поступать значительныя пожертвованія отъ прихожанъ и многихъ стороннихъ благотворителей.

Мѣсто для постройки церкви было подарено, еще въ 1826 году, помѣщикомъ Гизицкимъ. Границы его подарственной записи обозначены: отъ дворовъ духовнаго правленія, мѣщанъ Антона Македонскаго, Семена Калька и Роменскаго уѣзднаго Суда.**) На этомъ мѣстѣ построена нынѣшняя каменная церковь, которая окончена въ 1834 году и по благословенію преосвященнаго Гедеона Епископа Полтавскаго и Переясловскаго, въ

*) Должно быть 1821 г. потому что на помѣтѣ объ утвержденіи этого обязательства земскимъ судомъ, постановлено 7 Сентября 1821 г.

**) Значить тогда небыли еще проведены, въ настоящемъ видѣ нынѣшніе дороги: Полтавская и Никольская, а были тутъ дворы Македонскаго и Калька.

томъ же году освящена и началось въ ней Богослуженіе. А старая деревянная церковь была упразднена и въ слѣдующемъ году разобрана.

IV.

При постройкѣ новой каменной церкви, священникомъ въ оной состоялъ о. Григорій Италинскій, поступившій сюда на приходъ еще въ 1823 году, т. е. почти за десять лѣтъ до устройства новой церкви. Онъ священствовалъ въ этой церкви по 1855 годъ, а по смерти его, въ этомъ году на мѣсто его поступилъ сынъ его о. Василій, который прослужилъ только 14 лѣтъ и умеръ въ 1869 году, послѣ чего поступилъ другой сынъ о. Григорія—бывшій до того священникомъ въ Соборѣ—отецъ Даніилъ, который священствуетъ и въ настоящее время и вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ градскимъ благочиннымъ.

V.

По вѣдомости составленной по указу Кіевской духовной консисторіи 3 Юня 1761 года, показано въ Никольскомъ приходѣ: настоящихъ дворовъ 50, въ нихъ мужскаго пола 138 и женскаго 181 душа. Бездворныхъ хатъ 5 въ нихъ мужскаго пола 7 и женскаго 12 душъ. Подсудковъ разныхъ владѣльцевъ 28, въ нихъ мужскаго пола 82 и женскаго 95 душъ. Всего въ приходѣ мужскаго пола 227 и женскаго 287 душъ. Затѣмъ въ описи 1835 года записано, что при Никольской церкви числилось дворовъ прихожанъ: съ 1816 по 1825 годъ, отъ 36 до 44-хъ въ 1827 году было 44 двора, въ 1828 г. 41 и въ 1834 году 52 двора.

Изъ этихъ свѣдѣній видно что и въ старые годы, какъ и въ настоящее время при Никольской церкви, было не много прихожанъ, но всегда они были очень усердны и отзывчивы къ нуждамъ своей церкви. Какъ

въ прошломъ вѣкѣ, церковь эта передѣлывалась на средства самыхъ прихожанъ, такъ и въ текущемъ столѣтїи: въ 1816 г. ремонтировалась, а въ 1831—34 году, вновь сооружалась, уже каменная, тоже почти добровольными пожертвованїями тѣхъ же прихожанъ. По этому можно сказать, что не въ многочисленности прихожанъ, а въ ихъ единомысліи и усердіи зависить благоустройство храмовъ Божїихъ.

Никольская церковь также отъ усердія прихожанъ и разныхъ благотворителей украшена въ настоящее время, многими дорогими иконами. въ серебрянныхъ окладахъ и довольно цѣнными. Богослужебными вещами, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны: одно Евангелїе въ большой Александрїйскїй листъ, печатанное въ Москвѣ, въ 1759 году, отдѣланное въ серебро и вызолоченное, вѣсомъ, въ 1 пудъ 7 фунтовъ, а серебра на немъ 20 фун. безъ пробы. На нижней сторонѣ этого Евангелїя сохранилась надпись; „1771 года мѣсяца „Іюля 1 дня. Евангелїе сдѣлано коштомъ умершаго го- „сподина писаря полковаго Лубенскаго Феодора Василь- „ева сына Дергая, женою его Наталїею Григорьевною, „а рядчикомъ г. купца Путивльскаго Петра Степанова „сына Кардашева, за что ему Кардашеву дано денегъ „со всякаго рубля по восьми коп., а вѣсу серебра 20 фун.“

Евангелїе въ малый Александрїйскїй листъ, въ серебрянной позолоченной оправѣ, вѣсу 8 фун. печатано въ Москвѣ въ 1681 году, безъ надписи когда и кѣмъ пожертвовано.

На намѣстной храмовой иконѣ свят. Николая, риза серебрянная вызолоченная, съ цвѣтными камнями на митрѣ, на ней внизу выбита надпись, „доброхотныхъ по- „жертвоваій Дїонїсїй и Евдокїя Новаковы 1824 г. Декабря 6 дня.*)

---

*) Новаковъ былъ Роменскїй мѣщанинъ.

На многихъ иконахъ какъ намѣстныхъ стоящихъ въ иконостасѣ, такъ и въ разныхъ мѣстахъ по церквѣ имѣются тоже серебрянные ризы и къ нимъ такіе же лампы, пожертвованные въ разное время, какъ прихожанами, такъ и посторонними благотворителями изъ которыхъ большинство остаются не извѣстными, а нѣкоторые отмѣчены въ церковной описи 1893 года.

Наиболѣе щедрою благотворительницею для Никольской церкви была въ послѣднее время вдова Титулярнаго Совѣтника Марія Василіевна Дубровина. Посвятивъ остатокъ своей жизни на служеніе Богу, эта благочестивая вдовица выстроила вблизи церкви домъ*) и все время проводила въ молитвѣ и попеченіяхъ о церквѣ. Она жила здѣсь около 15 лѣтъ и много дарила иконъ, лампадъ, священническихъ облаченій и проч. Но наиболѣе выдающимся изъ ея пожертвованій, есть плащаница сооруженная на ея счетъ въ 1881 году, на малиновомъ бархатѣ, шитая золотомъ, стоимостью въ 1200 руб.; и кромѣ того, по духовному завѣщанію 12 Августа 1887 г. она подарила, въ пользу причта, на вѣчное поминовеніе билетъ Государственной комиссіи погашенія долговъ въ 500 руб.

Особенно въ послѣднее время усердіемъ и заботами нынѣшняго настоятеля о. Даніила Италинскаго, при его единодушномъ согласіи съ церковнымъ старостою Антономъ Николаевичемъ Кльщевымъ, Никольская церковь, при маломъ числѣ прихожанъ и повидимому безъ всякихъ особыхъ источниковъ дохода, начала укрѣпляться внутреннимъ и внѣшнимъ благолѣпіемъ, гораздо лучше прочихъ церквей. Такъ прежняя внутренняя окраска сдѣланная въ 1876 году голубымъ цвѣтомъ придававшая мрачный видъ церквѣ, теперь (въ 1893 г.)

---

*) Въ этомъ домѣ живетъ теперь псаломщикъ.

замѣнена бѣлою и росписана въ куполѣ на аркахъ и на стѣнахъ разными св. изображеніями, придающими величественный видъ церквѣ. *) Устроены по линіи съ парадными воротами фасадомъ на Полтавскую улицу, два каменные дома для сторожей и пономаря. Въ 1891 году на мѣсто деревянныхъ ветхихъ крылецъ устроены цементовыя и переднее, а также и ходъ въ главные ворота выложены чугунными плитами и крыльцо обнесено чугуною решеткою. Всего употреблено на фронтонъ чугуна 309½ п. на сумму 815 руб., которая собрана отъ добровольныхъ пожертвованій прихожанъ. **)

Старые деревянные хоры, разобраны и на мѣсто ихъ устроены въ 1893 году желѣзные на рельсахъ съ чугуною витою лѣстницею.

Наконецъ въ 1895 и 1896 годахъ, старая деревянная ограда отъ Полтавской и Никольской улицъ, замѣнена новою желѣзною съ каменными выкрашенными масляною краскою столбами, а также сдѣланы на средства старосты Клыщесва, боковые, тоже желѣзные ворота, съ западной стороны церкви отъ Никольской улицы, которые какъ по описи отмѣчено обошлись въ 150 руб. А на мѣсто прежде бывшей здѣсь деревянной калитки сдѣланы каменный—широкій столбъ съ нишею впереди, въ которую поставлена очень старинная икона св. Николая и подъ нею кружка въ пользу церкви. Въ 1891 году также по печеніемъ настоятеля и старосты, открыта при Никольской церквѣ церковно—приходская школа, для которой выстроены особый удобный домъ, на церковномъ погостѣ, вблизи дома построеннаго М. Дубровиною. Въ этой школѣ обучается ежегодно отъ 30 до 40 дѣтей Никольскихъ прихожанъ.

---

*) Въ церковной описи 1893 года отмѣчено, что въ 1892 году живопись эта обновлена на пожертвованные мѣщаниномъ Федоромъ Ивашниною 25 руб. но должно быть были и кромѣ этого другія пожертвованія о которыхъ не упоминаютъ.

**) См. опись 1893 года.

Кромѣ щедрой благотворительницы Дубровиной, были еще и другіе благочестивые почитатели угодника Божія св. Николая, которые имѣли особливую преданность къ его храму и приносили на украшеніе его и на содержаніе причта, посильныя жертвы. Такъ кромѣ извѣстнаго благотворителя Мойсея Іосифовича Литвиненга, отказавшаго на всѣ городскіе церкви по 2000 р. и на причты по 1000 руб. положенные въ банкъ на вѣчное время, коллежскій совѣтникъ Иванъ Степановичъ Беръ, подарилъ въ вѣчное владѣніе Никольской церкви каменную лавку въ гостинномъ ряду. А въ пользу причта непрерывно-доходный билетъ Государственнаго банка на 77 руб. 25 коп.

Анна Петровна Терновець въ 1870 году подарила въ пользу причта билетъ Роменскаго городского банка на 300 руб. положенные ею на вѣчное время, и надворный совѣтникъ Николай Михайловичъ Терновець подарилъ въ 1891 году билетъ того же банка на 100 р.

Такимъ образомъ Никольская церковь, молитвами и предстательствомъ великаго угодника Божія Святителя Николая, поддерживается и украшается внутреннимъ и внѣшнимъ благолѣпіемъ, во славу Божию и въ утѣшеніе радѣтелей ея настоятеля, старосты и всѣхъ благочестивыхъ прихожанъ Никольскихъ.

ОТДѢЛЪ Ш-й

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

ОТДѢЛЪ III-Й

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

I.

На опушкѣ крѣпостнаго вала, не много ниже и южнѣе стараго Николая, стояла деревянная Покровская церковь, осѣнявшая собою начало предместья „Западинецъ,“ такъ какъ отсюда, надъ правымъ—гористымъ берегомъ р. Сулы, начиналась длинная улица почти до с. Лозовой, составлявшая какъ теперь, такъ и въ старину, предместье Западницы, населенное, Покровскими прихожанами, исключительно сапожниками. Церковь эта, какъ изъ дѣлъ духовнаго правленія Роменской протопопіи, сохранившихся въ архивѣ при Соборѣ, видно, существовала уже до 1730 года. Мѣсто на которомъ она стояла вошло теперь во дворъ занимаемый приходскимъ священникомъ, и надъ престоломъ бывшимъ въ оной, сдѣланъ небольшой кирпичный памятникъ.

Кѣмъ и когда была построена старая Покровская церковь, нѣтъ ни какихъ свѣдѣній; но судя по нынѣшней деревянной церквѣ, существующей около 130 лѣтъ, и вообще по многимъ деревяннымъ церквямъ, строившимся въ прошломъ и позапрошломъ столѣтіяхъ, можно опредѣлить, что церковь та была построена: или въ началѣ XVII-го вѣка, или же можетъ быть еще раньше; такъ какъ въ 1730 году, она считалась уже старою. *) Въ 1732 году, былъ испрошенъ отъ Архіепи-

---

*) О древности постройки церкви сохранилась въ архивѣ надпись на особой дощечкѣ, о которой будетъ сказано ниже въ главѣ IV.

скопа Кіевскаго Рафаила, новійи антиминсь, на мѣсто прежняго, пришедшаго „въ крайнею ветхость“, и болѣе ничего не извѣстно какъ существовала эта церковь, до времени постройки новой.

Видно между прочимъ изъ дѣлъ духовнаго правленія, что Богослуженіе въ ней продолжалось безпрепятственно: въ 1743—48-хъ годахъ. За эти годы имѣются въ архивѣ два дѣла о спорѣ и дракѣ попадей изъ за свѣчной торговлѣ въ церквѣ, о чемъ сказано выше въ описаніи Соборной церкви.

II.

По вѣдомости составленной по указу Кіевской духовной консисторіи 1761 года Іюня 3 дня, показано въ Покровскомъ приходѣ, еще при старой Покровской церквѣ; настоящихъ дворовъ 119, въ нихъ мужскаго пола 427, женскаго 304 души, бездворныхъ хатъ 5, въ нихъ мужскаго пола 9 и женскаго 9 душъ. Подворковъ разныхъ владѣльцевъ 12, въ нихъ мужскаго пола 28; и женскаго 33 души, наемныхъ дворовъ 16, въ нихъ мужскаго пола 59, женскаго 55 душъ; а всего въ Покровскомъ приходѣ: мужскаго пола 523, и женскаго 401 душа. Приходъ по тогдашнему населенію города, какъ видно, былъ довольно значительный, несравненно больше Соборнаго и Никольскаго приходовъ. Но о званіи и состояніи прихожанъ, изъ этой вѣдомости ничего не извѣстно. И только судя по тому, что въ числѣ ихъ было двѣнадцать владѣльцевъ „подворковъ“ можно предполагать, что въ числѣ сихъ владѣльцевъ были такіе знаменитые личности какъ сами строители нынѣшней Покровской церкви:—Петръ Ивановичъ Калнишевскій и Давидъ Черный.—Подворками назывались загородные дома, съ роскошными при нихъ садами, рощами и другими угодыми. Еще и теперь, по спуску

скѣ Могильской горы къ Западинской улицѣ, есть порядочные сады, съ пасѣками у нѣкоторыхъ хозяевъ и надъ многими Западинскими дворами, по горамъ, растутъ роскошные дубы.

Изъ вѣрнаго преданія, извѣстно, что подворокъ Давида Чернаго, находился противъ Монастырской башты, за крѣпостнымъ ровомъ, по нынѣшнимъ большой Монастырской, Роменской и Коржевской улицамъ. Моя мать лично знала, что въ этомъ подворкѣ въ началѣ восьмисотыхъ годовъ, жила богатая старушка— „пани Черная;“ по всей вѣроятности вдова того самаго владѣльца Давида Чернаго, который принималъ участіе, въ построеніи Покровской церкви, съ Петромъ Ивановичемъ Калнишевскимъ. Подворокъ этотъ, въ послѣдствіи времени, въ 1816 или 1817 г. достался въ собственность мѣщанину Роменскому Льву Ивановичу Труханову, который поддерживалъ и распространялъ бывший здѣсь садъ, и еще въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, садъ Труханова считался первымъ въ городѣ, какъ по своему ровному мѣстоположенію и обширности, выходившей на три большія улицы, такъ и по хорошимъ фруктамъ произростававшимъ въ немъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, бывало садъ Труханова занимался нѣкоторыми богатыми людьми, какъ загородная дача, для гулянья и лѣченія кумысомъ; но теперь уже онъ раздѣленъ на нѣсколько владѣльцевъ и застроенъ многими постройками, хотя и теперь еще замѣтны, на всѣхъ этихъ отдѣльныхъ дворахъ, остатки роскошнаго сада.

“ Можно полагать, что такой же подворокъ въ городѣ былъ и у П. И. Калнишевскаго, который при свободномъ отъ войсковой службы, временно, пріѣзжалъ сюда для развлеченія. Не извѣстно состоялъ ли владѣлецъ Давидъ Черный на службѣ въ Запорожскомъ войскѣ,

или же онъ жилъ постоянно въ Ромнѣ и не занималъ ни какихъ должностей, но что подворки его и Калнишевскаго, находились именно въ Покровскомъ приходѣ, это доказывается упомянутою выше вѣдомостію, изъ которой не видно, чтобы въ другихъ церковныхъ приходахъ были владѣльцы подворковъ, слѣдовательно оба они: Калнишевскій и Черный, числились тогда Покровскими прихожанами, хотя первый изъ нихъ, можетъ быть, очень рѣдко бывалъ въ Ромнѣ.

III.

П. И. Калнишевскій былъ уроженецъ с. Пустовойтовки, отстоящаго въ 8 верстахъ отъ Ромна, вверхъ по р. Сулѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ состоялъ уже на службѣ въ запорожскомъ войскѣ, и во все время служенія своего какъ видно занимался благотворительностію и щедрыми жертвованіями на дѣла религіи.

Еще въ 1758 году онъ пожертвовалъ на св. Троицкую Пустовойтовскую церковь 100 руб. За полученіемъ которыхъ нарочно ѣздили тогда въ сѣчь Запорожскую: викарный іерей того села Тимофей Яковлевъ и ктиторъ Андрей Харченко.*)

Въ 1762 году пожертвовалъ въ ту же церковь, Евангеліе цѣною въ 500 руб.**) Затѣмъ кромѣ разныхъ значительныхъ пожертвованій на церкви и монастыри онъ

---

*) Въ дѣлахъ бывшаго духовнаго правленія, хранящихся въ архивѣ при Соборѣ, было прошеніе прихожанъ Пустовойтовской церкви, о выдачѣ паспорта на проѣздъ въ Запорожскую сѣчь Іерея Тимофѣя Яковлева и ктитора Андрея Харченка, за полученіемъ пожертвованныхъ Калнишевскимъ ста руб. Въ этомъ прошеніи писано, между прочимъ, что они (іерей и ктиторъ) будутъ ѣхать на двухъ подводахъ съ проводникомъ и погоничемъ. Такъ просили выдать имъ и паспортъ. Значитъ по тогдашнему времени 100 руб. составляли очень значительную сумму.

**) Евангеліе это и въ настоящее время хранится въ С. Троицкой церкви села Пустовойтовки. Оно подробно описано въ изданной въ 1892 году господ. О. Н. брошюрѣ, подъ заглавіемъ «Родина Калнишевскаго».

въ продолженіи своей службы въ войскѣ, построилъ собственнымъ издивеніемъ четыре церкви: въ Межигорья, Лохвицѣ, Ромнѣ и въ Пустовойтовкѣ, послѣднюю, какъ изъ дѣлъ духовнаго правленія видно, онъ не успѣлъ исполнѣ окончить когда былъ удаленъ отъ должности кошеваго. Въ прошеніи прихожанъ Пустовойтовской церкви поданномъ 25 Мая 1773 года, въ духовное правленіе между прочимъ сказано: что хотя находящаясь въ томъ селѣ церковь не совсѣмъ еще въ крайнюю обветшалость приходитъ, однако оказывается не помѣстительною для прихожанъ и можетъ только простоять до выстройки новой. И такъ какъ господинъ кошевой атаманъ, чрезъ нарочнаго своего, присланнаго съ сѣчи запорожской, заказалъ, чтобъ сего лѣтанеминуемо такова вновь церковь заложена была и строится началась, о чемъ отъ себе и письменную къ Его Преосвященству Митрополиту Кіевскому и Галицкому просьбу запечатанную приложилъ. „То они—прихожане просили объ освидѣтельствованіи мѣста и матеріала заготовленнаго для новой церкви и о испрошеніи Архипастырскаго благословенія на заложеніе и постройку таковой.*)

Какъ видно Петръ Ивановичъ предвидѣлъ уже не долгое существованіе Запорожской сѣчи и снѣвилъ, въ заключеніе своей службы, оставить по себѣ добрую память, на мѣстѣ своей родины—выстроить церковь; можетъ быть еще лучшую чѣмъ въ Ромнѣ. Но судьба не дала ему видѣть окончанія этой церкви и дожидаться освященія ея. Въ 1775 году, какъ извѣстно, Запорожская сѣчь была уничтожена и кошевой съ другими начальствующими товарищами, былъ арестованъ и отправленъ въ Москву, а оттуда Калнишевскій былъ сосланъ

---

*) Дѣло въ архивѣ при Соборѣ, о разрѣшеніи строить въ с. Пустовойтовкѣ новую церковь 1773 года.

въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ уже въ глубокой старости въ 1803 году, не видя болѣе своей родины*).

Изъ другаго прошенія прихожанъ, поданнаго въ духовное правленіе 7 Мая 1780 года, видно: „что заложенная въ прошломъ 1773 году въ Пустовойтовскомъ Троицкомъ приходѣ, деревянная церковь, вмѣсто обветшалой, вновь строилась всѣмъ коштомъ, до единой послѣднейшей надобности сего села Пустовойтовки уроженца, бывшей съѣтъ кошеваго атамана Петра Ивановича Калниша; и состроена уже до самыхъ верховъ; но какъ показанный кошевой Калнишъ сталъ отъ мѣста своего удаленнымъ, то мы нижайшіе сколько могли до состроенія оной церкви возможности нашей, коштъ полагали, но въ совершенное оной окончаніе, по нашимъ оскудѣніямъ привести не можемъ, а остается точію оную гонтою и желѣзомъ покрыть и окожуховать, да и внутрь иконостасъ резбами и иконопиствомъ отдѣлать.“

По этому они просили святительскаго благословенія ~~въ выдачу книгъ и грамотъ на чинъ исправленія отъ доб-~~
„рохотныхъ дателей денежнаго подаянія“.

Такимъ образомъ существующая въ с. Пустовойтовкѣ церковь, выстроена Калнишевскимъ только вчернѣ, а отдѣлывалась уже на общія средства прихожанъ и „доброхотныхъ дателей“.

IV.

Но Покровская церковь въ г. Ромнѣ, вся сначала до конца выстроена Калнишевскимъ, она была заложена 27 Іюня 1764 года. На луткахъ дверей передняго притвора, сохранилась до настоящаго времени, рѣзная надпись слѣдующаго содержанія: „Во дни благополучія

*) См. брошюру Ф. Н. издан. въ 1892 г. «родина Калвишевскаго».

державы ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО СВЯЩЕННЪЙШАГО ВЕЛИЧЕСТВА Благочестивѣйшія Великія ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЪЕВНЫ второй ИМПЕРАТРИЦЫ и Самодержицы Всероссійской, при благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, Всероссійскаго Престола закономъ Наслѣдникѣ, поблагословенію Святѣйшаго Правительствующаго духовнаго Синода и Преосвященнаго Арсенія Архіепископа Митрополита Кіевскаго, Галицкаго и малыя Россіи, сооружень храмъ сей во имя Покрова Богоматери, коштомъ и стараніемъ войскъ Запорожскихъ кошевого благороднаго Господина Петра Калнишевскаго и Давида Чернаго влѣто отъ созданія міра 7272 отъ воплощенія Бога слова 1764 г.“

Но когда именно окончена постройкою эта церковь, когда въ ней началось Богослуженіе, когда была разобрана старая деревянная церковь и на что она употреблена, нельзя сказать ничего утвердительнаго. Въ описи составленной, по указу Преосвященнаго Героргія Епископа Полтавскаго и Переясловскаго въ 1827 году, содержащей вмѣстѣ съ тѣмъ и историческое описаніе церкви, утвердительно сказано, что нынѣшняя церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, построена въ 1770 году иждивеніемъ мужей запорожскихъ войскъ—кошевого Петра Калнишевскаго и Давида Чернаго. Изъ этого можно бы заключить, что въ 1770 году, церковь была совершенно окончена; между тѣмъ въ дѣлахъ бывшаго правленія Роменской протопопіи, хранящихся въ архивѣ при Соборѣ, мнѣ встрѣчалось когда то видѣть дѣло „объ освященіи Покровской церкви“ которое впрочемъ состояло изъ одного только прошенія епитора—войсковаго товарища Василія Магеровскаго, поданнаго имъ 18 Октября 1774 года, въ духовное правленіе объ испрошеніи разрѣшенія Его Преосвященства Митрополита Кіевскаго, на освященіе Покровской церкви. Какъ согласовать такія разнорѣчивыя

показанія относительно времени окончанія этой церкви? Если вѣрить, безсомнѣнія, имѣющей на луткахъ рѣзной надписи, то выходитъ что церковь строилась цѣлыхъ десять лѣтъ, считая отъ времени закладки—до освященія, а между тѣмъ она строилась иждивеніемъ такихъ богатыхъ людей, что кажется не должно бы быть остановки за матеріаломъ или рабочими: можетъ быть работа иконостаса, украшеннаго многочисленными рѣзными фигурами потребовала много времени на заготовленіе и сушку дерева для этихъ фигуръ, но все таки, при достаткѣ средствъ и эта работа не могла продолжаться такъ долго, и нѣтъ сомнѣнія, что церковь была окончена еще раньше 1770 года; но такъ какъ начавшіеся въ то время военныя дѣйствія не дозволяли главному строителю сей церкви П. Ив. Калнишевскому пріѣхать въ г. Ромны на освященіе ея, то Богослуженіе продолжалось по прежнему въ старой церкви, а новая оставалась не освященною до 1774 года, когда былъ заключенъ Кучукъ—Кайнарджійскій миръ, и Петръ Ивановичъ имѣлъ возможность уволниться отъ службы и лично присутствовать при освященіи выстроенной имъ церкви.

Это тѣмъ вѣроятнѣе, что послѣ устройства Покровской церкви въ г. Ромнѣ, Калнишевскій вознамѣрившись построить еще церковь на мѣстѣ своей родины въ с. Пустовойтовкѣ, не могъ самъ лично присутствовать тамъ, а посылалъ изъ сѣчи нарочнаго, съ прошеніемъ къ Митрополиту и съ наказомъ прихожанамъ, чтобы церковь „началась строиться неминуемо“ въ томъ же 1773 году.

Въ доказательство того, что самъ Калнишевскій присутствовалъ при освященіи Покровской церкви отчасти можно принять статистическое описаніе города Ромна, составленное въ 1859 году чиновникомъ М. В.

Д. г. Терещенкомъ, который при описаніи Покровской церкви между прочимъ говоритъ, что въ ней сохранились деревянныя, зеленой краскою окрашенныя сѣдалища для старшинъ войска Запорожскаго.*) Вѣроятно Калнишевскій пріѣзжалъ тогда со многими гостями изъ Запорожской сѣчи, и для нихъ то приготовлялись особыя сѣдалища. Два изъ этихъ сѣдалищъ двухъ—мѣстные и одно—одномѣстные, немного выше и шире двухъ-мѣстныхъ, стоятъ и теперь въ церквѣ, хотя уже очень обветшали, но еще цѣлые.

V.

При Покровской церквѣ, еще прежней,—старой, какъ и при другихъ церквахъ, существовали съ прошлаго столѣтія: школа и шпиталь,**) которые содержались отчасти на счетъ церковныхъ суммъ; такъ напримѣръ: въ 1764 году употреблено на „издѣлку школьныхъ сѣней—дано майстрамъ“ 1 р. 60 к., да куплено соломы „ради покрытія оной“ на 70 к. А въ 1767 году, вѣроятно по случаю устройства уже новой церкви, на новомъ мѣстѣ, пришлось передѣлывать и шпиталь, т. е. строить его на другомъ мѣстѣ; потому что не смотря на то, что въ 1764 году онъ починался „брали въ лисици,“ послѣ чего кажется могъ-бы существовать еще нѣсколько лѣтъ; въ 1767 году, какъ изъ книги расходовъ видно, онъ строился вновь: по той книгѣ выписано расходовъ: „за мѣсце на шпиталь что раскуповали, употреблено денегъ на работники и на харчъ—1 р. 20 к. За постройку шпиталья уплочено Федору Лисому денегъ 7 р. куплено кроковъ и лать на 87 к., соломы на 66 коп., гончаровъ, что сдѣлалъ печь и трубу дано 90 к.“ Расходы, какъ видно, и потому времени очень незначительные, должно полагать, что на постройку удѣлялась

*) Журналь М. В. Д. 1861 г. ч. 48.

**) См. выше 1-й отдѣлъ въ описаніи Соборной церкви.

изъ церковныхъ доходовъ самая не значительная сумма, а другіе расходы производились на счетъ пожертвованій собиравшихся нищими проживавшими въшпиталѣ.

Нельзя же повѣрить, чтобы хотя и за 130 лѣтъ можно было устроить какой-бы то нибыло домъ за 11 р. 85 к. которые тогда были выписаны изъ церковныхъ суммъ. Вообще шпитали при всѣхъ церквахъ, содержались на счетъ благотворителей, а школы назывались церковными только потому что были построены на церковной землѣ и въ нихъ обязательно проживали дѣтки занимавшееся обученіемъ дѣтей по добровольному условію съ родителями. Шпитали существовали при церквахъ, до устройства Богоугоднаго заведенія въ 1826 г., а школы до шестидесятыхъ годовъ.

VI.

Покровская церковь—нынѣшняя деревянная въ теченіи почти 130 лѣтняго существованія своего, капитально ремонтировалась только одинъ разъ въ 1827—30 годахъ; тогда подъ нее былъ подведенъ кирпичный фундаментъ, перемѣнены старыя подвалины перемощень полъ и перекрыта желѣзная крыша.

Въ церковномъ архивѣ, между старыми книгами, сохранилась досточка оклеенная съ обѣихъ сторонъ бумагою и съ надписью слѣдующаго содержанія: на одной сторонѣ: „Описаніе Покровскаго храма Роменской „Покровской церкви храмъ заведенъ въ городѣ Ромнѣ „еще прежде 1700 года, какъ о томъ оставшіеся знаки „церковныхъ вещей увѣряютъ, и поелику церковь По- „кровская древностію своею доказывающая даже пер- „воначальное заведеніе города при рѣкѣ Сулѣ и Ромнѣ, „имѣла повидимому сильныя недостатки оказываемыя „на оставшихся оловянныхъ чашахъ, писанныхъ Еван- „геліяхъ въ служеніи тогда употребляемыхъ, то пришедши

„въ крайнюю ветхость съ 1750 года не могла быть по-
„чинена и клонилась болѣе къ разрушенію, или все-
„гдашнему уничтоженію. Но дѣйствию благодати Божі-
„ей и изволеніе Пречистой Богоматери, не допускало
„храма сего до уничтоженія, вліяло въ сердца бывшаго
„войска Запорожскаго кошевому Петру Калнишевскому
„и Давиду Черному благословенное желаніе и самое
„намѣреніе соорудить вновь храмъ Покровскій, нынѣ
„существующій, собственнымъ ихъ коштомъ и иждиве-
„ніемъ въ 1764 году. И какъ въ то время при постройкѣ
„великолѣпное зданіе сіе, о пяти куполахъ, воздвигну-
„тое, не имѣло значительныхъ пожертвованій и запасу
„въ помощь благочестивымъ строителямъ онымъ, такъ
„и нынѣ того не имѣя, къ прискорбію душевному и со-
„жалѣнію приходитъ въ обветшаніе и требуетъ ни ма-
„лой суммы на приличную починку. Каковыя обсто-
„ятельства убѣждая служителей храма сего принять
„мѣры къ возстановленію сего драгоцѣннаго памятника,
„посредствомъ душеполезныхъ подаяній, въ надежду
„коихъ уже и предположена починка стоящая не менѣе
„пяти тысячъ руб. А въ разсужденіи обширности сего
„зданія весьма прилично и благолѣпно устроить и на
„хорахъ храмъ Благовѣщенія; какое дѣло почитая при-
„ятнымъ Богу и полезнымъ религіи христіанской, бла-
„гомыслящій пожертвователъ не отречется учинить посо-
„бія къ вѣчному воспоминанію имени своего въ храмѣ семъ.

Тамъ же (въ архивѣ) храниться подлинная книга
выданная 5 Мая 1827 года изъ Полтавской духовной
консисторіи, по резолюціи Преосвященнаго Георгія
Епископа Полтавскаго и Переясловскаго, прихожанину
Покровскому, Роменскому мѣщанину Ивану Устименку:
„на испрошеніе подаяній въ Полтавской епархіи, въ
„теченіи шести лѣтъ, на починку Покровской церкви
„и на постройку при оной вновь колокольни.“

Потомъ въ 1833 году 21 Апрѣля сдѣлана на этой книгѣ, консисторію,—надпись что Епископъ Наанаиль разрѣшаетъ еще на два года производить сборъ, въ Полтавской епархіи, на постройку колокольни. Но всего въ теченіи 8 лѣтъ собрано пожертвованій по той книгѣ только 142 руб. Тогда должно быть производили внутреннюю и наружную окраску стѣнъ, а крышу красили и золотили кресты въ послѣдній разъ въ 1853 году. Но иконостасъ со времени сооруженія его Калнишевскимъ ни разу не обновлялся, такъ какъ на обновленіе его позолотою потребовались бы большіе расходы, которыхъ Покровскіе прихожане, не могли бы выполнить никакими пожертвованіями.

Въ настоящее время вся внутренность церкви, при входѣмъ въ храмъ, представляеть въходящаго какъ-то необыкновенною, очень давнею стариною, выглядующую гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Своеобразный, очень рѣдкій стиль иконостаса, со множествомъ рѣзныхъ на немъ фигуръ, едва замѣтныхъ на большой высотѣ, припавшихъ пылью и совсѣмъ потемнѣвшихъ отъ времени, представляеть очень сѣдую древность.

Обратите особенное вниманіе на колоссальную фигуру Бога-Отца, сидящаго на самомъ верху иконостаса, окруженнаго Ангелами; или на Царскія врата, которыхъ каждая половинка шириною въ 1 арш. 3 верш. сдѣлана изъ одной цѣльной доски и на которыхъ вырѣзаны съ лицевой стороны Благовѣщеніе въ фигурахъ Пресвятой дѣвы и Архангела и многія разныя украшенія, тогда какъ обратная сторона достокъ (съ алтаря) на чисто выстрогана и нигдѣ не подклеена. Гдѣ теперь можно найти подробную рѣзбу? Эта хотя и не особенно давняя, но по необыкновенной отдѣлкѣ своей кажущаясь очень давнею,—рѣзба. Эта самая мрачность

иконостаса и стѣны, при первомъ входѣ въ церковь, обдастъ васъ какимъ то умилительнымъ чувствомъ благоговѣнія къ дѣламъ давнопочившихъ любителей благолѣпія храмовъ Божіихъ; и всегда вызываетъ особенное расположеніе къ смиренной молитвѣ. Въ особенности раннимъ утромъ, осенью и зимою, на всенощномъ Богослуженіи, которое привыкли здѣсь отправлять до разсвѣта, при слабомъ мерцаніи лампадъ и приносимыхъ усердными прихожанами маленькихъ свѣчей, здѣсь, въ этомъ по виду убогомъ и темномъ храмѣ забываются всѣ житейскія радости и невзгоды. Умъ и сердце невольно возносятся къ небу презирая суету и непостоянство земнаго странствованія. Я, съ давнихъ лѣтъ особенно любилъ ходить въ Покровскую церковь на утреню, въ темные зимніе ночи, часа за два—за три до разсвѣта и подъ кровомъ Пресвятой Богородицы всегда находилъ духовное подкрѣпленіе и утѣху во всѣхъ горестяхъ житейскихъ.

VI.

Покровская церковь, кромѣ богатаго иконостаса, сооруженнаго Калнишевскимъ, уставлена въ разныхъ мѣстахъ и въ боковыхъ придѣлахъ, множествомъ разнородныхъ иконъ, приносимыхъ въ даръ благочестивыми прихожанами. Нѣкоторые между ними есть въ серебрянныхъ окладахъ, но большинство совсѣмъ простыхъ. Есть нѣкоторые иконы по видимому очень старой живописи, но неизвѣстно сохранилась-ли какая нибудь изъ прежней старой церкви? Только на упомянутой выше дощечкѣ, на оборотной сторонѣ написано: „Свѣдѣніе объ иконѣ Троеручной.“ „Сія икона издревле еще находилась уважаемою, и въ прежде бывшей „Покровской церквѣ и оттуда перенесена въ сей храмъ, „и яко ветхая была въ сокровенномъ мѣстѣ до явленія

„своего во снѣ многимъ страдавшимъ различными бо-
„лѣзнями, съ какова поводу и поставлена на прилич-
„номъ мѣстѣ и какъ въ концѣ 18 столѣтія такъ и нынѣ
„бывъ признаваема истиннымъ изображеніемъ Тихвин-
„ской иконы св. Евангелистомъ Лукою написаннымъ
„съ младенцемъ на лѣвой рукѣ держимымъ, то пук-
„рашена по сердцу каждаго знаками въ серебрѣ и дру-
„гихъ приношеніяхъ заключающимися.—Рука же пра-
„вая при иконѣ сей начертанная означаетъ исцѣленіе
„отрубленной руки Іоанну Дамаскину, который послѣ
„того случая многіе написалъ догматы и составилъ
„книги на прославленіе восточной церкви.“*)

Слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что икона эта ос-
талась изъ старой церкви. Она и въ настоящее время
особенно почитается всѣми прихожанами Покровскими,
и въ день ея праздноваѣія, 26 Іюня, совершается все-
гда торжественное Богослуженіе при многочисленномъ
стеченіи молящихся.

Теперь эта икона, стоитъ въ особомъ большомъ кі-
отѣ за стекломъ, по лѣвую сторону иконостаса, при
входѣ съ сѣвернаго притвора, въ серебрянномъ вызоло-
ченномъ окладѣ. По церковной описи 1891 г. между
прочимъ отмѣчено, что кіотъ съ этою иконою, былъ об-
новленъ въ 1866 г. кушомъ Андреємъ Шумкомъ ста-
риннымъ и богатымъ нѣкогда прихожаниномъ Покровской
церкви, жившимъ тоже на Западнцахъ.

Богослужбныхъ книгъ, какъ изъ описи 1856 года
видно, сохранилось очень много изъ старой церкви,
нѣкоторые изъ нихъ есть печати шестисотыхъ, а нѣ-
которые семисотыхъ годовъ. Наиболѣе замѣчательны
изъ книгъ Евангелія: одно въ обыкновенный листъ,

---

*) Дощечка эта сдѣлана и подписана съ обѣихъ сторонъ, вышеказанными
надписями, должно быть въ 1827 году, какъ возваніе къ прихожанамъ о пожерт-
вованіи на починку церкви.

подъ зеленымъ бархатомъ, оправленное въ серебро, печати Московской 1748 г., съ надписью по листамъ „мѣщаниномъ Яковомъ Байдаковымъ 1757 года Ноября 2 дня.“ Другое тоже въ листъ подъ малиновымъ бархатомъ печатанное въ Москвѣ 1789 года съ надписью „Семеномъ Ревенкомъ 1790 года Мая 4 дня. „Третье въ полулистъ подъ малиновымъ бархатомъ, оправленное серебромъ съ позолотою вѣсу 1 фун. 48 золот., печати Львовской 1670 г. Юня 1-го неизвѣстно кѣмъ пожертвованное.

На цвѣтной тріоди, печатанной въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ 1724 году сохранилась только на второмъ листѣ надпись: „Рабъ Божій Іаковъ Байдоленко.“ на послѣдующихъ листахъ замѣтно продолжалась еще надпись, но къ сожалѣнію она вся обрѣзана, при переплетѣ книги, такъ что ничего не видно.

На постной тріоди, печатанной тоже въ Лаврѣ, въ 1727 году сохранилась вся надпись внизу на первыхъ 5 листахъ, такая: „Року 1732 мисяца Мая 19 сію книгу глаголемую тріодъ постную рабъ Божій Герасимъ сженою и дѣтьми ценою купилъ копъ за двенадцать и надалъ дохраму Покрова . . . *) на предздравіи стоящей за ютлу церков. своихъ довѣчанія часы.

За священства Стефана Петрова и Василія Иванова.“

Есть много еще и другихъ разныхъ книгъ печатанныхъ въ семисотыхъ годахъ т. е. оставшихся изъ старой церкви.

VIII.

При Покровской церквѣ, со времени сооруженія ея, не было особой большой колокольни, какъ вообще принято строить при всѣхъ церквахъ. Колокольня находилась всегда отдѣльно отъ церкви, на особо при-

---

*) Два слова заклеены при переплетѣ.

строенныхъ столбахъ. Въ 1827—35 годахъ хотя и собирали пожертвованія на постройку колокольни, но какъ выше сказано, таковыхъ собрано только 142 руб. такъ что должно быть много не доставало на починку церкви и потому колокольню оставили строить. А уже въ 1848 году была устроена небольшая деревянная колокольня, но и та по ветхости разобрана въ 1892 году и теперь колокола висятъ на столбахъ недалеко отъ церкви.

Въ 1894 году, въ церковномъ дворѣ, гдѣ стояла прежняя старинная церковь, отдѣленномъ теперь отъ нынѣшняго погоста, небольшимъ проулкомъ идущемъ къ Мухавцу и на Могилки, устроена и открыта церковно-приходская школа, въ которой обучается въ настоящее время отъ 50 до 60 душъ дѣтей обоего пола. И устроенъ рядомъ съ нею приличный домъ для священника—настоятеля церкви, каковымъ въ настоящее время состоитъ о. Феодоръ Мировичъ.

IX.

Богъ знаетъ по чьему наущенію Покровскіе прихожане издавна пришли къ тому убѣжденію, что настоящая ихъ церковь совсѣмъ не удобна для Богослуженія и тѣсна и холодна и скоро будто-бы разрушится. И вотъ болѣе двадцати лѣтъ они усиленно собираютъ деньги на постройку новой—каменной церкви, а о старой никто не хочетъ и подумать, не хотятъ удѣлить ни малѣйшей лепты къ поддержанію такого драгоценнаго памятника старины. Разумѣется желѣзо на крышѣ оставаясь болѣе 40 лѣтъ не крашеннымъ, поржавѣло и во время дождей бываетъ течъ на своды, наружная обшивка стѣнъ безъ окраски, тоже гниетъ и пропускаетъ мокроту на стѣны (оттого и дуетъ вездѣ). Но стѣны и купола этой церкви сдѣланы изъ такого крѣпкаго де-

рева, что на него ни время ни сырость не имѣютъ по видимому ни какого вліянія. Онѣ тверды какъ желѣзо и стоитъ только кое гдѣ обшелевать снаружи, покрасить краскою, и церковь останется еще на долго. Но теперь говорить не стоитъ починать ее. Уже собрано около 16 тысячъ, на новую, составленъ планъ и фасадъ, который выставленъ въ церквѣ съ убѣдительнымъ возваніемъ объ усиленіи пожертвованій. Новую церковь предполагаютъ строить немного выше нынѣшней подъ гору, фасадомъ на Полтавскую улицу.

Уже заготовлено много кирпича и только остановка за разрѣшеніемъ начальства, но въ семь году все таки предполагаютъ начать постройку. А старая церковь обречена на уничтоженіе, только иконостасъ съ нея предполагается поставить въ новой церквѣ.

Но если-бы хотя часть изъ собранныхъ денегъ употребить на ремонтъ старой церкви, кажется вышло-бы гораздо лучше. Стоитъ только поновить иконостасъ, (который все равно прійдется поновлять при переносѣ въ новую церковь) окрасить стѣны и крышу тогда старая церковь могла-бы существовать можетъ быть не одно столѣтіе и радовать своею древностію молодое поколѣніе.

ОТДѢЛЪ IV-й

ВОЗНЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

ОТДѢЛЪ IV-й

ВОЗНЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

I.

Въ архивныхъ отрывкахъ, для исторіи Полтавской губерніи, выпущенныхъ А. М. Лазаревскимъ, въ 1887 году, была напечатана, въ концѣ, Архіерейская грамота, на построение Вознесенской церкви въ г. Ромнѣ; подлинникъ которой хранится при церкви до настоящаго времени, во всей цѣлости.*)

Грамота эта слѣдующаго содержанія. „Варлаамъ „Ясинскій, Божією милостію православный архіепископъ, Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея малыя „Россіи, пречестному отцу протопопу Роменскому, со „всѣмъ духовенствомъ, и (всѣмъ ихъ) милостямъ паномъ „урядовымъ, ктиторомъ и парохіянномъ, жителемъ Роменскимъ, Божія архіерейско желаючи благословенія, „извѣстно творимъ, иже честній отецъ Романъ Высоцкій, пресвитеръ Ярошовскій, съ паномъ Андреемъ „Гайдукомъ, мѣщаниномъ Роменскимъ, предложили свое „благое намѣреніе ко благоугодному и святобливому „дѣлу, же—имѣють построить церковь, подъ мѣстомъ „Ромномъ, Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего „Исуса Христа, къ подвышенію и болшей чести Имени Его Трисвятого, панъ Андрей свой власній кгрунтъ „на мѣсце офѣруючи, а чесній отецъ Романъ своего

---

*) Грамота эта писана на полулистѣ обыкновенной бумаги, вдоль его, а другой полулистъ оставленъ чистымъ. Годъ проставленъ церковными цифрами по срединѣ приложена большая овальная печать и съ лѣвой стороны ея написано: «Рукою власною»

„ради спасенія лжаче коштѣ на сооружеиіе тоей цер-
„кви. Прето похвалное тое ихъ намѣреніе Боже спо-
„доби къ скорому привести и душеполезному соверше-
„нію, архіерейско желаемъ и благословляемъ: чест-
„ному отцу Роману тоеяъ освятити мѣсце, зачати и
„совершити дѣло на спасеніе душамъ правовѣрнымъ;
„а пречестній отецъ протопопа долженъ удѣлѣити паро-
„хиі, равно такъ яко и до иншихъ храмовъ, пастырско
„желаемъ. Писанъ въ катедрѣ новообновленной Епи-
„скопской—Черееасловской року 1700 Октоврія 16 дня.“

Изъ этой грамоты видно, что до 1700 года, у насъ въ городѣ Вознесенской церкви совсѣмъ не было, что „кгрунтъ оффированный“ т. е. подаренный Андреемъ Гайдукомъ, подь постройку церкви, до того времени не былъ еще ничемъ занятъ; даже находился не внутри города, какъ теперь,—а „подь мѣстомъ Ромномъ“ т. е. за городомъ,*) или за крѣпостнымъ ровомъ, за которымъ граждане начали селиться, должно быть не раньше XVII-го вѣка. Самъ—панъ Гайдукъ, подарившій свое мѣсто для церкви, какъ изъ преданія извѣстно,—жилъ, въ семисотыхъ годахъ, на нынѣшней Коржевской улицѣ, которой тогда еще не существовало, въ настоящемъ видѣ,**) а на мѣсто ея была „пробитая улица“ шедшая отъ крѣпостнаго вала, чрезъ нѣкоторые теперешніе дворы; находящіеся по Терновцовой улицѣ, пересѣкала Полтавскую и выходила къ „Житянской баштѣ“ бывшей на нынѣшней Аптекарской улицѣ.

II.

Не сохранилось нигдѣ ни плана, ни описанія какаѣ была сооружена, первоначально отцомъ Романомъ Вы-

*) Въ XVII вѣкѣ Ромень, въ нѣкоторыхъ актахъ именовался городомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстомъ, (miasto) что тоже, по польски,—означало городъ.

**) Дворъ бывшій еще за 30—40 лѣтъ назадъ, наслѣд. Гайдука, принадлежить теперь г. Червинскому и въ немъ помѣщается полицейское управленіе.

соцкимъ, церковь Вознесенія Господня, и почему именно, будучи пресвитеромъ Ярошовскимъ, о. Романъ вздумалъ соорудить „на свой коштъ“ церковь въ городѣ? Только изъ одного имѣющагося въ церковномъ архивѣ дѣла, о передѣлкѣ церкви, можно заключить, что первоначальная церковь, построенная о. Романомъ, была очень скромнаго размѣра и вѣроятно построена изъ старой церкви, такъ какъ чрезъ семьдесятъ лѣтъ Богослуженіе въ оной, по совершенной ветхости, было запрещено и по распоряженію духовнаго правленія она была запечатана.

Прихожане и священно-служители Вознесенской церкви, въ прошеніи поданномъ Митрополиту Кіевскому, 15 Марта 1782 года, объясняя между прочимъ, что уже 9 годовъ какъ церковь Вознесенская, по распоряженію духовнаго правленія, по совершенной ветхости, стоитъ запечатанною, а священно-служеніе производится въ другой церквѣ, небольшой—Св. Великомученицы Варвары, которая по близу сей Свято-Вознесенской церкви сдѣлана во мѣсто теплой;—просили: эту ветхую-запечатанную церковь, дозволить имъ разобрать и дерево съ нея употребить на выпалку кирпича, который они выдѣлываютъ уже, на заводѣ церковномъ, для новой каменной церкви. А иконостасъ чтобы позволили поставить на время, въ новой церквѣ, когда таковая будетъ выстроена,—изъ старой запечатанной церкви. Что имъ и разрѣшено было Митрополитомъ *).

III.

Удѣленная отцомъ протопопомъ, согласно выше приведенной грамотѣ Митрополита Варлаама Ясинскаго, отъ 16 Октября 1700 года, къ новостроющейся Возне-

---

*) Дѣло въ церковномъ архивѣ, при соборѣ, 1782 года объ устройствѣ въ г. Ромнѣ Вознесенской церкви.

сенской церкви, „часть парохіи“ изъ другихъ храмовъ, должно быть была незначительна, такъ какъ въ то время и другіе приходы, напримѣръ Соборный и Никольскій были еще малолюдны, и на томъ мѣстѣ, гдѣ устроилась новая церковь было совсѣмъ мало жителей. Но потомъ въ теченіи 60 лѣтъ, отъ 1700 до 1761 года, Вознесенскій приходъ сдѣлался гораздо многочисленнѣе другихъ приходоѡ въ городѣ. По вѣдомости составленной по указу Кіевской консисторіи 3 Іюня 1761 года, показано въ этомъ приходѣ: дворовъ настоящихъ 132 въ нихъ мужскаго пола 502 д. женскаго 541 д. бездворныхъ хатъ 5, въ нихъ мужскаго пола 8 д. женск. 10 д. подсуѣдковъ разныхъ владѣльцевъ и въ наемныхъ дворахъ живущихъ 61, въ нихъ мужск. пола 154 д. женск. 175 душъ; а всего во всемъ приходѣ мужскаго пола 664 душъ и женскаго 726 душъ. Однако не смотря на такое значительное число прихожанъ, они болѣе пятидесяти лѣтъ помѣщались въ небольшой деревянной церкви, построенной о. Высоцкимъ и даже не имѣли колокольни при ней. Уже въ 1753 году собрались выстроить колокольню и подъ нею не большую каменную церковь.

Церковь эта, какъ изъ дѣлъ духовнаго правленія видно, была заложена во имя Св. Велико-мученицы Варвары, 4 Сентября 1753 года, по благословенію Кіевскаго Митрополита, протопопомъ Роменскимъ Павломъ Свѣтомъ, и строилась 10 лѣтъ, такъ что освященіе ея происходило въ 1763 году,—Изъ церковной описи составленной 15 Апрѣля 1801 года, видно что Св. Антиминъ былъ выданъ въ эту церковь, за подписью Митрополита Кіевскаго Арсенія Могилянскаго 17 Декабря 1763 года.

Эта небольшая церковь, подъ колокольнею, построенная прихожанами, по близу Вознесенской церкви,

„вмѣсто теплой“ существуетъ до настоящаго времени, почти безъ всякаго измѣненія; и только чрезъ 13 лѣтъ послѣ устройства нынѣшней каменной церкви, бывший тогда, богатый церковный благотворитель—Василій Петровичъ Троянскій, *) пожсаль сдѣлать изъ нея теплую церковь, устроилъ печки и маленькіе хоры, передѣлалъ, на свой счетъ иконостасъ и постарался вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и въ соборѣ, оставить память своего патрона—переименовавъ ее въ трехъ-Святительскую. Но, чтобы сохранить память: во имя кого выстроена первоначально эта церковь,—престолъ Св. Вел.-мучен. Варвары перенесли на хоры въ большую церковь. **)

IV.

Къ концу прошлаго столѣтія, когда число Вознесенскихъ прихожанъ увеличилось и маленькая церковь, построенная въ 1763 году, вмѣсто теплой, оказалась тѣсною, а выстроенная въ 1700 году от. Романомъ Высоцкимъ деревянная, начала приходить въ ветхость и въ 1773 году, Богослуженіе въ ней было запрещено, прихожане начали заботиться объ устройствѣ новой каменной и болѣе просторной церкви.—Для этаго они прежде всего устроили кирпичный заводъ, какъ вообще дѣлалось, въ тѣ времена, чтобы заблаговременно готовить матеріалы потребные на устройство предполагаемаго зданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ извлекать хоть не большой доходъ, съ кирпичнаго завода.

Операция эта, нада полагать, производилась около 15 лѣтъ; такъ какъ изъ прошенія прихожанъ, поданнаго 15 Марта 1782 года, о дозволеніи разобрать старую церковь и дерево съ нея употребить на выпалку кирпича, видно, что въ то время уже выдѣлывали кирпичъ

*) См. выше во II-й части и въ описаніи соборной церкви.

**) На иконостасѣ въ теплой церквѣ, внизу по колонамъ, вырѣзана паупись: «1814 года коштомъ купца Василя Троянскаго, сооружень сей иконостасъ».

на церковномъ заводѣ, между тѣмъ какъ закладки новой церкви происходили лишь 10 Мая 1795 года.

V.

При Вознесенской церкви сохранилась одна, интересная книга расходовъ, произведенныхъ во время постройки нынѣшней каменной церкви. Нѣкоторые статьи расходовъ, изъ этой книги, я приведу здѣсь цѣликомъ, безъ всякаго измѣненія, какъ важный историческій документъ, относящійся къ постройкѣ церкви.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1794 года, уполномоченные прихожане Вознесенскіе, ѣздили въ Черниговъ „за благословительною грамотою“ на заложеніе новой—каменной церкви, и на испрошеніе книги для добротныхъ подаяній. При этомъ произведены слѣдующіе расходы: „за подводу въ Черниговъ и обратно заплачено“ 5 р. 50 коп.

„Издержано на харчи въ Черниговѣ и въ дорогѣ— 4 руб. 76 коп.“

Преосвященному Черниговскому—Героею въ поклонъ поднесено:

Водки мушкатной, красной, сладкой $6\frac{1}{4}$ кварть, по 2 руб.—на 12 руб. 50 коп. „за боченокъ на эту водку— 15 коп.“ „вина волощскаго—краснаго 15 кварть, по 35 коп.—на 5 руб. 25 коп.“ „за боченокъ 35 коп.“ „лимоновъ свѣжихъ 35 штукъ по 20 коп.—на 7 руб. булокъ нарочно спеченныхъ—на 25 коп.“

Секретарю династерскому:

„Вина боченокъ $13\frac{1}{2}$ кварть по 35 коп.—на 4 р. 55 к., боченокъ на вино 20 к., лимоновъ 15 штукъ по 20 коп.—3 руб., ассигнацію пятирублевую одну—5 р., хлѣба на 20 коп.“

Въ династеріи:

„Въ Архіерейску казну, за грамоту дано 3 руб. новитчику дано 4 руб. въ протоколь дано 1 р. разнымъ писцамъ—канцеляристамъ на галду 2 руб. Уѣздному Конотопскому землемѣру Павлу Ивановичу Стуцаковскому, на прогоны изъ Чернигова и въ Черниговъ изъ Ромна, дано 18 руб. ему же за показаніе по плану мѣста на церковь, впередъ дано 20 руб.“

Затѣмъ при закладахъ церкви, въ день Вознесенія Господня, 10 Мая 1795 года, выведено въ расходъ:

„Артема Матвѣевича Человѣку, за приводъ и убой вола, дано 20 коп. за очистку онаго вола и телятины мяснику 60 коп. Жайворонку за 12 тушь бараньихъ, по 60 коп.—7 руб. 20 к. на водку, наливку, чай, кофе, вино, на разные закуски и на приготовленіе обѣда, всего израсходовано 183 руб. 68 коп.“

Въ томъ числѣ:

„Дано о. протопопу Терешкевичу 10 руб. и ему же купленъ коверъ въ подарокъ за 8 руб. куплено два килима для подарковъ: от. протопопу Войнѣ и намѣстнику Даніилу Григоровичу за 5 руб. от. протопопу Войнѣ въ поклонъ дано 10 руб.

Окончена нынѣшняя каменная церковь, черною работою, 30 Сентября 1797 года. „Строилась два года, четыре мѣсяца и 20 дней; и 1 Октября былъ отпѣтъ благодарственный молебень въ новой церквѣ; но послѣ этого, чрезъ 12 дней, въ ночь съ 12 на 13 Октября, „средній куполь упалъ, однако мастеромъ былъ исправленъ вновь порядочно.“

Затѣмъ въ теченіи 3½ лѣтъ: 1798, 1799, 1800 и по Іюль 1801 года, производилась внутренняя отдѣлка церкви. Но иконостасъ все таки, на первыхъ порахъ былъ поставленъ изъ старой разобранной церкви; такъ

какъ освященіе церкви происходило 21 Іюля 1801 года, а новый иконостасъ освящался 19 Августа 1806 года, по благословенію Преосвященнаго Сильверста Епископа Полтавскаго и Переясловскаго.

Каменные и штукатурные работы, по устройству новой церкви, производилъ поорядчикъ Тульскій купецъ Николай Ивановичъ Дубровинъ, — неизвѣстно за какую цѣну, — онъ же передѣлывалъ, на свой счетъ, упавшій средній куполь. Новый деревянный иконостасъ дѣлалъ Сосницкій мѣщанинъ Иванъ Бабицкій, изъ своего дерева за 500 руб., а золотилъ иконостасъ Сумской мѣщанинъ Наумъ Ильинъ Катрунцовъ, на всемъ его коштѣ, за двѣ тысячи рублей ассигнаціями. Иконостасъ этотъ былъ простой столярной работы, почти безъ всякихъ рѣзныхъ украшеній, исключая рамокъ около иконъ, и выдавался выпуклостію во внутрь церкви, такъ что помѣщеніе въ олтарѣ было тогда больше чемъ теперь; полукруглые тумбы его, съ намѣстными иконами и царскія врата, занимали почти все мѣсто нынѣшней солеи, отчего помѣщеніе въ церквѣ было меньше нынѣшняго *).

Освящалась новая церковь, какъ записано въ той же книгѣ, — въ недѣлю 21 Іюля 1801 года, за Архіепископа Черниговскаго Виктора Садковскаго, за губернатора Черниговскаго д. с. с. Ивана Васильевича Фрезендорфа, за городничаго Роменскаго Ивана Николаевича Савицкаго, за протоіерея Роменскаго Трофима Терещкевича, настоятелей Вознесенской церкви: Григорія Троянскаго и Даніила Березовскаго и ктиторовъ: Саввы Рымаренка, Игната Андрусяченка и Оомы Гусакова.

---

*) Иконостасъ этотъ разобралъ и уничтоженъ въ 1869 году, а на мѣсто его сдѣланъ настоящій выдающійся выпуклостію въ олтарѣ.

При освящені церкви были произведены слѣдующіе расходы:

„Дано протоіерею Терешкевичу съ присутствующими 30 руб., діакону Вознесенской церкви Θεодору, дано—2 руб., діакону Покровскому NN дано—1 р. 50 к., повару, кухаркамъ, на мясо, вино, булки и вообще на все угощеніе, издержано—112 руб. 20 коп.*)

VI.

Послѣ этаго Вознесенская церковь существуетъ, болѣе 90 лѣтъ, по наружности почти безъ всякаго измѣненія, только внутренній видъ ея нѣсколько разъ обновлялся, украшался и обогащался приношеніями и жертвованіемъ усердныхъ прихожанъ. Со времени перевода Ильинской ярмарки отъ Собора за городъ, послѣ уничтоженія крѣпостныхъ рововъ и баштъ, и особенно послѣ проведенія Полтавской улицы отъ гостиннаго двора, до р. Сулы и новаго распланированія города, вокругъ Вознесенской церкви; по Полтавской улицѣ и на предмѣстьѣ Коржевку, начали селиться многіе обыватели.

Вознесенскій приходъ сдѣлался довольно многочисленнымъ и богатымъ, такъ какъ здѣсь селились преимущественно люди торговаго сословія и иногородніе, привлекаемые ярмарочными выгодами, поближе къ гостинной площади, которые дѣлали значительныя пожертвованія на церковь, во время ярмарокъ особенно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, во время наибольшаго развитія оброчнаго Ильинской ярмарки. — Вознесенская церковь украсилась цѣнною утварью и серебрянными окладами на иконы. Иванъ Степановичъ Терновецъ, перешедшій въ сороковыхъ годахъ, изъ Соборнаго—въ Вознесенскій приходъ, тоже дѣлалъ много пожертвова-

*) Всѣ подробности расходовъ, сдѣланныхъ какъ при закладинахъ церкви, такъ и при освященіи, выписаны отдѣльно по статьямъ, въ упомянутой церковной книгѣ, которая хранится и теперь въ церковной библиотекѣ.

ній, но только на двухъ предметахъ сохранилась его память. На серебрянномъ круглommъ сияніи, висящемъ надъ Царскими вратами, въ серединѣ котораго вылито изъ серебра изображеніе Духа-Святаго, въ видѣ голубя, вырѣзано: „отъ Ивана и Маріи Терновцовыхъ 1853 г.,“ вѣсу въ немъ 8 фун. И на царскихъ вратахъ, на одной половинѣ вырѣзана, большими буквами надпись: „Въ Роменскую Вознесенія Господня церковь, въ память рабы Божіей Маріи урожденной Тромониной, бывшей въ супружествѣ 25 лѣтъ, скончавшейся 12 Іюля 1853 года, отъ роду 45 лѣтъ.“ А на другой половинѣ: „сдѣланы въ Москвѣ отъ супруга ея Роменскаго купца Ивана Степановича Терновца 1854 г. Февраля 25 ч. чистаго серебра 84 пробы 51 фун. 53 золотн. работаны у мастера М. Зентыева.“ Эти царскія врата и сияніе надъ ними, послѣ передѣлки, въ 1869 году, иконостаса, пристроены въ новый (нынѣшній иконостасъ) безъ всякаго измѣненія. Серебрянные ризы на намѣстныя иконы: Спасителя и Божіей Матери, пожертвованы Московскими торговцами—братьями Лоташовыми, въ память умершаго здѣсь въ Ромнѣ, во время Ильинской ярмарки, въ 1829 году, брата ихъ—Павла Лоташева. На многихъ большихъ иконахъ, вверху на иконостасѣ, тоже имѣются серебрянные чеканныя ризы, сдѣланныя въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, но безъ надписи къмъ они пожертвованы.

Изъ числа иконъ, украшающихъ Вознесенскую церковь, самую старинною и драгоцѣнною считается икона Іерусалимской Божіей Матери, стоящая въ особомъ рѣзномъ киотѣ, по лѣвую сторону при входѣ въ церковь, съ западныхъ дверей, которая съ давняго времени особенно почитается всѣми прихожанами и очень часто, при всякихъ радостныхъ и печальныхъ случаяхъ, обносится по домамъ, для молебнаго пѣнія предъ нею.

Икона эта, по преданію, находилась издавна въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ и будто бы есть точный списокъ съ иконы писанной св. Евангелистомъ Лукою. Она была въ богатой золотой ризѣ, украшенная многими драгоценными камнями, знаки которыхъ и теперь видны росписанными красками на одеждѣ Богоматери и отчеканены на нынѣшней—серебрянной ризѣ. Въ 1812 году, во время нашествія Французовъ, икона эта, неизвѣстно кѣмъ, была похищена изъ Собора и весь драгоценный окладъ съ нея снятъ, а поименованіи всѣхъ бѣдствій войны, она очутилась въ домѣ Московскихъ купцовъ братьевъ Губкиныхъ, которые торговали золотыми и серебрянными вещами и ежегодно бывали въ Ромнѣ, съ своими товарами, на Ильинской ярмаркѣ. Эти Губкины квартировали всегда, во время ярмарокъ, въ домѣ бывшего тогда Вознесенскаго старосты—корнета Гусакова,*). и какъ самы они были старообрядцы, то привезли эту икону въ 1813 или 1814 г. въ Ромень и подарили (какъ особую святыню православныхъ) своему хозяину по квартирѣ—Гусакову, а онъ тогда же, отдавъ ее въ церковь. Нѣсколько лѣтъ она стояла въ боковомъ притворѣ въ числѣ прочихъ иконъ приносимыхъ въ даръ прихожанами; но потомъ нѣкоторымъ набожнымъ старухамъ, начала являться въ сновидѣніяхъ, какъ чудодѣйственная, наставлять и предохранять ихъ въ разныхъ житейскихъ невгодахъ и болѣзняхъ; тогда начали собирать пожертвованія, сдѣлали на нее въ сороковыхъ годахъ серебрянную вызолоченную ризу; а церковный староста Павленко сдѣлавъ настоящій киотъ, поставили ее среди церкви на видномъ мѣстѣ, и съ тѣхъ поръ она начала обноситься по домамъ прихожанъ**).

*) Это дворъ былъ рядомъ съ дворомъ Мачитскаго, а нынѣ городская управа.

**) Изъ подлиннаго разсказа бывшего церков. старосты В. Л. Семенчинова.

Есть также много других цѣнныхъ иконъ, лампадъ, подсвѣчниковъ и другихъ вещей, пожертвованныхъ въ разное время разными благотворителями. Въ особенности ризница изобилуетъ многими цѣнными облаченіями, приносимыми, по заведенному издавна обычаю, въ даръ прихожанами, при погребеніи усопшихъ ихъ родственниковъ.

Все это подробно описано въ церковной описи и перечислять его здѣсь нѣтъ никакой надобности.

Въ числѣ Богослужбныхъ книгъ, особенно старинныхъ, при Вознесенской церкви, неимѣется. Есть только одно Евангеліе Кіевской печати 1697 года и одно Московской 1747 года, да одинъ маленькій дребникъ, хранящійся въ библиотекѣ, безъ употребленія, не известно какого года, такъ какъ заглавнаго листа при немъ не имѣется; но по формату и шрифту печати сходственный съ требниками изданія Кіево-Печерской лавры, конца шестисотыхъ годовъ, на верхней доскѣ котораго видѣланъ очень стариннаго формата мѣдный крестъ.

VII.

Колокольня устроенная при Вознесеніи, въ 1753—63 году, надъ теплою церковью, была одно ярусная четырехъ угольная, надъ нею возвышался тонкій шпиль, на которомъ стоялъ крестъ. На подобіе нынѣшней Никольской колокольни. Внизу этой колокольни, къ притвору теплой церкви, пристроена, въ 1879 году, каменная сторожка. А въ 1895 году, усердіемъ членовъ попечительства и церковнаго старосты Ив. Кондр. Бондаренка, старая колокольня передѣлана, шпиль уничтоженъ, а на мѣсто его надстроены второй ярусъ, въ которомъ помѣщены всѣ колокола. Отъ такой передѣлки колокольня получила очень красивый видъ и сдѣлалась гораздо выше прежней. Послѣ того передѣланъ притворъ

при теплой церквѣ, и въ немъ съ 1 Октября 1896 года открыта церковно-приходская школа, подъ управленіемъ священника о. Андрея Осипова.

Въ настоящее время, староста и попечительство, принялись возобновить во всемъ болышую церковь. Съ весны сего года производятся въ ней громадныя работы: весь иконостасъ снятъ и возобновляется живопись и рѣзба, всѣ серебряныя ризы на иконахъ перечищаются, полъ въ церквѣ и всѣ окна сдѣланы новые, съ разширеніемъ лутокъ, для большаго свѣта; бывшій на хорахъ иконостасъ съ престоломъ во имя св. В-муч. Варвары снятъ, и хоры теперь сдѣланы маленькіе, только для однѣхъ пѣвчихъ. Дѣлаются новыя печи, перекрывается крыша и проч. Словомъ остались только прежніе стѣны въ своемъ видѣ, а все остальное внутри и снаружи передѣлывается и обновляется. Такой ремонтъ, какъ говорятъ, будетъ стоить болѣе 6000 рублей и все это дѣлается, благодаря энергіи старосты, на мѣстныя средства попечительства и прихожанъ, безъ всякой посторонней помощи.

Table with multiple columns and rows, containing faint text, likely a ledger or list of items. The text is mostly illegible due to fading and low resolution.

№ 173 0

СРЕД. РА. 07.14.1917

ОТДѢЛЪ V-й

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

ОТДѢЛЪ V-й

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

I.

Еще при началѣ постройки каменныхъ лавокъ, гостиннаго двора, въ 1864 года, лавковладѣльцы и избранный отъ нихъ строительный комитетъ, вознамѣрились устроить среди гостиннаго двора каменный трехпрестольный храмъ въ память славнаго царствованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го. Комитетъ объявилъ повсемѣстно въ газетахъ конкурсъ на составленіе проекта храма, а лавковладѣльцы по приговору 18 Іюня 1864 года, опредѣлили: изъ остаточной отъ постройки лавокъ суммы, употребить на устройство сего храма тридцать тысячъ рублей.

Послѣдствіемъ этого, въ 1867 году, былъ признанъ, удовлетворяющимъ цѣли, проектъ губернскаго архитектора—Михайловскаго, которымъ была составлена и смѣта на постройку, въ суммѣ 28733 р. 46 коп.

Проектъ этотъ и смѣта были одобрены общимъ собраніемъ лавковладѣльцевъ, по приговору 15-го Мая 1868 года, и было поручено комитету ходатайствовать установленнымъ порядкомъ объ утвержденіи онаго и затѣмъ о постройки церкви.

Но, пока происходила переписка о разрѣшеніи постройки церкви, объ изысканіи источника на содержаніе причта и проч. Комитетъ, какъ учрежденный собственно для постройки лавокъ, по окончаніи этой постройки, по распоряженію губернскаго начальства, былъ закрытъ,

дѣла онаго переданы въ бывшую городскую думу и, такимъ образомъ построение церкви приостановилось*).

II.

Послѣ прискорбнаго событія 1 Марта 1881 года, поразившаго ужасною печалію всю Россію, Роменская городская дума, въ экстренномъ собраніи 10 Марта, повергая предъ Высочайшимъ трономъ, свои вѣрноподданническія чувства соболѣзнованія, тогда же рѣшила: „въ память сего горестнаго событія, которымъ до конца жизни будетъ скорбѣть русскій народъ,“ воздвигнуть среди гостиннаго двора, храмъ гдѣ бы кромѣ постоянного Богослуженія ежегодно 1 Марта совершалась панихида объ упокоеніи души безвременно почившаго Царя—мученика АЛЕКСАНДРА II-го.

Для выработки проекта сего храма и для производства всѣхъ работъ, была избрана тогда же комиссія изъ гласныхъ думы: Л. С. Терновца, Ѳ. А. Миrowsкаго, В. В. Панѣвина, В. Л. Семенчинова, Г. Т. Симонова, В. Т. Бутова, М. С. Рѣпчанскаго, М. Е. Андрусяченка и И. И. Омельченка. Вмѣстѣ съ тѣмъ предложено пригласить лавковладѣльцевъ о пожертвованіи, согласно прежнему ихъ приговору, суммы на постройку храма и объ открытіи подписки доброхотныхъ подаяній, внутри города. Лавковладѣльцы собравшіеся по приглашенію городской управы 11 Мая 1881 года, опредѣлили выдать изъ оставшагось отъ постройки лавокъ капитала, 20000 руб. сереб., остальные же сколько бы таковыхъ потребовалось на постройку, комиссія предполагала собрать по подпискѣ.

Въ возмездіе за такое усердіе думы и лавковладѣльцевъ, было получено отъ г. Полтавскаго Губерна-

---

*) Дѣло городской управы о постройкѣ церкви среди гостиннаго двора 1881 года.

тора, на имя городского головы, отъ 4 Октября, за № 5397, уведомленіе, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, о постановленіи думы, устроить на площади внутри гостиннаго двора, церковь въ память въ Божѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, отчислить для сего изъ капитала принадлежащаго лавковладѣльцамъ гостиннаго двора, согласно ихъ приговору 20000 руб. и открыть въ предѣлахъ города подписку на добровольныя пожертвованія,—Всемилоствѣйше повелѣть соизволилъ: искренно благодарить за сіе Роменскую городскую думу и вышеупомянутыхъ жертвователей.

III.

Избранная думою комиссія, предположила принять отчасти первоначальный проектъ архитектора Михайловскаго; храмъ строить во имя Св. Александра-Невскаго, трехпрестольный, съ двумя придѣлами: первымъ въ память событія 1 Марта во имя препод. муч. Евдокии и вторымъ во имя св. прор. Иліи. Городская дума уступивъ безвозмездно часть гостинной площади, сдѣлала представленіе начальству объ измѣненіи, вслѣдствіе этой уступки, плана на г. Ромны, которое послѣдовало 24 Августа 1881 года.

Планъ и проектъ храма, по представленію комиссіи, былъ утвержденъ Архіепископомъ Полтавскимъ—Іоанномъ 4 Февраля 1882 года, а 2 марта было освящено мѣсто предположенное подъ церковь, огороженъ весь погостъ, посажены на немъ деревья превратившіесь теперь въ роскошный садъ и началось заготовленіе строительныхъ матеріаловъ.

Затѣмъ 20 Мая того-же года, по благословенію преосвященнаго Архіепископа Полтавскаго, были произ-

ведены закладыны церкви, всѣмъ городскимъ духовенствомъ, въ присутствіи всѣхъ начальствующихъ въ городѣ гражданскихъ и военныхъ чиновъ и многочисленныхъ гражданъ. При чемъ было издержано: на мѣдную доску положенную въ основаніе, съ восточной стороны, подъ олтарною стѣною, съ установленною надписью о времени закладки церкви 40 р., роздано духовенству и пѣвчимъ 66 руб. 75 коп. и употреблено на закуску 188 р. 92 к. *) Съ этого времени постройка церкви производилась безостановочно въ 1883 и 1884 годахъ. Хотя по первоначальной смѣтѣ, составленной въ 1864 г. архитекторомъ Михайловскимъ, предполагалось сдѣлать всѣ постройки, за 28733 р. 46 к. но, по случаю нѣкотораго измѣненія въ проектѣ и значительнаго вздороженія, — чрезъ 20 лѣтъ, всѣхъ строительныхъ матеріаловъ, этой суммы недостаточно было даже въ двойномъ количествѣ, и комиссія издержавъ выданные, въ ея распоряженіе, изъ лавковладѣльческаго капитала 20000 р. и всѣ поступившіе пожертвованія отъ мѣстныхъ гражданъ, начала входить въ долги и обратилась съ просьбою о добавкѣ еще хотя 10000 руб. на окончаніе церкви. По этой просьбѣ лавковладѣльцы собравшіеся по приглашенію управы, 12 Апрѣля 1884 года постановили: такъ какъ по суду взыскано съ наследниковъ бывшего Полтавскаго губернатора Могилевскаго, растраченные въ 1830 годахъ, въ приказѣ общественнаго призрѣнія, изъ числа суммъ Роменскаго гостиннаго двора, 11908 р. 6 к., которые хранятся въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ, то деньги эти, какъ случайную находку, по поступленіи ихъ, выдать всѣ на окончаніе постройки Александровской церкви.

---

*) См. дѣло объ устройствѣ Александровской церкви, въ архивѣ городской управы.

Но все таки и этого пожертвованія оказалось далеко не достаточнымъ, на окончаніе такого большаго и великолѣпнаго храма, какимъ онъ былъ начать, по утвержденному плану и проѣкту.

Въ засѣданіи думы 25 Мая 1888 года, между прочими дѣлами, разсматривался отчетъ комиссіи по постройкѣ сего храма, съ 1 Января 1882 по 1 Января 1888 года, изъ котораго видно, что на приходъ поступило за это время 35373 р. 48 коп., а израсходовано 40152 р. 59 к., т. е. болѣе на 4779 р. 11 к., а если присоединить къ нимъ записанные на приходъ, поступившіе отъ членовъ комиссіи, 2150 руб., то выйдетъ расхода болѣе на 6928 р. 11 к., которые израсходованы изъ собственности членами комиссіи, изъ коихъ однимъ В. В. Панѣвинымъ 5464 р., что постройка вчернѣ окончена, остались работы: дверей, половъ, оконъ, крыльца, печи и внутренняя штукатурка. При чемъ комиссія заявляла, что такъ какъ храмъ этотъ, по окончаніи долженъ быть приписанъ къ какой нибудь церквѣ, что средствъ на окончаніе его не имѣется и что членами затрачено до 7000 р. и членами же затратившими эту сумму, предлагаются теперь средства на окончаніе работъ, но при желаніи чтобы храмъ былъ приписанъ къ Вознесенской церквѣ, такъ какъ сдѣлать его самостоятельнымъ нельзя и думать по неимѣнію средствъ, на обезпеченіе содержанія причта, требующихся 46 ст. уст. духов. консист. По этому комиссія, признаетъ воспользоваться предложеніемъ нѣкоторыхъ членовъ „изъ Вознесенскихъ прихожанъ“ докончить имъ постройку на свой счетъ и ходатайствовать о припискѣ онаго къ Вознесенской церквѣ. Городская дума, соглашаясь вполне съ такимъ заявленіемъ комиссіи, постановила: отчетъ ея утвердить и ходатайствовать гдѣ слѣдуетъ, о припискѣ, новостроющагося храма, въ

память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го къ Вознесенской церквѣ.

Въ послѣдствіи такого ходатайства, было получено 22 Ноября 1888 года за № 12345, увѣдомленіе Полтавской духовной консисторіи, что Александровская церковь будетъ приписана къ Вознесенской, по окончаніи и освященіи оной.

IV.

Послѣ этого постановленія думы и полученнаго на оное увѣдомленія духовной консисторіи, всѣ работы по окончанію Александровской церкви остались—какъ сказано—на попеченіи членовъ комиссіи „Вознесенскихъ прихожанъ“ въ числѣ которыхъ состояло въ это время въ комиссіи только четыре члена: Л. С. Терновець, В. В. Панѣвинъ, Ф. Л. Мироновскій и М. Е. Андрусаченко. Эти четыре человекъ приняли на себя всѣ труды и заботы къ скорѣйшему окончанію всѣми желаемаго храма, и по истинѣ могутъ назваться первыми его фундаторами и совершителями.

При ихъ христіанскомъ благочестіи, усердной дѣятельности и значительныхъ пожертвованіяхъ принесенныхъ на дѣло строительства церкви; начатый храмъ, не только былъ оконченъ, сравнительно въ скоромъ времени, къ общему утѣшенію всѣхъ православныхъ жителей города; но украшенъ, возвеличенъ внутреннимъ благолѣпіемъ, гораздо лучше другихъ городскихъ церквей; и какъ памятникъ такого важнаго событія, не былъ приписанъ, какъ предполагалось, къ Вознесенской церквѣ, а сей часъ по освященіи, остался самостоятельнымъ приходомъ, по ходатайству тѣхъ же самыхъ благодѣтелей,—какъ ниже увидимъ.

V.

Хотя названные совершители Александро-Невскаго храма, по присущему всѣмъ простымъ сердцамъ, христіанскому смиренію, необъявляли и не желаютъ говорить никому о своихъ значительныхъ жертвахъ, принесенныхъ ими на дѣло благолѣпія дома Божія, но каждый приходящій въ этотъ храмъ на молитву, при первомъ взглядѣ на его внутреннее и внѣшнее украшеніе, можетъ судить сколько принесено тутъ трудовъ и жертвъ.

Не имѣя также права, при жизни благотворителей, безъ ихъ соизволенія восхвалять и перечислять всѣ ихъ жертвы: я только поверхностно, для памяти потомства и для будущаго историка, долженъ разсказать покрайней мѣрѣ, какъ окончилась, украшалась и освящалась эта церковь.

Прежде всего, чтобы осуществить общее желаніе всѣхъ православныхъ жителей города, и скорѣе окончить начатый храмъ, порѣшили на время оставить его одно престольнымъ, во имя св. Благовѣрнаго князя Александра-Невскаго. Иконостасъ былъ заказанъ мѣстному мастеру рѣзчику и позолотчику—Титаренку, который дѣлалъ его по указанію и подъ личнымъ наблюденіемъ члена комиссіи М. Е. Андрусяченка.

Намѣстныя иконы нижняго яруса сдѣланы извѣстнымъ академикомъ живописи—Рокачевскимъ, въ Кіевѣ; а верхняго яруса дѣлались въ Москвѣ, тамошними художниками, за которые заплачено Панѣвинымъ 3000 р.

Половину расходовъ по сооружеію иконостаса, принялъ на себя членъ комиссіи потомственный почетный гражданинъ Л. С. Терновець, а другая половина собрана по подпискѣ В. В. Панѣвинымъ, разумѣется при его щедромъ починѣ; весь же иконостасъ съ позолотою и живописью обошелся около 10 тысячъ рублей сереб.

Прекрасная стѣнная живопись въ олтарѣ: моленіе о чашѣ Рождество Христово и распятіе въ нишѣ надъ жертвенникомъ,—произведена здѣшнимъ живописцемъ Огрѣшкомъ, по указанію и усердію М. Е. Андрусаченка, который можно сказать, болѣе всѣхъ принималъ трудовъ и заботъ при внутренней отдѣлкѣ церкви: при окраскѣ стѣнъ, при уставленіи иконостаса, престола, жертвенника и проч.

Вся богатая и цѣнная утварь, какъ то: напрестѣльные кресты, Евангелія, чаши, лампы, подсвѣчники, и богатые облаченія на престолѣ, жертвенникѣ и священническихя, приобрѣтены въ Москвѣ, на пожертвованія членовъ комиссіи и другихъ благотворителей, имена которыхъ извѣстны будутъ предъ престоломъ Всевышняго.*)

Такимъ усердіемъ и щедрыми пожертвованіями храмъ этотъ былъ оконченъ и снабженъ всею утварью, лѣтомъ 1891 г. И комиссія доводя объ этомъ до свѣдѣнія городской управы, просила сдѣлать распоряженіе, чтобы освященіе его было произведено въ среднихъ числахъ Сентября, во время существующей въ г. Ромнѣ Александровской ярмарки, когда могутъ быть пожертвованія отъ пріѣзжихъ торговцевъ и такъ какъ новоустроенный храмъ будетъ приписанъ къ Вознесенской церквѣ, то представить думѣ объ избраніи старосты, дабы при освященіи было кому распоряжаться и сохранять церковное имущество.

VI.

Означенный выше докладъ комиссіи разсматривался въ засѣданіи думы 5 Сентября 1891 г., причемъ

---

*) Вся утварь и всѣ облаченія подробно записаны въ церковной описи и потому здѣсь нѣтъ надобности перечислять все. Тѣмъ болѣе, что цѣны этимъ вещамъ видѣ не обозначено.

Павѣвинъ заявилъ, что общество приказчиковъ, соорудило на свои средства, въ 1890 году, икону святыхъ празднуемыхъ православною церковью 17 Октября, въ память чудеснаго избавленія отъ опасности Августѣйшаго Семейства на Курско-Харьково-Азовской ж. д. при крушеніи поѣзда въ 1888 году, которая и установлена уже въ приличномъ киотѣ, подъ аркою, то чтобы и икона эта освящена была въ одно время съ церковью.

По выслушаніи доклада комиссіи и городской управы, городская дума постановила: 1-е объ окончаніи храма увѣдомить градскаго благочиннаго и просить поспѣшить съ осмотромъ его и донести Преосвященному Епископу на предметъ разрѣшенія освятить оный. 2, старостою въ новоустроенный храмъ избрать по общему желанію В. В. Павѣвина, помощника начальника, М. Е. Андрусяченка. 3, просить Его Преосвященство для освященія храма, пожаловать въ г. Ромень между 19—25 ч. Сентября и о томъ извѣстить заранѣе городского голову. 4, въ виду того, что храмъ устроенъ въ память въ Божѣ почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА и того что въ сей храмъ сооружена обществомъ приказчиковъ икона въ память чудеснаго спасенія нынѣ благополучнаго Царствованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА и его Августѣйшей семьи, отъ угрожавшей опасности 17 Октября 1888 года, увѣдомить о предстоящемъ освященіи Полтавскаго Губернатора, на зависящее распоряженіе, и просить Его Превосходительство пожаловать въ Ромны для присутствія при освященіи. 5, пригласить на освященіе лавковладѣльцевъ гостинного двора, почетнаго гражданина г. Ромна предводителя дворянства Г. Н. Навроцкого и всѣхъ представителей существующихъ въ Ромнѣ учреждений, установлений, учебныхъ заведеній и чиновъ военнаго

вѣдомства, а также командира резервнаго Роменскаго баталіона и бывшаго исправника—Полтавскаго Полиціймейстера г. Иванова, затѣмъ приглашеніе мѣстныхъ гражданъ предоставить городскому головѣ. 6, на расходы по освященію открыть городской управѣ кредитъ до 1500 руб.*) и для хозяйственнаго распоряженія при освященіи, въ помощь членамъ управы, назначить гласныхъ: Ф. А. Мироновскаго, И. К. Бондаренка, Г. Т. Симонова, Н. Н. Кузнецова, Ф. Ф. Вишневскаго и И. А. Курилова. и 7, предложить всѣмъ торговцамъ въ день освященія храма закрыть всѣ торговля и промышленныя заведенія въ Ромнахъ.

VII.

Согласно просьбы городского головы, Преосвященный Иларіонъ Епископъ Полтавскій и Переясловскій прибылъ въ Ромень, въ Субботу 21 Сентября 1891 года въ 8 часовъ утра, для освященія новоустроенной церкви. Онъ пріѣхалъ съ ключаремъ Полтавскаго кафедральнаго собора священникомъ Петромъ Діаголовичемъ, съ Архимандритомъ крестовоздвиженскаго монастыря Виталиемъ съ протодіакономъ, двумя діаконами, пѣвчею и съ секретаремъ—княземъ Елецкимъ.

Послѣ официальной встрѣчи начальствующими лицами, на вокзалѣ, владыка отправился въ квартиру протоіерея Ельчукова, ключарь завезъ св. Антиминсъ и мощи въ Вознесенскую церковь и остался въ домѣ Андрусаченка, а прочая свита архіерейская и пѣвчие размѣщены были въ домахъ Панѣвина и Мироновскаго, Вечеромъ владыка присутствовалъ на всенощной въ церквѣ духовнаго училища, а въ Воскресенье 22 чис. служилъ въ соборѣ, въ сослуженіи четырехъ священниковъ, протодіакона, трехъ діаконовъ и двухъ поддіако-

---

*) Кромѣ этихъ 1500 р. было израсходовано тогда строителями 2000 р.

новъ; за обѣднею посвящаль одного сельскаго псаломщика въ стыхарь, а другаго—Гадячскаго рукоположилъ въ діакона. Вечеромъ въ Воскресенье служили всенощную въ новой церкви, а утромъ 23 Сентября въ Понедѣльникъ, было совершено освященіе этой церкви Архіереемъ, при участіи всего городского и прибывшаго съ нимъ духовенства. Освященіе началось въ 10 часовъ утра; затѣмъ литургія, молебень и литія по ГОСУДАРЬ АЛЕКСАНДРЪ II-мъ, такъ что служеніе окончилось въ 2 часа дня. Погода, въ этотъ день была самая великолѣпная—сухо и тепло какъ среди лѣта. Народу городского и сельскаго было безчисленное множество, не только въ церкви, а по всей площади. Въ церковь еще задолго до начала служенія, нельзя было пробраться за массою народа, и полиціи съ драгунами едва удалось удерживать порядокъ въ церкви и на погостѣ, чтобы не произошло давки.

Послѣ Богослуженія всѣмъ участвовавшимъ въ парадѣ солдатамъ и всѣмъ простолюдинамъ: город. и сельск. прибывшимъ во множествѣ на торжествѣ освященія было выставлено на площади угощеніе—пирогъ и водка. А всѣ гласные думы, начальствующіе въ городѣ гражданскіе и военные чины и представители учебнаго вѣдомства, были приглашены чашечками, въ домъ городского собранія, гдѣ была сервирована закуска и обѣдь на 120 персонъ. Все духовенство и самъ Преосвященный владыка, присутствовали на этомъ обѣдѣ. Много было провозглашено постовъ и много произнесено рѣчей, въ похвалу строителямъ церкви. Во время обѣда играла духовая музыка Драгунскаго полка и пѣлъ по переменно хоръ архіерейской пѣвчей. Обѣдь окончился въ половинѣ седьмого часа и Архіерей попрощавшись со всѣми и поблагодаривъ гражданъ, уѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ въ Лубны.

Предварительно сдѣлавъ распоряженіе на другой день Всему Градскому Духовенству отслужить въ новомъ храмѣ за упокойную литургію и панихиду, по ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЬ АЛЕКСАНДРЬ II-мъ, что и было совершено Соборно всѣмъ Градскимъ Духовенствомъ при участіи Архіерейскаго хора.

VIII

Не прошло и одного мѣсяца послѣ освященія новоустроеннаго храма, какъ староста и строители его, вознамѣрились вновь принести значительныя жертвы и сдѣлать его самостоятельнымъ приходомъ. Въ засѣданіи думы 25 Октября того-же года разсматривалось прошеніе многихъ гражданъ (болѣе 50 душъ) о неудобности такому храму, какъ историческому памятнику посвященному памяти ЦАРЯ освободителя, быть приписаннымъ къ Вознесенской церкви, что они желаютъ съ семействами быть прихожанами и берутся содѣйствовать дать отъ себя средства для содержанія причта, и позаботятся приобрѣтеніемъ или устройствомъ не обходимыхъ для жительства причта помѣщеній. То, о чемъ въ 1888 году нельзя было и думать по неимѣнію средствъ, — теперь становилось возможнымъ. По приглашенію Г. Панѣвина и Андрусяченка многие изъ живущихъ вокругъ гостиннаго двора и на Московской улицѣ, лучшіе и зажиточные прихожане Вознесенской и другихъ городскихъ церквей, изъявили желаніе быть прихожанами Александро-Невской церкви и сейчасъ-же записались, на первыхъ порахъ, въ новый приходъ 135 душъ мужеск. и 155 душъ женскаго пола. Староста съ своей стороны далъ обѣщаніе купить особый домъ для причта и построить школу.

По представленіи объ этомъ городской думою, на распоряженіе Преосвященному Епископу Полтавскому,

было получено отъ 15-го Ноября 1891 г. за № 11768, увѣдомленіе Полтавской Духовной консисторіи, что Его Преосвященство соглашаясь на просьбу прихожанъ и вполнѣ довѣряя обѣщанію г. Панѣвина, призналъ возможнымъ считать новоустроенный храмъ самостоятельнымъ приходомъ и представить объ этомъ Св. Синоду *).

Г. Панѣвинъ вскорѣ исполнилъ свое обѣщаніе и купилъ не одинъ домъ для помѣщенія причта, а цѣлый дворъ, по Куржевской улицѣ, съ тремя довольно цѣнными домами и другими надворными постройками, стоимостью до 15000 р., который подарилъ на вѣчныя времена въ собственность церкви, а на слѣдующій годъ устроилъ прекрасный каменный домъ, впереди церкви, для женской школы, стоимостью до 7000 р., которую просилъ назвать въ память чудеснаго спасенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА и Августейшей семьи при крушеніи поезда 17 Октября 1888 г. о чемъ свидѣтельствуется и надпись назданіи школы, въ которой теперь обучается грамотъ до 60 дѣвочекъ разнаго званія жителей.

Тогда же,—въ концѣ 1891 года, прихожане Александро-Невской церкви просили Преосвященного владыку назначить въ сей храмъ священника изъ соборной церкви. Одному изъ чинамъ священниковъ изъ ятельныхъ священниковъ о. Гавріила Красовскаго. Владыка уважилъ просьбу прихожанъ назначилъ желаемаго священника, опредѣлилъ также діакона и псаломщика, собрали хорошій хоръ пѣвчихъ и Александровская церковь сдѣлалась самостоятельнымъ и самымъ лучшимъ приходомъ въ городѣ.

---

*) См. дѣло въ архивѣ городской управы о постройкѣ Александровской церкви 1881 г.

Подаренный г. Панѣвиномъ дворъ для церкви и устроенная имъ школа, стоють значительныхъ расходовъ, но потомство оцѣнить лучше его жертвы.

Въ особенности церковная школа, дающая первоначальное воспитаніе въ духѣ православной вѣры и нравственности, множеству женъ и матерей разнаго сословія, будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ благодарности, благочестивому и щедрому труженику, принесшему такой безцѣнный даръ во славу Божию и на пользу ближнихъ.

IX.

Стараніемъ и неусыпною дѣятельностію священника церковного старосты г. Панѣвина и его помощника г. Андрусяченка, новый храмъ началъ скоро украшаться и обогащаться новыми иконами, дорогими лампадами, подсвѣчниками и разными вещами.

Въ 1894 году открыто при немъ приходское попечительство, предсѣдателемъ котораго избранъ потомственный почетный гражданинъ Л. С. Терновець; а въ члены по приглашенію священника, записались многіе торговцы: Московскіе и Харьковскіе, имѣющіе здѣсь постоянную торговлю и пріѣзжающіе на ярмарки и охотно принялись дѣлать пожертвованія для украшенія храма.

Не перечисляя подробно всѣхъ пожертвованій принесенныхъ прихожанами и членами попечительства, въ новый храмъ, нельзя умолчать объ одной большой иконѣ, украшающей теперь этотъ храмъ. Харьковскій купецъ Ив. Гер. Безчетвертновъ, еще за два года до окончанія Александровской церкви, вознамѣрился соорудить для иконостаса одной изъ церквей г. Харькова, точную копію съ чудотворнаго образа Иверской Божіей матери, находящагося въ Москвѣ у Иверскихъ воротъ, гдѣ онъ

и былъ списанъ, Московскимъ художникомъ, по разрѣшенію данному на это, г. Безчетвертнову, Московскимъ духовенствомъ. Но когда списанная въ Москвѣ икона не подошла по размѣру къ иконостасу Харьковской церкви, то Безчетвертновъ много скорбѣлъ объ этомъ и хотѣлъ было отправить ее обратно въ Москву для передѣлки, но ему было во снѣ видѣніе, чтобы онъ икону эту отправилъ въ Роменъ, въ новостроющуюся здѣсь Александровскую церковь; и Безчетвертновъ сей часъ же отправилъ ее въ Роменъ и поставилъ на время въ Вознесенской церкви, гдѣ она и находилась, до окончанія Александровской.

На канунъ освященія сей церкви, предъ всеюношю, она была перенесена съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ по распоряженію Преосвященнаго владыки, участвовало все духовенство находившіеся тогда въ городѣ, во главѣ съ архимандритомъ крестовоздвиженскаго монастыря—Виталиемъ, при многочисленном стеченіи народа, а на паперти Александровской церкви была встрѣчена владыкою и поставлена на приготовленномъ для нея мѣстѣ.

Съ тѣхъ поръ икона эта сдѣлалась предметомъ особеннаго почитанія между всѣми вѣрующими и многіе притекающіе съ теплою молитвою и твердымъ упованіемъ на милость и заступленіе Божіей Матери, получали облегченіе въ болѣзняхъ и помощь въ житейскихъ скорбяхъ. И при всѣхъ торжественныхъ крестныхъ ходахъ она обносится съ кіотомъ по городу, на устроенныхъ особо для сего носилкахъ.

Къ этой иконѣ пожертвовано уже пять серебряныхъ—золоченныхъ, очень цѣнныхъ лампадъ.

А затѣмъ гоца два назадъ составила подписка на сооруженіе ризы для нея и половину всѣхъ расходовъ (не упоминая о цифрѣ ихъ), принялъ на себя

Л. С. Терновець. По подпискѣ какъ говорятъ собрано только около 200 руб., но несмотря на это риза, по заказу г. Терновца сдѣлана въ Москвѣ очень массивная, ковкая изъ чистого серебра, вѣсомъ болѣе пуда, позолочена и украшена разными дорогими камнями, и цѣнится знатоками не менѣе 10000 руб.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, священникъ, староста и попечительство начали заботиться о приобрѣтеніи колоколовъ приличныхъ великолѣпію устроеннаго храма заказали въ Москвѣ большой колоколъ съ портретами на немъ двухъ ИМПЕРАТОРОВЪ АЛЕКСАНДРА II и АЛЕКСАНДРА III. съ надписью на немъ, что онъ сооруженъ прихожанами Александро-Невской церкви, въ память славнаго Царствованія Сихъ Двухъ Великихъ и Благодарительныхъ своему народу Монарховъ, въ лѣто отъ рождества христова 1895 г. и подобрали, для гармоническаго звука 11 меньшихъ разнаго вѣса отъ 20 фун. до 25 пуд. Всего затрачено на сей предметъ 7500 руб. изъ которыхъ 2000 руб. подарилъ г. Терновець.

А въ 1895 году, на счетъ попечительства устроена, лицомъ къ Полтавской улицѣ, не большая деревянная, но очень красивая колокольня съ часовнею подъ нею, въ которой по стѣнамъ съ трехъ сторонъ поставлены иконы: Иверской Божіей Матери, Св. Николая и Св. Александра Невского. Колокольня эта строилась по плану М. Е. Андрусаченка и подъ его личнымъ наблюдениемъ и обошлась со вѣмъ украшеніемъ въ 1500 руб.

Вскорѣ по устройствѣ школы, была открыта при церквѣ, бібліотека, которою пользуются учащіеся и многіе прихожане, стоящая до 1000 руб., подарена однимъ изъ попечителей М. А. Тихоновымъ, въ каковой бібліотекѣ находятся всѣ лучшія духовныя сочиненія лучшихъ писателей и со времени освященія церкви, со-

держится всегда, на счетъ старосты и прихожанъ, самый лучший хоръ пѣвчихъ.

Въ заключеніе, не распространяясь ни съ какими похвалами, слѣдуетъ сказать по всей справедливости, что въ настоящее время, новая Александро-Невская церковь, считается въ общемъ мнѣніи всѣхъ гражданъ, первую и лучшую въ нашемъ городѣ. Великолѣпная наружная и внутренняя обстановка, безъ измѣнно—современное, чинное Богослуженіе и пріятное пѣніе привлекаютъ сюда наибольшее число городского населенія, самого высшаго Роменскаго общества, и когда на все-нощной противъ Воскреснаго или праздничнаго дня, въ другихъ церквахъ едва можно насчитать десятка два—три, молящихся, въ Александровской церкви, въ тоже время, не смотря на обширность ея, бываетъ столько народа, что трудно найти свободное мѣсто.

ОТДѢЛЪ VI-й

ВЛАДИМИРСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

ОТДѢЛЪ VI-й

Кладбищенская церковь.

I.

Въ соборной церквѣ съ давнихъ лѣтъ, должно быть еще со времени устройства въ 1831 году кафедры, стояла всегда подъ оною, большая кружка съ надписью: „на сооруженіе кладбищенской церкви всѣхъ святыхъ, въ г. Ромнѣ“, собираемые въ эту кружку пожертвованія отсылались на приращеніе процентами въ Государственный банкъ.

Роменскій градскій благочинный-протоіерей Василій Горуновичъ, отношеніемъ отъ 5 Ноября 1865 года за № 118, въ Городскую Думу присланнымъ, увѣдомляя: что прихожане и причты всѣхъ церквей просили Преосвященнаго архіерея, дозволить имъ устроить каменную церковь при городскомъ кладбищѣ, на уступленномъ отъ города мѣстѣ, что планъ и фасадъ предполагаемой церкви, утверждены уже строительнымъ отдѣленіемъ Губернскаго Правленія, что на постройку ея имѣется въ запасѣ, въ билетахъ Государственнаго банка 4260 руб. денегъ; а остальные по проекту (примѣрно до 3000 р.), могутъ быть собраны отъ пожертвованій жителей города, и что на эту постройку послѣдовало уже разрѣшеніе Преосвященнаго, просилъ Думу учредить строительный комитетъ, изъ почетнѣйшихъ лицъ.

Городское общество, бывшее въ присутствіи Думы 11 Ноября 1865 года, избрало изъ среди себя: Предсѣдателемъ комитета по постройкѣ кладбищенской церкви

Штабсъ-капитана Василю Аксамитнаго и членами: купцовъ: Антона Склягу, Дмитрія Лихошерстого, Андрея Шумка, Трофима Симонова и Георгія Татарина. Приговоръ объ этомъ былъ посланъ Думою градскому благочинному и по утвержденіи Епархіальнымъ начальствомъ избранныхъ лицъ, они съ живѣйшимъ участіемъ принялись за усуществленіе всѣми желаемаго устройства храма, на мѣстѣ упокоенія ихъ предковъ; Прежде всего сами сдѣлали значительныя пожертвованія, потомъ обратились ко всѣмъ православнымъ жителямъ города и сейчасъ-же приступили къ заготовленію необходимыхъ при постройкѣ матеріаловъ.

II.

Хотя по проѣкту, какъ писалъ благочинный, предполагалось на постройку храма около семи тысячъ руб. изъ которыхъ 4260 р. были уже въ запасѣ, но комитетъ предвидѣлъ что постройка эта обойдется гораздо дороже чѣмъ исчислено по проѣкту; тѣмъ не менѣе, съ твердою вѣрою на помощь Божию и въ надеждѣ на пожертвованія гражданъ. Съ весны 1866 года приступилъ къ выполненію принятого на себя порученія.

Въ недѣлю всѣхъ святыхъ 22 Мая 1866 года, была торжественная закладка кладбищенской церкви Духовенство всѣхъ церквей, во главѣ съ благочиннымъ— настоятелемъ Собора, о. Василюемъ Горуновичемъ, освятило избранное мѣсто и приготовленные для фундамента рвы и при многочисленномъ собраніи почти всего православнаго населенія города, положены: духовенствомъ, начальствующими лицами и членами комитета, первые камни основанія, съ мѣдною доскою, подъ олтарною стѣною, о времени закладки церкви. Послѣ священнодѣйствія и закладки, было такъ сказать первое празднованіе престольнаго праздника въ ново-созидаемой

церквѣ. Члены комитета и многіе изъ зажиточныхъ гражданъ по вывозили сюда разныхъ закусокъ и составилось общее угощеніе и поминовеніе всѣхъ усопшихъ при чемъ не имущимъ, нищимъ и странникамъ, приготовленъ былъ богатый обѣдъ, и всѣ веселились почти до вечера, при чемъ были отъ многихъ участвовавшихъ въ торжествѣ, щедрыя пожертвованія на церковь.

III.

Строительный комитетъ имѣя въ виду, что на Роменскомъ кладбищѣ покоются многіе изъ торговавшихъ здѣсь, во время Ильинской ярмарки, иногороднихъ купцовъ, обратился письменно къ нѣкоторымъ бывшимъ въ живыхъ, родственникамъ ихъ, на уродно-лиимъ будетъ сдѣлать какое либо пожертвованіе на церковь для вѣчнаго поминовенія усопшихъ родныхъ ихъ. И когда вѣсть о постройкѣ кладбищенской церкви въ г. Ромнѣ, распространилась повсемѣстно, служившій въ то время при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, уроженецъ г. Ромна, тайный совѣтникъ докторъ правъ и философіи Николай Васильевичъ Варадиновъ, заявилъ желаніе пожертвовать на новостроющуюся церковь 3000 руб., съ тѣмъ что-бы прахъ его родителей—отца и матери, былъ перенесенъ въ церковь, о чемъ онъ самъ исходатайствовалъ разрѣшеніе высшаго начальства и прислалъ въ комитетъ заявленіе, что онъ вышлетъ сейчасъ 2000 руб. наличными деньгами, а 1000 р. выигрышными билетами, съ изложеніемъ въ этомъ заявленіи многихъ проектовъ на случай значительныхъ выигрышей. Такъ онъ предлагалъ устроить при церквѣ: школу, пріютъ для нищихъ, богадѣльню и проч., но проектъ его, остался почему то безъ утвержденія, и онъ прислалъ одновременно только двѣ тысячи наличными. Но все таки,

когда фундаментъ и цоколь церкви были выведены и ниши для усыпальницъ подь церковью были окончены, комитетъ не замедлилъ исполнить волю такого значительнаго и высокопоставленнаго жертвователя и въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1867 года перенесъ родителей Ник. Вас. въ усыпальницы подь строящуюся церковь.

Какъ самовидецъ этого рѣдкаго почти не бывшаго у насъ событія, я считаю обязанностію рассказать объ немъ подробно: отецъ Н. В. Варадинова—Василій Петровичъ окончилъ жизнь въ 1822 году самоубійствомъ*) и былъ погребенъ по тогдашнимъ законамъ „на распутьѣ“ т. е. за кладбищемъ на выгонѣ; но по разсказу старожилловъ, вдова его Анна Марковна, чрезъ нѣсколько времени послѣ этого горестнаго событія, исходатайствовала разрѣшеніе правительства перенести прахъ его на кладбище, и когда откопали его могилу, то вдругъ нашла сильная буря, громъ, молнія и полилъ проливной дождь съ градомъ. Бывшіе при этомъ священники и суевѣрные люди того времени, очень перепугались и приняли это явленіе за небесный гнѣвъ, бросили откопанную могилу и скорѣе удалились во свояси, такъ что дождь наполнилъ полную яму и покойникъ остался въ водѣ на долго, отчего онъ сохлѣлъ совершенно и когда въ 1867 году пришлось переносить его въ церковь, когда откопали его вторично, то остался только одинъ черепъ съ длинными черными волосами и бывшая въ головахъ икона, а на мѣстѣ трупа одна тонкая полоса желтаго праха. Приглашенный къ этому перенесенію протоіерей Василій Горуневичъ, съ Соборнымъ причтомъ отправилъ цѣлю по усольемъ рабъ Божіемъ Василіемъ, и бывшіе тутъ не многіе родственники покойнаго К. Т. Огонѣвецъ Г. С. Шилловъ и другіе, съ помощію рабо-

---

*) См. во II-й части сего описанія.

чихъ собрали лопаткою прахъ покойнаго съ уцѣлѣвшимъ черепомъ, въ новый гробъ и при пѣніи установленныхъ молитвъ, перенесли подъ церковь въ усыпальницу. Затѣмъ откопали также умершую за 15 лѣтъ предъ тѣмъ, жену его Анну Марковну, погребенную на кладбищѣ, которая къ общему удивленію, не смотря на свою полноту и дородность, оказалась совершенно не тлѣною, какъ будто только что погребенною, даже шлягя и платокъ на головѣ не подверглись ни какому измѣненію, хотя крышка гроба ея проломилась и на ней лежала земля. Вынули ее изъ разломавшася гроба, переложили въ новый, отправили литію и также перенесли подъ церковь и поставили въ усыпальницѣ рядомъ съ мужемъ, гдѣ они и теперь покоятся.

IV.

Еще при началѣ постройки, когда только вывели фундаментъ и начали устраивать ниши для усыпальницъ, комитетъ опредѣлилъ взимать на постройку церкви, за каждое мѣсто по 100 руб. Но первые положенныя здѣсь подъ церковью родители Варадинова, заплатили чрезъ сына гораздо больше этой платы, затѣмъ и другіе въ томъ числѣ и члены комитета начали вносить еще за живота плату за мѣста въ усыпальницахъ, гораздо въ большемъ количествѣ чѣмъ назначено было комитетомъ, чтобы усилить средства на окончаніе церкви. Но все таки, по малочисленности поступающихъ пожертвованій работы производились очень медленно. Въ 1870 году церковь едва была окончена вчсрнѣ, въ томъ же году предсѣдатель комитета Аксамитный, по случаю избранія его въ должность мирового судьи, уволился изъ комитета по постройкѣ церкви, на его мѣсто былъ избранъ обществомъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ потомственный почетный гражданинъ Леонтій Степановичъ Тер-

новець, но онъ отказался отъ этой должности и съ 1871 г. поступилъ председателемъ комитета, бывший потомъ староста Соборной церкви Иванъ Акимовичъ Вербець. Этотъ благочестивый и всегда душевно преданный къ дѣламъ церковнаго строительства дѣятель, принялъ съ усердіемъ возложенное на него порученіе и много потрудился, во свое время, какъ въ поновленіи и украшеніи Соборной церкви, такъ и въ скорѣйшемъ окончаніи кладбищенской. По ходатайству его и членовъ комитета, городское общество по приговору 16 Марта 1871 г. опредѣлило отдѣлить изъ процентовъ получаемыхъ на городской запасный капиталъ, на окончаніе кладбищенской церкви 1000 руб. изъ которыхъ 500 руб. выдать въ 1871 а 500 р. въ 1872 г., каковой приговоръ былъ представленъ думою на утвержденіе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго вскорѣ было получено разрѣшеніе выдать эту тысячу руб. въ распоряженіе членовъ комитета, не ожидая введенія въ Ромнѣ новаго городского положенія, если въ томъ встрѣчается неотложная потребность.*) Затѣмъ по его же просьбѣ одинъ богатый благотворитель—Мойсей Гуси-Фовичъ Литвиненко, изъявилъ желаніе соорудить на свой счетъ иконостасъ и по окончаніи церкви устроить около нея каменную ограду.***) Заручившись такимъ щедрымъ обѣщаніемъ г. Литвиненка, комитетъ всѣми силами принялся къ внутренней отдѣлкѣ церкви, но несмотря на всѣ его старанія, по скудости средствъ работы производились не такъ скоро. Изъ опредѣленныхъ по приговору общества 1000 руб. было выдано въ 1871 году только 500 р., а за остальные 500 р. губернское правленіе предписало предложить на обсужденіе новой го-

---

*) Дѣло въ архивѣ городской управы объ уступ. земли подъ кладбищен. церковь 1865 года.

**) Этотъ обѣтъ данъ былъ г. Литвиненкомъ во время тяжелой болѣзни, отъ которой онъ потомъ въ скоромъ времени выздоровѣлъ.

родской думы, и по разрѣшеніи безспорно сего вопроса они были выданы, въ распоряженіе комитета, въ 1872 г.

V.

Между тѣмъ, возставшій изъ болѣзненнаго одра, по молитвамъ св. церкви, Моисей Іосифовичъ Литвиненко, не замедлилъ исполнить свой обѣтъ и заказалъ настоящій иконостасъ еще въ 1871 году, а ко времени окончанія храма сдѣлалъ еще на свой счетъ горнее мѣсто въ олтарѣ и жертвенникъ. И такимъ общимъ и единодушнымъ усиліемъ къ веснѣ 1873 г., давно ожидаемое всѣмъ городомъ устройство кладбищенскаго храма, было вполнѣ закончено. А на четвертый день праздника пятидесятницы, въ Среду 30 Мая 1873 г., совершилось церковнос торжество освященія новоустроеннаго храма. Освященіе его, по порученію Архипастыря было совершено настоятелемъ Роменскаго Свято-Духовскаго Собора протоіереемъ Алексѣемъ Ельчуковымъ, при участіи всего городского духовенства и при многочисленномъ стеченіи молящихся со всего города. При чемъ о. Алексѣемъ въ концѣ литургіи было произнесено глубоко-назидательное слово о дѣйствиіи благодати Божіей въ послушаніи церкви и о томъ, какъ молитвы и жертвоприношенія имѣющихъ совершаться въ новосвященномъ храмѣ, для усопшихъ отецъ и братій нашихъ здѣсь лежащихъ *).

А послѣ литургіи, молебствія и обхожденія храма, была совершена общая панахида, объ усопшихъ благодѣтеляхъ храма и о всѣхъ здѣсь почивающихъ и все торжество сего достопамятнаго дня заключено братскою трапезою и обѣдомъ для нищихъ и странниковъ, предложенною комитетомъ и нѣкоторыми благотворителями изъ гражданъ.

*) Слово это, отпечатано въ № 15 неофициальной части Полтавскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей за 1873 годъ.

Съ того времени кладбищенская церковь состоитъ приписною къ Соборной и Богослуженіе въ ней совершается всегда по очереди Соборнымъ причтомъ.

VI.

Вскорѣ послѣ окончанія и освященія кладбищенской церкви, именно въ слѣдующемъ 1874 году, умерла единственная дочь Леонтія и Анны Терновцовыхъ—Елизавета, очень молодая женщина, бывшая не долгое время въ замужествѣ за провизоромъ А. Енкиномъ. Это по видимому обыкновенное и очень естественное событіе много посодѣйствовало благоустройству, украшенію и обогащенію кладбищенской церкви. Леонтіей Степановичъ вскорѣ принялъ на себя должность старосты этой церкви, въ каковой должности состоитъ по нынѣ, и сколько онъ принесъ пожертвованій въ пользу церкви, объ этомъ будетъ судить послѣдующее потомство. Всѣ иконы на иконостасѣ отдѣланы имъ въ серебрянныя ризы, много сдѣлано новыхъ кіотовъ, по сторонамъ иконостаса, съ большими иконами украшенными также серебрянными вызолоченными окладами, сколько приобретено имъ довольно цѣнныхъ Богослужебныхъ принадлежностей: книгъ, лампадъ, священныхъ облаченій, подсвѣчниковъ и прочаго. Это можно видѣть подробно изъ церковной описи. Первый благотворитель М. Г. Литвиненко, покоющійся, вмѣстѣ съ родителями своими, подъ сѣнію храма сего, по завѣщанію отписалъ какъ и на прочіе церкви двѣ тысячи руб. положенные въ банкъ на вѣчное время, на содержаніе церкви изъ процентовъ, были также многіе другіе благотворители, пожертвовавшіе въ пользу церкви капиталы и лавки въ гостинномъ дворѣ; такъ что теперь кладбищенская церковь, можно сказать довольно богатая и обезпечена въ средствахъ существованія, на долгое время.